

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ

ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ВЫСШЕГО
ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ГОРЛОВСКИЙ ИНСТИТУТ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ»

ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ

East Slavic Philology

Сборник научных трудов

Языкознание

Выпуск 2(28)

Горловка
2016

УДК 81+801+882+82

ББК Ш81.0+82.0

В76

Редакционная коллегия:

д. филол. н., проф. Кочетова С. А. (гл. редактор), д. филол. н., доц. Александрова И. В., д. филол. н., проф. Борисова Л. М., к. филол. н., доц. Бревнова С. В., д. филол. н., проф. Ворожбитова А. А., д. филол. н., проф. Герасименко И. А., д. филол. н., проф. Дербенёва Л. В., д. филол. н., проф. Дяговец И. И., д. филол. н., доц. Иванова Н. П., д. филол. н., проф. Калинин В. М., д. филол. н., проф. Кораблёв А. А., д. филол. н., доц. Курьянов С. О., д. филол. н., проф. Синельникова Л. Н., д. филол. н., проф. Теркулов В. И., д. филол. н., проф. Фёдоров В. В., к. филол. н., доц. Волосевич С. П., к. филол. н., доц. Жихарева Н. А., к. филол. н., доц. Фефелова В. В.

*Печатается по решению ученого совета
ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков».
Протокол № 12 от 29.06.2016 г.*

Учредитель: Образовательная организация высшего профессионального образования «Горловский институт иностранных языков» Министерства образования и науки Донецкой Народной Республики.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ДНР № 316 от 11.08.2015 г.

Основан в 2002 году.

Выходит 4 раза в год.

Включён в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ): лицензионный договор № 231-04/2016 от 19.04.2016 г.

Восточнославянская филология: сб. науч. тр. / ОО ВПО В76 «Горловский ин-т иностр. языков»; Редкол. : С.А. Кочетова и др. – Вып. 2(28). Языкознание. – Горловка : Изд-во ОО ВПО «ГИИЯ», 2016. – 364 с.

ISSN 1992-9196

Сборник посвящён исследованию актуальных проблем отечественной и зарубежной филологии.

Для научных работников, специалистов-филологов, докторантов, аспирантов, магистрантов, студентов-филологов, преподавателей языка и литературы образовательных организаций высшего и среднего профессионального образования, учителей филологических дисциплин в школе.

УДК 81+801+882+82

ББК Ш81.0+82.0

ISSN 1992-9196

© Издательство ОО ВПО «ГИИЯ», 2016

УДК 81:1; 81:39

ЯЗЫК И МЕНТАЛЬНОСТЬ: ИВАН-ДУРАК КАК ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ ГЕРОЙ

Россию во все времена обвиняли в непредсказуемости, приписывали русским странность и отсутствие логики в поступках – по большому счету и в иных словах объявляли инакомыслящими – дураками («Дурак – всякий инакомыслящий» – Г. Флобер), действующими во вред самим себе и окружающим. И чтобы понять, откуда идет это представление о «странности», «инаковости» русского человека и о нехватке у него ума, не плохо бы заглянуть «в корень» и посмотреть, что русские думают о самих себе в исторической ретроспективе: в фольклоре, точнее, в волшебной сказке, где присутствуют древнейшие архетипы и стереотипы национального сознания и самосознания.

Народная сказка в целом, а тем более волшебная, не только и не столько средство развлечения и воспитания – «добрым молодцам урок», но, может быть, прежде всего, зеркало, отражающее чаяния, мечты и желания своего создателя – простого, «черного» народа, всегда и везде обделенного судьбой. Создаваемая в сказке своего рода «социальная утопия» воплощается в виде «иного царства» [18, с. 386, 394] – той желанной страны, где исчезает зло и господствует добро. В то же самое время это «иное царство» с неизбежностью выполняет компенсаторную роль – оно уподобляется «царству Божию», в котором «будут последние первыми, и первые последними» (Мф. 20: 16) и где торжествует «высшая справедливость» (см.: [15, с. 9]): «по заслугам» распределяются не только права и обязанности, но и все жизненные блага, духовные и физические, включая силу, красоту и интеллект. Там слабый становится богатырем, нищий – богачом, урод – красавцем, неудачник – счастливчиком, а дурак – умным.

Скудоумие признается одним из наиболее существенных дефектов личности, в области пейоративной лексики на первом месте стоят недоумки, коммуникативно-социальный статус которых не поднимается выше плинтуса (см.: [15, с. 17; 9, с. 237–239]), и, видимо, поэтому глупость сказочного героя представляется исходной точкой его дальнейшего волшебного восхождения.

Stultorum infinitum est numerus (Есс. 1: 15) – «дуракам несть числа» сказано в «Вульгате» – латинском переводе Библии

св. Иеронима. Глупость – качество психо-физическое, дураков много всегда и везде, их доля во все времена и в любой нации приблизительно равна, «в Нижней Саксонии не меньше дураков, чем в Вологодской области» [13, с. 389], однако, наверное, лишь в России им придается статус главной беды («В России две беды – дураки и дороги» – фраза, приписываемая то ли Карамзину, то ли Николаю I) и «пожизненного креста». Достойного объяснения этот факт не находит: то ли в этом виноваты «антирационализм» [3, с. 37] и идущее из сказки общее недоверие русского народа к уму и умникам (см.: [18, с. 417]), то ли это результат самодержавного устройства власти, позаимствованного у татарских ханов и византийских императоров, при котором действует принцип «ты начальник – я дурак», когда быть дураком и выдавать себя за дурака становится выгодным.

Типология глупости и классификация дураков – выделение *species stultorum* – осуществляется на нескольких частично пересекающихся основаниях (см.: [9, с. 239; 2, с. 14; 10, с. 115; 1, с. 166]). Дураки распределяются по своим соответствующим «сферам бытования» – предметным областям, в которых они пребывают и действуют, и тогда появляются дураки медицинские (олигофрены – дебилы, имбецилы, идиоты), дураки бытовые, дураки фольклорные (культурные герои и антигерои), дураки церковные (юродивые), дураки литературные (князь Мышкин), дураки придворные (шуты) и пр. Дураки могут выделяться на основании отрицаемого признака интеллекта, и тогда появляются дураки-тупицы, дураки-недотепы, дураки-простофили, дураки-невежды, дураки-растяпы, дураки-путанники, дураки беспамятные, дураки ограниченные и пр.

Какой бы признак не лежал в основе классификации глупости и глупцов, он всегда градуирован и задается на шкале какой-либо нормы, отклонение от которой и дает основания для соответствующей квалификации её субъекта. И тогда появляются дураки интеллектуальные – люди непонятливые, несообразительные, неспособные к обучению; дураки патологические – слабоумные; дураки аморальные – «грешники»; дураки поведенческие, «идейные» [2, с. 14] – юродивые и, наконец, дураки социальные – нарушители норм межличностного общения, получившие наиболее подробное классификационное деление (см.: [20, с. 158]).

К дуракам социальным, поведенчески девиантным, относят также и чудаков, поведение которых отмечено странностью и отлично от общепринятых норм (см.: [10, с. 111]). Если критерий поведенческой нормы «обременить» еще и степенью вреда, который наносит социально девиантное поведение, то

выстроится своего рода «дурацкая триада»: чудак, поведение которого безвредно и лишь вызывает удивление и насмешку; собственно дурак, неадекватное поведение которого вредоносно лишь для него самого; и столь популярный в крепкой русской речи «чудак на букву “мэ”» (В. Шукшин), девиантные действия которого вредят не только ему самому, но и окружающим.

Наверное, нет ни одной национальной культуры, в фольклоре которой не присутствовал бы образ дурака – субъекта нелепых поступков и объекта насмешек: в немецкой сказке это «Дурень-Ганс» (Hans Dumm), в итальянской – «Пьетро-дурак» (Pietro razzo), во французской – «Жан-простак» (Jean l'idiot), в восточно-славянской (русской, украинской и белорусской) это, безусловно, Иван-дурак (Иванушка-дурачок) – «любимый герой народной сказки» [15, с. 170], зафиксированный в культурологических и лингвокультурологических словарях (см.: [11; 8]).

«Иван-дурак» в русской лингвокультуре – имя прецедентное, связанное с известными всем носителям этой лингвокультуры текстами – сказками, где-то с двумя десятками народных и одной авторской («Конек-горбунук» П. П. Ершова). Это имя представляет собой по сути гипостазированную прецедентно-образную составляющую концепта «глупость». В то же самое время оно открывает в качестве доминанты синонимический ряд имен собственных (см.: [5, с. 60–66]), наглядно конкретизирующих этот достаточно абстрактный концепт: **Иван-дурак**, Емеля-дурак, Фомка-дурак.

Слово «дурак» весьма многозначно: в лексикографии зафиксировано 4 его лексико-семантических варианта (глупый, юродивый, шут, карточная игра) (см.: [16, с. 512–513]), куда можно присоединить еще множество диалектных и региональных номинаций (см.: [7, с. 501–502; 6]).

В качестве прозвища – некалендарного имени – «дурак» известно с 15-го века (см.: [19, с. 275]), в русских многодетных семьях дураками называли обычно младших сыновей – самых неопытных и несмышленных (*Старший умный был детина, / Средний сын и так и сяк, / Младший вовсе был дурак* – «Конек-горбунук»). Фольклорный дурак в русских сказках выступает в нескольких ипостасях, основными из которых являются дурак-недотепа/простофиля, совершающий нелепые поступки и за это высмеиваемый и побиваемый, и дурак-(наивный)мудрец, движимый в своих поступках, противоречащих здравому смыслу и практицизму, добротой, честностью, бескорыстием, за что ему в конечном итоге воздается (см.: [18, с. 415; 8, с. 198–199]).

Дурак-недотепа из-за своей глупости совершает нелепые действия, противоречащие здравому смыслу, поступает невпопад,

по-дурацки, не так, как все люди, несообразно обстоятельствам, либо превратно понимает обращенную к нему речь. Услышав скрип березы, он воспринимает его как просьбу дать в долг быка, которого он вел на продажу, привязывает его к березе и уходит, а быка съедают волки («Дурак и береза»). Кормит клецками свою тень, вырывает глаза овцам, чтобы не разбежались, снимает с воза стол, чтобы тот шел сам, кормит ворон мясом, за которым его послали, надевает горшки на обгорелые пни, чтобы те не зябли, солит воду в реке, чтобы напоить лошадь, а когда та не пьет, убивает её, выпускает пиво из кадки, чтобы оно его не дразнило («Иванушка-дурачок»). Войдя в церковь и увидев попа, размахивающего кадилом, бьет его по голове («Женитьба дурья»). При молотье он кричит – «Молотить вам три дня и намолотить три зерна», при выносе покойника «Носить бы вам – не переносить, возить бы – не перевозить», а на свадьбе – «Канон да ладан» («Набитый дурак»). На наказ стеречь дверь, чтобы дети не убежали, он снимает дверь с петель и носит на себе по лесу вслед за детьми («Сказка про Иванушку-дурачка»).

Дурак-простофиля безоглядно верит абсолютно всему, что ему говорят, обмануть его может любой. Глупый волк кормит сначала собаку, чтобы она поправилась и стала вкуснее, получает в лоб от козла, разинув пошире по его совету пасть, по совету свиньи моет в реке поросят, чтобы их потом съесть («Волк-дурень»). Он по просьбе девушки, которую обманно выдали за него замуж, спускает её на холстине в окно и вместо неё поднимает козу («Разбойники»), верит отцу, что у него еще женилка не выросла, и в конечном итоге остается холостым («Дурень»).

Если в действиях дурака-недотепы/простофили злой умысел отсутствует и он наносит вред себе и близким непреднамеренно, то «неразумные» поступки дурака-(наивного) мудреца продиктованы «добрым умислом»: сочувствием и желанием помочь в беде – он искренне считает, что «кто зол, тот и глуп» («Сказка про Иванушку-дурачка»). В сказках дурак-(наивный)мудрец с социально-биологического низа (младший сын, некрасив, слаб, глуп, беден) поднимается к вершинам богатства, власти и физического совершенства благодаря своим добрым делам – и в этом его мудрость, представляющая собой «правильное понимание жизненных целей» [Рассел: 1996: 158], разновидность добродетели.

Дурак-(наивный)мудрец, прежде всего, отличается отсутствием практического ума, своекорыстного и обманного, житейского практицизма, «здорового смысла». Он бесхитростен, нерасчетлив и бескорыстен, практический ум и расчетливость («рассудочность»), очевидно, ему заменяет совесть, позволяющая отличать добро от зла.

В сказках «магическая мудрость» дурака противопоставляется «житейскому здравому смыслу» [18, с. 415], что дает повод говорить о скептическом отношении русского национального сознания к интеллекту вообще: «Назначение Дурака – и всем своим поведением, и обликом, и судьбой доказать (точнее говоря, не доказать, поскольку Дурак ничего не доказывает и опровергает все доказательства), а скорее наглядно представить), что от человеческого ума, учености, стараний, воли – ничего не зависит» [15, с. 19], а «дурак является любимым героем сказки именно потому, что в человеческий ум она не верит» [18, с. 417]. Однако, очевидно, дело здесь в ином: русское национальное сознание не верит в рассудочность, мелочный практицизм, оно убеждено в том, что тот, кто на первый взгляд кажется глупым и убогим, неприспособленным к жизни, в конечном итоге оказывается умным и успешным, и судьба дурака укрепляет в нем убежденность в том, что «хорошие люди должны жить хорошо». Дурак-(наивный)мудрец, подвижимый по жизни добротой и сочувствием, признается у нас «национальным положительным героем» [8, с. 199], что вызывает недоумение у носителей западной культуры и отчасти породило миф о загадочности русской души (см.: [17, с. 61]). Антиподом же доброго дурака выступают в сказке злые умники, живущие «по уму» – действующие расчетливо и подло, его кровные (старшие братья – «Сивка-Бурка», «Емеля-дурак») и сводные («умные зятья» – «Свинка золотая щетинка») родственники.

О причащенности сказочного дурака к «высшей мудрости» [15, с. 20], приходящей к нему со стороны, свидетельствует также его «жреческая» [11, с. 226] способность загадывать и отгадывать загадки («Царевна, разрешающая загадки», «Наказанная царевна»). И, видимо, неслучайна близость дурака-(наивного) мудреца литературному дураку – «идиоту» князю Мышкину Ф. М. Достоевского, столь же непрактичному, простодушному и бескорыстному.

Сказочный дурак выглядит «ироническим удачником» (Горький): благодаря «чудесным силам» ему удаются все его предприятия и всей своей судьбой он подтверждает смысл русской пословицы «Дуракам везет» (*Но давно уж речь ведётся, / Что лишь дурням клад даётся, / Ты ж хоть лоб себе разбей, / Так не выбьешь двух рублей* – «Конек-горбунок»).

В плане своей «морфологии» сказки о дураке-(наивном) мудреце относительно просты: здесь присутствуют функции испытания, получения волшебного средства, решения трудной задачи, получения нового облика, женитьбы и воцарения (см.: [12, с. 49–72]).

Особый интерес здесь, конечно, представляет испытание героя, который сначала добросовестно исполняет свой собственный сыновий долг – идет ночью на могилу отца и приносит ему хлеба («Сивка-Бурка») или сторожит опять же ночью пшеницу/горох от потравы («Конек-горбунок»), а затем, поддавшись на уговоры и посулы купить ему красные сапоги и красную шапку («Свинка золотая щетинка»), купить пряник и сплести лапти («Сивка-Бурка»), дать гороху и бобов, привезти «красну шапку с позвонком / Да сапожки с каблучком» («Конек-горбунок»), соглашается выполнить обязанности своих братьев или, вообще, заниматься хозяйственными делами («Емеля-дурак»), «По шучьему велению»). В ходе своего ночного дозора покойный отец («даритель») дает ему свое благословение и волшебного коня («Сивка-Бурка»), либо он ловит волшебное животное (журавля, кобылицу или щуку), которое он отпускает и за это получает волшебное средство/помощника. С помощью этого волшебного средства он выполняет все «трудные задачи», влюбляет в себя царскую дочь («Емеля-дурак»), преобразается – делается таким молодцом – «ни вздумать, ни взгадать, ни пером написать» («Сивка-Бурка»), женится на царской дочери и становится царем.

Черты хитреца у сказочного дурака проявляются относительно редко: он тайком пробирается на царскую кухню и солит кушанья, чтобы дать попробовать вкус соли людям, его не знавшим, и тем самым, продать им соль («Соль»); он обманом заманивает встречного барина вместо себя в мешок, который его братья затем бросают в прорубь («Иванушка-дурачок»); продемонстрировав за столом свои мужские достоинства и отбив у всех аппетит, он единолично съедает всю яичницу («Щучья голова»).

Глупость – это всего лишь одна из черт сказочного дурака, и поэтому, как представляется, стоит обратить внимание на характер этого персонажа в целом как совокупность устойчивых индивидуальных особенностей его личности, проявляющейся в действиях и поведении: в его отношении к другим людям, в отношении к делу, в отношении к самому себе и в отношении к собственности.

Наверное, прежде всего, характер сказочного дурака противоречив – в нем сочетаются взаимоисключающие психологические свойства: лень и трудолюбие, доброта и жестокость, хитрость и простота, нестяжательство и стремление к богатству...

Так, сказочный дурак почти всегда отмечен «безобидным» [15, с. 17] пороком – ленью («родной ленью, отвращением к труду» – [18, с. 393]): он не любит и не умеет работать,

предпочитает *ничего не делать* («Иван-дурак»), *дома все больше на печи сидеть* («Сивка-Бурка»), *на печке сидеть да мух ловить* («Иванушка-дурачок»), на все просьбы домашних помочь по хозяйству он неизменно отвечает *Я лениюсь!* («Емеля-дурак»). Кстати, в православном списке смертных грехов, в отличие от католического, тертуллианского, лени (*pigritia*) нет, её место занимает уныние. В то же самое время именно он безропотно идет в ночной дозор и на дежурство на могиле отца и за себя, и за своих братьев («Сивка-Бурка», «Конек-горбунок»), он же, хоть и за посулы, отправляется за водой на реку и за дровами в лес («Емеля-дурак»). Конечно, эти работы не столь квалифицированы, как пасти овец, пахать и сеять, чем занимались его старшие братья, но от этого не менее обременительны.

Сказочный дурак добр, однако доброта его носит достаточно избирательный характер: «душевное движение жалости» [18, с. 407] он проявляет исключительно к животным и то к тем, которые могут стать его волшебными помощниками (журавлю, шукке, кобылице), а со всеми прочими расправляется вполне безжалостно – он убил наповал лошадь, которая не захотела пить соленую воду («Иванушка-дурачок»), набил галок собакам на корм и содрал шкуру с предоставленной ему водовозной клячи («Свинка золотая щетинка»), заколол копьем змею («Царевна, разрешающая загадки»). Что касается людей, то здесь наблюдается еще больший дефицит доброты: едучи на саних по деревне, он «передал множество народу» («Емеля-дурак»), заставил старших братьев отрезать с правой руки по мизинцу, с ноги по пальцу и вырезал у них по ремню из спины («Свинка золотая щетинка»), зарубил топором дьячка, покусившегося на найденное золото («Дурак и береза»), утопил в куле братьев («Иванушка-дурачок»).

Сказочный дурак прост – он принимает за чистую монету все, что ему говорится, и легко соблазняется на щедрые посулы. В то же самое время ему хватает ума, чтобы обманом заманить и барина, и братьев в куль («Иванушка-дурачок»).

Он, казалось бы, бесребреник – выполняет просьбы пойманных волшебных животных безвозмездно, но в то же самое время почему-то богатство («хрустальный дворец», «полцарства» и пр.) выступает конечным результатом его подвигов.

В сказке «Соль», где Иван-дурак – купеческий сын, он предстает как пьяница и гуляка: ходит по кабакам и трактирам, и поэтому ничего отец не доверяет ему по торговле.

Если проследить за делами и речами сказочного дурака, то на основании уже косвенных признаков можно заключить, что ему свойственны и другие психологические черты.

Так, Иван-дурак по жизни максималист – ему нужно все и желательно сразу: если уж жениться, то на царской дочери, если уж властвовать, то над целым царством (или на худой конец половиной). Он достаточно властолюбив: сам стремится к власти и не желает подчиняться властям – волшебная дубинка по его приказу избивает пришедших за ним «царевых слуг» («Емеля-дурак»).

В нем в полной мере присутствует такое очень русское свойство, как любовь к халяве, – достаточно взглянуть на те волшебные средства, с помощью которых он осуществляет свои мечты о богатой и сытой жизни: скатерть-самобранка, рожок и пр.

Он не доверяет уму, о чем уже говорилось, но полностью доверяет судьбе, которая всегда его спасает от гибели и наделяет удачей. И, наконец, ему присуща «неразумная пассивность» [15, с. 18]: вера в чудеса, надежда на «авось» и расчет на то, что придет кто-то со стороны, все за него сделает, поднеся ему жизненные блага на блюдечке.

Если обратиться к образу русского народа (см.: [4, с. 27–30]), сформированному в трудах философов, этнопсихологов, социологов, лингвокультурологов и отраженному в эндо- и экзостереотипах русского национального характера – представлениях о нем самих русских и других народов, то сразу можно заметить поразительное совпадение большинства «дурацких» черт характера с чертами характера русского народа.

Здесь и противоречивость («антонимичность» – Н. А. Бердяев) и максимализм – доминантные и архетипные свойства русского национального характера, определяющие специфику последнего. Здесь и «инстинкт власти», и максимализм – «широта души», здесь и желание получать все и сразу, и «нравственный радикализм» (З. В. Сикевиц) – правдоискательство и стремление к высшей справедливости. Здесь и доверчивость, и мечтательность, и склонность верить в чудо, здесь и пассивность русского национального характера, и склонность русского человека к фатализму, и значимость для русской культуры понятия судьбы. И, наконец, здесь доброта, лень, пьянство, трудолюбие, доверчивость, простота, отзывчивость и сострадание.

Вот, очевидно, почему Иван-дурак для русской культуры – «народный любимец» (Евгений Трубецкой), «общерусский национальный герой» (Семен Франк), а «сознание себя Иваном-дураком, это самосознание народа» (Андрей Платонов).

Итак.

В фольклоре любой национальной культуры присутствует образ дурака – субъекта нелепых поступков и объекта насмешек,

в восточнославянской культуре это Иван-дурак (Иванушка-дурачок).

Фольклорный дурак в русских сказках выступает в нескольких ипостасях, основными из которых являются дурак-недотепа/простофиля, совершающий нелепые поступки, и дурак-(наивный) мудрец, движимый в своих «неразумных» поступках добротой, честностью и бескорыстием. Если в действиях дурака-недотепы/простофили злой умысел отсутствует и он наносит вред себе и близким непреднамеренно, то «неразумные» поступки дурака-(наивного)мудреца продиктованы сочувствием и желанием помочь в беде.

Характер сказочного дурака прежде всего противоречив – в нем сочетаются взаимоисключающие психологические свойства: лень и трудолюбие, доброта и жестокость, хитрость и простота, бессребреничество и стремление к богатству. Иван-дурак максималист – ему нужно все и желательно сразу; он достаточно властолюбив, он не доверяет уму и ему присуща вера в чудеса, надежда на «авось» и расчет на то, что придет кто-то со стороны, все за него сделает.

Если обратиться к образу русского народа, сформированному в трудах философов, этнопсихологов, социологов, лингвокультурологов и отраженному в стереотипах русского национального характера, то можно заметить поразительное совпадение большинства «дурацких» черт характера с чертами характера русского народа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бочарова Е. Н. Глупость / Е. Н. Бочарова // Антология концептов. – Т. 7. – Волгоград: Парадигма, 2009. – С. 164–175.
2. Бусурина Е. В. Лингвокультурема «дурак» в русской языковой картине мира: АКД / Е. В. Бусурина. – СПб., 2004. – 22 с.
3. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание / А. Вежбицкая. – М.: Рус. словари, 1997. – 416 с.
4. Воркачев С. Г. *Singularia tantum*: идеологема «народ» в русской лингвокультуре / С. Г. Воркачев. – Волгоград: Парадигма, 2013. – 254 с.
5. Воркачев С. Г. Интертекстуальность, прецедентность и лингвокультурный концепт / С. Г. Воркачев // Интертекстуальность и фигуры интертекста в дискурсах разных типов. – М.: Флинта-Наука, 2014. – С. 52–70.
6. Гамазкова И. Дураки бывают разные / И. Гамазкова // Наука и жизнь. – 2011. – № 12. – С. 91.
7. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. – Т. 1 / В. И. Даль – СПб.: Диамант, 1998.

8. Захаренко И. В. Иван-дурак / И. В. Захаренко // Русское культурное пространство: лингвокультурологический словарь. – Вып. 1. – М.: Гнозис, 2004. – С. 198–200.
9. Карасик В. И. Язык социального статуса / В. И. Карасик. – М.: Гнозис, 2002. – 333 с.
10. Карасик В. И., Ярмахова Е. А. Лингвокультурный типаж «английский чужак». / В. И. Карасик, Е. А. Ярмахова. – М.: Гнозис, 2006. – 240 с.
11. Мелетинский Е. М. Иван дурак, Иванушка Дурачок / Е. М. Мелетинский // Мифологический словарь. – М.: Сов. энциклопедия, 1991. – С. 225–226.
12. Пропп В. Я. Морфология сказки / В. Я. Пропп. – Л.: Academia, 1928. – 152 с.
13. Пьецух В. Низкий жанр / В. Пьецух. – М.: ЗебраЕ, 2006. – С. 749.
14. Рассел Б. Философский словарь разума, материи и морали / Б. Рассел. – К.: Port-Royal, 1996. – 368 с.
15. Синявский А. Д. Иван-дурак / А. Д. Синявский. – М.: Аграф, 2001. – 464 с.
16. Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. – Т. 4. – М-Л.: АН СССР, 1951–1965.
17. Тер-Минасова С. Г. Война и мир языков и культур. Вопросы теории и практики межкультурной и межкультурной коммуникации / С. Г. Тер-Минасова. – М.: Слово/SLOVO, 2008. – 344 с.
18. Трубецкой Е. Н. «Иное царство» и его искатели в русской народной сказке / Е. Н. Трубецкой // Избранное. – М.: Канон, 1995. – С. 386–430.
19. Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. / П. Я. Черных. – М.: Рус. язык, 1999.
20. Klapp O. The Fool as a Social Type / O. Klapp // American journal of Sociology. – 1949. – Vol. 55. – № 2. – P. 157–162.

АННОТАЦИЯ

Воркачев С.Г. Язык и ментальность: Иван-дурак как лингвокультурный герой

Исследуется образ фольклорного дурака в русских сказках. Устанавливаются основные ипостаси фольклорного дурака; описываются противоречия в его характере; образ сказочного дурака сопоставляется с образом русского народа, отраженным в стереотипах русского национального характера.

Ключевые слова: дурак, Иван-дурак, глупость, национальный характер.

SUMMARY

Vorkachev S.G. Language and mentality: Ivan-Durak as a cultural and linguistic hero

The image of the folklore Fool in Russian fairy tales is studied. The basic hypostases of the folklore Fool are established; contradictions in his character are described; his image is compared with the Russian people image which is reflected in Russian national character stereotypes.

Key words: fool, Ivan-Durak, stupidity, national character.

*И.А. Герасименко
(г. Ялта, Россия)*

УДК 81'367

КОГНИТИВНАЯ ПАРАМЕТРИЗАЦИЯ ДИСКУРСИВНЫХ ПРАКТИК (НА МАТЕРИАЛЕ СЕГМЕНТОВ ЭПИСТОЛЯРИЯ А. ЧЕХОВА)

*«Для каждого из нас вся жизнь – не что иное,
как лоскутное одеяло из мыслей, слов,
предметов, событий, действий
и взаимодействий в дискурсах»
Джеймс Пол Ги*

Дискурс, порождающий текст и функционирующий в контексте разнообразных речевых жанров, «по самой сути явление когнитивное, т.е. имеющее дело с передачей знаний, с оперированием знаниями особого рода и, главное, с созданием новых знаний» [6]. Ввиду этого, когнитивные параметры (наряду со структурными, прагматическими, социолингвистическими, коммуникативными, культурологическими, семиотическими и пр.) должны быть включены в матрицу осмысления текста и рассматриваться в числе важнейших критериев дискурса.

Показательно, что современная лингвистика представлена многочисленными работами, учитывающими когнитивную параметризацию дискурсивных практик (об этом свидетельствуют, например, предпринятые Е.А. Кротковым, Л.Н. Синельниковой, А.В. Полонским, О. Йокоямой и др. исследования в области научного, рекламного, PR-дискурса, дискурса псевдооткровения, интервью, детективного дискурса и под.). Однако современная наука еще не выработала четкой типологизации когнитивных параметров дискурса, в то время как их учёт позволит приблизиться к выявлению и описанию

языковых (речевых) механизмов конструирования ментального пространства дискурсивной личности и социума в целом. Цель статьи – репрезентовать на материале некоторых сегментов эпистолярия А. Чехова группы когнитивных параметров, которые должны лежать в основе дискурс-анализа.

Для моделирования матрицы когнитивных параметров необходимо учитывать типологию когниций и компоненты дискурс-анализа. Наукой обосновано существование двух типов когниций: (а) ментальных процессов «высшего порядка», вершиной которых выступает речь как самый значимый когнитивный процесс; (б) когниций сенсорно-перцептуального содержания. К первому типу когниций относится мышление, представление, творчество, разработка планов и стратегий, размышление, символизация, логический вывод, решение проблем, классифицирование, фантазирование, мечты, которые выступают, по справедливому замечанию В.З. Демьянкова, «уточнёнными знаниями человеческого духа» (см.: [4]). Ко второму (так называемому «земному») типу принадлежат процессы перцептуального, сенсорно-моторного, чувственно-наглядного опыта, происходящие в актах простого соприкосновения с миром.

В свою очередь, описанные Т.А. ван Дейком компоненты дискурс-анализа представлены текстуальными и контекстными (контекстуальными) составляющими. Текстуальный (языковой) анализ предполагает изучение структуры текста на всех уровнях языка, его графической оболочки, и включает исследование стилистических приемов и фигур речи. Контекстный (контекстуальный) анализ направлен на изучение времени, места, события и действия, сфер деятельности участников, их роли, социальных отношений и когнитивных характеристик. Деятельность субъектов, их социокультурная активность, убеждения и идеология позволяют соотнести продуцируемые дискурсом тексты с процессами их производства и потребления, а также описать процессы убеждения, передачи информации и способы их выражения. Как раз на фоне контекста значения языковых знаков могут определяться как «когнитивные структуры, включённые в модели знания и мнения, конкретные концептуализации» [2, с. 5]. Признание определяющей роли когнитивных контекстов дискурс-анализа объясняет необходимость привлечения неязыковых (энциклопедических) знаний.

Данная архитектура когниций и компонентов дискурс-анализа обуславливают учёт следующих когнитивных параметров: 1) когнитивно-семантического; 2) контекстного; 3) интенционального; 4) репрезентантного.

Первую (когнитивно-семантическую) группу представляет ментальный лексикон, а также когнитивная семантика языковых знаков, метафорические и метонимические когнитивные механизмы человеческого сознания.

Ментальный лексикон, сформированный «в результате переработки многогранного, в том числе речевого, опыта» [5, с. 65], выступает сложным динамическим конструктом с множеством ассоциативно-семантических связей лексикона и грамматикона. Следовательно, ментальный лексикон дискурсивной личности может выступать результатом языковой способности отражать знания и выполнять сложные функции, связанные как с языковыми единицами, так и стоящими за ними структурами представления экстралингвистического характера. Отображением таких знаний и представлений выступает, например, эпистолярное наследие А. Чехова. В частности, варианты подписи автора, которые представлены не только принятыми в русской лингвокультуре формами имени и / или фамилии (типа *А. Чехов*, *Ант. Чехов*, *Ваш Чехов*), но и именами-отсылками к известным литературным героям и их авторам. В число таких номинаций входят *Ваш Эгмонт*, где *Эгмонт* (нем. *Egmont*) – герой трагедии И.В. Гёте «Эгмонт»; *Твой Шиллер Шекспирович Гёте*; *Ваш Акакий Тарантулов*, выступающей отсылкой к известному литературному герою Н. В. Гоголя – Акакию Акакиевичу Башмачкину, и псевдониму *Тарантулов*, которым подписан драматический этюд А. Чехова «Вынужденное заявление...Скоропостижная конская смерть, или Великодушные русского народа» [10, с. 652].

В число когнитивно-семантических критериев дискурс-анализа входит когнитивная семантика языковых знаков как семантика в совокупности с био-когнитивными процессами – восприятием, категоризацией, концептуализацией, мышлением и т.д., открывающая большие возможности понимания. Фактически, значение необходимо понимать как ментальное образование, связанное со способами получения, хранения и обработки информации человеческим мозгом. Вспомним описанную Л.Н. Синельниковой роль местоимений в дискурсах неопределённости на примерах типа *Какой-то человек ему помог; одна девушка мне рассказала; я где-то читала, что...* – местоимений, которые не нуждаются в замене знаменательными частями речи, а являются «носителями другого вида знаний», выступая, например, установкой «на сокращение неактуальной информации» [8, с. 51].

Наконец, к важным когнитивно-семантическим критериям дискурс-анализа относятся метафорические и метонимические

когнитивные механизмы человеческого сознания. Ср. метафорическую модель концептуализации печали, отображённую в строках письма А. Чехова к К.С. Баранцеву: *Душа моя, зачем Вы позволяете серым туманам садиться на Вашу душу?* [11 (4), с. 16-17] как ответ относительно однообразной и замкнутой жизни адресата с его болезнями и скукой.

На наш взгляд, перечисленные когнитивно-семантические параметры дискурс-анализа отражают определяющую черту дискурса как «первоначально особого использования языка... для выражения особой ментальности» [9, с. 37].

Важно иметь в виду, что семантика языковых знаков соотносится с определёнными когнитивными контекстами. Поэтому в когнитивную параметризацию дискурса должен входить анализ его контекста. Когнитивный контекст (который Дж. Лакофф называет ментальными пространствами, а Жиль Фоконье – ментальными областями) включает знания, верования, представления, намерения в их отношении к коммуникантам, дискурсу, реальному и возможным мирам, к культурной ситуации, статусно-ролевым отношениям участников, способу коммуникации, стилю дискурса, регистру и предмету общения, – всем аспектам контекстуальности, в рамках которых происходит осмысление языковых единиц. Когнитивные контексты – это когнитивные структуры, которые «стоят за этими значениями и обеспечивают их понимание» [1, с. 25]. Например, подпись *А. Чехонте* становится понятной только в контексте общих представлений о творчестве А. Чехова, т.е. на фоне концепта ‘псевдоним’, под которым печатались его первые произведения и которым именовали А. Чехова его школьные друзья. Поэтому человек, не знакомый с творчеством и биографией А. Чехова, не будет иметь основы для понимания данной лексемы. Это же относится и к используемой в эпистолярной А. Чехова подписи *Homo Sachaliensis* (лат. *Сахалинский человек*). Данные примеры подтверждают тезис о том, что дискурс-анализ ориентирован на изучение связей «между текстом, дискурсом и контекстом» [12, с. 52].

Следующим – третьим – когнитивным параметром дискурс-анализа является его интенциональная составляющая. Авторская и экзистенциональная интенции связаны с постижением авторского замысла, его антропологией, онтологией, эстетикой, с постижением базовых экзистенциалов личности – мира объектов, состояний и событий, к которым отсылает автор. Так, в текстовое пространство эпистолярной А. Чехова «вплетены» перефразистика, языковая игра, интертекстуальность. Ср. завершающий сегмент письма А. Чехова: *Будьте благополучны и не забывайте побежденного Вами Царя Мидийского* [11 (12), с. 559]. В нём содержится логично вытекающая из адресованного

Л.С. Мизиновой письма отсылка к историческому факту завоевания ассирийцами древней Мидии.

Одновременно с авторскими и экзистенциональными интенциями дискурсивная личность испытывает на себе социальное и культурное влияние, вследствие чего аккумулирует на себе множество ценностно обусловленных коннотаций эпохи. Следствием этого являются используемые А. Чеховым в завершающем сегменте писем стереотипные выражения, вербализующие уверения в уважении, дружбе, любви. Ср. принятые в русском лингвокультурном обществе коллокации: *Душевно преданный А. Чехов* [10, с. 548], *Сердечно преданный А. Чехов* [10, с. 552], *Искренно уважающий Вас Чехов* [10, с. 575], *Ваши всей душой А. Чехов* [10, с. 564]. Вслед за Э. Хиршом, авторские интенции считаются «центром», организующим единую систему значения дискурса в парадигме его многочисленных интерпретаций.

И, наконец, четвертым когнитивным параметром дискурс-анализа выступает репрезентантная составляющая, включающая (а) структуры репрезентации знаний как упрощенные модели сознания и (б) модели ситуации, которые Т.А. ван Дейк позиционирует как основной тип репрезентации знаний. Структуры репрезентации знаний необходимо учитывать ввиду того, что, например, схематические представления – фреймы / скрипты как статические / динамические стереотипные структуры (описанные Ф. Бартлеттом еще в 1932 г. и заново открытые в 70-е гг. М.Минским, Р.Шенком и Р.Абельсоном) – это базис для интерпретации дискурса. Поэтому, например, в дискурс-анализе фрейм ‘Семья’ нужно будет рассматривать с учётом того, что такая когнитивная модель может быть по-разному организована в сознании не только дискурсивных личностей разных обществ и эпох, но и представителей одной и той же лингвокультуры. Этот вывод подтверждается данными анализа эпистолярия А. Чехова, характерной чертой которого является отсутствие подписи в текстах, адресованных родным – братьям Ал.П. Чехову [10, с. 23], М.П. Чехову [10, с. 6], сестре М.П. Чеховой [10, с. 138], дяде М.Е. Чехову [10, с. 88] и матери писателя Е.Я. Чеховой [10, с. 464]. Родственные связи, выступающие в качестве фокуса фрейма ‘Семья’, освобождают автора от использования подписи.

В основе (б) «моделей ситуации» (термин Т.А. ван Дейка) «лежат не абстрактные знания о стереотипных событиях и ситуациях (как в ментальных моделях, сценариях и фреймах), а личностные знания носителей языка, аккумулирующие их предшествовавший индивидуальный опыт, установки и намерения, чувства и эмоции» [3, с. 9]. Примерами могут служить

подписи А. Чехова, представленные в виде оборотов речи типа *Непременный член по драматическим делам присутствия. Ваш начальник Чехов* [10, с. 336]; *Вольнопрактикующий врач А. Чехов* [10, с. 69]; *Антоний и медицина Чеховы* [10, с. 114]; *Географ А. Чехов* [10, с. 512]; *Твой Цынцынатус* [11 (7), с. 541], прагматика которого понятна только из содержания письма и связана с именем римского политического деятеля Люция Квинция Цинцинната, который в перерывах между консульством и диктаторством занимался земледельческим трудом. А. Чехов пишет: *...как некий Цынцынатус, провожу все время в труде и кушаю хлеб свой в поте лица...* [11 (7), с. 102]. Эти и подобные подписи выступают моделями ситуаций и когнитивными свёрстками с высокой степенью семантической компрессии, индуцирующие значительные пакеты информации о А. Чехове как о дискурсивной личности.

Итак, дискурс-анализ, направленный на постижение дискурса как «ключевой категории бытия человека» [7, с. 48], является своеобразным мозаичным конгломератом. Но если учёный ставит перед собой задачу максимально полно описать определённый дискурс с позиций когниции, то перечисленные параметры целесообразно учитывать.

ЛИТЕРАТУРА

1. Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика: Курс лекций по английской филологии / Н.Н. Болдырев. – Тамбов: Изд-во Тамб. гос. ун-та, 2000. – 172 с.
2. Болдырев Н.Н. Принципы и методы когнитивных исследований языка / Н.Н. Болдырев. – Режим доступа: <http://boldyrev.ralk.info/dir/material/186.pdf>
3. Дейк ван Т.А. Язык. Познание. Коммуникация / Т.А. ван Дейк. – Б.: БГК им. И.А. Бодуэна де Куртенэ, 2000. – 308 с.
4. Демьянков В.З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода / В. З. Демьянков // Вопросы языкознания. – 1994. – № 4. – С. 17-33. – Режим доступа: http://www.infolex.ru/Cogni.html#_ftn2
5. Залевская А.А. Слово в лексиконе человека: Психолингвистическое исследование / А.А. Залевская. – Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1990. – 208 с.
6. Кубрякова Е.С. О понятиях дискурса и дискурсивного анализа в современной лингвистике. Обзор / Е.С. Кубрякова // Дискурс, речь, речевая деятельность. – М., 2000. – С. 7-25.
7. Полонский А. Медиа-дискурс-концепт: опыт проблемного осмысления / А. Полонский // Современный дискурс-анализ: Интерпретация медийных форм дискурса: [Электронный

- журнал]. – Вып. 6. – 2012. – С. 41-57. – Режим доступа: <http://www.discourseanalysis.org/ada6.pdf>
8. Синельникова Л.Н. Дискурс неопределённости в местоименном представлении / Л. Н. Синельникова // Современный дискурс-анализ: Интерпретация медийных форм дискурса: [электронный журнал]. – Вып. 3. – 2011. – С. 48-61. – Режим доступа: <http://www.discourseanalysis.org/ada3.pdf>
9. Степанов Ю.С. Альтернативный мир, Дискурс, Факт и принцип Причинности / Ю.С. Степанов // Язык и наука конца XX века. Сб. статей. – М.: РГГУ, 1995. – С. 35-73.
10. Чехов А.П. Собрание сочинений в 12 т. / А.П. Чехов. – М.: Худ. лит., 1963. – Т. 11. – 695 с.
11. Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Письма: В 12 т. / АН СССР. Ин-т мировой литературы им. А.М. Горького / А.П. Чехов. – М.: Наука, 1974-1986. – Т. 4. – 1976. – 656 с.; Т. 7. – 1979. – 816 с.; Т. 12. – 1981. – 586 с.
12. Филлипс Н. Что такое дискурс-анализ? / Н. Филлипс, С. Харди // Современный дискурс-анализ: Интерпретация медийных форм дискурса: [электронный журнал]. – Вып. 1. – Т. 1. – 2009. – С. 49-64. – Режим доступа: http://discourseanalysis.org/ada1_1.pdf
13. Gee J. P. Social linguistics and literacies: Ideology in discourse James Gee. – London: Falmer Press, 1990.

АННОТАЦИЯ

Герасименко И.А. Когнитивная параметризация дискурсивных практик (на материале сегментов эпистолярия А. Чехова)

Данная статья посвящена рассмотрению когнитивных критериев дискурс-анализа. В работе описаны когнитивно-семантические, контекстные, интенциональные и репрезентативные параметры дискурс-анализа. Цель статьи – проиллюстрировать когнитивную параметризацию дискурса на материале отдельных сегментов эпистолярия А. Чехова.

Ключевые слова: дискурс-анализ, когнитивный параметр, эпистолярный, текст, дискурс, контекст.

SUMMARY

Gerasimenko I.A. The Cognitive Parameterization of the Discursive Practice

The article deals with the study of the cognitive criteria of the discourse-analysis.

The cognitive-semantic, contextual, intentional and representative parameters of the discourse-analysis are described in the research.

The aim of the article is to illustrate the cognitive parameterization of the discourse on the material of the separate segments of A.Tchechov's epistolary.

Key words: discourse-analysis, cognitive parameter, epistolary, text, discourse, context.

*И.И. Дяговец
(г. Донецк)*

УДК 81.0

О ЯЗЫКЕ ПРОТОСЛАВЯНСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ ДОИСТОРИЧЕСКОЙ ЭПОХИ (ПАЛЕОГРАФИЧЕСКИЙ ОПЫТ)

Возникновение и становление любого этноса на индоевропейском (далее и.-е.) континенте, а также окончательная его сформированность не могла осуществиться без достаточных коммуникативных усилий всех участников этнических процессов сначала в «первобытном стаде», а затем и в племени, государстве.

Когда начинаешь осмысливать всё это, то сразу же всплывает несколько весьма интригующих вопросов, среди которых главенствует вопрос о том, когда и на каком этапе своего становления индоевропейцы заговорили впервые и, особенно, на каком языке они стали коммуницировать – кроманьонцы ли это? (80-40 тыс. до н.э.) и др.

Современные русские учёные-историки и лингвисты: Ю. Д. Петухов¹, Н. Р. Гусева², А. И. Абрашкин³, Т. В. Гамкрелидзе и В. В. Иванов⁴, А. Драгункин⁵, В. И. Дёмин⁶ и др. – научно доказали, что, начиная с эпохи кроманьонства, большинство в «первобытном стаде» человеко-обезьян стало рождаться со светлой кожей, светлыми глазами и такими же волосами, то есть русыми. Сами себя они называли «русами» («росами»), языком

¹ Петухов Ю. Д. Тайны древних русов: Страницы подлинной истории. – М., 2001.

² Гусева Н. Р. Русские сквозь тысячелетия. – М., 2002.

³ Абрашкин А. И. Предки русских в Древнем Мире. – М., 2000.

⁴ Гамкрелидзе Т. В., Иванов В. В. Индоевропейские языки и индоевропейцы: Реконструкция и историко-филологический анализ праязыка и протокультуры. – Тбилиси, 1984.

⁵ Драгункин А. и Образцов А. Вначале было слово. Оно было русским. – СПб., 2005.

⁶ Дёмин В. Н. Тайны русского народа. – М., 1992. Он же. Тайны Земли русской. – М., 2000.

общения у них был русский язык, как утверждает Ю.Д. Петухов в своих многочисленных работах, говоря, что на протяжении 40 тыс. до н.э., то есть с момента появления на индоевропейском континенте белого (светлого) человека – кроманьонца, всё это время была История одного супер-этноса русов [4, с. 11], то есть русского.

Вопрос о самом первом языке и.-е. этносов вставал перед наукой очень давно – ещё в XIX веке, но не был решён¹, однако и сегодня он остаётся весьма проблематичным. Пытался дать ответ на него и советский академик Н. Я. Марр в 30^е гг. прошлого столетия, предприняв попытку восстановить самые первые слова, которыми заговорило и.-е. человечество. Академик исходил из того, что реальная действительность имеет 4 стороны, следовательно, сначала было 4 слова, или первоэлемента: «сал», порождённое словом «сарматы» при чередовании сонорных [л/р]; «бер» – оно находится, по мнению Марра, в слове «Иберия»; «йон» – есть в словах «ионяне», «ионийцы»; и «рош» – из слова «этруск» (с чередованием [y/o]²).

Сегодня вообще-то трудно представить, что данную марровскую концепцию можно было бы воспринимать как серьёзную, вполне разумную теорию, как настоящий научный ноумен.

Из курса истории мы узнаём интересную информацию о Трое, о Троянской войне и о том, что, оказывается, этот полис был протославянским, что построен он в пеласгийскую (протославянскую) эпоху, что в период войны там правил славянский царь Эней, который после поражения бежал в Италию, в Этрурию к родственным племенам этрускам, говорившим тоже на протославянском языке. Здесь, в Иллирии, Эней и скончался. На могильной плите его оставлена запись. Ещё в 1846 году её расшифровал русский учёный польского происхождения Ф. Воланский. Представляю «кусочек» текста на Энейевой могиле:

¹ В XIX веке казалось, что проблема первичного языка на и.-е. континенте решена: им был признан санскрит, однако очень скоро стало понятно, что не на санскрите коммуницировали первые этносы в заключительную эпоху «первобытного стада» – был какой-то другой язык межэтнического общения. Благодаря многочисленным работам проф. Ю. Д. Петухова и других российских учёных, можно предположить (и предполагаем), что первичным языком этнического общения на и.-е. континенте был русский язык, функционировавший в самых различных диалектных формах.

² Сегодня марровская гипотеза представляется невероятной фантастической выдумкой, так что просто не верится, как тогда, в 30^е-40^е годы прошлого столетия, она смогла найти своих приверженцев.

РЕКСИВИС БОГВИС
ВИМ И ДИМ ЕСМЕНИ РОСИЕМС
ОПЕЦЕ ДОМ И ДЕЦЕС ЛЕПЕИЕН
ЕСМЕН
ЕКАТЕСИН ДАЛЕЧИМ
ДО ДОЛСИМ ПОЕЖЕЙЮ
ТОЦИВЕРО ВЕРО ЕМА
КАКОМ ЕНЕЙ ЦАРДИЕ
СИДЕИС С ЛАДОМ ЭЛИШОМ
ЛЕТОПСЕС ЗАБИЕС
ОМЕН ДОРОГИ ХОРОШИ

Чтобы прочитатъ данный текст, необходимо составить словарь его, чем и займёмся дальше. Итак, «рески» («рекски») = говорить тождественно, рѣк; «вис» = высь (поднебесная); «Богвис» = Бог Высший (главный); «Вим» = Вима (одно из имён бога Живы (Всемиловитового)); «Дим» = сын троянского царя Дардана; «есмени» = её ясный, светлый и святой; «мен» = мужчина, муж; «Роси» = Русь; «Есм» = есть, иметь (наличествовать); «опеци» = опека; «дом» = дом; «децис» = дети; «лепиен» = лепить, делать, создавать; «есмен» = ясный ум; «Екатесин» = Гекатесин = царство мёртвых, царство Гекаты; «дален» = далеко; «им» = их; «дол» = дол, земля; «сим» = сия, эта; «поезжейю» = поезжайте; «тоци-веро» = точная (верная); «веро ема» = веру имейте; «каком» = какую; «цардие» = царское деяние, или просто царь; «сидене» = сидя и т.д.

Имея такой словарь, попробуем перевести надгробную надпись: «Говори с небес, Всевышний Бог Виму и Диму – святым мужам России: опекайте дом и детей, возвращайте святых, держитесь подальше от духов и преисподней, странствуйте по миру сему, верную веру имейте, как царь рода Эней, сидя с любимым Элишом. Не забывайте летописей своих, ибо тогда кончается хороший путь».

Ф. Воланский, благодаря изобретённому им методу, расшифровал свыше 15 таких артефактов. Вот ещё один пример: «ПОТШЕМОСІА СЧІРІА ОПЕЦЕ ГРАДІЖІ ДОМ ТАЖДІА КОЛУНІА СДРУГІА ЗЕЛІА НЕХЕЙ ЯФТВГЯ РОЖЕ У НЕХЕЙ ЛЕЛЕЛІА У НЕ-ХЕЙЖІА СВЕТЛЕСІА». В переводе это так: «Постараемся искренней опекой построить дом, а также подворье супругам молодым. Пусть детей рожают и лелеют, и пусть жизнь будет светлой»¹ [4, 110, 118].

Даже не очень сведущему в языкознании человеку понятно, что в данном случае мы имеем дело с русским языком в его

¹ Примеры взяты из книги О. Ф. Мирошниченко «Славянские боги Олимпа: «Историко-филологический очерк». – Стр. 110, 118.

эмбриональной стадии эпохи пеласгийской (протославянской) цивилизации XIII-II тыс. до н.э.

Следовательно, в ту седую древность и.-е. человечества, когда оно, вырвавшись из жёстких тисков животного царства, вступило в мир, вернее, в заключенный этап, «первобытного стада», – уже тогда оно (и.-е. человечество) общалось (коммуницировало) на протославянском языке, который на протяжении тысячелетий перманентно эволюционировал к основам «великого, могучего, правдивого и свободного» [5, с. 45].

ЛИТЕРАТУРА

1. Воланский Ф. Памятники славянской письменности до Рождества Христова / Ф. Воланский. – М., 1853. – 160 с.
2. Гриневич Г. С. Дешифровка протославянской письменности / Г. С. Гриневич. – М., 2006. – 92 с.
3. Иванченко А. С. Путиами великого россиянина / А. С. Иванченко. – Спб., 2006. – 337 с.
4. Мирошниченко О. Ф. Славянские Боги Олимпа : Историко-филологический очерк / О. Ф. Мирошниченко. – М. : Епиграф, 2009. – 164 с.
5. Тургенев И. С. Русский язык / Собр. соч. Т.10 / И. С. Тургенев. – М. : Гос. изд. худ. лит., 1962.

АННОТАЦИЯ

Дяговец И.И. О языке протославянской письменности доисторической эпохи (палеографический опыт)

Статья посвящена проблемам языка протославянской письменности доисторической эпохи пеласгийских цивилизаций. Особое внимание уделено разработке теории, что первичным языком этнического общения на индоевропейском континенте был русский язык.

Ключевые слова: протославянская письменность, пеласгийская цивилизация.

SUMMARY

Dyagovets I.I. The language of the proto-Slavic writing of the pre-historic period (palaeographic experience)

The article deals with the language of the proto-Slavic writing of the pre-historic period of Pelasgean civilizations. Particular attention is paid to the theory according to which the Russian language was the protolanguage of ethnic communication.

Key words: the proto-Slavic writing, Pelasgean civilization.

В.М. Калинин
(г. Донецк)

УДК 801.614.66

НЕИСПРАВИМОЕ ЗВУКОЛЮБИЕ «КАМЕНОТЁСА», ИЛИ ЗВУКИ И СМЫСЛЫ ПОЭТИКИ ОНИМОВ У О. МАНДЕЛЬШТАМА

О звуколюбии автора «Камня» знает каждый, хоть однажды прикоснувшийся к тончайшей филиграні его стихов: / *Кружевом камень будь / И паутиной стань!* / [4, т. 1, ст. 29]¹. О роли собственных имён в “каменном узорочье”, в паутине смыслов и светотенях поэтики текстов О. Э. Мандельштама, об их звуковой материи, о жизни в пространстве стиха пойдёт речь впереди. Начать же лучше всего с поиска истоков неистовой глоссолалии, “обуявшей” некоторых авторов периода расцвета поэзии серебряного века. На этом фоне яснее будет и традиция уважительного отношения к звуковой плоти стиха, и причины возникновения формалистских экспериментов и рожденья “зауми”, и мандельштамовское, а значит, упорное противостояние крайностям.

С древнейших времен филологи и философы, как и авторы художественных произведений, большое внимание уделяли мелодической стороне словесного произведения. В античной науке существовало специальное направление, изучавшее соединения слов, анализировавшее музыкальность, мелодику, эвритмию и согласованность изображаемого с его именованіем. Звуки как раздражители и слух как чувство восприятия этих раздражителей обсуждались уже в «Кратиле» и «Теэтете» – диалогах Платона. В риторическом трактате «О соединении слов» Дионисий Галикарнасский трактовал традиции единства слова и музыкального сопровождения, размышлял о сочетании слов в связи с музыкальностью речи. А анализу “мелодии”, искусству поэтов “в выборе и сочетании букв и слогов” предпослал описание “букв и их качества”. Выделив гласные, простые и двойные полугласные и безгласные буквы, он так, например, характеризовал действие на слух полугласных: “**Л** ласкает слух: из всех полугласных она самая сладостная. **Р** раздражает слух:

¹ Здесь и далее все тексты О. Мандельштама за исключением специально оговорённых случаев цитируются по Собранию сочинений в четырёх томах (М., “Терра” – “Терра”, 1991). В ссылках указываются том и номер цитируемого текста. А в случаях непрямого цитирования для экономии пространства статьи в круглых скобках даётся только номер стихотворения по этому изданию.

из однородных ей букв она самая крепкая. Среднее действие на слух производят произносимые через нос М и N, похожие на звучание рога. Некрасива и неприятна S: слышимая в большом количестве, она раздражает ухо, ее свист кажется ближе бессмысленному реву, чем осмысленной речи”. Коснувшись качества слогов, античный ритор констатировал: “Так как буквы чрезвычайно разнообразны, отличаясь одна от другой не только долготой и краткостью, но и звуками <...>, то и составляемые или сплетаемые из букв слоги должны с неизбежностью сохранять одновременно как свойства каждой буквы в отдельности, так и получаемые вследствие слияния или соположения букв свойства общего их объединения. Отсюда возникают звуки мягкие и твердые, гладкие и шероховатые, усладительные для слуха и неприятные, резкие и расплывчатые и бесчисленные иные, вызывающие всякого рода другие естественные ощущения”. По мнению Дионисия, изящные поэты и прозаики строят свои произведения с учетом того, чтобы звучание речи возбуждало чувства, соответствующие ее содержанию. Этому их научила “великая наставница” природа, которая “создала нас способными к подражанию и к установлению слов, обозначающих предметы по сходству их с мыслями, сходству разумному и тем возбуждающему мысль”. “Это сходство и научило нас передавать мычание быков, ржание коней, блеяние козлов, шум и свист ветра, скрип канатов и все подобное, подражая звуку и виду, действию и страданию, движению и покою и пр.”. В тех случаях, когда поэт или прозаик вынужден использовать неблагозвучные слова, его задачей является такое сочетание красивых и некрасивых звуков, слогов и слов, которое в конечном итоге создает гармоническую и приятную для слуха речь: “<...> Если бы все части речи, которыми обозначаются предметы, могли бы быть красивы и благозвучны, то было бы безумием искать худшего. Но так как в большинстве случаев это невозможно, то надо стараться сплетением, смешением и сопоставлением скрыть природу худших слов” [2, с. 186-192].

Продолжение традиции пристального внимания к звучащей материи поэтической речи прослеживается на всём протяжении развития литературы и науки о ней. В работах, посвящённых роли звукосимволизма в поэтике собственных имён, я неоднократно затрагивал эти вопросы. Поэтому останавливаться на них подробно в данном случае нет необходимости. Достаточно только указать, что первое десятилетие XX века ознаменовалось тем усилением внимания к проблеме звуковой выразительности поэтической речи, которое привело к рождению “зауми”. Виктор Шкловский, представляя свои рассуждения о поэзии и заумном

языке, подвёл своеобразный итог исканиям поэтов, попыткам высказаться “без слов и в то же время в звуках”: “Эти стихи и вся теория заузного языка произвели большое впечатление, и даже были очередным литературным скандалом. Публика, которая считает себя обязанной следить за тем, чтобы искусство не потерпело какого-нибудь ущерба от руки художников, встретила эти стихи проклятиями, а критика, рассмотрев их с точки зрения науки и демократии, отвергла, скорбя о той дыре, о том Nihil, к которому пришла русская словесность. Говорили много и о шарлатанстве. Шум прошёл, лишние ушли, критики уже написали свои фельетоны, и теперь пора сделать попытку разобраться в этом явлении” [11, с. 14].

В общем, при некотором усилии можно легко обнаружить и проследить, начав, например, с «Кратила», единую линию филиации представлений о соответствии звучания имени его внутренней сущности. Однако нас интересует несколько иное: возникновение и развитие “поэтического” и “технического” (греч. ποιητικὴ τέχνη) отношения к звуковой форме имени, иными словами – фоники поэтонимов (греч. φωνικόζ – отрасль поэтики, изучающая звуковую организацию художественной речи) и окружающего их контекста в творческом наследии О. Мандельштама.

Современник Осипа Мандельштама отец Павел Флоренский в монографическом труде «Имена» писал: “Имя – новый высший род слова и никаким конечным числом слов и отдельных признаков не может быть развернуто сполна. <...> Но как имя воплощено в звуке, то и духовная сущность его постигается преимущественно вчувствованием в звуковую его плоть” [9, с. 456]. И сам труд, и позиция П. Флоренского по ряду вопросов ономотологии были своеобразной реакцией учёного на имяславие или ономотодоксию – религиозно-мистическое движение в православии, распространившееся в начале XX века¹. Однако в этом труде Флоренский обратил внимание на “звуковую плоть” собственных имён, функционирующих в художественной литературе. За этим интересом, кроме прочего, стояло желание учёного понять механизмы воздействия звуков речи на характер её восприятия и интерпретации. Этими же вопросами задавались теоретики и практики литературы.

Любое воспринимаемое визуально или на слух слово воздействует на сознание реципиента прежде всего материально, становясь источником раздражения слуховых анализаторов либо напрямую, либо опосредованно: графический

¹ Его главным положением было учение о присутствии Бога в божественных именах.

образ имени “озвучивается” во внутренней речи. В основе психофизиологического механизма эстетического реагирования на звучание имени, по-видимому, лежит сложный комплекс факторов различной природы. С точки зрения физиолога, изучающего поведение организма, системы или отдельного органа в условиях различных внешних и внутренних воздействий, можно (конечно, предельно упрощенно) говорить о реакции на возбуждение, вызванной звуковым или визуальным стимулом. Стандартные, привычные воздействия вызывают естественные (бессознательные) реакции. Возбуждение, выходящее за рамки нормального, фиксируется сознанием. Психофизиолог, исходя из анализа деятельности слуховых и зрительных рецепторов в предлагаемых обстоятельствах, очевидно, объяснит эстетическую реакцию на услышанное собственное имя специфическим функционированием нейронов в процессе высшей нервной деятельности. Психолог, заинтересованный качеством психического отражения индивидом объективной реальности, во-первых, скажет, что необычное или особым образом организованное сочетание звуков вызывает естественную слуховую реакцию, которая и становится источником, порождающим либо наслаждение, либо неудовольствие, во-вторых, отметит, что, хотя реакция на звучание имени носит заведомо субъективный характер, психометрия множества восприятий позволяет усреднить и объективировать индивидуальные впечатления. Эстетик, конечно же, согласится с этими объяснениями, но попытается найти свой не столько естественнонаучный, сколько гуманитарный ответ и укажет на другие факторы, определяющие эстетическое отношение к “голосу Имени”, при этом привлечет категории прекрасного, ценности и оценки, традиции и новаторства, узнавания и удивления, ритма и гармонии и т.д. Однако при любом из перечисленных подходов останутся не обозначенными филологические аспекты сознательного использования автором художественного произведения звуковой формы поэтонимов для целенаправленного воздействия на читательское восприятие.

Разумеется, было бы неоправданным преувеличением утверждать, что наличие “звукового символизма” у собственных имен является достоянием исключительно художественных текстов. Это не так уже потому, что и в повседневной языковой практике мы сталкиваемся с обостренным вниманием к тому, как звучит тот или иной оним. Благозвучие личного имени, иногда в сочетании с отчеством и фамилией, для родителей часто является решающим основанием при выборе имени, “подходящего” ребенку. Такие случаи не только хорошо известны каждому,

но и засвидетельствованы во множестве ономастических исследований. Тем не менее только в художественной литературе это явление сознательно “эксплуатируется” писателями во всей полноте и во всем разнообразии средств и приемов актуализации фонетической выразительности поэтонимов.

Каков же механизм влияния звуковой формы поэтонима на читателя, почему при восприятии художественного произведения возникает потребность “*вчувствования в звуковую плоть*” имени и стремление постигнуть его “*духовную сущность*”? Как в атмосфере “фонетического возбуждения” литературной среды ощущал себя О. Мандельштам и почему остался чужд излишствам адептов “зауми”?

В рецензии С. Городецкого на первое издание «Камня» со всей возможной определенностью творчество О. Мандельштама противопоставлено декадентским и футуристическим исканиям в области звуковой формы. По мнению автора рецензии, поэты всегда пользовались «“бессмысленной” стороной слова как средством художественного воздействия». “Декадентство <...> повело организованную атаку звука на слово, музыки на поэзию”, а в последнее время (речь идет о 10-х годах XX века) наблюдается “доведение до абсурда этих музыкальных принципов”. Поскольку пренебрежение смыслом в угоду форме не может продолжаться до бесконечности, в противовес футуристической зауми “в рядах русских молодых поэтов” зреет “очень серьезный отпор музыкальным увлечениям”. Слово восстанавливает свои права на смысл. «Адвокатом этих прав слова является О. Мандельштам, недавно дебютировавший книгой стихов под простым и многозначительным названием: “Камень»» [6, с. 214-215]. Был ли прав С. Городецкий, опасавшийся того, что поэзия как словесное искусство “наводняется музыкой”, и увидевший в дебюте О. Мандельштама прежде всего противостояние декадентскому любованию звуковой формой? Кажется, нет. То, что удалось сделать юному апологету акмеизма, тем и интересно, что “неисправимый звуколюб” возвратил фонетику во внутреннюю форму поэтического текста. В его поэзии начала жить не выставляющая себя напоказ звучность. И это особенно очевидно именно в «Камне», первом сборнике поэта.

Началом освоения звуковой материи стиха стало вслушивание в тишину: / *Звук осторожный и глухой / Плода, сорвавшегося с древа, / Срединемолчного напева / Глубокой тишины лесной.* (1908). Оксюморонный образ *напева глубокой тишины* продолжило поэтическое препарирование её *целомудренных чар*: / *Я слушаю моих пенатов / Всегда восторженную тишь.* / (1909) [4, т. 1, ст. 1, 7]. После было “моление” о молчании: / *Да обретут мои уста /*

Первоначальную немоту, / Как кристаллическую ноту, / Что от рождения чиста! // Останься пеной, Афродита, / И слово в музыку вернись, / И сердце сердца устыдись, / С первоосновой жизни слито / [4, т. 1, ст. 14]. Здесь, в «Silentium’е», в призыве к безмолвию¹ впервые использованы собственные имена – заглавие и мифопоэтоним *Афродита*. В. Шкловский в уже цитированной статье писал: «Слова, обозначающего внутреннюю звукопись, нет, и когда хочется сказать о ней, то подвергается слово музыка, как обозначение каких-то звуков, которые не слова; в данном случае еще не слова, так как они, в конце концов, выливаются словообразно. Из современных поэтов об этом писал О. Мандельштам: ‘Останься пеной, Афродита, И слово в музыку вернись’» [11, с. 22]. Комментаторы академического издания «Камня» отметили, что заглавие стихотворения «вводит тему одноименного стихотворения Тютчева, решенную в другом ключе; Гумилев <...> назвал это стихотворение “смелым договариванием верленовского «L’art poetique”». Silentium (лат.) – молчание, безмолвие; в стихотворении – в значении “немота” <...> отсюда женский род местоимений в ст. 1, 2.» [6, с. 290]. Однако прочность, с которой “впаяно” имя греческого символа красоты *Афродиты* в звуковую ткань стихотворения, внимания комментаторов не привлекла. Не исключено, что и сам Мандельштам всего лишь интуитивно и неосознанно выстроил стихотворение именно так. Обратить же внимание на это стоит. Любопытны здесь, например, следующие факты: 1) заголовок и мифопоэтоним имеют всего один совпадающий звук “и”; 2) 8 звукобукв имени *Афродита* повторены настолько часто, что составляют 37 % всех звуков стихотворения. Что же касается смысловой стороны образа остающейся пеной богини красоты, то в нём видится открытое стремление истинного акмеиста проникнуть в святая святых – *первооснову жизни* в момент возвращения слова в музыку.

Но фонетика не могла навсегда раствориться в тишине, а звучание слова утонуть в первобытной немоте. Поэтому / *Слух чуткий парус напрягает / Расширенный пустеет взор / И тишину переплывает / Полночных птиц незвучный хор* / [4, т. 1, ст. 15]. Появляются робко нарушающие тишину шуршания и шелесты. Морская гостья *прошелестела* мимо берегов и лодка *шуршит волнами, как листьями* (16), *короткие осенние минуты* встречают лирического героя *приветственным шелестом* осени (17). Но “взорвав” тишину, звук ворвался в поэзию О. Мандельштама в стихотворении «Воздух пасмурный влажен и гулок»: / *Выстрел грянул. Над озером сонным / Крылья уток теперь тяжелы* / [4,

¹ Без-молвие – не ошибка (Авт.).

т. 1, ст. 22]. И вот уже тревожные, в том числе, риторические вопросы, и всё больше онимных средств в поэтике текстов: / *Отчего так мало музыки / И такая тишина?* / [4, т. 1, ст. 24] и / *Отчего душа так певуча / И так мало милых имён, / И мгновенный ритм – только случай, / Неожиданный Аквилон?* / [4, т. 1, ст. 24]. Этот ряд можно продолжать и по каждому из звуковых образов тишины и её робкого преодоления что-то сказать, но только не в статье, объём которой, как известно, ограничен. Поэтому дальше эскизно и несистемно попытаюсь обозначить лишь некоторые моменты затрагиваемой проблемы.

Пожалуй, самый яркий пример необычайной чуткости О. Э. Мандельштама к фонетике вообще и к звуковой материи поэтических текстов – «Разговор о Данте». Однако представленная музыкально одаренным и музыкально образованным поэтом метафорическая синестезия содружественного воздействия звуковых и грамматических форм в итальянском тексте «Божественной комедии» – вообще отдельная, требующая специального исследования тема. Поэтому обратимся к иным рефлексиям. Заслуживают внимания несколько высказываний Мандельштама, свидетельствующие о постоянном внимании его к слову звучащему и звучанием воздействующему. Этих примеров множество, особенно в автобиографической по преимуществу и по сути прозе. Выбранное здесь сравнительно случайно.

В книге прозы «Шум времени», вспоминая о В. В. Гиппиусе – своем учителе словесности, О. Мандельштам отметил: «<...> Вся сила его личности заключалась в энергии и артикуляции его речи. У него было бессознательное влечение к шипящим и свистящим звукам “т” в окончаниях слов. Выражаясь по-ученому, пристрастие к дентальным и небным. С легкой руки В. В. и поныне я мыслю ранний символизм как густые заросли этих “щ”. “Надо мной орлы, орлы говорящие”» [4, т. 2, с. 105]. С равным вниманием вслушивался поэт в звуки родной и чужой речи. Свободно владея немецким и французским языками, он изучал итальянский и испанский, а приехав в Армению, тут же занялся армянским. И первые ощущения – звуковые. В «Путешествии в Армению» («Аштарак») – вот подлинно поэзия прозы – он писал: «Армянский язык – неизнашиваемый – каменные сапоги. Ну, конечно, толстостепенное слово, прослойка воздуха и полугласных.<...> Я испытал радость произносить звуки, запрещенные для русских уст, тайные, отверженные и, может, даже – на какой-то глубине постыдные» [4, т. 2, с. 170]. И в стихах об Армении образы армянской речи также навеяны её фонетикой: «Колочая речь араратской долины» (216); «Дикая кошка – армянская речь» (218). В «Египетской марке» об умершей в России итальянской

певице Анджелине Бозио он писал: «Защекочут ей маленькие уши: “Крещатик”, “щастие” и “щавель”. Будет ей рот раздирать до ушей небывалый, невозможный звук “ы”». [4, т. 2, с. 8]. А в заметках о поэзии с профессиональным пафосом рассуждал о фонетике русской поэтической речи: “Поэтическую речь живит блуждающий, многосмысленный корень. Множитель корня – согласный звук – показатель его живучести. Слово размножается не гласными, а согласными. Согласные – семя и залог потомства языка. <...> Русский стих насыщен согласными и цокает, и щелкает, и свистит ими” [4, т. 2, с. 261]. Наконец, в раздумьях о судьбе русского языка в мировой культуре и «О природе слова» Мандельштам констатировал: “Русский язык – язык эллинистический. <...> Живые силы эллинской культуры <...> устремились в лоно русской речи, сообщив ей самоуверенную тайну эллинистического мировоззрения, тайну свободного воплощения, и *поэтому русский язык стал именно звучащей и говорящей плотью* (выделено О. Э. Мандельштамом)” [4, т. 2, с. 245].

Обращение к шуточным стихам вовсе не обозначает, что это направление в поэзии Осипа Мандельштама широко представлено. В строе лирики, на поэтику которой отчетливый отпечаток накладывают трагические жизненные коллизии, обычно бывает мало шутивно-жизнерадостных тонов. Просто ничто человеческое не было чуждо писателю, а звукопись – это мощное оружие поэтического арсенала – при использовании онимов в шуточных стихах Мандельштама так же выразительна, как и во всем его (включая прозу) творчестве. Вообще же звуковая форма поэтонимов “работает” в его произведениях интересно и разнообразно, на что не могли не обратить внимания исследователи творчества поэта. Однако разбросанные по различным публикациям тонкие и точные наблюдения, равно как и отдельные замечания, посвященные поэтике онимов в творчестве О. Мандельштама, без собирательской и обобщающей работы ономастов, к сожалению, обречены на участь маргиналий.

В продолжение темы шуточного использования Мандельштамом собственных имен в стихотворениях приведем пример игры с отчеством в одной из “дразнилок”: / *Жил Александр Герцович, / Еврейский музыкант <...> / Что, Александр Герцович, / На улице темно? / Брось, Александр Сердцович, – / Чего там? Все равно! <...> / Все, Александр Герцович, / Заверчено давно. / Брось, Александр Скерцович. / Чего там? Все равно!* / [4, т. 1, ст. 228]. Из фрагментов воспоминаний и комментариев к стихам Н. Я. Мандельштам реконструируется следующая история: “Стихи эти О. М. писал, живя <...> у своего брата Шуры”; “Александр

Эмильевич с женой уехал на юг. Мы остались вдвоем на Старосадском. Мешал работать уже один Александр Герцович¹ – сосед по комнате <...>” [5, с. 198, 205], изрядно надоедал поэту многократным повторением одного и того же музыкального произведения / *И всласть, с утра до вечера, / Заученную вхруст, / Одну сонату вечную / Играл он наизусть* / [4, т. 1, ст. 228], что и вызвало появление “дразнилки”². Отметим, кстати, что играл Александр Герцович Шуберта (*Он Шуберта наверчивал*), имя которого, [возможно, в связи с фонетической близостью б-в (ср. со смешением этих звуков испанцами), ведущей к сближению слога -берт в фамилии композитора с корнем верт-] у Мандельштама, как кажется, устойчиво связывалось с шарманкой. В стихотворении «На мертвых ресницах Исаакий замерз...» есть *шарманистика смерть* и *Шуберта в шубе застыл талисман* [4, т. 1, ст. 315] В «Четвертой прозе» есть фраза: *Ходит немец шарманистик с шубертовским лееркастеном*³ – такой неудачник, такой шаромыжник... [4, т. 2, с. 192], – еще раз подтверждающая это предположение.

Игры, основанные на образовании авторских неологизмов из имен, отчеств и фамилий, наверняка были хорошо известны Мандельштаму. Здесь достаточно сослаться на пушкинские опыты, уже тогда не бывшие открытием для поэтики. “Правила” игры отчеством у Мандельштама предельно просты. *Герцович*, связанное с немецким *Herz* – ‘сердце’ (возможно, для поэта это была еще и другая связь, обусловленная определением в сочетании *еврейский музыкант*), соотносится с новообразованием *Сердцович*, которое, в свою очередь, через ассоциации с “музыкой-голубою”, порождает рифмующееся с двумя первыми отчество-неологизм *Скерцович* [от *скерцо* (ит. scherzo – шутка) – небольшой фрагмент сонатно-симфонического цикла в оживленном, стремительном темпе]. *Герцович*, *Сердцович* и *Скерцович* – не только паронимические сближения, шутливые поэтические этимологии, но и рифмы, звуковая материя которых вовсе не безразлична форме и содержанию стихов.

Однако ни “лилейности”, ни прямолинейности в отношении к звуковой материи онимов у Мандельштама не было. В первой строфе стихотворения «Довольно кукситься! Бумаги в стол засунем!..» единственный раз, при использовании собственного имени, нарушена рифма: / *Я нынче славным бесом обуюн, / Как будто в корень голову шампунем / Мне вымыл парикмахер*

¹ Александр Герцович – сосед А. Э. Мандельштама.

² Так назвала небольшую группу стихов, написанных в Москве, Н.Я. Мандельштам.

³ Лееркастен – букв. ‘пустой ящик’, шарманка (?).

Франсуа / [4, т. 1, ст. 247]. Н. И. Семенко снабдила текст этого стихотворения следующим примечанием: «Интересно воспоминание С. Липкина – он в разговоре с О. М. предложил “точную” рифму *Антуан* и был пристыжен поэтом» [3, с. 105]. Факт примечательный, и свидетельствует он отнюдь не о пренебрежении звуковой формой имени, а, скорее, о нежелании пользоваться “лобовыми” ходами. “Он обладал поразительной чуткостью к слову, написанному и звучащему <...>. Слово <...> выступало как создание культуры <...>, и было даже объектом своеобразного художественного переживания”, – отметила А. Б. Ботникова [1, с. 330]. И эта мысль в полной мере приложима к слову особому, каковым является поэтоним. Позиция “конец стиха, но не рифма” в произведении рифмованном оказывается акцентированной, а оним воспринимается не поэтическим вымыслом, а жизненной реальией с выраженным национальным признаком. Недаром ведь и предлагавшаяся С. Липкиным замена обладает тем же свойством – “французкостью”. Так что отказаться от точной рифмы еще не значит пренебречь фонетической выразительностью.

Конечно, чаще всего Мандельштам в своих поэтических произведениях для усиления звуковой образности онимов пользовался проверенными и надежными средствами: аллитерациями и ассонансами, рифмами обычными и внутренними. В обращении к месту вынужденного поселения (в апреле 1935 г.) на пространстве одного-единственного четверостишия трижды употреблено имя города. И погружено оно в “звуковую плотность”, пронизанную силовыми линиями разнообразных фонетических повторов, придающих напряженность и экспрессивность паронимической аттракции в завершающем стихе. / *Пусти меня, отдай меня, Воронеж: / Уронишь ты меня иль проворонишь, / Ты выронишь меня или вернешь / Воронеж – блажь, Воронеж – ворон, нож...* / [4, т. 1, ст. 301]. Стихи эти хочется читать негромко, может быть, шепотом, но слышимым далеко и ясным всем.

В истории литературы, особенно в поэзии XX века, бывало, что слова – именные и глагольные – терялись в ассонансах, шумах и звонах аллитераций. Этого практически не случалось с собственными именами. По ним настраивалась и под них выстраивалась звукопись поэтического текста. Оним всегда был ключевым словом духовной сущности и камертоном звуковой плоти стиха. Вспомним два поэтонима стихотворения «Мы напряженного молчанья не выносим...»: / *О доме Эшеров Эдгара пела арфа. / Безумный воду тил, очнулся и умолк. / Я был на улице. Свистел осенний шелк... / И горло греет шелк щекочущего шарфа ...* / [4, т. 1, ст. 40], в котором насыщенность “шипящими” аллитерациями

приобретает характер наваждения, а “прелестные двойчатки” *ш-р, з-р* “звуков стакнутых” выстраивают аллитерирующий ряд. В них запутываются смыслы *щекочущего шарфа* и *осеннего шелка*, а *Дом Эшеров* и *Эдгара арфа* остаются хозяевами фоносимволической паутины. Но так, по Мандельштаму, и должно быть. Недаром ведь / *Значенье – суета, и слово – только шум, / Когда фонетика – служанка серафима.* / [4, т. 1, ст. 40]. Надо уточнить: “частью” стиля Мандельштама и неотъемлемым компонентом поэтики онимов были историко-культурные аллюзии и ассоциации, в том числе, связанные с творчеством Э. По, на рассказ которого «The Fall of the house of Usher» («Падение дома Эшеров») намекают процитированные строки. В целом эти два стиха, отнесенные к поэтике Э. По, находят, по мнению комментаторов цитируемого текста, объяснение в прозаическом высказывании об “иностранной <...> серафической фонетике” Бальмонта, много переводившего Э. По. Там же отмечена склонность Бальмонта к “экзотическому восприятию согласных звуков”. Эти же стихи трактуются как “поэтический перифраз” критики Мандельштамом поэтики символистов, направленной, по его мысли, на использование в поэтическом слове “музыкальности” и пренебрегающей “смыслом”. В «Утре акмеизма» Мандельштам сформулировал эту мысль так: “Для акмеистов сознательный смысл слова, Логос, такая же прекрасная форма, как музыка у символистов” [6, с. 297-298].

Конечно, это не математика звука в чистом виде, но, безусловно, тщательно взвешенное и хорошо продуманное использование возможностей звуковой материи онимов в созидании духовной сущности поэзии автора, всегда подчеркивавшего, что он – акмеист.

Н. Л. Степанов, “один из наиболее вдумчивых критиков и знатоков современной поэзии”, писал в обстоятельной рецензии на «Стихотворения» Мандельштама, 1928: «У Мандельштама любование словом, переживание его, его необычных значений и оттенков, наслаждение звуковой природой слова, гармоническим строем стиха. Слова, освобожденные от своей предметности, сталкиваются друг с другом и рожают новые смыслы и звучания, которые угадываются по отдельным ‘опорным’ словам, являющимся ‘ключом’ к фабуле стихотворения: ‘Я научился вам, блаженные слова: Ленор, Соломинка, Лигейя, Серафита...’. Здесь звуковая и ‘заумная’ окраска слова ‘соломинка’, постоянно возвращаясь, создает как бы музыкальный лейтмотив стихотворения...» [Цит. по 7, с. 393].

Еще одна линия, по направлению которой или на которой могут ожидать интересные находки в области поэтики онима, – влияние ритма на выбор, функционирование, семантику.

По наблюдению К. Тарановского, кроме «шевелиющихся губ», любимой мандельштамовской метафоры поэтического творчества» [8, с. 56], есть у него метафоры, относящиеся к ритму, – шаг (“подметки”, “подошвы”) и дыхание (“вдох и выдох”): *“Шаг, сопряженный с дыханием и насыщенный мыслью, Дант понимает как начало просодии. <...> Стопа стихов – вдох и выдох – шаг”*. Много пространнее процитировав фрагмент из «Египетской марки», К. Тарановский перечисляет (явно не обратив на этот факт никакого внимания) ряд образов, в структуре которых вместе с “прославлением человеческой походки” функционируют поэтонимы: «Прочтя этот отрывок (из “Египетской марки” – В.К.), нельзя не вспомнить хотя бы “Баратынского подошвы”, раздражающие прах веков (“Дайте Тютчеву стрекозу”, май 1932), Гёте, свивущего на выходящей тропе, и Гамлета, мыслившего пугливыми шагами (“И Шуберт на воде”, январь 1934) <...>» [8, с. 57].

Стихотворение, особенно в первый раз, мы читаем пословно. Мандельштам... Прихотливо, словно по наитию, выстраиваются стихи, сплетаются строфы, разрушая прогнозируемое обыденным сознанием продление слова, поэзия возникает в пробелах между соседствующими (вопреки здравому) смыслами, создавая неожиданное (непредсказуемое) впечатление. В письме к А. Бахраху (5-6 сентября 1923 г.) Марина Цветаева писала: «Выбор слов – это прежде всего выбор и очищение чувств, но не все чувства годны, о верьте, здесь тоже нужна работа. Работа над словом – это работа над собой. ... Почему люблю Мандельштама, с его путаной, слабой, хаотической мыслью, порой бессмыслицей (проследите-ка логически любой его стих!) и неизменной МАГИЕЙ каждой строчки. Дело не в “классицизме”, – в ЧАРАХ...» [10, кн. 6, с. 329].

ЛИТЕРАТУРА

1. Ботникова А.Б. Поэзия «распахнутого кругозора» // Жизнь и творчество О.Э. Мандельштама: Воспоминания. Материалы к биографии. «Новые стихи». Комментарии. Исследования. – Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1990. – С. 323-336.
2. Дионисий Галикарнасский. О соединении слов // Античные риторика / Под ред. А. А. Тахо-Годи. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1978. – С. 167-221.
3. Жизнь и творчество О. Э. Мандельштама: Воспоминания. Материалы к биографии. «Новые стихи». Комментарии. Исследования. – Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1990.
4. Мандельштам О. Собрание сочинений в четырех томах / Под ред. проф. Г. П. Струве и Б. А. Филиппова. – М.:

- ТЕРРА, 1991. – Т. 1. – 684 с. – Т. 2. – 730 с. – Т. 3-4. – 607 с. (Репринтное воспроизведение Собрания сочинений в трех томах. – Международное Литературное Содружество, 1967).
5. Мандельштам Н. Я. Комментарии к стихам 1930-1937 // Жизнь и творчество О. Э. Мандельштама: Воспоминания. Материалы к биографии. «Новые стихи». Комментарии. Исследования. – Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1990. – С. 189-312.
 6. Осип Мандельштам. Камень / Под ред. Л. Я. Гинзбург, А. Г. Мец, С. В. Василенко, Ю. Л. Фрейдин. – Л.: Наука, Ленингр. отделение, 1990. – 398 с. (Серия «Литературные памятники»).
 7. Струве Г. П., Филиппов Б. А. Примечания. Варианты. Разночтения // Мандельштам О. Собрание сочинений в четырех томах / Под ред. проф. Г. П. Струве и Б. А. Филиппова. – М.: ТЕРРА, 1991. – Т. 1. – С. 371-568.
 8. Тарановский К. Ф. Очерки о поэзии О. Мандельштама // Тарановский Кирилл. О поэзии и поэтике / Сост. М. Л. Гаспаров. – М.: Языки русской культуры, 2000. – 432 с. – (Studia poetica). – С. 13-208.
 9. Флоренский П. А. Имена: Сочинения – М.: ЗАО Изд-во ЭКСМО-Пресс, Харьков: Изд-во Фолио, 1998. – 912 с. (Серия «Антология мысли»).
 10. Цветаева М. Письма к А. Бахраху. «Мосты», изд. ЦОПЭ, Мюнхен, кн. 5, 1960, и кн. 6, 1961.
 11. Шкловский В. О поэзии и заумном языке // «Поэтика», Сборник по теории поэтического языка / Сборник 1 /, Петроград 1919, стр. 22.

АННОТАЦИЯ

Калинкин В.М. Неисправимое звуколюбие «каменотёса», или Звуки и смыслы поэтики онимов О. Мандельштама

Рассмотрены фонетические и онимные средства образности, широко использовавшиеся Осипом Мандельштамом в поэтических и прозаических текстах. Обращено внимание на случаи взаимодействия звуковой и смысловой составляющих поэтонимов в минимальных контекстах с образной тканью целостного художественного произведения.

Ключевые слова: звуко-символизм, поэтоним, фонетика.

SUMMARY

Kalinkin V.M. Incorrigible love of sound of a «stonemason» or the Sound and senses in the poetics of onyms in Mandelshtam's texts

The paper is centred round phonetic and onym means of figurativeness, widely used by Osip Mandelshtam in poetic and prosaic texts. Attention focuses on cases of interaction between sound and semantic components of poetonyms in the minimum contexts with figurative fabric of a complete work of art.

Key words: sound symbolism, poetonym, phonetics.

*Л.Н. Синельникова
(г. Ялта, Россия; г. Луганск)*

УДК 81'2'44

АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОСТИ

Аксиология, исследующая ценности как смыслообразующие свойства и признаки человеческого бытия, ориентирует на взаимопроникновение и взаимодополнительность разных систем знания прежде всего в социогуманитарных науках, к числу которых относится филология. Определение междисциплинарности как магистрального направления в развитии научного знания и, соответственно, в формировании образовательной политики согласуется с одной из ведущих проблем аксиологии – семантической интерпретацией филологического материала, выходящего на глубинный оценочный уровень текста (дискурса) [12].

Междисциплинарность как методологический ориентир детерминирована принципами постнеклассической эпистемологии с её установкой на синтез научного знания, поиск сходства естественнонаучного и социогуманитарного познания, следование принципу универсального эволюционизма – единства системного и эволюционного подходов.

Цель статьи – обратить внимание на значимость междисциплинарных связей в образовательном процессе, способных поднять качество образования, обеспечить целостность компетентностного подхода в обучении, возможность мобильности и адаптивности в практической деятельности.

В мире существуют междисциплинарные факультеты, междисциплинарные учёные советы, общества междисциплинарного образования, лаборатории междисциплинарных исследований обучения. Такого объёма форматов внедрения принципа междисциплинарности у нас пока нет, как нет и классификаторов многих уже вполне сложившихся наук междисциплинарного

характера. В то же время очевиден процесс формирования новых научных дисциплин, ориентированных на синтез наук, а также наблюдается рост количества мультидисциплинарных журналов: «Гуманитарные и социально-экономические науки», «Современная наука», «Современные проблемы науки и образования», «Международный журнал экспериментального образования», «Наука о человеке: гуманитарные исследования», «Научное мнение», «Научная перспектива», «Дискурс-Пи», «Современная коммуникативистика», «Мир лингвистики и коммуникации» и др. Новое знание, возникающее в пространстве связей, в междисциплинарном пересечении, оказывается более прочным и профессионально ценным. Отсюда – необходимость совмещения траекторий учебно-образовательных действий для решения проблемных ситуаций, возникающих в разных науках и в их учебной реализации.

Междисциплинарность антропологии как базовой научной парадигмы XXI века обеспечивает интегрированное гуманитарное знание на основе социальной психологии, социологии, этнографии, философии, культурологии [5; 11; 7]. Антропологический интегратор определяет научно-исследовательские и образовательные векторы блока гуманитарно ориентированных наук, таких, как социолингвистика, психолингвистика, этнопсихология, лингвокультурология, дискурсология, социальная психология, и ряд других, которые уже включены в учебные планы высших учебных заведений. Междисциплинарный ориентир в полной мере проявлен в учебном курсе для магистрантов «Филология в системе современного гуманитарного знания», который прежде всего ориентирован на продуктивное объединение языкознания и литературоведения.

На очереди новая концептуальная интеграция (conceptual blending): биотика (социально-этическое учение о сбережении биологических и социокультурных ресурсов жизнеспособности), соционика (процессы обмена информацией между человеком и внешним миром) и другие области знания, продолжающие формировать междисциплинарный образ современной науки. Интегрирование многих областей научного знания проявлено в пиарологии, которая включает теорию менеджмента, маркетинга, дизайна, рекламы, конфликтологии, медиалогии, имиджелогии [11; 17].

Для реализации принципа междисциплинарности в системе филологических дисциплин важно обратить внимание на новые области гуманитарного знания, такие, например, как лингвоэкология – углублённая через лингвистику экология. Лингвоэкология – направление, оформившееся на пересечении

таких дисциплин, как культура речи, валеология и эмотиология [20]. Лингвозеология нацеливает на «переживание» слова в речи, в общении, в тексте. Такую науку, как коммуникативистика можно считать перекрёстком, на котором также сходятся междисциплинарные знания, о чём свидетельствуют, например, публикации в журнале «Современная коммуникативистика» (см. презентацию журнала на портале naukaru.ru; системный подход к концепции междисциплинарности представлен в статье [2] этого журнала). То, что многие новые дисциплины междисциплинарного характера не имеют учебного и наукометрического классификатора, не убирает возможность использования в учебном процессе достигнутых результатов и собранного исследователями богатого эмпирического материала.

Установка на междисциплинарность, на продуктивный поиск путей (моделей, методик, сценариев) её реализации становится маркером смены методологического и образовательного дискурса [1; 4; 19], смены типов профессионализма. Междисциплинарный подход требует перехода от монопрофессионализма к смене типов профессионализма. Такого рода смена характерна для ряда отечественных научных школ и для последовательно работающих в междисциплинарной парадигме исследователей. И всё-таки пока нет оснований не согласиться с мнением сторонника синергетического подхода к проблеме междисциплинарности: «Основными проблемами организации и осуществления междисциплинарных проектов являются коммуникативные: капсулирование языковых и эпистемологических пространств дисциплин, их недостаточное взаимодействие, своеобразный дисциплинарный снобизм и агрессия (что естественно, так как есть опасность нарушения защитного пояса гипотез дисциплины)» [3, с. 30].

Уровень экспликации междисциплинарных связей зависит от личных приоритетов исследователя, от критериев профессиональности, на которые ориентирован вузовский преподаватель. Междисциплинарность – это движение к единству наук и к организации процесса образования как «возрастания» (В. фон Гумбольдт), то есть к системному накоплению знаний, обеспечивающему возможность их полноценного практического применения «на выходе». Очевидна невозможность (неполная возможность) решать многие задачи формирования гуманитарно-языковых компетенций – языковой, лингвистической, текстовой, коммуникативной, риторической, межкультурной и др. [16] без комплексного использования знаний различных учебных дисциплин: современного русского языка и истории языка, общего языкознания,

стилистики, лингвокультурологии, риторики, этнолингвистики, психолингвистики, социолингвистики, текстологии, дискурсологии и др. Каждая компетенция в отдельности преимущественно связана с одним или двумя учебными курсами. Текстовая, коммуникативная, социокультурная, межкультурная компетенции могут быть полноценно сформированы только в условиях междисциплинарной интеграции. Насущная задача – описание стандарта уровней междисциплинарной компетентности на основе совмещённых траекторий разных дисциплин. Междисциплинарность не сводится к традиционной, нередко поверхностной, констатации межпредметных связей. Глубинная междисциплинарность требует усилий гуманитариев, направленных на формирование интерференционной карты с учётом проблемных ситуаций, обсуждение и разрешение которых возможно только на основе комплексного рассмотрения.

Междисциплинарный подход, сохраняя дисциплинарное ядро каждой учебной дисциплины, повышает уровень понимания роли и назначения гуманитарного знания, расширяет возможности его практического применения, увеличивает познавательные регистры обучения. Междисциплинарная стратегия повышает степень активности обучающихся: создаются естественные условия для диалога, дискуссионного взаимодействия всех участников учебного процесса. Междисциплинарность обеспечивает целостную рефлексию, которая «может быть основана лишь на интегрированном научном знании, потому что только такое знание даёт студентам целостную картину как окружающей действительности, так и профессионально-педагогической деятельности» [15, с. 165]. Обучение через исследование становится нормой, отношения между репродуктивным и продуктивным способом деятельности меняются в пользу второго.

Трансдисциплинарный характер имеют практически все учебные курсы, связанные с коммуникативно-функциональной (а значит, и антропоцентрической) парадигмой в языкознании. Операциональными единицами при этом должны быть такие образования, которые по определению междисциплинальны: текст, стиль, дискурс, языковая личность, дискурсивная личность. Каждый из названных феноменов обладает когерентностью (от лат. *cohaerentio* – находящийся в связи, соединённый), то есть многослойной целостностью.

Одной из важнейших методологических стратегий современного образования становится когнитивная наука [14]. «Когнитивная революция» в психологии и лингвистике существенно изменила представление о тексте, расширила

возможности его междисциплинарной интерпретации. Из текста может «извлекаться» разная информация – культурологическая, риторическая, социолингвистическая и т.д. в их обобщающем соединении. В тексте как структурно-коммуникативной единице фиксируются как лексико-семантическая, грамматическая, стилистическая соотнесённость и взаимозависимость всех составляющих (слов, предложений, стилистических показателей, риторических приёмов и т.д.), так и когнитивно-прагматические показатели (прессуппозиции субъектов речи, экспликации и имплициты, интенции, проявленные в формах прямого и косвенного говорения, формируются авторские коннотации и т.д.).

Работа по совершенствованию культуры читательского (для филологов – профессионального) общения с текстом должна быть постоянной и строиться как по принципу усложнения текстов (в жанрово-стилистическом отношении, в степени креативности и т.д.), так и с учётом специализации (родной язык, иностранный язык, компаративистика и др.). «Одухотворённость культурой» – следствие полноценной реализации принципа текстоцентричности в школьном и вузовском образовательном процессе.

Принимая позицию «текст – это манифестация дискурса», считаем, что дискурс-анализ, в отличие от анализа текста, ориентирован на большую степень привлечения экстралингвистических показателей – социальных, культурных, прагматических, то есть на реальную (расширенную и углублённую) междисциплинарность. При всей трудности и проблемности метода дискурс-анализа, вариативности алгоритмов анализа текстового и внетекстового материала в их нелинейном взаимодействии этот метод (подход, приём и т.д.) обладает большими возможностями реализации идеи междисциплинарности [10].

В тесном междисциплинарном взаимодействии находятся стиль и текст и соответствующие учебные курсы. Матрица современных дискурсивных практик не укладывается в систему функциональных стилей. В пространстве стилистики, организованном традиционными функциональными стилями, всё меньше «бесспорных» фактов. Стремление соотнести функциональную дифференциацию языка и речи с институциональными дискурсами (например, в такой формулировке – «Функционирование стиля как дискурса») свидетельствует о конкурентных отношениях между традиционными теориями стиля и современным дискурсивным «бумом» [9; 6].

Дискурс – это динамическое и открытое пространство социальных действий и интеракций. Дискурсивная личность –

многопараметральный феномен, гибкий конструкт, постоянно трансформируемый в ходе социального взаимодействия [18]. Процесс становления дискурсивной личности – это процесс формирования идентичностей, в том числе новых социальных идентичностей, возникающих в изменяющихся условиях жизни. Происходит расширение дискурсивного пространства личности, которое при определённых условиях превращается в культурное пространство.

Мотивационный параметр проявляется в коммуникации и определяется потребностями, которые могут изменяться и трансформироваться в изменяющемся мире ценностей. Дискурсивные личности – участники коммуникативных событий, в условиях которых и происходит выбор соответствующих средств: лексических, грамматических, стилистических как тактических действий, соответствующих речевой стратегии. Дискурс по определению соотносим с диалогической парадигмой, с тем, что реализация *я* невозможна без соотношения с *ты*. Интеракция, трансакция, диалогическое единство – основные единицы дискурс-анализа и существенно значимые проявители дискурсивной личности. В интеракциях реализуются разные смысловые модусы и в разном стилевом оформлении. Языковая личность в интеракционном контексте и есть дискурсивная личность, которая формируется на пересечении коммуникативных и когнитивных факторов.

Междисциплинарный формат учебных действий меняет способы контроля знаний, и в перечень форм контроля могут включаться собственный эмпирический материал, собранный с применением междисциплинарных методик (социометрические методы, контент- и интен-анализ, ассоциативный эксперимент, конверсационный анализ, кейс-метод, мониторинг, дискурс-анализ). Ранжирование качества знаний по уровню эффективности организации коммуникативного события по заданной теме, стилю, жанру и «фактору адресата» – важный показатель уровня профессиональности филолога. Эвристический потенциал когнитивно-дискурсивной модели, позволяющей описать сложную систему взаимозависимостей и взаимосвязей, особо важен для формирования междисциплинарной (метапредметной) компетенции, в основании которой лежит «способность языковой личности успешно функционировать в динамически изменяющемся бытийном контексте» [8], умение и способность переключаться с одного статусно-ролевого регистра на другой для успешной аффилиации с собеседниками как в публичной речи, так и в межличностном общении. Культура речи, культура общения, практическая стилистика

в этом случае должны соотноситься с прагматикой и в этой совместности входить в предмет неориторики.

Междисциплинарность не просто научный тренд, актуальный для настоящего времени, но и обращённый в будущее формат исследовательских и образовательно-педагогических действий, обладающий большими возможностями для организации целостного гуманитарного знания, продуцирующий интегрированные формы презентации учебного материала и контроля за его усвоением.

Масштаб проблемы междисциплинарности неизмеримо больше, чем его можно в настоящее время описать теоретически, а тем более – в варианте практических рекомендаций. Но несколько оценочных положений представляются очевидными: междисциплинарный подход обеспечивает высокое качество образования через повышение уровня мотивации и развитие целостной рефлексии; аксиологический потенциал междисциплинарности способствует развитию творческих способностей и критического мышления; знания, интегрированные по вектору междисциплинарности, имеют долгосрочный характер.

Издательство «Книга по требованию», проявившее в 2013 году коммерческий интерес к монографии «Междисциплинарность в науках и философии», изданной в 2010 году [13], приводит авторскую аннотацию: «Междисциплинарное взаимодействие – отличительная черта современного научного и других типов интеллектуального производства. Сегодня в большинстве наук решение крупной проблемы невозможно без междисциплинарного взаимодействия учёных. И его отличие состоит в том, что оно может происходить без институциональных преобразований, на уровне личного общения и даже в форме безличного заимствования результатов и методов других наук». Ожидание институциональных преобразований может затянуться, но затягивать реализацию идеи междисциплинарности значит увеличивать дистанцию между достигнутым научным знанием и актуальными задачами формирования современного специалиста.

ЛИТЕРАТУРА

1. Афанасьева О. Ю. Коммуникативное образование студентов педагогических вузов на основе идеи междисциплинарности / О. Ю. Афанасьева // Педагогическое образование и наука. – 2006. – № 2. – С. 24-28.
2. Брукс Е. Е. Построение концепции целостного образования в НИЯУ МИФИ / Е. Е. Брукс // Современная коммуникативистика. – М.: ИНФРА-М. V. 4.1.2. – С. 25-33.

3. Буланов В. Г. Методология синергетики в постнеклассической науке и в образовании. Изд. 3-е, перераб. / В. Г. Буланов. – М.: Изд-во ЛКИ, 2008. – 240 с.
4. Вишнякова Е. Г. Междисциплинарный сетевой учебно-методический комплекс как средство повышения эффективности обучения в вузе: автореф. дис. ... канд. пед. наук / Е. Г. Вишнякова. – Волгоград, 2007. – 23 с.
5. Гусельцева М. С. Культурно-психологический анализ в психологии и смежных науках / М. С. Гусельцева // Психологические исследования: электронный научный журнал. – 2009. – № 2 (4). – URL: <http://psustudu.ru>
6. Дискурс и стиль: теоретические и прикладные аспекты: коллективная монография. – М.: Флинта; Наука, 2014. – 268 с.
7. Иконникова С. Н. Междисциплинарные связи культурологи / С. Н. Иконникова. – URL: <http://www.countries.ru>
8. Казыдуб Н.Н. Когнитивно-дискурсивное моделирование вариативной образовательной среды / Н. Н. Казыдуб // Magistr Dñit: научно-педагогический журнал Восточной Сибири. – 2012. – № 4 (12). – URL: <http://md.islu.ru>
9. Клушина Н. И. От стиля к дискурсу: новый поворот в лингвистике // Язык, коммуникация и социальная среда / Н. И. Клушина. – Воронеж, 2011. – Вып. 9. – С. 26-33.
10. Кожемякин Е. А. Дискурс-анализ как междисциплинарный проект: между методом и идеологией / Е. А. Кожемякин // Научные ведомости Белгородского гос. ун-та. Сер. Гуманитарные науки. – № 6 (203). – Вып. 25. – Белгород, 2015. – С. 5-8.
11. Кужелева-Саган И. П. Научное знание о связях с общественностью (PR): философский анализ / И. П. Кужелева-Саган. – М.: Либроком, 2011. – 464 с.
12. Лингвистика и аксиология. Этносемиотика ценностных смыслов: коллективная монография. – М.: Тезаурус, 2011. – 352 с.
13. Междисциплинарность в науках и философии. – М.: Изд-во ИФРАН, 2010. – 105 с.
14. Панина Е. М. Когнитивная наука как комплекс междисциплинарных исследований: дис. ... канд. философ. наук / Е. М. Панина. – М., 2001. – 124 с.
15. Позднякова О. К. Средства формирования гуманистической позиции студента вуза / О. К. Позднякова // Личность, семья и общество: вопросы педагогики и психологии: сб. статей по материалам I международной науч.-практич. конф. – № 1. – Часть II. – Новосибирск, 2010. – С. 163-170.
16. Синельникова Л. Н. Компетенции как критерии идентичности языковой личности / Л. Н. Синельникова // Учёные зап.

- Таврического нац. ун-та. Сер. «Филология. Социальные науки». – Симферополь, 2010. – Т. 23 (62). – № 2. – Ч. 2. – С. 354-364.
17. Синельникова Л. Н. PR-дискурс как конвергентная социальная коммуникация / Л. Н. Синельникова // Современный дискурс-анализ. – № 8. – 2013. – С. 8-27. – URL: <http://discourseanalysis.org/ada3.pdf>
18. Синельникова Л. Н. Концепт «дискурсивная личность»: междисциплинарная параметризация / Л. Н. Синельникова // Научно-образовательный ж-л ВГСПУ «Грани познания». – № 1 (21). – Февраль 2013. – С. 42-44. – URL: www.grani.vspu.ru
19. Титовец Т. Е. Интеграция в науке, обществе и образовании как императив времени / Т. Е. Титовец // Мировоззренческие и философско-методологические основания инновационного развития современного общества: Материалы международной научной конференции (г. Минск, 5-6 ноября 2008 г.). – Минск: Право и экономика, 2008. – 540 с.
20. Шаховский В. И. Эмотивная лингвоэкология: комплексный подход к изучению языка, речевой деятельности и человека / В. И. Шаховский // Вопросы психолингвистики. – № 1 (19). – М.: Институт языкознания РАН, 2014. – С. 13-21.

АННОТАЦИЯ

Синельникова Л.Н. Аксиологический потенциал междисциплинарности

Автор обращает внимание на важность и необходимость междисциплинарного подхода, способного обеспечить целостность знания обучающихся и быть гарантом мобильности специалиста в будущем. Междисциплинарность повышает степень активности обучающихся, ориентированных на интеграцию знаний: в поле совместности гуманитарных дисциплин создаются естественные условия для диалога, активизируется продуктивное мышление, обучение через исследование становится нормой. Междисциплинарные связи в филологии обеспечивают текст и контекст, сочетание которых современная наука квалифицирует как дискурс.

Ключевые слова: аксиология, междисциплинарность, текстоцентричность, дискурс, дискурс-анализ, синергия образования, междисциплинарные методики.

SUMMARY

Sinelnikova L.N. Axiological potential of interdisciplinarity

The author directs attention to the importance and necessity of the interdisciplinary approach, which can enable students to have holistic

knowledge and be a warrant of the specialist's mobility in the future. Interdisciplinarity increases the activity level of the learners who orientate themselves towards knowledge integration: the field of joint humanitarian disciplines creates natural conditions for a dialogue, activates productive thinking, learning through research becomes a norm. Interdisciplinary connections in philology are ensured by text and context, a combination of which is regarded by modern science as discourse.

Key words: axiology, interdisciplinarity, text-centricity, discourse, discourse analysis, discourse personality, interdisciplinary methods.

*В.И. Теркулов
(г. Донецк)*

УДК 81'367.7

АББРЕВИАЦИОННЫЕ «МЕЛОЧИ» 2

Предлагаемая статья продолжает цикл работ, посвященных репрезентации технических материалов для создаваемого в Экспериментальной лаборатории по исследованию тенденций аббревиации (ЭЛИТА) кафедры русского языка ДонНУ «Большого толково-словообразовательного словаря сложносокращенных слов русского языка». Это словарь нового типа, в котором, в отличие от традиционных словарей сокращений, дается не только эквивалент (эквиваленты) сложносокращенного слова (далее – ССС), но и приводятся его значение и примеры употребления, описывается модель образования, устанавливается направление деривационных связей и схема отношений эквивалентности в пределах гнезда эквивалентности описываемой аббревиатуры или квазиаббревиатуры.

Первая статья [1] была посвящена анализу сложносокращенных слов. В данной же статье мы представим на суд читателей технические материалы к описанию инициальных аббревиатур.

АА – Анонимные алкоголики

***АА**¹ с., нескл. Сообщество, объединяющее людей, которые делятся друг с другом своим опытом с целью помочь себе и другим избавиться от алкогольной зависимости * англ. **АА (Alcoholics Anonymous)**■ Квазиаббревиационная калька ♦ Объединение людей: статус + квалитатив.*

***АА** не связано ни с какой сектой, вероисповеданием, политическим направлением, организацией или учреждением (<http://www.aarus.ru/>)*

W 1. англ. *AA/ Alcoholics Anonymous* – 2. *АА/Анонимные алкоголики «Анонимные Алкоголики»* – 3. *Содружество (общество, группа) анонимных алкоголиков*.

Прим.

1. Отмечается параллельное калькирование английской аббревиатуры *АА* и словосочетания *Alcoholics Anonymous*.

2. Рус. *АА* создано по образцу (как калька) англ. *AA (Alcoholics Anonymous)*. В текстах отмечается три словосочетания, могущих трактоваться как калька англ. *Alcoholics Anonymous* – *Содружество (общество, группа) анонимных алкоголиков*: Члены *АА* (невозможно расшифровать как *члены анонимных алкоголиков; только члены *Содружества (общества, группы и т.д.) анонимных алкоголиков*. – В.Т.) не платят ни вступительных, ни членских взносов; *Анонимные алкоголики*: Многие помнят опубликованные результаты опроса групп *АА (групп анонимных алкоголиков)*, которые однозначно показали, что подавляющее большинство членов *Содружества АА (Содружества анонимных алкоголиков*. – В.Т.) хотят единства (в том же тексте отмечается развертывание ССС в словосочетание: *Лечение алкоголизма в группах анонимных алкоголиков*). Также возможна трактовка *АА* как эргонима «*Анонимные Алкоголики*»¹: *Анонимные Алкоголики* © – это содружество, объединяющее мужчин и женщин, которые делятся друг с другом своим опытом, силами и надеждами, чтобы решить свою общую проблему и помочь другим избавиться от алкоголизма (все примеры – сайт <http://www.aarus.ru/>).

ААА – Атомно-абсорбционный анализ

1. *ААА* [a-a-â] м., нескл. Терм.: хим. Метод количественного определения элементного состава вещества по спектрам поглощения атомов * *Атомно-абсорбционный анализ* ■ *ТДЭ*¹ Прямая универбализация (гибридная акронимно-буквенная аббревиация): При1ед(комп)+Сущ1ед > Б¹+Б¹При1ед(комп)+Б¹Сущ1ед.

Основные представления о механизме излучения совершенно необходимы при описании источников света, используемых для *ААА – Преимущества атомно-абсорбционного анализа* подтверждаются многочисленными примерами его успешного использования во многих областях науки и отраслях промышленности (<http://www.ngpedia.ru/id145729p1.html>).

¹ Так трактуется данное сокращение «Новые сокращения в русском языке 1996-1999» под ред. Игоря Владимировича Фаградянца (М.: Издательство ЭТС, 2000), с. 5.

W1. *Анализ* – 2. *Абсорбционный анализ* – 3. *Атомно-абсорбционный анализ* – 4. *ААА* – 3. *Атомный абсорбционный анализ* – 3'. *Атомный анализ*

Сып. *ААС*³, *ААС*⁴ (см.), *Атомная абсорбиометрия*, *Атомная абсорбционная спектрометрия*, *Атомная абсорбционная спектроскопия*, *Атомно-абсорбционная спектрометрия*, *Атомно-абсорбционная спектроскопия*, *Метод атомно-абсорбционного анализа*, *Метод атомно-абсорбционной спектрометрии*, *Метод атомно-абсорбционной спектроскопии*.

Нірег. *Атомная спектрометрия*, *Атомная спектроскопия*, *Абсорбционная спектрометрия*, *Абсорбционная спектроскопия*, *Спектрометрия*, *Спектроскопия*.

Прим.

1. Аббревиатура *ААА* и эквивалент *Атомно-абсорбционный анализ* используются как в субстантивной, так и в атрибутивной функции. Последнее – в словосочетании *Метод ААА*, *Метод атомно-абсорбционного анализа*.

2. Скорее всего, следует признать существование двух этапов деривации: 1. *Анализ* – 2. *Абсорбционный анализ* – 3. *Атомно-абсорбционный анализ*. Конструкт *атомно-* морфематичен: он присоединяется к прилагательным, обозначающим способ анализа: *атомно-эмиссионный анализ*, *атомно-флюоресцентный анализ* и т.д. Следовательно, словосочетание *Абсорбционный анализ* является для *ААА* модификационным эквивалентом. Ср.: *молекулярный абсорбционный анализ*, *ультрафиолетовый абсорбционный анализ* и под.

3. Словосочетание *Атомно-абсорбционный анализ*, скорее всего, является деривационным эквивалентом словосочетания *Атомный абсорбционный анализ*, поскольку структура последнего подкрепляется тождественной ономаσιологической структурой параллельных глосс словосочетания *абсорбционный анализ*: *молекулярный абсорбционный анализ*, *ультрафиолетовый абсорбционный анализ* и под.

ААС – *Анаболическо-андрогенные стероиды*

2. *ААС*¹[a-ác]Pl, нескл. Терм.: мед. Группа фармакологических препаратов – синтетических производных тестостерона, оказывающего анаболическое (провоцирует ускорение роста мышечной массы) и андрогенное (определяет в мужском организме развитие вторичных половых признаков) действие * *Анаболическо-андрогенные стероиды* / Разг. *Анаболически-андрогенные стероиды* (*Анаболически андрогенные стероиды*)
■ ТДЭ¹ Прямая универбализация (акронимная аббревиация): Прил1мн(комп)+Сущ1мн > 3¹+3¹ Прил1мн(комп)+3¹Сущ1мн.

На компьютерной томографии обширный кальциноз коронарных артерии у 48-летнего культуриста, злоупотребляющего ААС – Ученые также выявили, что те участники, которые принимали **анаболическо-андрогенные стероиды**, в будущем были более склонны к употреблению других незаконных препаратов, наркотических веществ или алкоголя (<http://sportwiki.to>: 14.06.15).

W Разг. **Анаболические андрогенные стероиды; Стероиды.**

Прим.

1. Деривационным эквивалентом для ССС выступает словосочетание **Анаболическо-андрогенные стероиды** / Разг. **Анаболически-андрогенные стероиды (Анаболически андрогенные стероиды)**, а не **Анаболические андрогенные стероиды**. Последнее, по нашему мнению, является вторичным эквивалентом, развернутым на основе **Анаболическо-андрогенные стероиды**, поскольку данный тип стероидов является не анаболической разновидностью андрогенных стероидов (именно такое значение предполагается для словосочетаний с последовательным присоединением определений), а комбинированным препаратом, оказывающим одновременно андрогенное и анаболическое действие. Значение одновременности же реализуется при помощи композитов, возникших на базе сочинительных, а не подчинительных конструкций.

2. Словосочетание **Анаболически-андрогенные стероиды (Анаболически андрогенные стероиды)**, которое, вероятнее всего, было производящим для ССС, о чем свидетельствует высокая частотность его употребления в специальных текстах, является разговорным, поскольку интерфикс **-и-** применяется после основ прилагательных на **-ск-**, **-цк-** в редких образованиях преимущественно окказионального характера. Недефисное написание данного словосочетания обусловлено неправильной трактовкой первого компонента атрибутивного композита как наречия.

AB – Арктический (Антарктический) воздух

3. **AB**¹ [a-вэ] м., нескл. Терм.: *геогр.* Воздушная масса, формирующаяся либо в арктическом географическом поясе, в основном над Северным Ледовитым океаном, либо над Антарктидой и окружающими ее льдами и водами * **Арктический (Антарктический) воздух** ■ ТДЭ¹ Прямая универбализация (буквенная аббревиация): Прил1ед+Сущ1ед > Б¹Прил1ед+Б¹Сущ1ед.

Трансформации **AB** мешают наличие крупных водных массивов: Гудзонова залива («мешок льда»), Великих озер – Открытость

территории к северу – **арктический воздух** свободно проникает далеко на юг (<http://world.geo-site.ru/node/44>).

W TДЭ¹*АнтВ*.

Прим.

Часто аббревиатура АВ употребляется как родовое обозначение воздушных масс, формирующихся в полярных зонах. В справочной литературе ее развернутый ТЭ приводится в таком виде: **Арктический (антарктический) воздух (АВ) формируется над ледяной поверхностью полярных стран** (http://yunc.org/ВОЗДУШНЫЕ_МАССЫ_И_АТМОСФЕРНЫЕ_ФРОНТЫ). Скорее всего, причиной обобщения является то, что в обоих случаях местом зарождения АВ является полярная зона. Именно поэтому АВ может трактоваться как воздух (воздушная масса), формируемая на полюсах. Иначе говоря, перед нами пример редкой деривационной эквивалентности – текстовой эквивалентности одной аббревиатуры нескольким словосочетаниям, каждое из которых может выступать в качестве источника для данного слова. В некоторых случаях, когда необходимо указать на точную локативность воздушной массы, используется противопоставление **АВ (арктический воздух) – АнтВ (антарктический воздух)**. Отметим, кстати, что в специальной литературе отмечается использование словосочетания **ПВ**, связанного отношения деривационной эквивалентности со словосочетанием **полярный воздух**. Однако авторы описываемых сочинений отмечают, что это название «не совсем точное и сохраняется, скорее, по традиции» (http://yunc.org/ВОЗДУШНЫЕ_МАССЫ_И_АТМОСФЕРНЫЕ_ФРОНТЫ). В реальности **ПВ** обозначает воздух умеренных широт. Сейчас для обозначения **ПВ** чаще используется СССР **УВ (умеренный воздух)**.

В последующих статьях мы предполагаем продолжить представлять научной общественности результаты предварительной обработки словника Словаря.

ЛИТЕРАТУРА

1. Теркулов В.И. Аббревиационные «мелочи» 1 / В.И. Теркулов // Ученые записки Крымского инженерно-педагогического университета. Серия: Филология. История. – 2015. – № 2. – С. 39-43.

АННОТАЦИЯ

Теркулов В.И. Аббревиационные «мелочи» 2

В предлагаемой статье рассмотрена деривационная история четырех аббревиатурных групп – **АА – Анонимные алкоголики**, **ААА – Атомно-абсорбционный анализ**, **ААС – Анаболическо-**

андрогенные стероиды, АВ – Арктический (Антарктический) воздух. Приведенные материалы являются техническими материалами для создаваемого в Экспериментальной лаборатории по исследованию тенденций аббревиации кафедры русского языка ДонНУ «Большого толково-словообразовательного словаря сложносокращенных слов русского языка».

Ключевые слова: аббревиатура, инициальный, словарь, эквивалентность.

SUMMARY

Terkulov V.I. Small details of abbreviation 2

In this article the derivation history of four abbreviation groups «АА – Анонимныеалкоголики (*Anonymoussalcoholics*), ААА – Атомно-абсорбционныйанализ (*Atomic absorption analysis*), ААС – Анаболическо-андрогенныестероиды (*Anabolic androgenic steroids*), АВ – Арктический (Антарктический) воздух (*Arctic (Antarctic) air*)» is considered. The givendata are the technical materials intended for the «Big explanatory word formation dictionary of Russian abbreviation compounds» developed in the Experimental laboratory for abbreviation trends researches of the Russian language department of DonNU.

Key words: abbreviation, initial, dictionary, equivalency.

О.В. Блюмина
(г. Горловка)

УДК 811. 161. 1

СТРУКТУРА ОНОМАСИОЛОГИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ УНИВЕРБАЛИЗАЦИОННЫХ КОМПОЗИТОВ – ОБОЗНАЧЕНИЙ ДЕЙСТВИЙ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Целью данной статьи является определение ономасиологических структур композитов-субстантивов, обозначающих действия/процедуры. В своем описании таких единиц мы опираемся на номинатемную трактовку композитопостроения, предложенную В.И. Теркуловым [3]. По мнению ученого, на первом уровне следует различать синтаксические композиты, которые создаются на базе словосочетаний, и квазикомпозиты, которые не имеют в качестве источника никаких синтаксических образований. Синтаксические композиты подразделяются на универбализационные, которые являются моновербальными дублетами словосочетаний, например, *инапоглощение*,

имеющий абсолютно тождественное значение словосочетанию *глотание шпaги*, и деривационные, которые семантически связаны с исходными словосочетаниями без полного совпадения значения, например, *благотворительность*, образованный от глагольного словосочетания *творить благо*. Квазикомпозиты же создаются в результате имитации процессов деривации и универбализации. Во всех случаях один из конструкторов квазикомпозита представляет производящее слова, а другой выполняет функцию форманта-аффиксоида. Например, *звездоплавание* является квазикомпозитом, образованным от слова *звезда* с помощью аффиксоида – *плавание* (по модели деривата *мореплавание* и квазикомпозитов *воздухоплавание*, *космоплавание* и под.). Для синтаксических композитов, следовательно, характерна «синтагматическая производность (на уровне словообразовательной пары)», а для квазикомпозитов – «парадигматическая производность (на уровне словообразовательной модели)» [1, с. 11].

Вопрос состоит в том, каким образом формируются ономасиологические модели указанных наименований.

Ономасиологическая модель для деривационных композитов «определяется на основании 1) общего смысла ономасиологического базиса (формантной структуры); 2) конкретного содержания двух или более ономасиологических признаков (отсылочной части); 3) их валентного потенциала и смысловой связи; 4) типа отношений между базисом и признаком» [2, с. 20]. Таким образом, модель, например, композита *звездопоклонство*, образованного от словосочетания *поклоняться звездам*, определяется нами следующим образом: состояние (словообразовательный формантный базис), базирующееся на (тип отношений между базисом и признаком) поклонении («действие») звездам («объект») (валентно-смысловая связь «действие» + «объект»: ономасиологический признак).

Чаще всего, однако, образование субстантивных композитов – обозначений действий имеет в своей основе процесс универбализации. В силу того, что исходное словосочетание ономасиологически тождественно образованному на его базе сложному слову, «у универбализационных композитов ономасиологическая модель, в сущности, показывает отношения между компонентами исходного словосочетания» [4, с. 229]. Данные отношения мотивированы не актом предикации, а актом актуализации. Зависимое слово в исходном словосочетании попросту аналитически актуализирует в данных коммуникативных условиях тот или иной компонент семантики

главной лексемы. Следовательно, ономасиологическая модель для универбализационных композитов в качестве ономасиологического базиса имеет архисемную семантику главного слова исходного словосочетания, а в качестве ономасиологического признака – тот семантический множитель, который актуализируется зависимым словом. Например, универбализационный композит **редподготовка** является абсолютным вербальным эквивалентом словосочетания **редакционная подготовка**, что подтверждается абсолютным тождеством значения данных единиц и их взаимозаменяемостью в тексте. Ср., например, *Письмо, 02.07.1986. Сообщается, что адресату направляется план редподготовки – Просьба представить план редакционной подготовки изданий на 1979 год по приложенным образцам (www.ershov.ras.ru)*. Ономасиологическая модель данного композита не включает никаких компонентов, которых не было бы в исходном словосочетании. Базисным компонентом последнего является слово **подготовка**, которое, собственно, обозначает процедуру. Зависимый компонент указывает только на отрасль, в пределах которой осуществляется данная процедура (**редакционная**), что и формирует ономасиологический признак номинатемы. Таким образом, ономасиологическая модель данной номинатемы может быть представлена следующим образом: «процедура + отрасль».

Мы неслучайно используем для обозначения базиса рассматриваемых нами единиц слово «процедура». По нашему мнению, это позволяет отличить субстантивные номинатемы от предикативных – глагольных, которые, собственно, и обозначают действия. Однако не раз обращалось внимание на связь субстантивных процедурных единиц с вербальными (глагольными) обозначениями действий. Например, номинатема **Автострахование – Страхование автомобиля** очевидно связана (но не тождественна с вербальной номинатемой **Страховать автомобиль**. По крайней мере, между двумя указанными единицами очевидно тождество на уровне синтаксической структуры расчлененного наименования (и там, и там – предикат + объект). Если с этой точки зрения соотносить универбализационные композиты с соответствующими предикатными конструкциями, то можно отметить следующие ономасиологические модели универбализационных композитов – обозначений процедур в русском языке.

1. Субъектные модели (**Действие + субъект**)

В сущности, субстантивные номинатемы здесь представлены только одной моделью – «**процедура + производитель**». Для данной модели возможна синтаксическая трансформация

номинаемы в субъектно-предикатное сочетание (предложение). Например, номинатема **биение сердца / сердцебиение** (*Аппарат выдает врач, вы крепите его на руку, и он ответственно регистрирует движения воздуха через рот и нос, насыщение крови кислородом, **биение сердца**, пока вы безмятежно спите – Кроме храпа для СОАС характерны такие симптомы, как повышенное артериальное давление по утрам, учащенное **сердцебиение**, частые ночные пробуждения* [Красота и здоровье. – 2009. – № 2]) может быть трансформирована в предложение **сердце** (субъект) **бьется** (предикат), а **таяние снегов / снеготаяние** (*Причинами чрезвычайных ситуаций в это бурное время становятся как интенсивное **таяние снегов**, так и технические факторы: засоренность русла, наличие несанкционированных переправ – В значительной степени это может быть связано не с интенсивным **снеготаянием** и заторами, а с техническими моментами* [Областная газета. – 20.03.09]) – в предложение **снег** (субъект) **тает** (предикат).

2. Объектные модели (Действие + объект)

Для данной группы моделей возможна синтаксическая трансформация номинатемы в объектно-предикатное словосочетание.

Нами отмечаются несколько разновидностей объектных моделей:

1. «**процедура + объект**», например, номинатема **описание быта / бытописание** (*Режиссера меньше всего интересует **бытописание*** [Коммерсантъ. – 06.07.07] – *Имена героев, **описание быта** будут будоражить ваше воображение и сон* [Завтра. – 25.11.06]), которая может быть трансформирована в словосочетание **описывать** (предикат) **быт** (объект), и **очистка воды / водоочистка** (*Созданные томскими учеными материалы и установки <...>, в отличие от других устройств **водоочистки**, удаляют из воды 100 процентов вирусов и бактерий – Партийный проект подразумевает решение многих задач – от строительства водозаборов до проведения исследований в сфере **очистки воды*** [Известия. – 28.09.07]), которая может быть трансформирована в словосочетание **описывать** (предикат) **быт** (объект);

2. «**процедура + продукт**», например, номинатема **варение самогона / самогонование** (*Обращаюсь к вам, ко всем депутатам Государственной Думы с просьбой прекратить рекламировать алкоголь и курение, запретить законом домашнее **самогонование** – Она просит парламентариев полностью запретить рекламу алкоголя и табака в СМИ, а также ввести запрет на **варение самогона*** [<http://www.nr2.ru/ekb/43644.html>]),

которая может быть трансформирована в словосочетание *варить* (действие) *самогон* (объект), и *курение вина / винокурение*, (*Позднее Походяшин занялся винокурением* [Торговая газета. – 01.11.07] – *В 1652 году кабаки были заменены кружечными дворами, которые уже не отдавались на откуп, а содержались выборными людьми «из лучших» посадских и волостных людей, называемых «верными головами»; при них были выборные целовальники, занимавшиеся и курением вина* [Костомаров 2006]), которая может быть трансформирована в словосочетание *курить* (действие) *вино* (объект);

3. «**процедура + средство**», например, номинатема *плетение бисером // бисероплетение* (*Бисероплетение, танцевальная студия – Оригами, плетение бисером и рукоделие, умелые руки, спортивные секции, крытый бассейн* [КП. – 27.05.07]), которая может быть трансформирована в словосочетание *плести* (действие) *бисером* (объект), и *автомобильные перевозки / автоперевозки* (*При недостатке железных дорог надо готовить автоперевозки* [Накануне войны 1993] – *Дальняя бомбардировочная авиация <...> имеет основным назначением <...> прекращение и нарушение железнодорожных, морских и автомобильных перевозок крупного масштаба* [Тимохович 1976]).

3. Обстоятельственные модели

Нами отмечена только одна модель – «**процедура + цель**», например, номинатема *организационная работа / оргработа* (*Секретаря СНБО назначат по окончанию оргработы в Секретариате – Сейчас мы заканчиваем организационную работу в Секретариате Президента* [<http://glavred.info/print.php?news=/archive/2006/09/20/213904-3.html>]), которая может быть трансформирована в словосочетание *работа* (действие) *для организации* (цель) и *производство в чин / чинопроизводство* (*В начале XVIII в., в годы Северной войны, порядок чинопроизводства для военных чиновников был установлен такой же, как и для офицеров – В 1790 г. для военных чиновников (как и всех гражданских) установлен порядок производства в следующий чин по выслуге 3 лет в предыдущем* [Волков 2003]), которая может быть трансформирована в словосочетание *производить* (действие) *в чин* (цель).

4. Атрибутивные модели

Данные модели не предполагают наличия генетически связанного предикатного словосочетания. Нами обнаружены следующие разновидности атрибутивных схем:

1. «**процедура + статус**», например, *всеобщее обучение / всеобуч* (*Армию можно использовать для исправления*

недостатков нашей системы среднего образования – обеспечить обязательный правовой и компьютерный **всеобуч**, например – Только одна мера – **всеобщее обучение** возждению автомобиля и мотоцикла – может кардинально изменить отношение к армии со стороны призывников [Полярная звезда. – 12.07.07]) и **государственный надзор / госнадзор** (Главной причиной является отсутствие должного **госнадзора** в этой сфере – Лидер блока отметила первоочередность улучшения финансирования системы **государственного надзора** [Российская газета. – 29.01.08]);

2. «**процедура + отрасль**», например, **химическая защита / химзащита** (У нас на «Памире» **химическая защита** обеспечивалась достаточно просто: противогаз, плащ и средства **химзащиты** [Советская Белоруссия. – 28.04.06]) и **правовое нарушение / правонарушение** (Это негативно отражается как на качестве и оперативности рассмотрения таких дел, так и на эффективности защиты прав и свобод граждан, которые имеют непосредственное отношение к этим **правонарушениям** [Хрещатик. – 01.11.07] – Издательский дом направил в Европейский суд жалобу на многочисленные **правовые нарушения**, которые допустили российские суды [Коммерсантъ. – 28.09.05]);

3. «**процедура + направление**», например, **взаимная заменяемость / взаимозаменяемость** (Достигается это нацеливание на теоретических занятиях, на установках перед играми и детальным разбором сильных и слабых сторон соперника, с учетом его особенностей обороняться и развивать свои атаки, взаимостраховки между игроками и **взаимозаменяемости** в линиях [Футбол. – 01.11.07] – **Взаимная заменяемость** частоты и времени в паре преобразований Фурье [Андреевская 2004]) и **взаимная помощь / взаимопомощь** (Кто жил в студенческих общежитиях, тот навсегда запомнил их неповторимую атмосферу товарищеских отношений, выручки и **взаимопомощи** [Вечерняя Москва. – 31.10.07] – Он отметил, что желает по возможности быстро заключить соглашения о сотрудничестве в борьбе с загрязнением Балтийского моря, **взаимной помощи** при катастрофах и проведении совместных морских и авиационных поисковых и спасательных работ [Московские новости. – 31.10.07]);

4. «**процедура + способ реализации**», например, **организованный набор / оргнабор** (Это крупная ошибка плановой экономики – можно было людей куда угодно сначала привезти на эшелонах, потом затащить **оргнабором**, северными льготами и так далее [Независимая газета. –

24.07.07] – *Организация миграции предполагает и то, что от случайного и стихийного набора мигрантов необходимо перейти к организованному набору* [Российская газета. – 16.10.07]); *квадрозапись – квадрофоническая запись* (Был предложен формат *квадрозаписи* на кассеты и т. д. и в продаже появились коммерческие *квадрофонические записи* [<http://www.show-master.ru/archive/35/54.shtml>]).

Структура ономасиологической модели описана автором также для деривационных композитов и квазикомпозитов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гудилова С. В. Продуктивные типы образования сложных слов в современном русском языке : на материале неологизмов второй половины XX века : дисс. ... кандидата филол. наук : 10.02.01 / Гудилова Светлана Валентиновна. – М., 2005. – 306 с.
2. Селіванова О. О. Субстантивні композити в українській та російській мовах / О. О. Селиванова // Мовознавство. – 1992. – № 6. – С. 19-22.
3. Теркулов В. И. Слово и номинатема : опыт комплексного описания основной номинативной единицы языка / В. И. Теркулов. – Горловка : Изд-во ГГПИИЯ, 2007. – 240 с.
4. Теркулов В. И. Композиты русского языка в ономасиологическом аспекте : дисс. ... доктора филол. наук : 10.02.02 / Теркулов Вячеслав Исаевич. – Горловка, 2008. – 472 с.

ИСТОЧНИКИ ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА КНИГИ

1. Андриевская Т. Основы радиоэлектроники и связи : курс лекций / Т. Андриевская. – М. : МГИЭМ, 2004. – 360 с. : сх., табл. – [Андриевская 2004].
2. Волков С. В. Русский офицерский корпус / С. В. Волков. – М. : Центрполиграф, 2003. – 414 с. – [Волков 2003].
3. Костомаров Н. И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей / Н. И. Костомаров. – М. : Эксмо, 2006. – 1024 с. – [Костомаров 2006].
4. Накануне войны : материалы совещания высшего руководящего состава РККА 23-31 декабря 1940 г. // Русский архив : Великая Отечественная : т. 12(1). – М. : Терра, 1993. – 612 с. – [Накануне войны 1993].
5. Тимохович И. В. Оперативное искусство советских ВВС в Великой Отечественной войне / И. В. Тимохович. – М., Воениздат, 1976. – 343 с. : сх. – (Тимохович 1976).

ПЕРИОДИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ

1. Вечерняя Москва.
2. Завтра.
3. Известия.
4. Коммерсантъ.
5. Комсомольская правда : – [КП].
6. Красота и здоровье.
7. Московские новости.
8. Независимая газета.
9. Областная газета.
10. Полярная звезда.
11. Российская газета.
12. Футбол.
13. Хрещатик.

ИНТЕРНЕТ-РЕСУРСЫ

1. Архив академика Ершова. – Режим доступа : <http://www.erшов.gas.ru>
2. Новый Регион : Российское информационное агентство. – Режим доступа : <http://www.nr2.ru/>.
3. Главред : Информационный портал. – Режим доступа : <http://glavred.info>
4. Шоу мастер : Интернет-журнал. – Режим доступа : <http://www.show-master.ru>

АННОТАЦИЯ

Блюмина О.В. Структура ономаσιологической модели универбализационных композитов – обозначений действий в русском языке

В статье предпринята попытка определения структуры ономаσιологических моделей композитов–обозначений действий (процедур) в русском языке. Автор предполагает, основываясь на теоретических положениях номинатемной концепции, что существует три типа таких композитов – универбализационные, деривационные и квазикомпозиты. Каждый из данных типов имеет свою структуру ономаσιологической модели. В работе рассматривается структура ономаσιологической модели универбализационных композитов – обозначений действий (процедур) в русском языке.

Ключевые слова: деривация, композиты, универбализация.

SUMMARY

Blyumina O.V. The structure of the onomasiological model of univerbalizational composites – designations of actions in the Russian language

The article presents the attempt to define the structure of onomasiological composites' models – indications of actions (procedures) in the Russian language. The author supposes, referring to the theoretical principles of nominatheme conception, that there are three types of such composites – univerbalizational, derivational and quasicomposites. Each of these types has its own structure of onomasiological model. The work examines the structure of onomasiological composites' models – indications of actions (procedures) in the Russian language.

Key words: derivation, composites, univerbalization.

*Л.М. Бражник
(г. Горловка)*

УДК 811.161.1

ЧАСТЕРЕЧНАЯ ТРАНСПОЗИЦИЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Проблема частей речи относится к одной из самых сложных и дискуссионных проблем языкознания, которая до сих пор не получила своего окончательного решения. Так, в современном русском языке одна и та же словоформа может оказаться в синтаксических позициях разных частей речи. По мнению В. В. Бабайцевой, в этом случае возникает «зона синкретизма», то есть «область переходных образований, характеризующихся синтезом дифференциальных признаков взаимодействующих частей речи как в синхронном, так и диахронном планах» [1, с. 37]. Синкретические явления в системе частей речи русского языка широко описаны и охарактеризованы А. А. Камыниной. Лингвист считает, что «Синкретические явления – это совмещение в словах признаков разных категориальных классов. Частеречную транспозицию условно можно свести к трем типам: 1) переход слов из одной знаменательной части речи в другую; 2) переход знаменательных слов в служебные и модальные слова, а также междометия; 3) взаимодействие между служебными словами [3, с. 10]. При этом А. А. Камынина утверждает, что синкретизм на границах частей речи в художественной литературе исследован недостаточно [3, с. 15].

Цель предлагаемой публикации заключается в описании частеречной транспозиции в русском языке. Для достижения поставленной цели ставятся и решаются следующие задачи:

- 1) установить причины синкретизма;
- 2) охарактеризовать узусальные синкретичные слова.

Еще В. В. Виноградов признавал факты перехода слов из одной части речи в другую, но в силу традиции использовал термин «грамматическая омонимия», а не «переходность» [2, с. 30]. Поэтому в русистике возникли разночтения в понимании этих терминов. В своей работе будем опираться на дефиниции, предложенные обоими исследователями: В. В. Виноградовым и А. А. Камыниной.

А. А. Камынина причины синкретических явлений в системе частей речи объясняет функциональным сближением слов, принадлежащих к разным категориальным классам, в таких синтаксических условиях, которые не позволяют или препятствуют реализации в словоформах их грамматических свойств [3, с. 55]. В морфологических категориях происходят постоянные изменения соотношений... толчки к этим преобразованиям идут от синтаксиса [2, с. 40].

Вслед за В. В. Бабайцевой будем различать узуальные и окказиональные синкретичные слова. Первые, как правило, стилистически нейтральны, вторые экспрессивны. Ученый отмечает, что наиболее выразительны окказиональные субстантивации служебных и местоименных слов [1, с. 35].

Примеры изучаемого явления широко представлены в произведении В. С. Пикуля «Фаворит». Синкретизм проявляется в словах категории состояния на – о, которые соотносительны с краткими прилагательными и качественными наречиями: *«А я ведь тебя **хорошо** (наречие) знаю»* [4, с. 39] – *«Иоганна почасту и надолго пропадала из Штеттина: ей, в отличие от домоседа-мужа, было везде **хорошо** (слово категории состояния) (только не дома!)»* [4, с. 6] – *«Кавалергард скромн! Это уже **хорошо** (краткое имя прилагательное)...»* [5, с. 103]; *«Не бойся продолжать. Слушать тебя не **страшно** (наречие)»* [4, с. 31] – *«**Страшно** (слово категории состояния) мне с вами, сударь мой неизбежный...»* [4, с. 4] – *«Впрочем, не так уж смешно все смешное и не так **страшно** (краткое имя прилагательное) все страшное: двадцать линейных кораблей всегда можем выставить к бою только на Балтике...»* [5, с. 137]; *«В рижском замке, **жарко** (наречие) протопленном, царило столь пышное оживление, что в глазах герцогини сразу и навсегда померкли краски берлинских и брауншвейгских празднеств»* [4, с. 16] – *«Было очень **жарко** (слово категории состояния), ночью она спала с открытыми окнами»* [4, с. 76]; *«Девочка **весело** (наречие) рассмеялась»* [4, с. 16] – *«С Румянцевым на войне страшно, зато и **весело** (слово категории состояния)...»* [4, с. 221]; *«Выглядит **прекрасно** (наречие)!»* [4, с. 106] – *«Царское Село было **прекрасно** (краткое имя*

прилагательное)» [4, с. 274]; *«Вот и будет людям смешно (слово категории состояния)...»* [5, с. 67] – *«Впрочем, не так уж смешно (краткое имя прилагательное) все смешное и не так страшно все страшное: двадцать линейных кораблей всегда можем выставить к бою только на Балтике...»* [5, с. 137]; *«Говорят, с совестью жить худо (наречие): а я сам теперь узнал, что жить без совести всего на свете хуже»* [4, с. 176] – *«Это ты прав! Худо нам (слово категории состояния)»* [4, с. 135]. Как видно, в приведенных примерах за единым звуковым комплексом функционируют слова, относящиеся к разным частям речи.

В следующих иллюстрациях зафиксирована грамматическая омонимия общекатегориальных значений предметности и непроцессуального (вторичного) признака предмета, действия и другого признака, например: *«...не выдержал Григорий Орлов, для которого не прошли даром (наречие) ни общение с великим Ломоносовым, ни гатчинские опыты с крестьянами...»* [4, с. 192] – *«Обладая даром (имя существительное) удачного выбора людей, Потемкин управлял точными, определенными директивами, не стесняя ничьей инициативы, которую умел ценить и поддерживать...»* [5, с. 199]; *«От Кисловского не укрылось, что старый майор, обходя дочерей боком (наречие), сына шпынял, больно толкая его при случае ...»* [4, с. 39] – *«Это был протест турецкого Дивана к России, в котором излагалась озабоченность султана по поводу того, что возникшие слухи о скором браке Понятовского с Екатериной могут привести к слиянию Польши с Россией, а Блистательная Порта не потерпит создания под своим боком (имя существительное) столь мощного государственного образования»* [4, с. 131]; *«Бурей (наречие) пронесся regiment князя Радзивилла до Вильно, топча в деревнях поросят, гревшихся в весенних лужах, а заодно калеча и всех прохожих»* [4, с. 128] – *«Крымский хан Каплан-Гирей, застигнутый бурей (имя существительное) войны далеко от Бахчисарая, долго отлеживался в камышах, пока сабельный шрам на его голове не покрылся спасительным струпом»* [4, с. 247]; *«Весной (наречие) Екатерина доложила императрице о новой беременности и рассчитала, что родит в последних числах сентября 1754 года»* [4, с. 29] – *«А чуть повеяло весной (имя существительное), он счел отпуск законченным и отъехал к армии»* [4, с. 280]; *«Братья же Гурьевы нуще (наречие) всех ярились на императрицу»* [4, с. 194] – *«Вот, помню, в литовской нуще (имя существительное) повстречал я медведя... ростом он был со слона!»* [4, с. 194]; *«Скоро мы будем дома (наречие)!»* – *обрадовался русский*

посол» [4, с. 236] – «*Лежал на спине с открытыми глазами, взглядываясь в потемки, слушал визги метельные, в которые гармонично вплетались и скрипы старого, неуютного дома (има существительное)*» [4, с. 268].

Производный характер служебных слов (предлогов, союзов, частиц), их соотносительность со знаменательными частями речи (местоимениями, наречиями, глаголами, деепричастиями, именами существительными) приводит к возникновению «зоны синкретизма», то есть области переходных образований, характеризующихся синтезом дифференциальных признаков взаимодействующих частей речи. Например: «*Салтыков настиг ее на солнечной поляне, густо покрытой ромашками, **вокруг** (наречие) не было ни души*» [4, с. 28] – «*Обвязав веревку **вокруг** (предлог) трубы, начал по ней спускаться*» [4, с. 50]; «*Екатерина указала вывести его **прочь** (наречие)*» [4, с. 157] – «***Прочь!** (междометие) И больше на глаза не являйся...*» [4, с. 108]; «*Фридрих II вызвал к **себе** (местоимение) министра Подевильса*» [4, с. 11] – «*Столь избыточная довольством страна, при добром климате и плодородии баснословном, в казну русскую ничего не дает, а Россия знай **себе** (частица) в Украину тыщи бухает, как в прорву ненасытную, и куда там все девается – ума не приложу... Пей!*» [4, с. 148]; «*Учись смотреть людям **прямо** (наречие) в глаза*» [4, с. 39] – «*А каков князь Петр! **Прямо** (частица) куколка*» [5, с. 26]; «***Было** (глагол) ли когда от нее спасение? – спросила царица*» [4, с. 138] – «*Ванюшка хотел уже **было** (частица) начать исправное «рукоделие» по зубам и загривам, но кулак разжал и вздохнул удрученно*» [4, с. 109]; «*Паленым пахнет, – **точно** (наречие) определил Шкурин*» [4, с. 54] – «*И что на тарелках оставалось, все поглощала с завидною жадностью, а фруктаж редкостный (будь то корки апельсинов или ананасов) совала в прорехи платья, **точно** (союз) цыганка-побирушка*» [4, с. 43]; «*Светлейший во время войны получал жалованья полтора рубля в месяц – как рядовой запорожец: беря эти гроши, Потемкин вставал на бочку, низжайше **благодаря** (деепричастие) казаков, и запорожцы, пуская по кругу хмельную чашу, считали его своим «товарищем», которого можно разбудить среди ночи и попросить полтинник на табак*» [5, с. 237] – «*Каждый из них считал, что она превратилась в Екатерину II лишь **благодаря** (предлог) его услугам, и даже мальчик-барабаничик, выстукивая палками боевую дробь, смотрел на императрицу как на собственное создание*» [4, с. 83]; «***Что** (местоимение) кроется за семейной тайной?»* [4, с. 6] – «*Ну **что** (частица) ж, Алеша! – сказала она своему фавориту Разумовскому*» [4, с. 11] – «*Он сказал, **что** (союз) не простит туркам...*» [4, с. 217] – «***Что***

(вопросительная частица (составная)) *же ты, разбойник, за долгами моими не уследил?*» [5, с. 183]. Из фрагментов контекстов видно, что выделенные слова функционируют и как самостоятельные, и как служебные части речи.

Синкретизм внутри служебных частей речи в «Фаворите» В. Пикуля представлен не так широко, например: *«Доцветали на Москве сады и (союз) огороды, душно было...»* [4, с. 2] – *«И (частица) когда все это кончится?» – терзалась Екатерина»* [4, с. 24]; *«Но языка не трепли попусту, а (союз) докладываяй экстрактно, потому как время обеденное, а (союз) мы с утра раннего сидим тут не пивши, не евши – калекami разными утруждаемся...»* [4, с. 2] – *«Дай мне три рубля, Васенька, а (частица)?»* [4, с. 256] – *«А (междометие), вот и ты, старина Позье!»* [4, с. 68]; *«От стола-то свадебного его сразу в инфантерию Петра I затолкали, и закувыркало недоросля в битвах да (союз) маршах, только успевай поворачиваться»* [4, с. 3] – *«Вас научила просить об этом мать?» – «Да, (частица) – созналась Фикс...»* [4, с. 7].

Рассматривая синкретические явления в системе частей речи на материале произведения В. Пикуля, можем сделать следующий вывод: причиной возникновения синкретичных слов являются деривационные процессы, происходящие в русском языке. На них же указывала А. А. Камынина [3, с. 20]. В. В. Виноградов, как отмечалось выше, источники таких преобразований видит в синтаксисе. В анализируемых текстах наиболее частотны случаи узуальных грамматических омонимов.

Из вышеизложенного следует, что стабильность системы частей речи в русском языке базируется на типичных единицах каждого класса, обладающих всем набором признаков, по которым одна часть речи отличается от другой. Синкретичные слова доказывают то, что традиционно в лексико-грамматические классы включаются словоформы, которые подводятся под общие определения лишь частично.

Изучение причин возникновения синкретичных слов вызвано требованиями педагогической лингвистики, что очень важно при преподавании русского языка. Результаты исследования могут быть использованы в программе высших учебных заведений при чтении курса «Современный русский литературный язык (Морфология)».

ЛИТЕРАТУРА

1. Бабайцева В. В. Зона синкретизма в системе частей речи современного русского языка / В. В. Бабайцева // Филологические науки. – 1983. – № 5. – С. 37-43.

2. Виноградов В. В. Русский язык: Грамматическое учение о слове / В. В. Виноградов. – М., 1972. – 639 с.
3. Камынина А. А. Современный русский язык. Морфология: Учебное пособие / А. А. Камынина. – М., 1999. – 240 с.
4. Пикуль В. С. Фаворит. [Электронный ресурс] / В. С. Пикуль // Книга 1. – Режим доступа: <http://www.gramotey.com/books/40119477524899.htm>
5. Пикуль В. С. Фаворит. [Электронный ресурс] / В. С. Пикуль // Книга 2. – Режим доступа: <http://www.gramotey.com/books/40119477524906.htm>

АННОТАЦИЯ

Бражник Л.М. Частеречная транспозиция в русском языке

Статья посвящена одной из самых сложных и дискуссионных проблем языкознания: изучению узуальных синкретичных слов в русском языке, исследование которых обусловлено требованиями педагогической лингвистики. Источником узуальных синкретичных слов является частеречная транспозиция, которая сводится к трем типам.

Ключевые слова: синкретизм, узуальный, синкретичные единицы, переходные явления, служебные слова, частеречная транспозиция.

SUMMARY

Brazhnik L.M. Transposition of parts of speech in the Russian language

The article is devoted to one of the most complicated and debatable problems of linguistics: to the study of the current syncretic words in Russian, research of which is conditioned by the requirements of pedagogical linguistics. The source of the current syncretic words is transposition of parts of speech that is reduced to three basic types.

Key words: syncretism current, syncretic units, transitional phenomena, empty words, transposition of parts of speech.

УДК 81'373.611–613.811.111

**ОСНОВНЫЕ ФАКТОРЫ, СПОСОБСТВУЮЩИЕ
РЕАЛИЗАЦИИ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ
ВОЗМОЖНОСТЕЙ СУБСТАНТИВОВ
В АМЕРИКАНСКОМ ВАРИАНТЕ
АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА**

Различия между вариантами и диалектами английского языка наиболее ярко отражаются в его лексическом составе. Формирование лексического своеобразия американского варианта происходит различными способами, один из которых – образование новых слов. Наибольший интерес представляют неологизмы, созданные на базе американских единиц, которые являются эквивалентами единиц британского английского. Данная тема чрезвычайно актуальна в силу глобального межязыкового взаимодействия, в целом, и возрастания роли американского английского языка, в частности.

Целью данной работы является исследование факторов, способствующих реализации словообразовательных возможностей субстантивов в американском варианте английского языка.

Достижение цели возможно при реализации следующих задач: создание базы пар субстантивов, в которых одна единица является словом британского английского языка, а вторая – его американским эквивалентом; сопоставление языковой словообразовательной продуктивности исследуемых существительных каждой пары; анализ причин, которые содействовали реализации словообразовательного потенциала субстантивов в американском варианте английского языка.

Исследованию вопросов потенциала лексем английского языка на уровне словообразования посвящены работы И.Н. Алимова, Л.А. Вертоградовой, И.А. Галуцких, Э.Т. Дерди, Г.В. Комарова, В.Г. Костенко, Е.Э. Науменко, В.И. Пушкар, В.Р. Саркисянц и др. Факторы, влияющие на деривационные возможности единиц данного языка, являлись предметом изучения Л.П. Балабаевой, Н.А. Янко, Л.А. Телегина, однако американские субстантивы в данном аспекте не рассматривались.

Ранее нами была сделана попытка проанализировать основные причины, способствующие реализации словообразовательного потенциала существительных британского английского языка [1]. Путем сплошной выборки из словаря

“Longman Dictionary of Contemporary English” [2] было отобрано 498 пар субстантивов, в которых один компонент является британским английским, а другой – его американским эквивалентом. Результаты проведенного анализа показали, что первостепенными причинами, благоприятствующими большей реализации словообразовательного потенциала британских английских существительных по сравнению с их американскими эквивалентами (68 пар, 13,65 %), являются, во-первых, более высокая частотность употребления британских единиц, во-вторых, большее количество значений у данных субстантивов, а также комбинированное влияние данных факторов [1, с. 43-44].

По итогам исследования, предложенным в данной работе, следует то, что 60 пар (12,05 %) составляют те субстантивы, у которых американское английское существительное имеет большую реализацию словообразовательных возможностей, чем его британский вариант. Исходя из цели исследования, обозначенной в статье, проведем детальное рассмотрение данной группы пар. Отметим, что средняя словообразовательная продуктивность британских существительных в этой группе составляет 0,7 производных единицы, американских эквивалентов – 4,5 производных единицы. Отсюда, в среднем от каждой американской единицы образовано на 3,8 слова больше, чем от британской.

На большую словообразовательную продуктивность анализируемых американских существительных оказали влияние как главные факторы словообразовательной продуктивности слов – 42 пары (70 %), так и дополнительные – 18 пар (30 %).

Главные причины словообразовательной продуктивности слова (фактор частотности употребления слов (Ч), семантический (См), словообразовательный (Сл) и стилистический (Ст) факторы), которые являются благоприятствующими для реализации словообразовательного потенциала американских английских субстантивов, отображены в таблице 1.

Таблица 1
Влияние главных факторов на языковую
словообразовательную продуктивность американских
английских существительных

Факторы	Пары существительных	
	абс.	%
Ч + См	14	33,33
См	12	28,57
Ч + См + Сл	5	11,91

См + Сл	4	9,53
См + Ст	3	7,14
Ч + См + Ст	2	4,76
Ч	1	2,38
Ч + Сл	1	2,38
Всего	42	100

Проведем сопоставительный анализ существительных каждой подгруппы. В данной работе пары существительных представлены таким образом, что первое существительное в паре является единицей британского английского языка, а второе – американским вариантом.

Наибольшую подгруппу представляют пары слов, у которых на большую реализацию словообразовательных возможностей американских существительных повлияло сочетание двух факторов: частотности употребления слова и семантического фактора. (Основанием показателей частотности употребления слов являются данные, приведенные в словаре [2].) Большинство британских существительных этой подгруппы характеризуются нулевой реальной словообразовательной продуктивностью, например, моносемантическое слово *lorry*, бисемантическое слово *sachet*, которые не входят в три тысячи наиболее частотных слов. У соответствующих им американских эквивалентов больше значений и выше частотность употребления: *truck* имеет 3 значения и входит во вторую тысячу слов, часто употребляемых в устной речи, и третью – в письменной, *packet* имеет 4 значения и входит во вторую тысячу слов, часто употребляемых в устной речи. У субстантива *truck* 6 производных слов (*truck* (v.), *trucker*, *truck farm*, *trucking*, *truckload*, *truck shop*), у *packet* – 2 (*packet boat*, *packet-switching*).

Следующим по значимости для реализации словообразовательного потенциала существительных американского варианта английского языка является семантический фактор, иными словами, большее количество значений по сравнению с британскими эквивалентом. Так, у британских существительных *houseman*, *power point*, *plait* по одному значению, производные от данных слов не зафиксированы в словаре. У их американских эквивалентов больше значений (*intern* – 2, *outlet* – 4, *braid* – 2) и они являются исходными словами для таких слов, как *internship*, *internal*, *internally*, *internal combustion engine*, *internalize*, *internalization*, *internal medicine*, *outlet mall*, *outlet store*, *outlet village*, *braid* (v.), соответственно.

Проанализируем примеры из подгруппы тех пар, в которых на большую словообразовательную продуктивность американских существительных оказало влияние три явления: их более высокая частотность употребления, большее количество значений и более простая морфологическая структура. Американское существительное *pump* имеет 3 значения, входит в третью тысячу слов, часто употребляемых в устной речи, является простым по структуре, от него образовано 3 единицы: *pump* (v.), *pump-action*, *pump-priming*; британское *court shoe* имеет одно значение, не входит в три тысячи часто употребляемых слов, является сложным, не имеет зафиксированных словарем производных. Подобные тенденции находим в паре *full stop* – *period*, в которой британское существительное имеет одно значение, не входит в три тысячи часто употребляемых слов, является сложным словом, не имеет зафиксированных в словаре производных, а американский эквивалент характеризуется тем, что он имеет 7 значений, входит в первую тысячу слов, часто употребляемых в устной и письменной речи, является простым по морфологической структуре, от него образовано 6 единиц: *period* (adj.), *periodic*, *periodical*, *periodic table*, *period pain*, *period piece*.

Сочетание семантического и словообразовательного факторов оказали большее влияние на ряд пар с большей реальной словообразовательной продуктивностью американских существительных. Например, у субстантива *purse* 4 значения и он состоит только из корня, у субстантива *handbag* одно значение и в его состав входит два корня. Производными словами первой единицы являются *purse* (v.) и *purser*, у второй единицы не существует производных, зафиксированных словарем на данный момент. Бисемантическое сложное по структуре существительное *sideboard* не имеет производных, а от его простого по составу американского эквивалента *buffet*, у которого 3 значения, словарем зафиксировано 3 производных: *buffet* (v.), *buffet car*, *buffeting*.

Приведем пример пар, в которых большее количество значений и неформальный стиль употребления американских существительных повлияли на их более высокую словообразовательную продуктивность по сравнению с британскими эквивалентами: *bonnet* (2 стилистически немаркированных значения, не зафиксированы производные слова) – *hood* (6 значений, два из которых имеют неформальную сферу употребления, 4 производных слова: *hooded*, *hoodie*, *hoodlum*, *hood wink*).

Влияние трех факторов словообразовательной продуктивности: частотности употребления слова,

семантического и стилистического факторов, – наблюдаем в парах субстантивов *queue – line* и *clomp – boot*. У американского субстантива *line* 18 производных слов (*line* (v.), *lineage*, *lineal*, *lineament*, *linear*, *linebacker*, *lined*, *line dancing*, *line drawing*, *lineman*, *line management*, *line manger*, *line-out*, *line printer*, *liner*, *liner note*, *lines-man*, *line-up*), у британского *queue* – 3 (*queue* (v.), *queue-jump*, *queue-jumping*). Наблюдаем влияние фактора частотности употребления (*line* является словом из первой тысячи слов, наиболее употребляемых в устной и письменной речи, *queue* входит в третью тысячу слов, часто употребляемых в устной речи), семантического фактора (*line* – 22 значения, *queue* – 4 значения) и стилистического фактора (в одном из значений слово *line* употребляется неформально). У американского существительного *boot* больше значений (4), выше частотность употребления (оно входит во вторую тысячу слов, часто употребляемых в устной речи, и третью – в письменной), чем у британского существительного *clomp* (слово имеет 2 значения и не входит в три тысячи наиболее часто употребляемых слов). Более того, одно из значений существительного *boot* относится к неформальному стилю. От британского субстантива образовано одно слово *clompedown*, от американского – 12 слов (*boot* (v.), *boot camp*, *bootcut*, *bootee*, *bootlace*, *bootleg* (adj.), *bootleg* (n.), *bootleg* (v.), *boot sale*, *bootstraps*, *booty*, *bootylicious*).

Превосходство некоторых единичных американских существительных в количестве производных слов может зависеть от влияния других факторов. Например, британское существительное *caravan* не входит в три тысячи часто употребляемых слов, американское *trailer* входит в третью тысячу слов, наиболее часто употребляемых в устной речи. Как результат, влияние фактора частотности на количество производных: *caravan*, *caravanning*, *caravan serai*, *trailer park*, *trailer court*, *trailer trash*, *trailing*, соответственно. Американское существительное *draft* не только является высокочастотным словом (входит во вторую тысячу слов, часто употребляемых в устной речи, и в третью – в письменной), но и имеет в своем составе только корень. У британского эквивалента *call-up* более сложная структура и оно не входит в три тысячи наиболее часто употребляемых слов. Словарь не фиксирует производные у британского субстантива, а у американского – 9 производных (*draft* (v.), *draft* (adj.), *draft board*, *draft card*, *draft dodger*, *drafted*, *drafter*, *draftsman*, *drafty*).

Рассмотрим примеры пар, в которых на большую словообразовательную продуктивность американских существительных оказали влияние не главные, а дополнительные

факторы. Существительные пары *lift*–*elevator* имеют одинаковую частотность употребления (входят в третью тысячу слов, часто употребляемых в устной и письменной речи), у британского простого по составу существительного больше значений (*lift* – 4 значения, *elevator* – 2 значения), однако у него не зафиксированы производные слова в отличие от американского эквивалента, имеющего одно производное *elevator music*. В другой паре *diversion* – *detour* субстантивы не входят в три тысячи наиболее частотных слов, у британского существительного больше значений (*diversion* – 4 значения, *detour* – 2 значения), а производное слово образовано только от американской единицы – *detour* (v.). В следующей паре у американского субстантива *apartment* 3 производных (*apartment block*, *apartment building*, *apartment house*), у британского эквивалента – 2 (*flatlet*, *flatmate*), хотя у британского существительного больше значений (*flat* – 5, *apartment* – 2) и оно является простым по составу. Что касается частотности употребления, то оба существительных входят во вторую тысячу слов, часто употребляемых в устной речи, и в третью – в письменной. Считаем, что анализ дополнительных факторов словообразовательной продуктивности субстантивов американского варианта английского языка требует отдельного изучения.

Как следует из вышеизложенного, главными факторами, способствующими большей реализации словообразовательного потенциала американских английских существительных по сравнению с их британскими эквивалентами, является комбинированное влияние большего количества значений и более высокая частотность употребления американской единицы, а также отдельное влияние большего количества значений данных лексем.

Перспективным считаем сопоставительный анализ факторов, которые ограничивают реализацию словообразовательного потенциала британских английских существительных и их эквивалентов в американском варианте английского языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Волкова Н.В. Основные причины, способствующие реализации словообразовательного потенциала существительных британского английского языка [Электронный ресурс] / Н.В. Волкова // Наука и мир в языковом пространстве : сб. науч. трудов Республиканской очно-заочной научной конференции (20 ноября 2015 г.). – Макеевка, 2015. – С. 39-44. – Режим доступа : <http://donnasa.ru/inform.php?lng=r&pid=2468&art=2469>.

2. Longman Dictionary of Contemporary English / [dir. D. Summers]. – Oxford : Pearson Education Limited, 2006. – 1951 p.

АННОТАЦИЯ

Волкова Н.В. Основные факторы, способствующие реализации словообразовательных возможностей субстантивов в американском варианте английского языка

В статье рассматривается вопрос словообразовательных возможностей американских субстантивов в британском английском языке. Автор сопоставляет словообразовательные неологизмы, созданные на базе синонимичных американских и британских лексем. Основной акцент делается на факторах, способствующих реализации возможностей американских единиц на уровне словообразования.

Ключевые слова: субстантив, словообразовательные возможности, фактор, американский английский язык, британский английский язык.

SUMMARY

Volkova N.V. The main factors that influence the word-forming potential of substantives in American English

The article deals with the problem of the word-forming potential of substantives in American English. The author contrasts the word-forming neologisms formed on the basis of American and British synonyms. The accent is made on the study of the factors that influence the development of word-forming potential of American units.

Key words: substantive, word-forming potential, factor, American English, British English.

*С.П. Волосевич
(г. Горловка)*

УДК 81'373.7

ПРЕОБРАЗОВАННЫЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ КАК СРЕДСТВО СОЗДАНИЯ СВЯЗНОСТИ ТЕКСТА

С интенсивным развитием лингвистики текста область лингвистического исследования существенно расширилась. Происходит все большее сближение лингвистики текста с лингвостилистикой. Проблемы композиции текста, его членения, информативности, интеграции и некоторые другие непосредственно

затрагивают область стилистики. Это очевидно, когда в анализе путей и способов реализации той или иной категории текста приходится обращаться к стилистическим приемам и другим средствам актуализации отдельных частей высказывания [1, с. 12].

Цель данной статьи – определить роль одного из частотных приемов стилистического преобразования фразеологизмов – замены компонентов фразеологизмов – в реализации категории ретроспекции как средства создания связности текста.

Ретроспекция понимается как свойство текста заставлять обращаться к ранее сообщенной содержательно-фактуальной информации [2, с. 106].

В данной статье рассматриваются ассоциативно-контекстуальные и контекстуальные замены. К первым относятся замены компонентов словами, имеющими с ними системные отношения в языке, а ко вторым – замены компонентов фразеологизмов словами, не связанными с ними семантически. Общим для двух типов замен является их мотивированность контекстом.

Известно, что именно с окказиональным употреблением фразеологизма связаны его большая зависимость от контекста и более тесное взаимодействие между ними. Вместе с тем цепочки предложений могут представлять собой связанные последовательности. Такие связанные последовательности выступают в виде монологических единств – тематических объединений предложений, которые принято называть «сверхфразовыми единствами», и диалогических единств, представляющих собой тематические объединения встречно-направленных реплик диалога.

Сверхфразовые и диалогические единства могут объединяться в более крупные единицы текста – текстовые сегменты. Текстовый сегмент имеет относительную самостоятельность как микротекст со своей микросистемой в структуре целого текста и характеризуется непрерывным развертыванием данной микротемы. Таким образом, взаимодействие обновленного фразеологизма и лексических единиц контекста осуществляется как в рамках минимальных конститuentов текста, то есть предложений, так и в рамках более крупных текстовых сегментов.

В данной статье рассматриваются только те замены, которые мотивированы контекстом.

Уточним положение о собственно мотивированности замен компонентов. С этой целью вводятся следующие термины (определения): мотивирующий элемент (МЭ), мотивирующий фактор (МФ), прямой, косвенный и имплицитный мотивирующие факторы.

Под мотивирующим фактором понимается: а) предложение, включающее МЭ, б) предложение, не содержащее МЭ и связанное с компонентом-заменителем на уровне смысловых и логико-ассоциативных связей.

Наличие в контексте одного МЭ или одного МФ представляет собой наиболее простые случаи мотивированности замен компонентов. Зачастую контекст содержит несколько МЭ и МФ. В таких случаях иногда представляется возможным отграничить прямой МФ от косвенных и имплицитных МФ. Прямой МФ обычно связан с семантикой обновляемого фразеологизма и примыкает к нему. У косвенных и имплицитных МФ более тесные связи между входящими в них МЭ и компонентом-заменителем. Косвенным и имплицитным МФ свойственно более отдаленное расположение по отношению к обновленному фразеологизму. Имплицитные МФ характеризуются тем, что они могут быть рассеяны по всему тексту произведения и обязательно содержат МЭ. Отличие косвенных МФ от имплицитных МФ заключается в том, что косвенные МФ выявляются в рамках темы контекста, а имплицитные МФ выявляются только тогда, когда они связаны с одной из тем всего произведения и способствуют его раскрытию.

Рассмотрим механизм создания связности текста посредством ретроспекции. Одним из исходных положений нашего исследования является то, что компонент-заменитель при окказиональном употреблении фразеологизма служит стимулом ретроспекции. Это положение актуально в тех случаях, когда замена компонентов фразеологизма подготавливается предшествующим развертыванием контекста.

Появление компонента-заменителя в составе обновленного фразеологизма всегда, в большей или меньшей степени, связано с эффектом обманутого ожидания. Эффект обманутого ожидания представляет собой нарушение субъективно-читательской проспекции, что неизбежно влечет за собой появление ретроспекции.

Можно выделить две фазы обновления фразеологизма. Первая из них сводится к созданию отклонения от узуальной формы фразеологизма под влиянием МЭ или МФ. Вторая включает два момента: а) в сознании читателя на автоматическом уровне восприятия обновленный фразеологизм восстанавливает свою исходную форму, б) читатель проходит обратный путь от обновленного фразеологизма к МФ.

Ниже мы попытаемся очертить круг тех видов ретроспекции, в реализации которых участвует прием замены компонентов фразеологизмов. Отметим, что при замене компонентов фразеологизмов ретроспекция так или

иначе возникает в связи с намерением автора и имплицитно приобретает объективно-авторский характер. В ряде случаев прием может формировать и субъективно-читательскую ретроспекцию, которая является результатом индивидуально-творческого восприятия повествования.

Принимая во внимание механизм создания ретроспекции при замене компонента, можно предположить, что замена компонентов реализует только отсылочную ретроспекцию. Отсылочная ретроспекция функционирует как в рамках поступательного развития повествования, так и в ретроспективных отрезках текста. В связи с этим уместно поставить вопрос о степени значимости обновленных фразеологизмов в создании ретроспекции в отрезках, развивающих повествование поступательно, с одной стороны, и ретроспективных отрезках – с другой. Степень значимости языковых единиц определяется по тому, насколько монополярно они участвуют в выражении той или иной категории. В отрезках текста, отражающих поступательное развитие повествования, замена компонентов обычно выступает как единственное средство ретроспективных отсылок. В ретроспективных отрезках ретроспективное восприятие обеспечивается рядом факторов, включая композиционное построение текста, а замена компонентов выявляется в качестве вспомогательного средства ретроспекции.

Известно, что ретроспекция, реализующаяся в рамках одного или нескольких абзацев, определяется как концентрированная; ретроспекция, рассредоточенная по всему тексту, определяется как рассеянная. Мы будем следовать этой терминологии, однако уточним, что под концентрированной ретроспекцией мы также понимаем ретроспекцию, реализующуюся в пределах СФЕ. И концентрированная, и рассеянная ретроспекции предполагают наличие нескольких МФ.

Исходя из расположения МФ в тексте по отношению к предложению, содержащему обновленный фразеологизм, выделяются следующие виды ретроспекции: 1) контактная – предложение, содержащее обновленный фразеологизм, и МФ расположены в рамках СФЕ, диалогического единства или сегмента текста, 2) дистантная – МФ отделен от такого предложения вклинивающимися одним или несколькими СФЕ иного тематического плана. В ряде случаев вклиниваются не СФЕ, а более крупные единицы объемно-прагматического членения текста: глава, несколько глав.

Остановимся на специфических особенностях ретроспекции, реализуемой заменой компонентов. Анализ материала проводится с учетом следующих параметров: 1) позиция

мотивирующего фактора/факторов, 2) количество МФ, 3) тип контекста: а) поступательное развитие повествования, б) ретроспективный.

Механизм создания ретроспективных отсылок показывает, что основным свойством ретроспекции данного типа является интегрирование отдельных отрезков текста путем создания более тесных связей между МФ и предложением, содержащим обновленный фразеологизм. Роль ретроспекции, создаваемой заменой компонентов, не ограничивается усилением интеграции контекста. Определенный интерес представляет ее информативный аспект. Ретроспекция, возвращая читателя к сообщенной ранее содержательно-фактуальной информации (далее СФИ), способствует выделению, подчеркиванию определенной ее части. Такое выделение части СФИ иногда сводится всего лишь к повторному ее восприятию. Информативная значимость ретроспекции в таких случаях минимальна. Но информативный аспект ретроспекции может становиться значимым тогда, когда ретроспективные отсылки заостряют внимание читателя на тех отрезках текста, которые важны для мотивировки дальнейших событий, характеристики персонажей, или тогда, когда возвращение к ранее сообщенной СФИ способствует раскрытию главных тем произведения. В последнем случае роль информативного аспекта ретроспекции становится максимальной.

При анализе материала рассматриваются две функции ретроспекции: интегрирующая и информативная. Мы исходим из того, что соотношение интегрирующего и информативного аспектов ретроспекции данного типа подвижно. Увеличение роли того или иного аспекта ставится в зависимость от указанных выше параметров.

1. Один МФ контактно предшествует фразеологизму в контексте поступательного развития повествования: *"I didn't mean to hurt you, sweet," she said. "But we are old friends and we used to say what we meant to each other."*

"You've become the town bang since then. Your words," he said, cruelly, retaliating. "And I've something maybe worse, only I don't have your gift of phrasing to describe it. Let's leave sleeping friendships lie." (IS, 171).

Пример иллюстрирует контактную ретроспекцию, которая выступает как средство создания микроинтеграции контекста. Роль информативного аспекта ретроспекции минимальна.

2. Несколько МФ контактно предшествуют фразеологизму в контексте поступательного развития повествования:

"Frankly, I need the money."

"You had a hit last year," she said, knowing she shouldn't push him, but pushing him nevertheless.

"Between Uncle Sam and the alimony, my bank is howling." He grimaced. "Lincoln freed the slaves in 1863, but he overlooked the married men."

Love, like almost everything these days, was a function of the Internal Revenue Service. We embrace between tax forms. I ought to introduce you," she said, "to Johnny Heath and my brother. They swim like fish among the deductions."

"Businessmen," he said. "They Know the magic. When my tax man sees my records he puts his head in his hands and weeps. No use crying over spilt money ..." (IS2, 426-427).

Прямым МФ выступает предложение, непосредственно предшествующее обновленному фразеологизму и содержащее МЭ *tax man* и *records*. Данный контекст включает также несколько косвенных МФ замены. Это прежде всего предложение с МЭ одного тематического ряда с компонентом-заменителем: *alimony, bank, the Internal Revenue Service, tax forms, deductions, businessmen*. Косвенным МФ является также предложение *you had a hit last year*, так как оно подразумевает "ты достаточно заработал денег в прошлом году". Функция ретроспекции здесь также заключается в создании интеграции контекста, но на более высоком уровне, чем в ранее рассмотренном примере. Выявляется прямая зависимость – чем больше мотивирующих факторов у замены компонентов, тем весомее интегрирующая функция ретроспекции. Все восемь МФ расположены в пределах четырех последовательно расположенных абзацев. Такая ретроспекция определяется нами как контактная концентрированная ретроспекция.

3. Несколько дистантных МФ в контексте поступательного развития повествования

МФ зачастую чередуются с вклинивающимися СФЕ. Такие СФЕ, хотя и принимают участие в развитии темы контекста, имеют свои микротемы и не содержат МФ. В следующем примере анализируемый контекст состоит из шести СФЕ. Последнее СФЕ содержит обновленный фразеологизм.

"Rudy," Willie said, "what would you think of me as a brother-in-law?" Rudolph looked at him soberly. Considering green eyes. "I don't know you," he said. "That's it, Rudy, don't give anything away. That's my big trouble. I'm too open. I wear my heart on my tongue." (IS2, 238)

МФ расположены только в первом и третьем СФЕ:

"We can speak frankly," Willie said, grinning. "I have explained everything to Rudy. I have told him that we are only technically living

in sin. I've told him I have asked for your hand in marriage and that you have rejected me, although not for long."

"I did," Willie said. "I hide nothing from brothers of women I love. MY marriage was a whim of youth, a passing cloud, no bigger than a man's hand. Rudy is an intelligent young man. He understands. He will go far. He will dance at our wedding. He will support us in our old age."

Наряду с интегрирующей функцией ретроспекции особое значение приобретает в примере ее информативный аспект. Читатель, вновь возвращаясь к ранее сообщенной СФИ, концентрирует свое внимание на характерной черте персонажа – его чрезмерной откровенности, граничащей с болтливостью. Такая ретроспективная актуализация СФИ может неявно порождать читательскую проспекцию. В анализируемом произведении в дальнейшем повествовании читательская проспекция находит свое подтверждение: Вилли действительно выбалтывает подробности своей личной жизни.

"Willie ought to learn to keep his mouth shut." Rudolph was shocked that Willie would say something like that to a woman, any woman, to anybody about his life. He would never quite trust Willie again or completely like him again (IS2, 339).

Выше уже подчеркивалось, что ретроспекция, порождаемая заменой компонентов, может иметь субъективно-читательский характер. Мера читательской субъективности тесно связана с явной или неявной выраженностью МФ. Наименее выраженными являются те МФ, которые отделены от обновленного фразеологизма значительными по объему отрезками текста, например, главой или несколькими главами. Такие МФ обычно не дают непосредственного импульса для замены компонентов и, по сути, могут рассматриваться только как имплицитные МФ. В романе Д. Стейнбека «Зима тревоги нашей» Эллен, дочь героя произведения Итена Хоули, пытается сообщить отцу важную новость, Итен скрывается от нее в ванной комнате.

"I said King's X, Miss Hothouse Rhubarb, and I meant King's X." I slammed the door and shouted, "A man's bathroom is his castle." And heard her laugh. I don't trust children when they laugh at my jokes (JB, 205).

На первый взгляд, появление компонента-заменивателя bathroom обусловлено исключительно местом общения и не обнаруживает контекстуальных мотивов замены. Однако на странице 17 романа читатель встречается со следующим рассуждением Итена:

A clerk in a grocery store – Marrullo's grocery store – a man with a wife and two darling children. When is he alone, when can he be

alone? Customers in the daytime, wife and kiddies in the evening; wife at night, customers in the daytime, wife and kiddies in the evening. "Bathroom – that's when," Ethan said loudly, and right now, before I open the sluice.

На странице 39 Итен рассказывает о своем потайном месте на берегу моря, где он может уединиться:

It is odd how a man believes he can think better in a special place. I have such a place? Have always had it, but I know it isn't thinking I do there, but feeling and experiencing and remembering. It's a safety place – everyone must have one, although I never heard a man tell of it. ... I caused myself to need the bathroom, and when it was so, got up and went. And afterward I went quietly downstairs, carrying my clothes, and dressed in the kitchen.

Необходимо подчеркнуть, что ретроспективное восприятие читателем данных отрезков текста тесно связано с одной из основных тем романа – темой одиночества Итена. Если в первом отрезке текста прямо указывается на то, что у Итена возникает желание побыть наедине с собой и определяется место, где это возможно, то во втором примере ванная комната – один из обязательных этапов, через которые проходит Итен на своем пути к уединению.

Ретроспективное восприятие читателем данных отрезков текста немыслимо вне связи с одной из основных тем романа – темой одиночества Итена. В романе встречается много отрезков текста, содержащих слово *bathroom*, но не связанных с темой произведения. Они не воспринимаются ретроспективно. В примере ретроспективно воспринимаемые отрезки способствуют раскрытию темы произведения, но в тоже время их ретроспективное восприятие диктуется самой темой. Создается положение, когда стимулом ретроспекции выступает не только компонент-заменитель, но и тема романа.

Типы ретроспекции в примере – дистантная, рассеянная. Максимально выражены обе функции ретроспекции – информативная и интегрирующая.

Все рассмотренные выше примеры иллюстрируют ретроспекцию в контексте поступательного развития повествования. Обратимся к примеру, иллюстрирующему употребление обновленного фразеологизма в ретроспективном отрезке текста. В романе Д. Фаулза «Даниел Мартин» в главе *The Returns* ретроспективный отрезок текста возвращает нас к студенческим годам Даниела. В этом же отрезке имеется небольшая заметка, помещенная приятелем Даниела в отделе светской хроники газеты. Часть этой заметки приводится в качестве примера:

We have it straight from the hearse's mouth that one of our budding Ben Jonsons is peeved beyond words – a merciful release, some may think (not us, we like the lad). Seems he was absent-mindedly propelling the wrong Heavenly Twin recently down a retired backwater when ... okay, so you read the papers too (JF, 102).

Заметка вкратце излагает события, описанные в главе The Woman in the Reeds, которую отделяют от приведенного примера более восьмидесяти страниц текста. В главе речь идет, в частности, о найденном Даниелом теле убитой женщины. Заметка в газете дает читателю лишь косвенное указание на события – okay, so you read the papers too. Основная информативная нагрузка падает на компонент-заменитель hearse, заставляющий читателя вспомнить детали происшествия. Выявляется целый ряд МФ, содержащих МЭ: a dead body, a bloody awful sight, maggots, etc. Интегрирующая роль ретроспекции, обусловленной заменой компонента, минимальна, так как она выступает в рамках ретроспективного отрезка текста. Но значителен ее информативный потенциал, так как она заостряет внимание читателя на конкретной СФИ и является практически единственным средством ее актуализации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гальперин И. Р. Проблемы лингвостилистики // Новое в зарубежной лингвистике / И. Р. Гальперин. – М.: Прогресс, 1980. – Вып. IX. – С. 5-36.
2. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования / И. Р. Гальперин. – М.: КомКнига, 2007. – 144 с.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

1. I. Shaw. The Top of the Hill. London, 1985 (IS)
2. I. Shaw. Rich Man, Poor Man. London, 1985 (IS2)
3. J. Steinbeck. The Winter of Our Discontent. Moscow, 1985 (JS)
4. J. Fowles. Daniel Martin. New York, 1976 (JF).

АННОТАЦИЯ

Волосевич С.П. Преобразованные фразеологизмы как средство создания связности текста

Данная статья посвящена категории связности текста и роли ретроспекции в реализации данной категории. Анализируется создание ретроспекции в результате использования фразеологизмов, преобразованных посредством замены компонентов. Особое внимание уделено изучению мотивированности замен элементами предтекста. Выделяются мотивирующие элементы и мотивирующие факторы, способствующие созданию связности текста.

Ключевые слова: связность текста, ретроспекция, фразеологическая единица, мотивирующий фактор, мотивирующий элемент.

SUMMARY

Volosevich S.P. Transformed idioms as a means of creating text cohesion

This article explores the category of text cohesion and the role of retrospection in the implementation of this category. The creation of retrospection is analyzed as a result of employment of idioms transformed by means of component substitution. Special consideration is given to the study of the motivation of component substitution by the elements of the preceding context. Motivating elements as well as motivating factors stimulating the text cohesion are singled out.

Key words: text cohesion, retrospection, idiom, motivating factor, motivating element.

*Е.А. Воркачева
(г. Краснодар, Россия)*

УДК 81'37: 811.111

СЕМАНТИКА ЖЕЛАНИЯ И РЕЧЕВОЕ УПОТРЕБЛЕНИЕ ГЛАГОЛА *TO WISH*

Как установлено, желание и мнение представляют собой базовые пропозициональные установки, полностью покрывающие семантическую область отношения человека к миру (см.: [5, с. 15]). Желание – «сама сущность или природа каждого» [17, с. 501] – занимает центральное место в психике человека и является мотивом всех его произвольных действий, в качестве семантического множителя оно способно входить в толкование практически любого эмоционального проявления, требующего от субъекта адекватной реакции (см.: [7, с. 499]).

Философские определения желания («желание есть влечение с сознанием его» – [17, с. 464]; *conatus intelligens* «осознанное стремление» – [19, с. 66]; «осознанная потребность» – [16, с. 122]) построены на разложимости желания как минимум на два компонента: ‘влечение/стремление/потребность’ и ‘сознание’.

Желание – основа любой целенаправленной деятельности. Еще на предварительном шаге действия оно осложняется прогнозом шансов на осуществление этого действия и волей субъекта как настойчивостью в достижении поставленной цели, когда оно уже выступает как намерение, направленное

на достижимый по мнению субъекта объект (см.: [6, с. 134]). В семантических классификациях языковых средств выражения желания, отражается деление процесса осуществления действия на подготовительную стадию (думать, намереваться, собираться, решаться) и исполнительную (пытаться, стараться) (см.: [2, с. 8; 11, с. 101]).

В семантике выразительных единиц языка желание представлено на различных коммуникативных уровнях: оно находится в предикативной части большинства предикатов желания и в числе пресуппозиции предикатов этической оценки, предикатов разрешений и запрета и других (см.: [3, с. 87–92]). Значимость категории желания для языка в силу её роли в формировании концептуальной и языковой картин мира отражается, в частности, в трактовке желания в качестве когнитивного лингвоконцепта (см.: [13; 12]).

Выделение разновидностей желания может производиться на основании нескольких признаков, соотносимых, главным образом, с характером объекта, находящегося в фокусе желания: направленность на объект, способный вызывать чувственное влечение, дает вожеление, неопределенность желания в отношении своего объекта (*appetitus vaga*) дает каприз (см.: [10, т. 6, с. 486]), невозможность реализации объекта в силу необратимости времени превращает желание в сожаление либо раскаяние, неосознанность объекта характеризует влечение, включение воображения и отдаленность реализации превращают желание в мечту (см.: [1, с. 438]) и пр. Однако наиболее существенным классификационным признаком здесь, как представляется, выступает отношение субъекта желания к достижимости объекта: его готовность или неготовность прилагать усилия и изыскивать средства для реализации этого объекта, его активность либо пассивность – «хотение» или собственно желание как «стремление без траты сил для создания объекта» [10, т. 6, с. 743].

Наиболее «номинативно плотным» (включающим наибольшее число лексических единиц) и наиболее частотным средством передачи желания в языке, очевидно, выступают предикаты, образующие соответствующий синонимический ряд. В английском языке это лексемы *to covet, to crave, to desire, to hanker, to long, to pine, to want, to wish, to will, to yearn*. Наблюдения над их семантическим составом и функционированием в речи сразу же позволяют исключить из числа претендентов на роль доминанты этого синонимического ряда глаголы *to crave, to hanker, to pine*, являющиеся интенсификациями, глаголы *to long* и *to yearn*, передающие дополнительные оттенки эмоционального

переживания неудовлетворенной потребности, глагол *to covet* из-за отрицательной этической окраски – он отрицательно характеризует своего субъекта, и глагол *to will* в силу грамматикализованности большинства его употреблений. К тому же на сочетаемость этих глаголов с синтаксическими типами дополнений накладываются ограничения: глаголы *to covet*, *to crave*, *to hanker* сочетаются лишь с именными дополнениями, глаголы *to long*, *to pine*, *to yearn* – с инфинитивными и герундиальными (см.: [8, с. 15]). Несмотря на то, что при матричном описании собственно предикатов желания английского языка в качестве семантического множителя преимущественно используется глагол *to desire*, проявляя тем самым характеристики доминанты, по всем остальным определяющим признакам доминанты он явно не проходит: он несравненно менее частотен, чем *to wish* и *to want*, явно на фоне этих предикатов стилистически окрашен, обладает меньшим числом значений и меньшей степенью синтаксической свободы. Очевидно, по совокупности признаков на место доминанты этого ряда в большей степени могут претендовать глаголы *to wish* и *to want* (см.: [15, с. 8]), между которыми распределены основные доминантные функции в ряду собственно предикативов желания: употребимость в качестве семантического множителя и сочетаемостная активность (см.: [14, с. 10]) остаются за *to wish*, частотность, стилистическая немаркированность и многозначность – за *to want*.

Таким образом, в ряду собственно предикатов желания выделяются ядерные предикаты – единицы, наиболее употребительные в речи, наиболее многозначные, обладающие наибольшей синтаксической сочетаемостью, стилистически наименее маркированные и наиболее используемые при лексикографическом описании предикатов этого ряда. В английском языке это лексемы *to wish* и *to want*, между которыми распределяются признаки лексической доминанты синонимического ряда предикатов желания (см.: [9, с. 7]). Можно заметить, что наличие в лексической системе ядерных предикатов желание представляется некой семантической универсалией для большинства индоевропейских языков (см.: [4, с. 76]): здесь и русские «хотеть-желать», и украинские «хотіти-бажати», и испанские *querer-desear*, и французские *vouloir-désire*, и немецкие *wollen-wünschen* и пр.

To wish и *to want*, безусловно, являются синонимами: словами, относящимися к одной части речи, объединяемыми дефиниционной частью своей семантики, отправляющей к денотату обозначаемой ими реалии, и различающимися дополнительными семами, нейтрализуемыми в определенных

контекстах употребления. Это синонимы не полные (точные, абсолютные), поскольку они взаимозаменяемы лишь в части контекстов их речевого употребления.

При семантическом анализе *to wish* и *to want* в качестве синонимов возникает проблема отсутствия у подобных предикатов определяемого предметного значения – центрального объекта лексикографического описания. В силу того, что общая, идентифицирующая часть семантики ядерных предикатов желания не поддается компонентному анализу, поскольку желание представляет собой семантический примитив, исследование их синонимии сводится к описанию различий, проявляющихся в их различной сочетаемости, различных идеографических и оценочных свойствах, коннотациях, стилевых и стилистических характеристиках. Как представляется, синонимию подобного рода можно назвать слаборазнозначной. Можно полагать, что совокупная парадигма типизированных речевых функций и контекстов реализации подобных лексических единиц даст возможность выявить различия и сходства в их значении по одному лишь свечению «ауры», образуемой дополнительными семантическими оттенками (см.: [5, с. 31–32]).

Деление множества функций лексических единиц по признаку регулярности и автономности реализации дает языковые функции, совпадающие, в принципе, со словарными значениями этих единиц, и речевые функции, совпадающие с контекстно обусловленными значениями, описание которых с необходимостью включает в себя сведения о типизированном окружении этих единиц – контексте.

Контекст как средство семантической идентификации значений многозначной языковой единицы характеризуется различной степенью «разрешающей способности» и может быть «сильным», т. е. достаточным для однозначной идентификации всех её значений, и «слабым» – недостаточным для такой идентификации.

Глагол *to wish* способен к употреблению со всеми возможными для предикатов желания синтаксическими формами объектного дополнения: нулевой (абсолютное употребление), именной и местоименной, инфинитивной, сложного дополнения (*complex object*) и придаточного (*clause*), за исключением форм герундиального дополнения (*-ing clause*) (см.: [22, с. 755]).

Хотя и не в такой мере, как глаголы *to covet*, *to crave*, *to long for*, *to yearn for*, *to wish* сопряжен с эмоциональным переживанием желания, косвенным свидетельством чего является возможность его употребления с наречиями-модификаторами предикатов эмоциональных проявлений (*impatiently*, *fervently*, *desperately*,

heartily etc.): *I wished fervently that I could offer some constructive suggestion* (West); *He desperately wished to be alone* (Forsyth); *He heartily wished he had kept the diary for himself and thrown it away* (Forsyth); *He wished most earnestly to have me on his stuff* (West).

Как представляется, основным семантическим отличием этого глагола от его ядерной пары – to want – является передаваемая им низкая степень вероятности реализации объекта желания: to want something to happen or to be true even though it is unlikely or impossible [OAL 2000: 1486]; to want something to happen although it is unlikely [23, с. 1648].

Так же, как глаголы чувства, to wish интенсифицируется постановкой в форму Continuous: *I was wishing I had another thick sweet, sweet vanilla malted* (Uhnak); *Her hands were clasped together, fingers interlaced, as though she was wishing very hard* (Browne).

Еще одним средством лексической интенсификации to wish является обращенность высказывания, в котором он употребляется, к Высшему существу, способному в представлении говорящего удовлетворять наши просьбы и желания (to God): *I wish to God I could give you some help* (Christie); *“I only wish to God everybody could hold his tongue”, groaned Mr. Pym* (Sayers).

Речевые функции to wish, реализуемые им в «мягких», прагматических контекстах, как правило, накладываются на его языковые функции и проявляются лишь там, где этот предикат семантически заменим на свою ядерную «пару» – to want.

В подавляющем своем большинстве речевые функции to wish связаны с распределением ролей коммуникантов в процессе общения и с задачами речевого воздействия говорящего на собеседника. Предикат to wish на фоне своей ядерной «пары» to want стилистически отмечен: если to want принадлежит нейтральной лексике обиходно-литературного языка, to wish, особенно в британском варианте английского языка, тяготеет к литературно-книжному лексикону (In sentences, where both can be used, wish sounds much more formal than want – 21, с. 1643; formal – [24, с. 1486]), «возвышенному» стилю. Стилистическая приподнятость to wish позволяет говорящему употреблять его в функции «изысканности» (не случайно употребление to wish вместо to want характеризуется как «жеманное» – genteelism – [20, с. 1733]), призванной засвидетельствовать определенный культурно-образовательный уровень отправителя речи, его способность изъясняться на литературно-книжном языке; *Dear Sir with reference to your suggestion on that you wish to reorganize a corporation which has forfeited its charter to the State of California* (Fair); *As you well know, Mr. Sandford, we do*

not have guards in the prison sense or in the sense that our patients are violent or wish to escape (Fair).

Эта же стилистическая приподнятость позволяет употреблять *to wish* в функции «поэтичности», свидетельствующей о стремлении говорящего причастить получателя речи к «высокому строю» души, заставить его разделить поэтическое чувство: *The sleeping leaves, is all the light they wish / Birds warbling all the music* (Cowper); *But for himself, in conscious virtue bravo, / He only wished for worlds beyond the grave* (Goldsmith).

Стилистическая приподнятость позволяет, наконец, употребление *to wish* в функции «торжественности», в библейских, например, текстах: *I have come to cast fire upon the earth; and now I wish it were already kindled* [Luke: 12, 49]; *But it is not as among you, but whoever wishes to become great among you shall be your servant* [Mark: 10, т. 6; 43].

Можно считать, что в определенном смысле контекстом, определяющим реализацию стилистических речевых функций *to wish*, являясь жанровая принадлежность текста, в котором он появляется.

Другая группа речевых функций предиката *to wish* связана с отражением в языке статусно-ролевых социальных характеристик участников общения. Конкретный вид речевой функции этой группы, выполняемой *to wish*, формально зависит от его лица, а содержательно – от соотношения социально-коммуникативных статусов участников речевого общения, их отношения к предмету речи и ситуации общения.

В ситуации непосредственного общения в первом лице *to wish* реализует речевую функцию «скромности», состоящую в принижении (либо позе принижения) своего собственного социально-коммуникативного статуса, что, однако, не связано с утратой чувства собственного достоинства по отношению к подобному статусу того, к кому обращена речь: *I wish to express my thanks for a gracious evening and present my apologies for leaving so soon* (Robins); *There are certain questions I wish to put to Lady Nest* (Heyer).

Появление *to wish* в такой позиции там, где ситуационно речь идет о намерении, т. е. о значении, нормативно передаваемом предикатом *to want*, свидетельствует о том, что говорящий, руководствуясь правилами «отрицательной вежливости» и стараясь избежать ущемления «свобод» своего речевого партнера, сознательно камуфлирует свою волевую установку, выдавая её за «чистое желание»: *There is something else I wish to say to you* (Hayer); *“I wish to open an account”, he says, “and to make a withdrawal “in cash”* (Forsyth).

В ситуации непосредственного общения во втором лице to wish реализует речевую функцию «уважительности» и состоящую в повышении социально-коммуникативного статуса речевого партнера: *I thought you wished to sign it too (Jewell); What is it that you wish to ask me – er – Chief Inspector, I believe? (Heyer)*. Особенно часто to wish появляется в такой функции в составе придаточной части условного периода: *I can give you the guest list if you wish (Uhnak); Go back to whore you come from if you wish to be safe (Christie)*.

При употреблении в третьем лице to wish способен передавать информацию относительно соотношения социально-коммуникативных статусов говорящего и лица, стоящего за грамматическим субъектом высказывания (субъектом to wish), как её передают, например, в русском языке предикаты «грубить», «распекать», «гневаться» и пр. Эта речевая функция, функция «пиететности», заключается в представлении социально-коммуникативного статуса «протагониста» высказывания более высоким, чем аналогичный статус говорящего, что зачастую дублируется присутствием в высказывании соответствующих обращений (почетных титулов, званий, должностей): *Lord Gainsborough wishes to speak to her on the telephone (Heyer); Madam wished to see you before you left, miss, so it is quite fortunate that you have returned (Heyer)*.

Роль предиката to wish в формулировании иллокутивных речевых актов (просьбы, предложения, вопросы пр.) не является специфической: аналогично и намного чаще для этих целей используется предикат to want. Специфическими же для to wish являются здесь дополнительные прагматические оттенки, связанные со снижением категоричности высказывания – реализацией того же Принципа Вежливости; *I wish you could talk without listing statistics (Fair); Do you wish to reconsider your statement? (Hailey); If any of you wish to leave now, Mr. Goodwin will let you out to the street (Stout)*.

Также неспецифическими речевыми функциями для to wish являются функция мотивации действия и функция интерпретации, в которых чаще употребляется предикат to want. To wish в функции обоснования действия связывает в тексте действие и его мотивировку: *Mrs Inglethorp ordered a fire: Why? Because she wished to destroy something, and could think of it no other way (Christie); He had a headache and wished to stay in his room (Forsyth)*. To wish в функции интерпретации используется говорящим для истолкования чьих-либо намерений или действий: *It usually meant that a gentleman was going out, and wished to change his trousers in a decent privacy (Sayers); I take it*

you wish to convey that threat to Mr. Mason and I gave you a good opportunity to do so (Gardner).

Итак.

В ряду собственно предикатов желания выделяются ядерные предикаты – единицы, наиболее употребительные в речи, наиболее многозначные, обладающие наибольшей синтаксической сочетаемостью, стилистически наименее маркированные и наиболее используемые при лексикографическом описании предикатов этого ряда. В английском языке это лексемы *to wish* и *to want*, между которыми распределяются признаки лексической доминанты синонимического ряда предикатов желания.

Специфическими речевыми функциями *to wish*, накладывающимися на все его другие функции, являются, во-первых, функции, создающие его стилистическую маркированность: «изысканности», «поэтичности», «торжественности», отправляющие к литературно-книжному регистру текста, в котором употребляется этот предикат. Во-вторых, для *to wish* специфичны речевые функции, отправляющие к соотношению социально-коммуникативных статусов участников речевого общения: «скромности», «уважительности», «пиететности», связанные с речевой реализацией Принципа Вежливости, которые тоже накладываются на все прочие языковые и речевые функции этого предиката.

ЛИТЕРАТУРА

1. Апресян Ю. Д. Избранные труды: в 2-х томах. Т. 2: Интегральное описание языка и системная лексикография / Ю. Д. Апресян. – М.: Языки русской культуры, 1995. – 767 с.
2. Бутвин Н. Н. Описание русских глаголов с общим значением «хотеть» (с некоторыми параллелями в чешском языке) на основе принципа развития действия: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Бутвин Н. Н. – М., 1988. – 19 с.
3. Воркачев С. Г. К семантическому представлению дезидеративной оценки в естественном языке / С.Г. Воркачев // Вопросы языкознания. – М., 1990. – № 4. – С. 86–92.
4. Воркачев С. Г. Хотеть-желать vs *querer-desear*: сопоставительный анализ употребления русских и испанских глаголов / С. Г. Воркачев // Русский язык за рубежом. – М., 1991. – № 3. – С. 75–82.
5. Воркачев С. Г. Базовая семантика и лингвоконцептология: на стыке парадигм гуманитарного знания / С. Г. Воркачев. – Saarbrücken: Lambert Academic Publishing, 2011. – 540 с.
6. Вригт Г. Х. Логико-философские исследования: Избранные труды / Г. Х. Вригт. – М.: Прогресс, 1986. – 600 с.

7. Декарт Р. Страсти души / Р. Декарт // Декарт Р. Сочинения: В 2 т. – Т. 1. – М.: Мысль, 1989. – С. 481–572.
8. Жирова И. Г. Лексико-семантическая группа глаголов, выражающих волеизъявление в современном английском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук / И. Г. Жирова. – Одесса, 1990. – 15 с.
9. Жук Е. А. Сопоставительный анализ ядерных предикатов желания в русском и английском языках (прагмасемантические аспекты): автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е. А. Жук. – Краснодар, 1994. – 17 с.
10. Кант И. Сочинения: В 6 т. / И. Кант. – М.: Мысль, 1966.
11. Корди Е. Е. Модальные и каузативные глаголы в современном французском языке / Е. Е. Корди. – Л.: Наука, 1988. – 165 с.
12. Макеева Е. Ю. Функционально-семантическое поле как средство репрезентации концепта «желание» в английском языке (в синхронии и диахронии): автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е. Ю. Макеева. – Самара, 2006. – 23 с.
13. Мастерских С. В. Концепт «желание» в сопоставительном плане (на материале глагольных лексем русского, английского и немецкого языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук / С. В. Мастерских. – Тюмень, 2004. – 20 с.
14. Новикова О. Н. Семантико-синтаксическая структура конструкций с глаголами желания в современном английском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук / О. Н. Новикова. – Минск, 1989. – 24 с.
15. Пелих Е. А. Структура лексико-семантического поля желания (на материале русского, украинского и английского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е. А. Пелих. – Саратов, 1984. – 18 с.
16. Петровский А. Желание / А. Петровский // Философская энциклопедия: В 5 т. Т. 2. – М.: Сов. энциклопедия, 1962. – С. 127.
17. Спиноза Б. Избранные произведения: В 2 т. Т. 1 / Б. Спиноза. – М.: Мысль, 1957.
18. (The Holy) Bible in the King James Version. Translated out of the original tongues and with the former translations diligently compared and revised. – Nashville: Thomas Nelson Publishers, 1984. – 1208 p.
19. Leibniz G. W. Tabulae definitiorum / G. W. Leibniz // Słownik i semantyka. Definicje semantyczne. – Wrocław: Ossolineum, 1975. – P. 8–89.
20. L 1985 – Longman Dictionary of the English Language. – Harlow: Longman, 1985. – 1910 p.

21. Longman Dictionary of Contemporary English. – Harlow: Pearson Education Ltd., 2001. – 1668 p.
22. Longman Grammar of Spoken and Written English. – Harlow: Pearson Education Ltd., 2000. – 1204 p.
23. Macmillan English Dictionary for Advanced Learners. – Macmillan Publishers Limited, 2002. – 1692 p.
24. Oxford Advanced Learner's Dictionary. – Oxford UP, 2000. – 1539 p.

АННОТАЦИЯ

Воркачева Е. А. Семантика желания и речевое употребление глагола *to wish*

Описывается семантика желания как мотив в всех произвольных действиях субъекта и исследуются речевые функции глагола *to wish*, образующего вместе с *to want* пару ядерных предикатов желания английского языка, между которыми распределяются признаки лексической доминанты соответствующего синонимического ряда. Устанавливается, что специфическими речевыми функциями *to wish* являются функции, создающие его стилистическую маркированность, и функции, отправляющие к соотношению социально-коммуникативных статусов участников речевого общения, связанные с речевой реализацией Принципа Вежливости.

Ключевые слова: желание, синонимический ряд, ядерный предикат, речевая функция.

SUMMARY

Vorkacheva E.A. Semantics of desire and speech usage of the verb «*to wish*»

Semantics of desire as the motive of all voluntary actions of the subject is described and speech functions of the verb «*to wish*» forming together with the verb «*to want*» the nuclear couple in which the lexical dominant features of correspondent synonymic series are distributed is studied. It is established that functions creating its stylistic markedness and functions indicating social status of communicators are specific to this verb.

Key words: desire, synonymic series, nuclear predicate, speech function.

В.А. Вострецова
(г. Горловка)

УДК 811'253:778.5

ОБУЧЕНИЕ СТУДЕНТОВ-ПЕРЕВОДЧИКОВ ПЕРЕДАЧЕ КАЛАМБУРОВ ПРИ ПЕРЕВОДЕ ФИЛЬМОВ

Аудиовизуальный перевод во всех его проявлениях требует специальной подготовки, так как каждый его тип имеет специфические особенности. Работа с такими особенностями должна идти с учетом правил и норм, отличающихся от применяемых по отношению к другим видам перевода. Перевод фильмов, как одно из направлений аудиовизуального перевода, не является исключением и следует как основным правилам и нормам перевода, так и конкретным – предъявляемым к отдельным типам аудиовизуального перевода.

Таким образом, необходимо отметить, что перевод фильмов выполняется с учетом особенностей отдельного типа аудиовизуального перевода и особенностей передачи определенных единиц (лексических, грамматических, стилистических).

Под особенностями аудиовизуального перевода мы понимаем четкие требования, выдвигаемые к каждому типу аудиовизуального перевода (в нашем случае – дублированию, субтитрованию, закадровому переводу), под особенностями передачи определенных единиц – способы передачи лексических единиц (например, топонимов, идиом, аббревиатур и т.д.), грамматических единиц (например, инфинитивных конструкций, придаточных предложений, модельных глаголов т.д.), стилистических единиц (например, перифраз, гипербола, каламбуров).

При подготовке студентов-переводчиков необходимо выработать четкие этапы работы с той или иной единицей в контексте определенного типа аудиовизуального перевода и понимать, как можно научить студентов работать с такими единицами.

В данной статье мы хотели бы остановиться на одном из возможных вариантов обучения студентов передаче каламбуров при переводе фильмов. Проблемам аудиовизуального перевода посвящено много работ иностранных и русскоязычных авторов (Gottlieb H., Ushurova Sh., Pérez F., Williamson L., Pedro Ricoy R., Pederson C., Матасов Р.А., Куликова А.Е., Донченко А.Ю., Каширина Н.А.). К сожалению, в работах

переводоведов мало внимания уделяется именно методике преподавания аудиовизуального перевода и переводческой работе с конкретными лексическими, грамматическими или стилистическими составляющими кинотекста. Больше внимания уделяется анализу уже переведенных фильмов. Таким образом, актуальным остается вопрос определения этапов работы с той или иной единицей при переводе фильмов разных жанров.

Каламбур – «алогичное языковое произведение, острота, построенная на игре слов, а именно, на смысловом соединении в одном контексте или разных значений одного слова, или разных слов (словосочетаний), тождественных или подобных по звучанию; или слов, которые формально являются синонимами или антонимами, а по содержанию находятся в разных синонимических или антонимических рядах» [3, с. 219]. Каламбур основан на «комическом обыгрывании созвучных слов или словосочетаний с несовместимыми значениями» [4, с. 197]. Ключевой в данном случае является «несовместимость значений», так как именно она придает каламбуру комичность.

Необходимо отметить, что использование каламбуров в текстах фильмов преследует ту же цель, что и их использование в других текстах – создание комического эффекта. Именно поэтому их очень часто используют в комедийных фильмах и сериалах. В таких полисемиотических текстах каламбур может быть представлен в диалоге, письменном тексте на экране (в виде надписей или субтитров), диалоге в сочетании с невербальной визуальной информацией [5, с. 188]. Отсюда следует, что каламбур может быть представлен вербально (в письменной или устной форме) или в виде сочетания вербальных и визуальных элементов [6, с. 11]. В каламбурах второго типа двойное значение представлено одновременным противопоставлением высказывания и визуального компонента [7, с. 124]. В данном случае можно говорить о важности ситуативной контекстуальной составляющей, только при наличии которой создается эффект комичного.

В добавление к сказанному отметим, что комический эффект может быть достигнут только в отношении реципиентов, для которых будет понятен смысл фразы, построенной на игре слов. Такими реципиентами выступают носители языка. Однако даже носители языка не всегда могут понять каламбур в силу определенных причин, например, возрастных различий (старшему поколению могут быть незнакомы единицы, понятные молодому поколению и наоборот) или в силу географических различий (жители одной части страны могут не воспринять шутки, понятные жителям другой части страны).

Будущие переводчики должны осознавать указанный выше факт и понимать, для какой аудитории готовится перевод. К тому же студенты должны усвоить, что передача каламбура при переводе текста художественного произведения значительно отличается от передачи каламбура в аудиовизуальном переводе, так как (с опорой на сказанное выше) передача единиц при переводе фильмов осложняется тем, что каждый тип аудиовизуального перевода имеет определенные требования к тексту перевода. Например, «при дублировании звучащий текст перевода должен быть синхронизирован с движением губ актера; при субтитровании текст перевода должен укладываться в определенное количество символов; при закадровом переводе текст перевода ограничивается сменой сцен (реплика из одной сцены не может накладываться на реплику из другой сцены)» [1, с. 14-15].

Итак, информация, представленная выше, дает возможность выделить следующие этапы работы с каламбурами при аудиовизуальном переводе:

- 1) выявление каламбура в тексте;
- 2) определение формы каламбура (письменная, устная, письменная или устная в соединении с визуальной информацией);
- 3) определение типа аудиовизуального перевода (дублирование, субтитрование или закадровый перевод);
- 4) определение потенциальной аудитории (чаще всего по возрастному принципу);
- 5) разложение каламбура на составляющие (определение стимулятора и результаты);
- 6) рассмотрение возможного варианта дословной передачи каламбура;
- 7) рассмотрение возможности опущения каламбура (при его незначительном весе в тексте или при его искусственности и нелогичности помещения в текст оригинала);
- 8) рассмотрение других возможных вариантов передачи каламбура при невозможности его дословного перевода и нелогичности его опущения;
- 9) создание нового каламбура (выбор лексического поля, в пределах которого будет строиться каламбур, поиск новой результаты и подбор к ней нового стимулятора, или поиск нового стимулятора и подбор к нему новой результаты);
- 10) проверка органичности вписывания нового каламбура в узкий и широкий контекст;
- 11) создание нового узкого (в очень редких случаях) контекста при невозможности использования нового каламбура в старом контексте;

12) рассмотрение возможностей использования компенсационной передачи игры каламбура при невозможности его дословной передачи, опущения, создания нового каламбура с заменой или сохранением текущего контекста (смещение комичности на другую часть текста с помощью других средств).

Указанные этапы являются основными и могут дополняться другими в зависимости от требований конкретного типа аудиовизуального перевода.

Основные требования к типам аудиовизуального перевода позволяют нам сделать вывод, что для дубляжа некорректным является опущение каламбура, а оптимальным – создание нового каламбура с учетом синхронизации с движением губ актера. Студенты должны осознавать, что переводчик не может просто создать новый каламбур на основе любого слова. Он должен продумать, насколько уместен новый каламбур в текущем контексте.

При субтитровании переводчик ограничен количеством знаков, которые могут быть использованы в одной группе субтитров, так как для субтитрования основной целью является максимальное сохранение информации при одновременной компрессии текста (в идеале до 30%). Поэтому, необходимо обратить внимание студентов на то, что при субтитровании вполне естественным будет опущение каламбура, если он не несет важной смысловой нагрузки. Если же данный стилистический прием является значимым для фильма, то его передача становится обязательной, при этом может быть создан новый каламбур. Однако переводчик должен помнить о том, что новый каламбур должен органично вписываться в текст перевода, его связь с текстом не должна быть искусственной.

Для закадрового перевода главным ограничением является появление реплик в переводе с небольшим отставанием (на долю секунды) от реплик оригинала. Реплики в переводе не должны накладываться на предыдущие и последующие сцены. Для перевода каламбуров в закадровом переводе, как и при субтитровании, возможны опущение или нейтрализация каламбура при его незначимости, или создание нового каламбура с учетом контекста.

При обучении будущих переводчиков важно акцентировать внимание на том, что учет контекста при передаче каламбуров в аудиовизуальном переводе является обязательным по сравнению с переводом художественной литературы. При переводе художественной литературы в случае невозможности создания каламбура, подходящего под текущий контекст, переводчик (только в особых случаях) может прибегнуть к изменению узкого,

а иногда и широкого контекста. Переводчик же аудиовизуальной продукции такой возможности не имеет, так как текст фильма всегда подкрепляется визуальными компонентами, создающими определенный контекст. Его изменение возможно крайне редко, и может быть вызвано различными экстралингвистическими факторами.

Исследователи аудиовизуального перевода отмечают, что «при переводе фильма/сериала необходимо учитывать и такие факторы, как жанровые характеристики фильма, особенности характера героев, особенности лексики участников фильма, особенности перевода диалогической и монологической речи. Немаловажны и социальные факторы: время выхода фильма в эфир (чем позже по времени выходит фильм, тем более «лёгкую», доступную для большинства современных людей лексику можно употреблять для перевода, например, сленг) и потенциальную аудиторию, т.е. возраст зрителя» [2, с. 5].

Представленная выше информация позволяет нам сделать вывод о том, что будущие переводчики должны осознать, что выбор способа передачи каламбуров в аудиовизуальном переводе зависит от нескольких переменных: особенностей отдельного типа аудиовизуального перевода, категории реципиента, контекста, видеоряда; самым неудачным способом передачи каламбура является дословный перевод, который может нарушить контекст и правила подготовки текста для определенного типа аудиовизуального перевода. Считаем, что перспективной является разработка методик обучения студентов-переводчиков передаче конкретных единиц с учетом указанных переменных и различных факторов, влияющих на процесс создания переводной версии иноязычного фильма.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вострецова В. А. Пути передачи каламбура при переводе фильмов / В. А. Вострецова // Актуальные проблемы переводоведения в XXI столетии : Материалы Республик. науч.-практ. семинара (25 февр. 2016 г.). – Горловка : Изд-во ОО ВПО «ГИИЯ», 2016. – С. 13-16. – Режим доступа к сборнику : http://gif1949.ru/images/2016/konferensii/Perevod_sbormik.pdf. – 20.04.2016.
2. Лабус Л. А. Лингвистические особенности перевода кинофильмов с английского языка на русский : метод. пос. для учителей англ. яз. / Л. А. Лабус. – Калининград, 2007. – 5 с.
3. Селіванова О. О. Лінгвістична енциклопедія / О. О. Селіванова. – Полтава : Довкілля-К, 2010. – 844 с.

4. Стилистика английского языка : учебник / А. Н. Мороховский, О. П. Воробьева, Н. И. Лихошерст, З. В. Тимошенко. – К. : Выща шк., 1991. – 272 с.
5. Gottlieb H. Subtitles, Translation & Idioms / H. Gottlieb. – Copenhagen : Reproafdelingen, 1997. – 354 p.
6. Pederson C. The translation of puns – An analysis of the fate of puns in subtitling with *Sex and the City* as an empirical example [Электронный ресурс] / Camilla Pederson. – Режим доступа : http://pure.au.dk/portal-asb-student/files/14202/The_translation_of_puns.doc. – 20.04.2016.
7. Sanderson J. D. Strategies for the Dubbing of Puns with One Visual Semantic Layer / J. D. Sanderson // New Trends in Audiovisual Translation / Díaz Cintas J. (ed.). – Bristol, UK & Tonawanda, NY : Multilingual Matters, 2009. – P. 123-132.

АННОТАЦИЯ

Вострецова В.А. Обучение студентов-переводчиков передаче каламбуров при переводе фильмов

В данной статье рассматриваются цели и формы использования каламбуров в фильмах, требования к типам аудиовизуального перевода, факторы, влияющие на выбор способа перевода. Автор фокусирует внимание на этапах работы с каламбурами, которые могут быть предложены студентам при аудиовизуальном переводе.

Ключевые слова: аудиовизуальный перевод, каламбур, целевая аудитория, этапы и способы перевода.

SUMMARY

Vostretsova V.A. Training students to convey puns in audiovisual translation

The article deals with aims and forms of using puns in movies, requirements to the types of audiovisual translation, factors predetermining the choice of the way of translation. The author focuses on the stages of conveying puns, which may be used by the students in audiovisual translation.

Key words: audiovisual translation, pun, target audience, stages and ways of translation.

УДК 81'362=161.2=111

**СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПОБУДИТЕЛЬНЫХ
КОНСТРУКЦИЙ В РЕЧЕВОМ АКТЕ «СОВЕТ»
В АНГЛИЙСКОМ И УКРАИНСКОМ ЯЗЫКАХ****1. Вводные замечания**

В лингвистической литературе исследование побуждения велось в нескольких направлениях. До конца 60-х годов исследования проводились на формально-смысловой основе [16; 18-20]. Прежде всего, анализировалось повелительное наклонение, которое является основным способом выражения побуждения. Изучению морфологической формы повелительного наклонения посвящены специальные исследования, задачами которых было выявление грамматических особенностей форм повелительного наклонения, императивного и неимперативного употребления форм повелительного наклонения [1, 11, 8]. Проводились синтаксические исследования, в которых исследовались различные виды побудительных предложений, например: императивные предложения, предложения с формой глагола в сослагательном наклонении, инфинитивные предложения, безглагольные предложения [5, 10]. С возникновением теории речевых актов появилось новое направление в изучении побуждения. Наиболее значительные фундаментальные работы, появившиеся за последние два десятилетия: [4, 12, 15, 16, 17,]; в этих работах определены дифференциальные признаки основных видов побуждения, охарактеризованы коммуникативные ситуации для основных видов побуждения (приказание, просьба, совет и других), рассмотрены разнообразные способы выражения отдельных видов побуждения. Однако в области изучения побуждения остаются неисследованными многие проблемы. В частности, практически отсутствуют работы по сопоставлению семантики и способов выражения побуждения в разных языках.

2. Целью исследования является сопоставительный анализ побудительных конструкций, используемых для выражения речевого акта "совет" (далее РАС) в английском и украинском языках. К задачам исследования относится выявление общих черт и отличительных особенностей побудительных предложений, используемых для выражения РАС в сопоставляемых языках.

3. Материалом для сравнения послужила сплошная выборка побудительных высказываний из художественной литературы

украинских и английских авторов начала двадцатого столетия. Общий объем выборки составил 2598 примеров побудительных высказываний в украинском языке и 2439 примеров в английском языке. И только незначительная часть из них составляет РАС. Необходимо отметить, что в английском языке встретилось значительно меньше конструкций со значением “совет” (234 предложения), чем в украинском языке (376 предложений), что составляет соответственно 9,6% и 14,4% от общего числа побудительных высказываний.

4. Содержательное определение РАС.

4.1. Под советом принято понимать указание, как поступить в том или ином случае. Совет имеет своим назначением помочь найти наиболее рациональные пути достижения цели, указать соответствующие обстановке действия и пр. Дж. Серль дает такое определение РАС: “доведение до сведения С, что действие Д соответствует его интересам” [19, с. 67]. А. Вежбицка эксплицирует семантическую структуру совета следующим образом: “Я советую тебе уйти (мой совет – уходи) = Предполагая, что ты не знаешь, что делать, желая сделать так, чтобы ты знал, что тебе было бы хорошо сделать, и ставя себя на твое место, я говорю: я хочу, чтобы ты ушел” [6, с. 267-268].

4.2. Ситуация РАС может быть сконструирована как сложная, состоящая из двух простых: первой, реальной (собственно побудительной), элементы которой – говорящий, побуждение, адресат; второй, ирреальной (представляющей требуемое действие), ее элементы – субъект побудительного действия и побудительное действие [7, с. 64]. В нормальной речевой обстановке параметры Говорящего и Адресата должны быть между собой согласованы, ср. мать и дочь, муж и жена, учитель и ученик или в уравновешенных ситуациях – друзья, соседи, спутники, коллеги, иногда различающихся в поле, возрасте, социальном положении и т.п. [2, с. 358]. В побудительной ситуации Говорящий всегда находится в более выигрышной позиции, обладая коммуникативным приоритетом перед адресатом, поскольку говорящий – творец высказывания, тогда как Адресат только воспринимает и перерабатывает его. В таком РА, как “совет”, наблюдается определенная иерархия, в которой Слушающий гласно или негласно занимает более низкую ступень по отношению к Говорящему. Иерархия может строиться по возрастному принципу (старший – младший), по принципу уважения (друзья), жизненного опыта (учитель – ученик). Совет не имеет принудительной силы. Выполнение или невыполнение этого действия (положительная или отрицательная реакция) зависят как от социальных

отношений участников РА, их прав и обязанностей, так и от их психологических и социально-психологических установок, от степени осознания общественной необходимости побуждаемого действия, оценки его морально-этической стороны и т.п. [3]. Совет может вызывать негативную реакцию, т.к. люди не любят «непрошенных советов», ограничивающих их свободу действия или свободу воли.

5. Классификация РАС.

5.1. В зависимости от инициатора произнесения совета, Л.А. Бирюлин и В.С. Храковский подразделяют совет на фактитивный и пермиссивный. В первом случае инициатива произнесения повелительного предложения принадлежит Говорящему (=Прескриптору), во втором случае – инициатором произнесения повелительного предложения является Слушающий (=Исполнитель прескрипции) [17, с. 15]. Фактитивный совет, как правило, исходит от лица, считающего себя авторитетом. Наличие каких-либо субординационных отношений между дающим и получающим совет необязательно. Давая совет, Говорящий предполагает, что Слушающий может выполнить казулируемое действие, которое сам бы выполнил, будучи на месте Слушающего, например: *Покинь, Хлонько, говорити єрунду, ти краще що-небудь прочитай... Ну.* [22, с. 531]. Пермиссивно интерпретируемые повелительные предложения со значением совета отличаются от фактитивно интерпретируемых только тем, что им предшествует стимул совета со стороны Слушающего, например: *(Прокопенко – Щорсу) Що скажете? (Щорс – Прокопенко) Ти дивись мені, командуй як слід* [21, с. 168].

5.2. Однозначная интерпретация того или иного подтипа побуждения не всегда возможна. Очень часто встречаются переходные случаи, когда побуждение может восприниматься неоднозначно. Нередко подобная многозначность, когда сквозь просьбу просвечивается приказ, а сквозь совет – предостережение, изначально замысливается говорящим. Здесь следует сказать о том, что выделенные выше подтипы побуждения представляют собой своего рода микрополя с ядром и более или менее размытой периферией. Иногда вместо термина “совет” употребляется понятие “предложение”, расширяя содержание совета, например: *Ну, а тепер, мабуть, розійдемося: так краще буде* [22, с. 356]; в английском языке, например: *Listen. I'm going down to Condaford to-morrow, and I think you'd better come over. 'Слушайте. Завтра утром я поеду в Кондафорд, и, по-моему, вам тоже стоит приехать'* [25, с. 141]. Здесь мы можем говорить о совете-предложении.

В том случае, когда даются разъяснения, как осуществлять действие, на какие стороны осуществляющему действие следует обратить внимание, совет приобретает характер указания, например: *Розмішайте пороху в чарці горілки, духом випийте, і все минеться* [21, с. 253]; в английском языке, например: *Better pay all cheques into it (bank) and take their receipt. 'Лучше всего вносить деньги туда (в банк) и получать от них квитанции'* [25, с. 536].

Совет может принимать назидательный характер, ставить своей задачей оказать воспитательное воздействие; тогда мы имеем дело с советом-наставлением. Наставление может включать в себя ряд моментов, направленных к тому, чтобы убедить, склонить в желательную сторону (примеры, доводы, соображения), например: *Обережно вступай у бій. Але коли вже вступив, поведься так, щоб ворогу було страшно* [21, с. 202]; в английском языке, например: *You might show a little more interest yourself with your brother in such danger. 'Ты тоже могла бы проявить немного больше интереса к судьбе брата, когда он в такой опасности'* [24, с. 143].

В своем стремлении склонить к выполнению определенного действия говорящий может обращаться к чувству нравственной ответственности, в этом случае мы говорим об увещании. Увещание обычно имеет целью склонить к изменению поведения, привести к сознанию его ошибочности и несоответствия требованиям совести (морали), например: *Валю! Треба все ж таки поважати свою дружину і не губити почуття людської гідності* [22, с. 456]; *Mary! Mary! Cried Mamma reprovingly, you should be showing a better spirit. Don't answer so sulkily. Be bright and active, and show more respect and defense to your parents. 'Мэри! Мэри! – укоризненно воскликнула мать. – Не отвечай так угрюмо. Будь весела и трудолюбива, да оказывай больше почтения и покорности родителям'* [24, с. 173].

6. Лексико-грамматическая структура предложений, выражающих совет.

Языковые средства, используемые при оформлении РАС в сопоставляемых языках, отличаются большим разнообразием. Так, совет может быть выражен многочисленными языковыми формами, различающимися структурно, семантически и прагматически. Структурно совет передается разными коммуникативными типами предложений, количественный состав которых представлен в таблице 1.

Таблица 1

Способы выражения совета в сопоставляемых языках

№	Способы выражения	Английский язык		Украинский язык	
		Количество	%	Количество	%
1	Императивные предложения а) синтетический императив б) аналитический императив	119 -	50,9% -	245 9	65,5% 2,4 %
2	Предложения с модальными глаголами	68	29,1%	67	17,9%
3	Предложения с глаголом в сослагательном наклонении	38	16,2%	46	12,3%
4	Предложения с перформативными глаголами	1	0,4%	4	1,1%
5	Безглагольные предложения	8	3,4%	3	0,8%
6	Всего	234	100%	374	100%

Анализ материала позволяет констатировать следующее:

6.1. Основным способом выражения совета в сопоставляемых языках являются императивные предложения, в которых глагол имеет морфологическую форму повелительного наклонения (см. таблицу 1). Это связано с тем, что императивные предложения:

а) обладают высокой частотностью и систематически используется для выражения совета;

б) передают данное значение наиболее однозначно;

в) наиболее специализированы для выражения данного значения;

г) наиболее универсальны, т.к. встречаются во всех типах коммуникативных ситуаций [9, с. 141].

Императивное предложение имеет двучленную структуру. Первая часть утвердительного императива состоит из побуждения к действию, в отрицательном императиве из отрицания какого-либо действия, а вторая часть из объяснения, почему надо или не надо его выполнять, например: *Ти дуже не хвилюйся, Жане, а то я боюся за твоє серце* [22, с. 416]. В украинском

языке императив используется чаще, чем в английском языке, и составляет соответственно 65,5% и 50,9%. Кроме основного, морфологического способа выражения повелительного наклонения, в украинском языке совет выражается повествовательными предложениями с аналитической формой *Хай (Нехай) + глагол*. В данном случае совет дополняется значением разрешения, например: *Хай відпочинуть вони після довгих кривавих трудів* [21, с. 209].

6.2. Распространенным способом выражения совета являются предложения с модальными глаголами (в английском языке 29,1% и 17,9% в украинском языке), например: *'You must take good care of him, Matt', Scott said, as they started down the hill. "Вы должны хорошо заботиться о нем", – говорил Скотт, когда они спускались с холма'* [27, с. 249]. Необходимо отметить, что в английском языке выражение совета при помощи модальных глаголов употребляется чаще, т.к. англичане избегают прямых категорических советов. При помощи модальных глаголов в английском языке можно составить целую гамму оттенков совета, например: настоятельный совет – *We must let Dinny alone; trying to control her is absurd. 'Мы должны оставить Динни в покое; командовать ею – просто глупо'* [25, с. 508]; совет, исходящий из моральных обязанностей, например: *Nessie! Don't say hang it. It's not right. You're not to use bad words. 'Нецци! Не смей так говорить. Это не хорошо. Не следует употреблять гадкие выражения'* [24, с. 302]. Самым частотным модальным глаголом в английском языке является глагол *must*, в украинском языке *треба*. Совет с глаголом *треба* имеет значение совета-наставления, совета-увещевания, например: *Я кажу, вам треба так зробити... – почув Кметь* [22, с. 362].

6.3. Предложения с перформативным глаголом *советовать* в сопоставляемых языках встречаются значительно реже других предложений, так как они используются только в особых случаях. Это связано с тем, что предложения с перформативными глаголами точно эксплицируют то, что делается в говорении, и таким образом исключают всякую возможную неоднозначность, касающуюся иллокутивной силы [20, с. 2]. Говорящий чаще всего избегает употреблять прямые советы, рекомендации, вероятно опасаясь за последствия неверно данного совета, например: *Then I advise you to get married. 'Тогда советую вам выйти замуж'* [24, с. 149].

6.4. В лингвистической литературе неоднократно отмечалось, что побуждение может выражаться не только формами изъявительного наклонения, но и сослагательного. Формы сослагательного наклонения характеризуются

признаком предположительности, гипотетичности действия, и по этому признаку они противостоят формам повелительного наклонения. В сопоставляемых языках глаголы в сослагательном наклонении времени не выражают. Формы сослагательного наклонения аналитичны. В украинском языке они образуются при помощи частиц *би* (*б*), которые добавляются к формам глагола в прошедшем времени изъявительного наклонения. Формы сослагательного наклонения выражают значения рода и числа [13, с. 282], например: *Ви б, громадяни, краще розмовляли. А то мовчите і думаете, як би обдурити Щорса* [21, с. 197]. В английском языке существует большой набор моделей побудительных конструкций в сослагательном наклонении, которые отличаются частотностью употребления в речи. Одни из них более стандартизованы, за ними всегда закреплено выражение нереальности. Другие могут в равной мере употребляться и с реальным значением, поэтому менее формализованы и требуют дополнительных показателей субъективна (*if, if only, even if*). Самой распространенной конструкцией является *Pron.(N) + had better*; значение побуждения она реализует в повествовательных предложениях, подлежащие в которых выражены местоимением *you*, например: *'You'd better go away', advised Mary. 'Вам лучше уехать, – посоветовала Мэри'* [23, с. 227]. Формы сослагательного наклонения смягчают побуждение и придают значение совета, пожелания, предложения, смягченной просьбы [18, с. 19-20]. Совет, выраженный конструкциями с глаголом в сослагательном наклонении, в украинском языке составляет 12,3% (в английском языке 16,2%) и приобретает значение совета с долей укора или рекомендации, например: *Та ви б його хоч за вухо посмикали, – порадив хтось патріархові* [22, с. 335].

6.5. Безглагольные предложения в сопоставляемых языках также используются для выражения совета, например: *Тільки обережно, бо можуть бути відбитки пальців* [26, с. 63], *Steady, old man, we shall never get in; 'Спокойно, старина, мы его все равно не догоним'* [25, с. 221]. В зависимости от способа выражения центрального члена предложения выделяются адвербиальные, аъективные, субстантивные, нумеральные и прономинальные компоненты безглагольных предложений [14]. Следует отметить, что адвербиальные и аъективные предложения для выражения совета используются чаще, так как они могут обозначать либо направление движения, предполагаемого говорящим, либо указывают на то, как, по мнению говорящего, должно осуществляться требуемое действие, либо побуждают собеседника к определенному

состоянию [14], например: “*Gently!*” he said: “*That’s where you’ re wrong.*” ‘Спокойней! – сказал он. – Вы делаете ошибку’ [25, с. 136].

7. Суммируя изложенное, можно отметить следующие сходства побудительных предложений, выражающих совет в исследуемых языках:

7.1. Совет в сравниваемых языках выражается повествовательными и побудительными предложениями. Основным средством выражения совета являются побудительные предложения с глаголом в форме императива.

7.2. Следует отметить, что императивное предложение имеет двойную структуру, первая часть выражает побуждение к совершению/несовершению действия, вторая часть поясняет, почему надо поступить таким образом.

7.3. Сопоставление повествовательных предложений, используемых для выражения совета, показывает, что глагол в данных предложениях может быть в форме изъявительного или сослагательного наклонения.

7.4. В группу повествовательных предложений с глаголом в изъявительном наклонении входят:

а) предложения с модальными глаголами;

б) предложения с перформативными глаголами.

7.5. Малочастотную группу побудительных предложений, выражающих совет, составляют безглагольные предложения, ядерный компонент которых выражается чаще всего наречием или прилагательным.

7.6. Различие в способах выражения совета заключается в частотности употребления побудительных предложений.

7.7. Специфика английского языка заключается в том, что, для выражения РАС, предпочтение отдаётся конструкциям с модальными глаголами, глаголами в сослагательном наклонении, а также безглагольным предложениям.

7.8. Для украинского языка характерно употребление аналитической конструкции *Хай (Нехай)+глагол* для выражения совета.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреева И.С. Повелительное наклонение и контекст при выражении побуждения в современном русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук / И.С. Андреева – Л., 1971. – 24 с.
2. Арутюнова Н.Д. Фактор адресата / Н.Д. Арутюнова // Известия Академии наук СССР. – М. : Наука, 1981. – Т. 40, № 4 – С. 356-367. (Сер.: Литература и язык).

3. Бельский А.В. Побудительная речь / А.В. Бельский // Ученые записки МГПИИЯ. – М., 1953. – Т. I. – 142 с.
4. Бирюлин Л.А. Типология императивных конструкций / Л.А. Бирюлин, В.С. Храковский. – Л.: Наука, 1992. – 301 с.
5. Бузаров В.В. Безглагольные побудительные предложения в современном разговорном английском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Бузаров В.В. Л., 1961. – 20 с.
6. Вежбицка А. Речевые акты / А. Вежбицка // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 16. – М., 1985. – С. 238-250.
7. Вольская Л.А. Темпоральная отнесенность и лицо субъекта в высказываниях с формами повелительного наклонения в современном русском языке / Л.А. Вольская // Функциональный анализ грамматических аспектов высказывания: Межвуз. сб. науч. трудов. – Л., 1985. – С. 64-67.
8. Грабье Вл. Сопоставительное изучение русского языка с чешским и другими славянскими языками / Вл. Грабье; под ред. Широковой и Вл. Грабье. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1983. – 311 с.
9. Маслова Н.И. Лингвистические средства выражения речевого акта прогитива в английском языке / Н.И. Маслова, Э.Г. Паповянец // Вісник ХДУ. – 1999. – № 481. – С. 139-144.
10. Натанзон Е.А. Побудительные предложения в современном английском языке: дис. ... канд. филол. наук. – М., 1955. – 204 с.
11. Немешайлова А.В. Повелительное наклонение в современном русском языке: дис. ... канд. филол. наук. – Пенза, 1961. – 380 с.
12. Петрова Е.Б. Прагмалингвистический анализ побудительного акта реактивного совета: дис. ... канд. филол. наук. – Новосибирск, 2010. – 299 с.
13. Плющ М.Я. Сучасна українська літературна мова: підручник / М.Я. Плющ – К.: Вища шк., 1994. – 414 с.
14. Прибыток И.И. К проблеме выделения побудительных предложений в английском языке / И.И. Прибыток. // Ученые записки ГГПИИЯ. – Горький, 1971. – Вып.45. – С. 70.
15. Сергиевская Л.А. Сложное предложение с императивной семантикой в современном русском языке: дис. ... канд. филол. наук. – М., 1995. – 401 с.
16. Саранцацрал Ц. Речевые акты побуждения, их типы и способы выражения в русском языке: дис. ... д-ра филол. наук. – М., 1993. – 246 с.
17. Храковский В.С. Семантика и типология императива: Русский императив / В.С. Храковский, А.П. Володин. – Л., 1986. – 137 с.

18. Шахматов А.А. Синтаксис русского языка / А.А. Шахматов. – Л.: Учпедгиз, 1941. – 620 с.
19. Searle J.R. Speech acts: An essay in the philosophy of language / J.R. Searle. – Cambridge Univ. Press. London, 1969. – P. 67.
20. Stampe D. M. Meaning and Truth in the Theory of Speech Acts / D. Stampe // Syntax and Semantics. – New York etc.: Academic Press, 1975. Vol. 3. Speech Acts. P. 1-39.

ИСТОЧНИКИ МАТЕРИАЛА

21. Довженко О. Кіноповісті / О. Довженко. – К.: Дніпро, 1983. – 439 с.
22. Самбук Р. Скіфська чаша: Повісті / Р. Самбук. – К.: Рад. письменник, 1981. – 360 с.
23. Хвильовий М. Новели. Оповідання. Повість про санаторну зону. Вальдшнепи. Роман. Поетичні твори / М. К. Хвильовий. – К.: Наук. думка, 1995. – 600 с.
24. Cronin A.J. Hatter's Castle / A.J. Cronin. – М.: Foreign Publishing House, 1963. – 669 p.
25. Galsworthy J. End of the Chapter / J. Galsworthy – М.: Foreign Publishing House, 1960. – 602 p.
26. Huxley A. Crome Yellow / A. Huxley. P. P., – М.: 1997. – 278 p.
27. London J. White Fang / J. London. – М.: Progress Publishes, 1976. – 288 с.

АННОТАЦИЯ

Дринко А.Г. Сопоставительный анализ побудительных конструкций в речевом акте «совет» в английском и украинском языках

В статье классифицируются и сопоставляются побудительные конструкции, которые используются для выражения речевого акта «совет» в английском и украинском языках. Исследование проведено на текстовой выборке из художественных произведений английских, американских и украинских авторов.

Ключевые слова: речевой акт, побудительные конструкции, императивные предложения.

SUMMARY

Drinko A.G. Comparative analysis of the stimulating constructions in the speech act «advice» in English and Ukrainian

The article deals with the comparative analysis of the stimulating constructions which are used to present the speech act «advice». The analysis is based on the examples from English, American and Ukrainian texts.

Key words: speech act, stimulating constructions, imperative sentences.

*Н.А. Жихарева
(г. Горловка)*

УДК 81'367.32

К ВОПРОСУ О СОЦИАЛЬНОЙ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ ПО ВОЗРАСТНОМУ КРИТЕРИЮ (НА МАТЕРИАЛЕ АМЕРИКАНСКОГО ВАРИАНТА АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)

В процессе формирования лингвистической компетенции будущих учителей английского языка важное место занимает знание современного лексикона изучаемого языка, развитие умений по его использованию в дальнейшей профессиональной деятельности. При этом особенное значение приобретает владение закономерностями употребления языковых средств (в том числе и фразеологических) разных регистров с целью удовлетворения потребностей говорящего с учетом интересов подрастающего поколения, воспитанного на основе массовой культуры, транслируемой средствами массовой коммуникации, в процессе интернет-общения, где отдельного внимания заслуживает именно американский вариант английского языка в его повседневном употреблении.

Опираясь на основные положения социолингвистических исследований А.Д. Швейцера [6-9], В.И. Беликова, Л.П. Крысина [1], Е.А. Селивановой [2] и др., в рамках рассмотрения социальной дифференциации фразеологических единиц по возрастному критерию, на наш взгляд, целесообразно выделять следующие группы:

1) «детские» фразеологизмы (маркированные в словарях пометкой *baby talk*, *juvenile use*);

2) фразеологические единицы, употребляемые в речи подростков и молодежи (маркированные в словарях пометкой *teenage use*, *Collegiate*);

3) фразеологические единицы, употребляемые в речи носителей языка с достаточным уровнем образования, т.е. преимущественно взрослыми людьми (стилистически маркированные как *Standard English*, *bookish* либо указанием на исходную сферу употребления по профессиональной отнесенности или конкретный литературный источник).

Обозначенные выше группы не являются абсолютно изолированными. Их выделение условно, поскольку, с одной стороны, исключение составляют чрезвычайно одаренные дети, так называемые вундеркинды, которые могут употреблять книжные единицы в силу своей начитанности и эрудиции, а с другой

стороны, не являясь характерными для повседневного детского общения, книжные фразеологизмы могут популяризироваться в детской среде посредством кино, мультфильмов, компьютерных игр. При этом молодежная фразеология также не является однородной и напрямую связана с социальным статусом и образовательным уровнем носителя языка (отсюда отдельно выделяемая группа студенческих фразеологизмов). Отдельного внимания также заслуживает дифференциация фразеологических единиц внутри каждой из выделенных групп по типу оценочной коннотации (положительной или отрицательной).

Как правило, первые детские впечатления, и позитивные, и негативные, связаны с родительской реакцией и осмысливаются посредством этой реакции. На ранних этапах развития ребенка роль родителей трудно переоценить, а восприятие мира сводится к довольно примитивным, зачастую сугубо физическим (сенсорным), категориям: «горячее – холодное», «сухое – мокрое», «вкусное – невкусное», «болезненное – приятное» и т.п. Фразеологизмы этого начального жизненного этапа также имеют именно соматический характер:

all better now – «improved, cured» (juvenile):

I fell off by tricycle and bumped my knee. Mommy kissed it, and it's all better now [4, с. 7];

footsy-wootsy n. a foot. (Baby talk.)

Your little footsy-wootsies are cold.

Somebody stepped on the toes of my footsy-wootsy! [5, с. 130];

tum-tum n. tummy, stomach. (Baby talk.)

I have a pain in my tum-tum.

Is your tum-tum better? [5, с. 410];

wee-wee to urinate. (Baby talk. Caution with subject):

Mommy, I have to wee-wee [5, с. 426].

Социализация ребенка во взаимодействии и отношениях с другими детьми сначала в играх, а затем в учебном процессе, выявляет как положительные, так и отрицательные черты характера маленькой личности; ребенок познает первые победы и первые поражения, включается в отношения разного типа, испытывает разнообразные эмоции. Впервые к нему приходит понимание самой возможности возникновения обид, вранья, несправедливости. Именно этому опыту посвящено немало количество «детских» фразеологизмов:

all right for you – «That's the last chance for you!» (Usually said by a child who is angry at a playmate):

All right for you, John. See if ever play with you again [4, с. 8].

to be a copy-cat – «имитировать, подражать чьим-то манерам, внешности и т.д.»:

Sally wore a pink dress just like Mary's. Mary called Sally a copy-cat [4, с. 24].

Часть фразеологических единиц связана с отношениями детей в школе, где важную роль в жизни ребенка играет учитель, чей авторитет в этот период может превосходить авторитет родителей, при условии наличия у учителя качеств, которые ребенок ценит и уважает. Отсюда и желание ребенка понравиться учителю, угодить ему. Примером фразеологизма на тему отношений «ученик – учитель» может быть:

to be a teacher's pet – «to be a favorite pupil or student»:

Sally is the teacher's pet. She always gets special treatment [4, с. 26].

К этой группе можно отнести также единицы, которые в основном употребляют родители по отношению к детям, требуя от них дисциплины, послушания, ответственности:

to act one's age – «to behave more maturely, to act as a grown-up»:

Mary! Stop picking on your little brother. Act your age! [4, с. 4].

to button one's lip – «to get quiet, stay quiet» (often used with children):

Button your lip, Tom! I'll tell you when you can talk [4, с. 42].

Для детской литературы характерен набор специфических книжных оборотов, таких как:

Before you can say Jack Robinson – «очень быстро» [10, с. 56];

By and by – «шло время» [4, с. 43].

Перейдем к рассмотрению фразеологизмов, характерных для американской молодежной среды.

По данным С.Б. Флекснера, молодежь возрастом от 17 до 24 лет является самым активным элементом, формирующим американский сленг [9, с. 173]. Молодежный, студенческий коллектив наиболее чувствителен к новым веяниям, модным тенденциям, поэтому они постоянно создают сленговые фразеологические обороты, отображающие такие актуальные установки и ценностную ориентацию молодежных групп [3, с. 356]. Важную роль в жизни молодых людей играют их музыкальные предпочтения. Так, как только на смену *hot music* приходит *cool (progressive) jazz*, прилагательные *cool* и *groovy* начинают вытеснять прилагательное *hot* как сленгизмы с позитивной коннотацией, порождая фразеологизмы *to be a cool cat* – быть «своим», единомышленником, разделять чьи-то идеи и вкусы. Со временем на смену этому прилагательному приходят *far-out, way out, out of sight* с той же функцией эпитета одобрения чьих-либо действий.

В 60-70-е года XX ст. молодежный сленг активно вбирает в себя лексику хиппи и других неформальных молодежных движений, в том числе и лексикон наркоманов, тесно связанных с молодежной субкультурой. Именно молодежь вводит в обиход широкую группу лексических и фразеологических единиц, связанных с употреблением наркотиков:

to have a grass party – «устроить вечеринку с марихуаной»;

groupies' flock – «толпа поклонниц рок-звезд».

Такие выражения понятны большинству носителей американского варианта английского языка, так как из сленга неформальных групп они переместились в молодежную среду, популяризировались в ней как единицы общепонятного жаргона.

Разумеется, интересы молодежи не исчерпываются музыкой и вечеринками. Для многих очень болезненным, важным является вопрос приобретения автономии от родителей, возможности самостоятельного принятия решений. В этой подчас очень суровой борьбе за независимость родители часто воспринимаются как отставшие от времени, непонимающие, но при этом обладающие властью разрешения или запрета определенных действий подростка. Закономерной реакцией последнего является гнев, возмущение, протест. Подобные эмоции также порождают идиомы, например:

to ground someone – «to take away some privileges» (Informal. Usually said by a teenager about parents):

My father said that if I didn't get at least C's, he'd ground me [4, с. 143].

Отдельную группу составляют фразеологизмы, связанные с процессом получения образования, элементы студенческого сленга США (с пометкой Collegiate.). В этой группе наиболее продуктивными способами формирования сленговых фразеологизмов выступают:

1) так называемый «рифмованный сленг»:

a chalk talk – «лекция»;

a frat-rat n. – «a member of a fraternity»:

The frat-rats are having a rally tonight [5, с. 132];

a cheat sheet – «шпаргалка»;

wacky-tabbacky n. – «marijuana»:

You got any of that wacky-tabbacky?

He gets that silly look in his eye from smoking wacky-tabbacky [5, с. 422].

2) удвоение (reduplication), как, например, в лексемах, активно употребляемых в роли эпитетов в составе молодежных сленговых фразеологизмов:

go-go – «модный, популярный, интенсивный, энергичный»:

He's a real go-go guy, always up to something [5, с. 152];

no-no – «запрещенный»;

You can't smoke in here. That's a no-no [5, с. 255];

3) аббревиация (Initialisation)

B.F. n. – «best friend» (Collegiate.)

You would have thought you and she were B.F.s to hear her talk.

Sharon is my B.F. [5, с. 27];

B.K. n. – «Burger King», the fast-food franchise. (Collegiate.)

Let's go over to B.K. for some fries.

No B.K. for me. I need pizza! [5, с. 32];

B.M.O.C. n. – «big man on campus», an important or self-important male college student. (Collegiate. See also BWOC.)

Who's the B.M.O.C. who keeps trying to get elected class president?

When this B.M.O.C. asked me to leave, I ignored him [5, с. 41];

H.T.H. n. – «hometown honey», a sweetheart from home or still at home. (Collegiate.)

Wally is my H.T.H., but I think I've outgrown him [5, с. 189].

Результаты проведенного исследования наглядно показали, что анализ фразеологических единиц вариантов английского языка может и должен стать не только предметом детальных научных исследований, но и неотъемлемой частью программы обучения практическому владению языком, особенно в рамках тематики, связанной с жизнью и образованием молодежи в англоговорящих странах. Одним из перспективных направлений дальнейшего исследования данной проблематики, на наш взгляд, представляется социальная дифференциация фразеологических единиц современного английского языка по гендерному критерию.

ЛИТЕРАТУРА

1. Беликов В.И. Социоллингвистика: Учебник для вузов / В.И. Беликов, Л.П. Крысин. – М.: Изд-во РГГУ, 2001. – 437 с.
2. Селіванова О.О. Сучасна лінгвістика. Термінологічна енциклопедія / О.О. Селіванова. – Полтава : Довкілля-К, 2006. – 716 с.
3. Скрыпник И.Ю. Оценочный компонент в семантике соматических фразеологизмов со значением интерперсональных отношений / И.Ю. Скрыпник // Сучасні дослідження з іноземної філології 36. наук. пр. – Вып. 6. – Ужгород : Папірус-Ф, 2008. – С. 356–361.
4. Словарь американских идиом. / Сост. Спирс Ричард А. – М. : Рус. язык, 1991. – 464 с.
5. Спирс Р.А. Словарь американского сленга / Р.А. Спирс. – М. : Рус. язык, 1991. – 528 с.

6. Швейцер А.Д. Американский вариант литературного английского языка: пути формирования и современный статус / А.Д. Швейцер // Вопросы языкознания. – № 6. – 1995. – С. 16–21.
7. Швейцер А.Д. Вопросы социологии языка в современной американской лингвистике / А.Д. Швейцер. – Л. : Наука, 1971. – 102 с.
8. Швейцер А.Д. Очерк современного английского языка в США / А.Д. Швейцер. – М. : Высш. шк., 1963. – 215 с.
9. Швейцер А.Д. Социальная дифференциация английского языка в США / А.Д. Швейцер. – М. : Наука, 1983. – 216 с.
10. Makkai, Adam. Handbook of Commonly Used American Idioms / A. Makkai. – Chicago : Barron's, 2005. – 161 p.

АННОТАЦИЯ

Жихарева Н.А. К вопросу о социальной дифференциации фразеологических единиц по возрастному критерию (на материале американского варианта английского языка)

В статье предпринята попытка анализа основных групп фразеологических единиц американского варианта английского языка, выделенных на основе их социальной дифференциации по возрастному критерию. Особое внимание уделяется установлению источников и наиболее продуктивных способов формирования фразеологизмов в речи детей, подростков и студенческой молодежи.

Ключевые слова: фразеологическая единица, социальная дифференциация, возрастной критерий, американский вариант английского языка.

SUMMARY

Zhikhareva N.A. On the issue of social differentiation of phraseological units in respect to the age criterion (on the basis of American English material)

The article presents an attempt to analyse basic groups of American English phraseological units in the view of their social differentiation with regard to the speaker's age. Particular attention has been given to the main sources and the most productive ways of forming new phraseological units in the speech of children, teenagers and college students.

Key words: phraseological unit, social differentiation, age criterion, American English.

*Н.А. Жихарева
(г. Горловка),
К.А. Кочетова
(г. Горловка)*

УДК 81'367.32

ФУНКЦИОНАЛЬНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ СОВРЕМЕННОЙ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ПОЭЗИИ

Согласно теории речевых актов единый речевой акт представляет собой трехуровневое образование: «локутивный акт – иллокутивный акт – перлокутивный акт». Используя языковые средства во время совершения локутивного акта, говорящий придает своему высказыванию **локутивное значение**, а манифестируя цель говорения в определенных условиях во время совершения иллокутивного акта, он придает высказыванию **иллокутивную силу**. Перлокутивный акт, а соответственно и **перлокутивный эффект** по своей сути не находится в обязательной связи с содержанием высказывания [7, с. 93]. Одно и то же высказывание в разных коммуникативных условиях может приобретать разную иллокутивную силу, что приводит к разграничению двух типов речевых актов: прямого и косвенного. Если прямой акт имеет лишь одну, прямую иллокуцию, непосредственно исходящую из буквального значения высказывания, то механизмом порождения косвенного речевого акта является транспозиция прагматичных типов предложений, которая состоит в замене одной коммуникативной цели на другую в рамках акта общения [4, с. 175]. Считаем возможным, на основе использования накопленного опыта в сфере типологии речевых актов [2, 3, 4, 7, 8, 9, 11, 13], различать следующие прагматичные типы высказываний: 1) **констативы**, основной целью которых является фиксация ответственности говорящего за сообщение об определенном положении дел, за истинность высказываемого им суждения (речевые акты сообщения, утверждения, констатации, описания, отчеты, пояснения, уверения); 2) **директивы**, направленные на побуждение адресата к определенному действию (приказы, указания, требования, распоряжения, просьбы, советы, рекомендации, предостережения, нормативные акты); 3) **квеситивы**, выражающие состояние когнитивного дефицита у говорящего и представляющие собой запрос говорящим определенной информации, известной адресату; 4) **комисивы**, цель которых состоит в том, чтобы возложить на говорящего обязательство выполнить в будущем определенное

действие или придерживаться определенной линии поведения (обещания, гарантии, клятвы, угрозы и предупреждения); 5) **экспрессивы** – высказывания этого типа составляют реакцию говорящего на действие/поведение адресата (положительную – в речевых актах благодарности, поздравления, одобрения и т.п. или отрицательную – при выражении извинения, нарекания, возмещения, возмущение, проклятия и т.п.); 6) **декларации**, иллокутивной целью которых является обеспечение состояния дел, непосредственно соотнесенных с данным речевым действием (присвоение названий, определения, назначения, приговоры и т.п.); 7) **вокативы (или апеллятивы)** – акты обращения, вызова и призыва, целью которых является привлечение и поддержание внимания адресата. В этих высказываниях реализуется фатическая, метакоммуникативная функция языка, направленная на включение/переключение, поддержку и прерывание речевого контакта.

Материалом для данной работы послужили тексты пяти стихотворений современных англоязычных поэтов [12, 14–17]. Задачей исследования являлось определение типов коммуникативных актов, представленных в стихотворениях, с целью выявления главенствующих в современной литературе функционально-прагматических тенденций.

Анализируя стихотворение английского автора Джейн Кайт (Jane Kite) под названием «Перемена» (оригинальное название – «Alteration» [16]), написанное в 2015 году, мы обнаружили композиционную структуру, состоящую из пяти речевых актов:

I wonder, is it love that keeps me here
Or habit, being only half alive
Without your look and then not seeing clear
What it can be that bends you from my eyes.
I notice that you've noticed I've grown old
And you admire my mind, but that is not
Enough to rouse your passion, gone so cold.
Is there now another makes you hot?
You used to say love was our guiding star
To keep our ship on course for all our lives
But now I've no idea where you are
Or how it happens such a feeling dies.
I thought to stay for love, but as it's true
You don't love me, I might not now love you.

Из приведенных в стихотворении речевых актов по меньшей мере три носят косвенный характер. Так, первое предложение произведения имеет форму квеситива – вопроса с использованием вопросительных конструкций и непрямого порядка слов, однако

скрытое содержание данного предложения констатиивно, так как рассказчица в действительности не требует ответа ни от самой себя, ни от читателя (что подтверждает и специфическая пунктуация, а именно – использование в конце предложения точки вместо вопросительного слова). К косвенным речевым актам относится и следующее предложение (*«I notice that...»*), имеющее констатиивную форму, но имеющее яркую экспрессивную окраску. Экспрессивное содержание обнаруживается и в третьем предложении стихотворения, длиной, в отличие от других, всего в одну строку (*«Is there now another makes you hot?»*), которым и заканчиваются косвенные речевые акты стихотворения. Последующие реплики рассказчицы синкретичны, т.е. обладают не двумя, а тремя характеристиками различных типов речевых актов. Так, предложение *«You used to say...»* сформулировано в форме констатиива, но его содержание заключается в сочетании квеситивности и экспрессивности. В констатиивной форме выражен и последний речевой акт стихотворения, обладающий при этом смешанным директивным и экспрессивным содержанием. Подводя итоги, можно сказать, что из пяти речевых актов стихотворного произведения три (60%) относятся к косвенному типу, два (40%) – к синкретическому. Прямые речевые акты в стихотворении и вовсе отсутствуют.

Подобную картину можно наблюдать и в следующем произведении под названием «Ангелы порта Галвэй» (*«Angels of Galway Harbour»*), опубликованном английским автором Теренсом Джоунсом (Terence Jones) [15] в 2015 году:

How many swans exactly line the harbour
in Galway? And what is *she* doing up there,
Our Lady in Effigy, filling an alcove
in her perpetual pose of prayer?
And another form, practising her tightrope
while lunchers on a quayside stroll
pretend not to notice because
the world is not a circus after all.
And a heron stilt-walking
on the mud of low tide – unfurling
her clothly wrap – all curiosity
for new research and fresh sites.
And the camera on a tripod perched
for the long-awaited moment
when, at the entry to the church,
today's bride pauses, her train of white
palpitating like a silken brook.
And then – disappeared. The rope walker, too,

in a moment of my inattention.
The heron, too. We used to say the passage
of an angel would stop you mid-flow
and misdirect your gaze.
So time to speculate upon the angels,
and how many can fit upon the quay
in Galway. And are they passing by,
or were they left behind – bereaved
guardians of the faithful departed?

Первая же строфа стихотворения включает в себя два речевых акта в форме квеситива. Но, если первое предложение относится к прямому типу, то во втором присутствует экспрессивная нагрузка, выраженная в выбранной автором лексике. Следующий речевой акт парцеллирован, т.е. разбит сразу на четыре строфы стихотворения, перечисляя элементы панорамного обзора вида, открывающегося взору поэта. Но все части речевого акта носят одинаковый характер: выраженные в форме констатива, они заключают в себе экспрессивное, эмоциональное значение. Такая же структура обнаруживается и в последней фразе стихотворения («*And are they passing by,...*»). Что же касается предложения «*So time to speculate...*», которое является своеобразным подведением итогов размышлений из предыдущего, «дробного» речевого акта, то данная фраза является единственной, относящейся к числу синкретических, так как она, будучи сформулированной в форме констатива, предполагает косвенное квеситивное и директивное содержание с экспрессивной окраской. Таким образом, 60% речевых актов стихотворения относятся к типу косвенных, и по 20% – к прямому и синкретическим типам. Общее число речевых актов произведения, без учета парцелляции – пять фраз.

Третье из рассмотренных нами стихотворений, написанное Хелен Джаггер в 2014 году «После» («*Afterwards*», by Helen Jagger) [14], содержит одиннадцать обособленных речевых актов:

Yesterday I felt your weight beside me on the mattress.
Later I saw you on the stairs.
Today I woke:
the bed was empty, your pillow smooth.
I reached out – the bed was endless, my fingers
too short, my eyes not strong enough.
I closed them and breathed in.
I stood up and the room shrank.
I cried out – you didn't hear. I shouted,
screamed and beat the bed.
Am I too loud? Do I frighten you?
You've filled my head with blood and silence.

Are you downstairs among the books,
in the red chair, knee deep in unread newspapers?

Первое предложение стихотворения относится к типу прямых речевых актов, так как его форма соответствует его содержанию, определенному нами как констатив. Однако, уже следующая строка произведения («*Later I saw you on the stairs*»), будучи выраженной в констативной форме, тем не менее, подразумевает под собой нарастающее экспрессивное значение, переходящее в скрытый упрек, что предполагает определение данной фразы как синкретического речевого акта: «*Today I woke...*» (форма констатива и содержание директива с отрицательной экспрессивной окраской). Последующая фраза «*I reached out...*», также сформулированная в форме констатива, еще более эмоциональна. «*I closed them and breathed in*» нарушает цепь косвенных речевых актов, в содержании своем не изменяя форме (речь идет о констативе); однако, после короткой паузы простой констатации идет новый виток нарастающей экспрессии. Фраза «*I cried out – you didn't hear*», в отличие от предыдущих, обладает еще и директивным значением, будучи скрытым упреком. Данное стихотворение можно истолковать как внутренний невысказанный диалог рассказчицы, что объясняет и присутствие упреков, и наличие вопросов, как эмоциональных («*Am I too loud? Do I frighten you?*»), так и риторических (как последняя фраза стихотворения «*Are you downstairs...*»), которые относятся к типу косвенных. Последний же речевой акт («*You've filled my head...*») относится к типу синкретических, так как, имея форму констатива, он обладает директивным и экспрессивным значением. Таким образом, семь из одиннадцати речевых актов стихотворения относятся к типу косвенных, совмещая двойное значение (что соответствует 64%), тогда как прямой и синкретический тип представлены в произведении поровну (18% для каждого типа).

«Кольцо» 2014 года, созданное Дениз Беннетт («*The Ring*» by Denise Bennett) [12], несколько отличается от уже представленных нами стихотворений по структуре:

*We found it slipped
between the sheets, she said
as she handed me my
mother's engagement ring.
It had never left her finger
since her sailor beau had proposed
seventy seven years ago,
kissing her tide of red hair –
and I took the delicate band,*

whittled thin with seventy years
of widowhood, and carried her
grief out into the rain.

Первая фраза произведения является прямой репликой персонажа стихотворения, являясь прямым актом речи (констативом), как и последующая речь автора. В той же форме представлены и последующие три фразы, оставаясь по форме своей констативами. Однако, в них присутствует и экспрессия, выраженная в первую очередь посредством лексико-семантических стилистических приемов (метафор «*kissing her tide of red hair*», «*carried her grief out into the rain*», эпитетов «*delicate*», «*whittled thin*»). Тем не менее, так как в данной работе мы рассматриваем коммуникативную нагрузку стихотворных произведений, мы относим все пять речевых актов стихотворения к типу прямых, что обусловлено, на наш взгляд, повествовательным характером композиции стихотворения.

Подобную картину можно наблюдать и в стихотворении «Уделяя внимание» американца Дэвида Ольсена («*Paying attention*» by David Olsen, 2015) [17].

Concentrate. Money's at stake.
A man shuffles three counters,
one marked on the underside.
Shell game. Pull out your wallet.
Put up €10. You win. Easy money.
Smirk at one or two nearby idlers.
Double or nothing? Sure. Why not?
Bet your tenner plus his.
Now, pay even closer attention.
Watch those hands. Watch them.
What? You lose. A fluke.
Bored onlookers melt away.
You can beat this chump.
Reach for your wallet. Gone.

Из двадцати одного речевого акта стихотворения (такое их количество объясняется специфической тягой автора к кратким, эллиптическим фразам), лишь три относятся к типу косвенных. Так, фраза «*Why not?*», будучи риторическим вопросом, включает в себя форму квеситива и констативное содержание. А предложение «*You can beat this chump*» представлено в констативной форме, но обладает директивным, побудительным значением. Оставшиеся фразы в стихотворении по своему содержанию соответствуют своей форме, определяя, таким образом, следующую статистику: 86% прямых речевых актов при 14% косвенных.

Исходя из вышесказанного, мы отмечаем тенденцию большей части представителей современной английской поэзии к иносказательности, что можно обнаружить в первых трех из рассмотренных нами стихотворений. Данная тенденция, на наш взгляд, является следствием национальных особенностей английских литераторов, а также условиями проживания в современном обществе, требующем от человека постоянного сосуществования с другими, малознакомыми ему людьми, и как следствие, готовности оградить себя и свой внутренний мир от всякого внешнего посягательства. Однако, последние два стихотворения относятся к тем произведениям, в речевых актах которых превалирует прямой тип – то есть, в них отсутствует иносказательность в той степени, в которой она представлена в творчестве других авторов. В последнем случае, при разборе стихотворения «Paying attention» мы считаем ключевым тот факт, что его автор – американец. Таким образом, прямолинейность художественной выразительности Дэвида Ольсена может объясняться национальными особенностями коммуникативной культуры той страны, где начинался его творческий путь. В стихотворении Дениз Беннетт (британского автора) мы считаем нужным еще раз отметить, что использование исключительно прямых речевых актов, в которых экспрессивность достигается сугубо стилистическими средствами, можно считать результатом влияния повествовательного характера всей композиции в целом, в отличие от других четырех стихотворений, представленных в работе, с ярко выраженной диалоговой формой презентации (обращение к любимому человеку и непосредственно к читателю с желанием поделиться своими душевными переживаниями).

Проведенный анализ показал, что в рассмотренных нами поэтических произведениях иносказательность в значительной степени строится на использовании косвенных речевых актов, преимущественно с транспозицией директивной, квеситивной и экспрессивной иллокутивной силы. Малое количество рассмотренных стихотворений не позволяют утверждать о тотальности данной тенденции и требуют обобщения на более широком языковом материале, что и определяет перспективу дальнейшего исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арестова О. Н. О соотношении физических и смысловых параметров коммуникативного пространства / О. Н. Арестова, И. А. Пахомов // Вопросы психологии. – 2002. – № 2. – С. 112–123.

2. Габидуллина А. Р. Основы теории речевой коммуникации: учеб. пособие / Габидуллина А. Р., Андриенко Т. П., Кузема Н. В. – Донецк : КП «Регион», 2000. – 196 с.
3. Герасимова О. И. Косвенные высказывания в английской диалогической речи: автореф. дис. ... канд. филол. наук: спец. 10.02.04 – Германские языки / О. И. Герасимова. – Л., 1986. – 16 с.
4. Жихарева Н. А. Типологія непрямих мовленнєвих актів / Н. А. Жихарева // Східнослов'янська філологія : зб. наук. праць. – Горлівка: Вид-во ГДПШМ, 2009. – Вип. 16. – С. 174–183.
5. Комина Н. А. Систематика коммуникативно-прагматических типов высказывания / Н. А. Комина // Прагматические аспекты функционирования языка : сб. науч. трудов / [редкол.: А. А. Стриженко (отв. ред.) и др.]. – Барнаул : АГУ, 1983. – С. 93–101.
6. Медведєва Л. М. Мовленнєвий акт: контекст / Л. М. Медведєва // Мовознавство. – К. : Наук. думка, 1988. – № 2. – С. 31–37.
7. Остин Дж. Л. Слово как действие / Дж. Л. Остин // Новое в зарубежной лингвистике : Вып. 17. Теория речевых актов : [сб.; пер. с англ. / сост. и вступ. ст. И. М. Кобозевой и В. З. Демьянкова ; общ. ред. Б. Ю. Городецкого]. – М. : Прогресс, 1986. – С. 22–129.
8. Почепцов Г. Г. Прагматический аспект изучения предложения / Г. Г. Почепцов // Иностранные языки в школе. – 1975. – № 6. – С. 15–25.
9. Серль Дж. Р. Классификация иллокутивных актов / Дж. Р. Серль // Новое в зарубежной лингвистике : Вып. 17. Теория речевых актов : [сб.; пер. с англ. / сост. и вступ. ст. И. М. Кобозевой и В. З. Демьянкова; общ. ред. Б. Ю. Городецкого]. – М. : Прогресс, 1986. – С. 170–194.
10. Человеческий фактор в языке: языковые механизмы экспрессивности / [В. Н. Телия, Т. А. Графова, А. М. Шахнарович и др.; отв. ред. В. Н. Телия]. – М. : Наука, 1991. – 214 с.
11. Шелингер Т. Н. Нетрадиционно выделяемые коммуникативные единицы современного английского языка : автореф. дис. на соискание ученой степени канд. филол. наук : спец. 10.02.04 – Германские языки / Т. Н. Шелингер. – Л., 1986. – 15 с.
12. Bennett Denise. The Ring [Электронный ресурс] / Denise Bennett. – Режим доступа : <http://poetrysociety.org.uk/poems/the-ring>. – 03.03.2016.
13. Fraser B. Hedged Performatives / B. Fraser // Syntax and Semantics / [ed. by P. Cole, J. L. Morgan]. – N.Y. : Academic Press, 1975. – Vol. 3 : Speech Acts. – P. 181–210.

14. Jagger Helen. Afterwards [Электронный ресурс] / Helen Jagger. – Режим доступа : <http://poetrysociety.org.uk/poems/afterwards>. – 03.03.2016.
15. Jones Terence. Angels of Halway harbor [Электронный ресурс] / Terence Jones. – Режим доступа : <http://poetrysociety.org.uk/poems/angels-of-galway-harbour>. – 03.03.2016.
16. Kite Jane. Alteration (for Anne Hathaway) [Электронный ресурс] / Jane Kite. – Режим доступа : <http://poetrysociety.org.uk/poems/alteration-for-anne-hathaway>. – 03.03.2016.
17. Olsen David. Paying attention [Электронный ресурс] / David Olsen. – Режим доступа : <http://poetrysociety.org.uk/poems/paying-attention>. – 03.03.2016.

АННОТАЦИЯ

Жихарева Н.А., Кочетова К.А. Функционально-прагматические характеристики современной англоязычной поэзии

В статье предпринята попытка анализа функционально-прагматических особенностей косвенных речевых актов в произведениях современных английских и американских поэтов. Авторы анализируют речевые акты, встречающиеся в стихотворениях, выявляя процентное соотношение различных их типов. Конечной целью исследования является установление преобладающих тенденций к прямолинейности/иносказательности в англоязычной поэзии XXI века.

Ключевые слова: прямой/косвенный речевой акт, констатив, директив, экспрессив, иллокутивная сила, синкретичность.

SUMMARY

Zhikhareva N.A., Kochetova K. A. Functional-pragmatic characteristics of modern English poetry

The article presents an attempt to analyse functional-pragmatic features of indirect speech acts in compositions of modern English and American poets. The authors regard speech acts in poems, finding the percentage ratio of their different types. The object of the article consists in determination of prevalent tendencies to directness / figurativeness in English poetry of the XXIth century.

Key words: direct / indirect speech act, constative, directive, expressive, illocutionary force, syncretism.

УДК 81'255.4

СТРАТЕГИЯ И ТАКТИКА ПЕРЕДАЧИ СТИЛИСТИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ ОРИГИНАЛА В ПЕРЕВОДЕ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛОЯЗЫЧНОГО КАЛАМБУРА)

Перевод художественной литературы, особенно абсурдистской, является чрезвычайно сложным процессом, который требует от переводчика определенных усилий и таланта. Каламбуры, которые наряду с анекдотами и лимериками являются характерным признаком таких произведений, вызывают особые трудности из-за отсутствия в своем содержании логических на первый взгляд связей и значений.

Проблема структурного построения и классификации каламбуров является достаточно изученной в литературоведении, однако проблемами передачи этого стилистического приема языка оригинала на языке перевода занималось небольшое количество исследователей. Среди таких теоретиков и практиков перевода следует особо выделить С. Н. Влахова, С. В. Флорина, Н. И. Галь, В. С. Виноградова, В. Н. Комиссарова. Так, Н. И. Галь в своей работе «Слово живое и мертвое» отмечает, главное – не простое воспроизводство содержания и формы оригинала, а сохранение «духа» произведения. Согласно ее теории, каламбур должен в первую очередь быть естественным продолжением вещания персонажа, созданным с использованием фраз и оборотов, присущих ему при общении в конкретной ситуации. К тому же, важным является создание ритма и особенностей звучания, характерных для языка перевода [3, с. 178]. В. С. Виноградов работал над созданием обобщенной схемы каламбура, техническим процессом его создания. По этой схеме каламбур состоит из двух компонентов – лексической основы (опорного компонента, стимулятора), что позволяет начать игру слов и компонента-результата, что собственно создает каламбур. Такое простое понимание этого стилистического приема облегчает процесс поиска вариантов при переводе [2, с. 125].

С. Влахов и С. Флорин подчеркивают, что при невозможности воспроизведения игры слов, сохраняя исходные элементы, переводчик должен только передать «каламбурность» отрывка оригинала, создать свою собственную игру слов, которая будет иметь тот же прагматический эффект, что и оригинал [1, с. 362].

Таким образом, несмотря на неоднородность мнений относительно особенностей перевода каламбура, существует необходимость обобщения сведений и формулирование четких указаний, которые облегчат процесс перевода, поэтому актуальность нашего исследования обусловлена именно отсутствием систематического сравнительного анализа различных вариантов перевода каламбуров на примере одного произведения.

Целью исследования является определение структуры английского каламбура и процесса его воспроизведения при переводе на русский язык.

Предметом исследования являются англоязычные каламбурные подстановки, использованные Л. Кэрроллом в произведении «Алиса в стране чудес».

Объектом являются структурные особенности англоязычного каламбура и средства его передачи в языке перевода.

Анализировать каламбур, расчленять его на отдельные составляющие – дело сложное, может показаться даже, что это ненужная теория ради теории. Элементом, обеспечивающим каламбуру успех, является непредсказуемость того или иного звена в цепи речи, так называемый эффект неожиданности. Появление каждого элемента речевой цепи как бы определяется всеми предшествующими элементами и определяет все последующие элементы: одновременно или последовательно читатель воспринимает два значения, одно из которых не ожидал.

Не следует однако забывать, что существует несколько разновидностей каламбура, каждый из которых имеет свои особенности при переводе.

- Каламбур, как миниатюра, самостоятельное произведение, которое является самодостаточным и совершенным. Переводчик, работающий с ним, имеет больше свободы, потому что фактически он создает новое произведение, сохраняя задумку автора и содержание, но придавая ему новую форму из-за особенностей языка перевода.

- Каламбурный золовок статьи, юмористического или сатирического произведения, в котором выражен весь идейный смысл и задумка автора. Такой каламбур создает много трудностей при переводе, так как его аналог должен быть таким же четким, остроумным, точным и отражать главную идею произведения.

- Каламбур в виде подписи к карикатуре или рисунку, при переводе которого надо принимать во внимание изображения.

- Каламбур как стилистический оборот или фигура речи, которая связана с контекстом и полностью зависит от него.

Именно последнему виду каламбура посвящена эта работа.

По структуре каламбура, обычно выделяют две основные составляющие: опорный компонент, который определяется контекстом и является основой для начала игры слов, и компонент-результат, который довершает каламбур. Например, *"Mine is a long and a sad tale!" – said the Mouse, turning to Alice, and sighing. – "It is a long tail, certainly," said Alice, looking down with wonder at the Mouse's tail; "But why do you call it sad?"* Опорным компонентом является слово *tale*, что вытекает из контекста (Мышь обещала рассказать сказку), а результатом становится омофон *tail*, что является результатом восприятия последующей истории в форме мышинного хвоста. Каламбур подчеркивает возбужденную, вывернутую наизнанку логику сновидения.

Существует два наиболее распространенных основания для создания каламбура. Первое из них – многозначное слово. Работает это очень просто: контекст подталкивает читателя, настраивает его на восприятие определенного значения полисемантического слова, когда автор неожиданно использует совершенно иное значение. Очень ярко это можно увидеть на примере следующего диалога.

"They were learning to draw, you know." – "What did they draw?" – "Treacle". – "Where did they draw treacle from?" – "You can draw water out of a water-well," said the Hatter; "So I think you could draw treacle out of a treacle-well".

Автор играет с полисемантическим словом *to draw*, сначала используя значение "рисовать", а затем неожиданно заменяя его значением "добывать, доставать, черпать".

Второй секрет мастеров каламбура – все виды омонимии:

- Полные омонимы (два разных слова, полностью совпадают по звучанию и написанию во всех своих формах): *But they were in the well – "Of course they were," said the Dormouse – well in*". Пара омонимов (*well* – колодец и *well* – хорошо, отлично) составляет каламбур и превращает разговор в полную чушь, тем самым вызывая юмористический эффект.

- Омофоны (слова, совпадающие по звучанию, но не по написанию): *"... the earth takes twenty-four hours to turn round on its axis" – "Talking of axes," – said the Duchess, "chop off her head!"* Слова *axis* и *axes* имеют одинаковое звучание [ˈæksɪs], что делает их выигрышными для каламбура.

- Омоформы (слова, совпадающие по звучанию и написанию только в одной или нескольких своих формах).

Перевод текста, относящегося к художественному стилю, всегда предусматривает ряд проблем, а именно: нужно сохранить образность оригинала, все оттенки значений, коннотации,

авторский стиль и отразить всю полноту содержания в новой языковой оболочке. При таком переводе предпочтение отдается значению и содержанию, а форма его выражения вторична. Когда же надо передать каламбур, то форма оригинала (фонетическая и/или графическая) становится такой же, а иногда и более важной, чем содержание. Нередко приходится ради сохранения каламбурной формы менять содержание высказывания или полностью заменять его новым.

Таким образом, абсолютно точный перевод, при котором сохраняются как форма, так и содержание, может существовать скорее как исключение, а не как правило. Одна из важнейших проблем, которые должен решить переводчик – выбор между содержанием и формой. Передать значение, отказавшись от игры слов, или же сохранить каламбур, изменив образ и отклонившись от точного значения, может, даже полностью сосредоточиться на игре слов, игнорируя содержание – это очень важный вопрос. Решение же зависит от многих факторов. В первую очередь следует обратить внимание на узкий и широкий контекст и содержание произведения в целом. Затем следует рассмотреть возможности языка перевода, лексические и фонетические свойства компонентов каламбура и возможных соответствий в языке перевода.

Следует также провести детальный анализ каламбура: выделить компонент-основу и компонент-результат, исследовать их лексические свойства, все возможные значения, коннотации, выяснить, построенный каламбур на фразеологизме. Очень важно определить, что является основой для каламбура – многозначное слово или один из видов омонимии. Идеальный перевод сохраняет вид каламбура, но переводчик может использовать любые трансформации, чтобы создать эквивалент оригинального текста. Далее, работая со словарем, переводчик исследует все варианты перевода отдельных компонентов каламбура и слова-синонимы, с целью подобрать соответствующие компонент-основу и компонент-результат, которые создадут каламбур в языке перевода. Если при этом не удастся найти полное соответствие, то замену ему ищут среди родственных понятий. Однако, использование семантики обоих компонентов – довольно редкий случай в переводческой практике, поскольку это предполагает наличие в языке перевода четких параллелей лексическим единицам языка, абсолютных соответствий, сохраняющие несколько значений, или по счастливой случайности походят по звучанию. В таком случае перевод выполняется фактически на уровне

слова. Возьмем в качестве примера отрывок из произведения «Алиса в стране чудес»:

“And here Alice began to get rather sleepy, and went on saying to herself, in a dreamy sort of way,” Do cats eat bats? Do cats eat bats? “And sometimes,” Do bats eat cats? “For, you see, as she could not answer either question, it did not much matter which way she put it”.

Сонная Алиса путает *cats* и *bats*, потому что они похожи по звучанию. Используются конкретные значения слов, поэтому выбирать особо не из чего, есть только один вариант перевода, *cats* – *кошки*, *bats* – *летучие мыши*. На первый взгляд слова по звучанию не совпадают, перепутать, как сделала это Алиса, их трудно. Но нужны только две трансформации, чтобы создать соответствующую игру слов. Заменяем множественное на единственное число, получаем “кошка” и “летучая мышь”. Теперь ставим слова в уменьшительное форму – “котенок” и “мышонок”. Окончательный вариант такой – “ест ли мышонок котят?” Или котенок ест летучих мышат?” Таким образом, при переводе использована семантика обоих компонентов и сохранена игра слов. К сожалению, такая возможность случается очень редко.

Потребность создать каламбур на совершенно новой семантической основе может возникнуть из-за необходимости сохранения значения обоих компонентов каламбура в том случае, если нельзя создать каламбур именно из этих компонентов в языке перевода. При таких условиях содержание каламбура оригинала передается не в каламбурной форме, а это ведет к определенным потерям. В таком случае переводчик может использовать прием компенсации – один из способов достижения эквивалентного перевода на уровне целого отрывке текста. Компенсацию следует рассматривать как замену элемента оригинала, который нельзя передать аналогичным или другим элементом, который компенсирует потерю информации или литературного приема и может вызвать аналогичную реакцию читателя. Исследователи приема компенсации составили следующий список ограничений и правил применения приема компенсации при переводе:

- Каламбур, созданный согласно приему компенсации (далее – каламбур), должен естественно вписываться в общую картину стилистических средств перевода, служить восстановлению целостности произведения и не искажать идейно-художественный характер оригинала.

- При создании каламбура следует стремиться к сохранению структурных и семантических особенностей оригинала.

- Каламбур может быть воспроизведен только в речи персонажей, использующих этот прием в оригинале.

- Каламбур может возникнуть только в ситуации, которая способствует его возникновению.
- Каламбур оригинала не может быть воспроизведен с помощью приема, не присущего оригиналу.
- При создании каламбура следует принимать во внимание культурные, социальные и возрастные особенности потенциальных читателей.

Ошибки, которые могут возникнуть при переводе каламбуров, чаще всего связаны с неуместным выбором компонентов. Выделяют три подобные ситуации:

- В качестве компонентов каламбура выбирается лексика, которая находится вне понимания читателя.
- Стилистическая окраска компонентов каламбура не соответствует особенностям языка детских произведений и снижает поучительную ценность произведения.
- Используется лексика, которая искажает фактическую информацию, предоставленную в оригинале.

Приведем несколько примеров для того, чтобы продемонстрировать мастерство и индивидуальный “почерк” переводчиков, которые выполнили переводы каламбурных подстановок, использованных Л. Кэрроллом, на русский язык:

1) – *You had got to the fifth bent, I think? – I had not! – Cried the Mouse, sharply and very angrily. – A knot! – Said Alice, always ready to make herself useful, and looking anxiously about her. – Oh, do let me help to undo it!*

Полная омонимия создает яркий каламбур.

В переводе А. Демуровой имеем: *Вы дошли уже до пятого завитка. – Глупости! – Рассердилась Мышь. – Вечно всякие глупости! Как я от них устала! Этого просто не вынести. – А что вам нужно вынести? – Спросила Алиса. (Она всегда готова была услужить.) – Давайте я помогу!*

Использован прием компенсации, каламбур создан на другой лексической основе, которой стало многозначное слово.

Перевод, выполненный Б. Заходером: *Вот я по твоей милости потеряла нить. – Потеряла нить? Она, наверное, в траву упала! – Откликнулась Алиса, всегда готовая помочь. – Позвольте, я найду!..*

Созданный каламбур удачно вписывается в контекст, хотя перевод далек от оригинала, однако прагматичный эффект сохранен.

Перевод, сделанный А. Щербаковым: *– А что дальше? – А дальше точка, – сердито ответила Мышь. – Точка? А что точили? Немедленно заинтересовалась Алиса.*

Компонент-результат не очень уместен, но ввиду поломанной

логики, которая является характерной чертой оригинала, такое решение вполне возможно.

В переводе В. Набокова имеем: *Вы, кажется, дошли до пятого погиб? – Ничего подобного, никто не погиб! – не в шутку рассердилась Мышь. – Никто. Вот вы теперь меня спутали. – Ах, дайте я распутаю ... Где узел?*

В оригинале Алиса довольно часто неправильно произносит слова, но “погиб” вместо “изгиб” звучит довольно естественно.

2) *How am I to get in? – Are you to get in at all?*

Богатство английской грамматики позволяет создать такое уникальное явление, как грамматический каламбур. Из-за отсутствия соответствующих средств в языке перевода приходится искать другие пути создания нужного эффекта. Все переводчики решили эту проблему с помощью модальных слов и глаголов.

А. Демурова: – *Как мне попасть в дом? – А стоит ли туда попадать?*

Б. Захoder: – *Как мне попасть в дом? – А кто сказал, что вы вообще Должны попасть в дом, барышня?*

А. Щербakov: – *Как мне войти? – А следует ли вам входить?*

В. Набоков: – *Как я войду? – Удастся ли вообще вам войти?*

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы:

1. По функциям каламбуры делятся на следующие виды: каламбур, как миниатюра, самостоятельное произведение; каламбурный заголовок статьи, юмористического или сатирического произведения; каламбур в виде подписи к карикатуре или рисунку; каламбур как стилистический оборот или фигура речи, которая связана с контекстом и полностью зависит от него.

2. Основой для построения каламбура могут быть: многозначные слова; различные виды омонимии; слова, похожие по звучанию.

3. Воспроизведение каламбура при переводе состоит из нескольких этапов: исследование каламбура оригинала и установления его компонентов; поиск соответствий компонентам и создания каламбура; создание контекста для адаптации каламбура к тексту произведения.

4. При воспроизведении каламбура в тексте-переводе может использоваться: семантика обоих компонентов каламбура оригинала; семантика одного из компонентов; новая семантическая основа.

5. Если невозможно передать важную информацию в форме каламбура, его содержание передается не в каламбурной форме.

Потерянное содержание и особенности каламбура передаются с помощью приема компенсации.

Игра слов как одна из основных проблем воспроизведения художественного текста, его юмористического эффекта требует дальнейшего детального изучения с литературной, прагмалингвистической и особенно переводческой точек зрения. Также особого внимания заслуживают вопросы о способах и приемах воспроизведения в переводе не только каламбура, а также других компонентов передачи юмористического и сатирического эффекта в художественном тексте.

ЛИТЕРАТУРА

1. Влахов С. Н. Непереводимое в переводе: моногр. – 2-е изд., испр. и доп. / С. Н. Влахов, С. В. Флорин. – М. : Высш. шк., 1986. – 416 с.
2. Виноградов В. С. Лексические вопросы перевода художественной прозы / В. С. Виноградов. – М. : Высш. шк., 1978. – 350 с.
3. Галь Н. И. Слово живое и мертвое. Из опыта переводчика и редактора / Н. И. Галь. – М. : Сов. писатель, 1981. – 241 с.
4. Кэрролл Льюис. Приключения Алисы в Стране Чудес / Перевод Н. М. Демуровой. – М. : Наука, 1991. – 397 с.
5. Кэрролл Льюис. Аня в Стране Чудес / Перевод В. Сирина (В. В. Набокова). – М., 1968. – 115 с.
6. Кэрролл Льюис. Приключения Алисы в Стране Чудес / Перевод А. А. Щербакова. – М. : Прогресс, 1970. – 300 с.
7. Кэрролл Льюис. Приключения Алисы в Стране Чудес / Перевод Б. В. Заходера. – М. : Просвещение, 1980. – 215 с.
8. Кэрролл Льюис. Приключения Алисы в Стране Чудес (На английском языке). – М. : Прогресс, 1979. – 235 с.

АННОТАЦИЯ

Иванова Н.А. Стратегия и тактика передачи стилистических особенностей оригинала в переводе (на материале англоязычного каламбура)

В статье рассматриваются суть и структура англоязычного каламбура, анализируются виды основ для создания этого стилистического приема. Особое внимание уделяется способам передачи каламбура на русский язык. Кроме того, выделяются типичные трудности и ошибки при переводе.

Ключевые слова: каламбур, компенсация, омонимия, прагматический эффект.

SUMMARY

Ivanova N.A. Strategy and tactics of rendering stylistic peculiarities of the original text in translation (based on the English pun)

This article addresses the essence and structure of English pun, analyses types of the bases to create this stylistic device. A special emphasis is placed on the ways of pun rendition into Russian. Besides, we reveal typical mistakes and pitfalls while translating.

Key words: pun, compensation, homonymy, pragmatic effect.

*Н.И. Иванова
(г. Горловка)*

УДК 81'36

К ВОПРОСУ О СМЫСЛОВОМ ОБЪЕМЕ ОДНОРОДНЫХ ЧЛЕНОВ

Для исследователя любое явление языка может открыть глубину скрытых смыслов, свою специфичность и тенденциозность. Современные направления изучения функционального языка антропоцентрически ориентированы. Наиболее ярко сущность лингвистики антропоцентризма проявляется в текстовых исследованиях. Текст невозможно изучать вне человека, «который является его производителем и получателем. Более того, текст стал ключевым понятием для антропологической парадигмы изучения языка, поскольку человек в его человеческой специфике всегда выражает себя» [2, с. 73]. Помимо общих закономерностей переработки внеязыковых впечатлений, в художественном произведении всегда закрепляются и индивидуальные, личностные. Известно, что писатели формируют языковую норму, сознательно отступая от уже существующей. Сочетанием общего и частного в творчестве и создаётся неповторимость языка писателя, его идиостиль.

В художественном произведении не могут быть одинаково значимыми все элементы. Между ними всегда устанавливается смысловая иерархия. Только некоторые, проявляя высокую степень смыслового напряжения, формируют центральную зону художественного целого и становятся эмоциональной доминантой. Вариантов активизирования неких смыслов в художественном тексте достаточно много, каждый заслуживает внимания. Главное у них то, что активизированные единицы представляют текстовый сегмент особого эмоционального напряжения, а выделение какого-либо смыслового компонента

в семантической сфере языковых единиц, работающих комплексно, связано только с целеустановкой автора.

У некоторых мастеров слова определённые конструкции становятся семантическими и структурными центрами текстов. Таким уникальным микромиром предстают однородные ряды в повести Алексея Толстого «Любовь».

В индивидуально-авторской языковой картине мира однородные ряды образуют своеобразную сферу, которая поглощает всё воображаемое или действительное пространство. Цель данной работы заключается в установлении степени влияния однородных рядов на формирование художественной специфичности.

Однородные члены – это те внутрисинтаксические ресурсы, в которых сфокусированы актуальные для автора смыслы. Они обнаруживают разную степень «участия» автора в синтаксическом изображении, и вместе с тем – разные способы проявления «образа автора» в структуре высказывания. В основе авторской однородности лежит представление о семантической близости однородных членов. Преднамеренное синтаксическое сближение разнородных элементов может породить эффект семантического сближения.

Смысловой диапазон однородных членов широк и многообразен. И даже в случаях «технического» их использования для создания описательных «полотен» с большей или меньшей степенью детализации изображаемого действительность не просто отражается, а преломляется, перерабатывается и субъективируется автором. На них фиксируется внимание сначала автора, а затем – и читателя

Однородные ряды у А. Толстого – и способ мышления автора, и способ подачи языкового материала. Однородные члены за счёт приращения очень большого количества слов (часто – семантически неоднородных) вряд ли можно считать только линейно расширенной синтаксической цепочкой. В них – авторская манера расширения смыслового объёма повествования, позволяющая за каждым элементом этой конструкции увидеть ещё целый пучок ассоциативных образов.

Как известно, экспрессивность однородных членов не обязательно пропорциональна их числу: пять однородных членов не всегда более экспрессивны, чем два.

Обилие однородных рядов в повести А. Толстого «Любовь» не торопит события (что должно бы произойти при таком количестве глаголов), а наоборот: как будто замедляет действия, растягивает их, тем самым останавливая внимание на каждом.

Непосредственное расположение членов однородного ряда позволяет читателю точнее понять те смыслы, которые стремился донести автор. Кроме того, при использовании перечислительных цепочек процесс кодирования организуется для того, чтобы задерживать внимание читателя на важных моментах. Для получения более полной информации об экспрессивных возможностях синтаксической однородности мы рассмотрим данное явление в контексте произведения.

Вся повесть – описание событий двух недель. В центре произведения – любовь Егора Ивановича и Маши, которые уже состоят в браке. Семьи главных героев внешне вполне благополучны. Это пары, привыкшие к «искусственной» светской жизни. Анна Ильинишна и Михаил Петрович, супруги Егора и Маши, вполне довольны таким существованием. Чего не скажешь о главных героях. Такая духовная близость и порождает чувство любви. Желание быть вместе «пробуждает ото сна» героев, заставляет их пересмотреть взгляды на жизнь, почувствовать себя живыми. Для описания невероятно сильно накала страстей, поступков, на которые толкает людей любовь, переживаний, связанных с этим, автор главным образом использует однородные члены предложения.

Прежде всего, следует отметить частотное употребление повторов синтаксической позиции сказуемого. Уже первое предложение повести погружает читателя в стремительное развитие действия, ведь автор сразу же использует однородные сказуемые, которые создают динамичность и напряженность речи: *«Егор Иванович, морщась от мурашек в затекиших ногах, **вылез** из залепленной грязью плетушки, **отпустил** ямщика и, придерживая отдуваемые октябрьским ветром полы верблюжьего чапана, **отворил** калитку, – между железными ее прутьями на ржавом завитке прилип красно-желтый мокрый кленовый лист»*.

Экспрессивные возможности синтаксического повтора сказуемого автор использует для изображения ненастной погоды, которая как бы передает те чувства, которые испытывают герои рассказа: *«Сырой ветер **мутил** дужи и воду в человеческих следах, **гнал** косые холодные большие капли, **рвал** и **мотал** остатки листьев, **свистел** тоскливо вдоль мокрой деревянной стены дома, казавшегося пустынным»*.

При этом такие картины природы подводят читателя к напряжению главного действия. Ведь вначале перед нами предстает обычный, спокойный человек, окруженный серой повседневной жизнью. И вот в его жизнь вторгается «ветер», который переворачивает все на своем пути.

Если же герой находится в смятении, то такое состояние находит свое отражение в его восприятии внешнего мира: окружающую действительность он видит в мельчайших подробностях, которые, привлекая к себе внимание персонажа, отвлекают его от собственных проблем. С тяжелым сердцем, с затуманенными мыслями прибыл Егор Иванович в Петроград, в город, где раз и навсегда должна решиться его судьба, при этом он увидел такую картину: *«Петроград грязным облаком разостлался по земле, за путями, за тощими соснами, за кочковатыми лужами болот».*

Однородные слова используются для передачи состояния взволнованности говорящего, привлекая тем самым внимание к наиболее важному в данном высказывании и усиливая тем самым воздействующую функцию всего сообщения, ибо повтор, нарастание, полисиндетон являются наиболее стабильными экспрессивными средствами межфразовой связи, выполняющими текстосвязующую функцию: *««Да, да» со вздохом, и пошел к дому, развезжаясь ногами по глиняной дорожке. «Да, да», – иным, злым голосом повторил Егор Иванович, всходя на три ступени деревянного крыльца, поскреб сапоги о железную скобу и сильно несколько раз дернул ручку звонка.*

Иванович курил в коридоре, затем осторожно зашел в купе, где была прикрыта половина фонаря и пахло одеколоном, и лег наверху, на спину. Зюм была права. Он слишком много разговаривает».

Действия выполняются последовательно, присоединение последнего члена цепочки с помощью союза «и» говорит об исчерпанности повествования. Все глаголы обозначают действия неважные, несущественные, это те механические движения, сущность которых не в них самих, а в том нервном, напряженном состоянии человека, который бездумно что-то делает, когда ему очень плохо, чтобы не думать о главном, болезненном. Слишком много действий, суеты, – и при этом нет авторского комментария о необычной душевной взволнованности героя. Читатель это видит и сам. Закрытие однородного ряда союзом «и» – это своеобразное закрытие темы героем: он решил уйти от эмоций и сконцентрироваться на трезвом обдумывании ситуации.

Егор Иванович и сам прекрасно понимает, что жил раньше по инерции, периодически выполняя одни и те же действия, движения. И опять однородные сказуемые: *«Я суетился, работал, читал, жил с женой, враждовал с людьми, и все это делалось, конечно, для чего-то. И вдруг оказалось, что только и нужно мне на свете хоть еще раз увидеть Машу».*

Особенностью таких текстов является то, что внешняя сдержанность изложения – форма ряда, особый ритм синтаксического членения передают предельное напряжение чувств и эмоций. Возникает выразительный эффект энергии мысли.

Однородные члены предложения также используются для того, чтобы показать мысль человека, некая хаотичность которой создаётся благодаря специально подобранным членам перечислительного ряда: *«Она поглядывала на него и думала: «Чужой человек, а до чего близкий. **Поссорился с женой, оторвал на себе пуговицу, пришел жаловаться**»».*

В данном примере однородными становятся и ссора с женой, и пуговица и жалобы. Это именно те мысли, которые приходят на ум человеку при первом взгляде на собеседника.

Действия героев в произведении носят не только механический характер, но они также бывают резкими, «решительными»: *«Затем [Егор Иванович] решительно **одернул** пиджак, **устроил улыбочку и вошел** в столовую.*

*Обозначенная и очень решительная Зюм завезла Егора Ивановича в гостиницу, что на Морской, **приказала** ждать терпеливо и на том же извозчике **поехала** на Каменноостровский».*

В обоих случаях описанное поведение для героев не свойственно, они набираются смелости, прежде чем решиться на какой-то шаг.

Образ Зюм, как и образ Егора Ивановича, постоянно сопровождаются однородными сказуемыми. Доказательством этого может послужить следующий пример: *«Он [Егор Иванович] слышал, как девушка [Зюм] **возилась, вздыхала и переворачивала** подушку холодной стороной вверх».* Автор заменяет слово «бессонница» однородными сказуемыми, которые в большей степени отражают состояние взволнованности, переживания героини.

Кроме глаголов, обозначающих главное действие, используются также особая форма глагола – деепричастие, с помощью которой создается перечислительная цепочка действий добавочного характера: *«Охраняя Зюм от лезущего в поезд народа, **подсаживая её, помогая снять пальто, устраивая** поудобнее на бархатной койке, Егор Иванович только теперь понял, как она для него важна».*

Использование однородных обстоятельств, выраженных деепричастными оборотами, показывает путь, проделанный героем, до того, как он пришел к главному выводу, обозначенному во второй части предложения.

Как известно, в зависимости от типа «художественного мышления», а также общего замысла художественного

произведения, автор при первичном представлении персонажа читателю выделяет либо его качественные черты, создающие внешний образ человека в отвлечении от его деятельности (квалитативный портрет), либо сразу же делает акцент на его действиях (функциональный портрет).

А. Толстой чаще всего использует в своем произведении функциональный портрет. Доминантными компонентами описания здесь служат знаменательные глаголы с семантикой действия или состояния. За счет концентрации указанных языковых средств текст приобретает черты динамического описания. Так, однородные сказуемые используются для характеристики одного из героев произведения – Михаила Петровича. С помощью синтаксических повторов раскрываются педантичность, расчетливость, обдуманность его действий: «– Михаил Петрович, удовлетворенный комфортом, **развернул** салфетку, **положил** с левой руки газету, с правой портсигар, **разобрал** ложечки и вилочки и холодными глазами **установился** на сига по-польски.

– Михаил Петрович **вынул** золотую зубочистку, **почистил** зубы, не спеша **всунул** салфетку в кольцо, **поднялся**, улыбкой **поблагодарил** дам за совместно проведенную трапезу и, **закинув** голову, прямой и высокий, в наглухо застегнутом сюртуке, торжественно **вышел** из столовой».

Показательными являются и дополнения, сопровождающие однородные сказуемые, которые говорят о том, что Михаил Петрович – человек обеспеченный, довольный собой и своей жизнью, эстет по натуре. И еще один пример, показывающий предпочтения этого героя: «От него пахло **бифитексами, табаком и ликером**».

Функциональный портрет Михаила Петровича несколько меняется к концу повести. Активность Маши, Зюм и Егора Ивановича «приводит в движение» и Михаила Петровича, о чем свидетельствуют изменения семантики членов однородного ряда сказуемых при описании данного персонажа: «Вообще он [Михаил Петрович] много **подозревал**, еще больше **не понимал**, но **сдерживался**, полагая, что если у Маши и было какое-нибудь увлечение, то чувство нравственного долга во всяком случае перевесит у нее преступные и легкомысленные настроения.

Все же, когда в прихожей затрещал звонок, Михаил Петрович сильно **вздрагнул**, **поднялся** со стула и, трогая бритый подбородок, без прежней уверенности **зашагал** по ковру».

Портрет строится при стилистическом доминировании субстантивной группы, отрывки текста при этом носят

статический характер: «— *Анна Ильинишна с перекошенным лицом, злая, зеленая, вскочила, молчала...*

— *Зюм остановилась и ахнула: так изменилась Маша; прежде, бывало, просыпалась как вымытая росой, и глаза по утрам были ясными, верхняя маленькая губа вздрагивала – вот-вот засмеется. Сейчас Маша лежала в постели похудевшая, строгая, увядшая...*

— *Послышались ровные шаги, и дверь открыл сам Михаил Петрович, высокий бледный человек с ровным глянцевым шрамом через висок, с холодными выпуклыми глазами, – словом, все такой же».*

Следует отметить, что автор не дает чёткой характеристики таким персонажам, как Егор Иванович и Зюм. Но именно они являются наиболее динамичными в данной повести. Их портреты как таковые существуют в повести имплицитно. Информация о Зюме и Егоре Ивановиче представлена в виде цепочки совершаемых ими поступков (описанных с использованием однородных сказуемых), совокупность которых и создает данные образы.

А. Толстой использует не только классические смысловые отношения одновременности действий или их последовательности. Писатель смешивает эти значения в пределах одного предложения: «*Зато здесь, у отца, Маша вставала рано, шла гулять в городской сад, еще мокрый от росы, глядела на детей, на птиц, на облака и чувствовала себя маленькой, кроткой, грустной и счастливой*».

Сказуемые *вставала, шла гулять, глядела* предполагают последовательность, а вот сказуемые *глядела (на детей, на птиц, на облака)* и *чувствовала себя маленькой, кроткой, грустной и счастливой* предполагают одновременность (потому что она чувствовала себя так из-за того, что в это время смотрела на детей, птиц и облака).

Интересным является построение (структура) однородных рядов. А. Толстой часто обыгрывает семантику слов при размещении звеньев перечислительной цепочки. Здесь можно выделить такие приемы:

1) чередование слов с «положительной» и «отрицательной» семантикой: «*Боль, жалость, ревность овладели им [Егор Иванович]. Маша изменилась за эти несколько дней – осунулась и помолодела, серые глаза стали большие, наполнились светом*».

Описание чувств с помощью цепочки слов с разными оттенками (положительными и отрицательными) показывает «расколотость», неопределённость человека, некую двойственность личности. Данные примеры характеризуют главных героев Егора

Ивановича и Машу: они сами еще не понимают, к чему приведет возникнувшее чувство, ведь оба уже имеют семьи, поэтому такое «колебание» вполне объяснимо. Сочетание лексически несовместимых однородных членов имеет явную стилистическую маркированность. В этом случае налицо полное отсутствие предсказуемости, эффект неожиданности очень силен, в семантическую воронку вовлекаются несопоставимые слова.

2) Чередование абстрактных и конкретных существительных: *«От петроградской суеты, мужниных знакомых и их жен, банкетов, ресторанного времяпрепровождения и в особенности от мужа, Михаила Петровича, профессора международного права, – у нее к весне начинались дурные настроения».*

Такое чередование вполне уместно в данном контексте. С его помощью автор передает внутреннее состояние главной героини, раскрывает крайне надоевшее однообразие светской жизни. Нанизывание ассоциативных звеньев в перечислительной цепочке у А. Толстого перестаёт быть приёмом только детализированного описания, а становится эмоционально-экспрессивным средством.

3) Акцент на первом или последнем члене однородного ряда. Примером акцентуализации последнего слова перечислительной цепочки является предыдущий пример. Главная героиня устала от светской жизни, но больше всего она устала от мужа (этот член предложения сопровождается наречием *в особенности*).

Следующий пример иллюстрирует актуализацию первого члена перечислительного ряда: *«Из-за строк он видел её лицо, каким оно было за стеклом вагона в минуту расставания: прикрытое сеточкой вуали, нежное, грустное, с серыми взволнованными глазами».*

Учитывая контекст, можно сказать, что акцент именно на первом слове однородной цепочки, так как героиня Маша пытается спрятать свои чувства, которые можно было прочесть по глазам, за вуалью.

Иногда первый член однородного ряда является достаточно ёмким, а для того, чтобы его несколько раскрыть, автор и создает перечислительную цепь: *«Так у них началось. Теперь они начали целыми часами говорить только о себе, о самом душевном, горьком, затаенном».*

4) Семантика слов используется для создания определенного «кольца»: первым и последним членом перечислительного ряда становятся наиболее важные для героя атрибуты жизни.

Когда Егор Иванович уходит от жены, то сожалеет о том, что с той стабильной семейной жизнью покончено. Строить карьеру у него получилось лучше, чем свою семью. Именно поэтому герой и упоминает сначала награды за работу, потом дом, жену и снова

службу: «У меня два ордена и чин, собственный дом, жена и служба. Зюм, все полетело к черту!».

Отрезки текстов с однородными членами предложения несут в себе самостоятельный заряд художественности, которая оказывается объектом авторской обрисовки и оценки.

Таким образом, однородные члены предложения представляют собой конструкцию, не только осложняющую предложение синтаксически, но и обогащающую ее семантически. Уникальность данных компонентов в том, что между ними устанавливаются смысловые и синтаксические отношения, принципиально новые, не реализуемые в простом элементарном предложении.

Однородные члены выполняют в условиях художественного повествования информативную, общеобразовательную, субъектно-изобразительную функции: обнаруживают разную степень «участия» автора в синтаксическом изображении, и вместе с тем – разные способы проявления «образа автора» в структуре высказывания.

При рассмотрении синтаксиса художественных текстов необходимо постоянно иметь в виду индивидуальную манеру писателя, конструкции, которые чаще всего он использует, их значение. Семантическая насыщенность однородных членов, их обилие и структурное многообразие создают уникальность рассмотренного нами произведения А. Толстого «Любовь». Синтаксические повторы писатель использует для создания ярких, насыщенных, динамичных образов, «острых» переживаний главных героев, их психического состояния. Использование однородных членов в произведении – сильный экспрессивный прием.

В данной работе мы предприняли попытку раскрыть механизм эмоционализации текста за счет однородных членов, которые, как видно, не утяжеляют синтаксическую конструкцию и не делают предложение громоздким (как писал о них А. М. Пешковский [1, с. 118]), а становятся одним из ведущих средств эмотивной номинации. Однородные члены, таким образом, можно назвать синтаксическими эмотивами, а они не могут не быть связанными с языковой личностью, – в каждой неординарной структуре детерминирован автор.

Художественные тексты, представляя собой вторичную моделирующую систему, где рефлексия об объективном мире сочетается с вымыслом, становятся способом передачи авторского мироощущения. Они отражают художественную модель реальности в системе субъективно-авторских образов. Когерентность, как существенный признак текста,

обеспечивает ему семантическую целостность и тематическое развитие. Среди факторов текстовой когерентности особое место занимают различные средства актуализации смыслов, на которых концентрируется авторское внимание. Одним из таких стилистических маркеров и являются однородные ряды. Однородные конструкции активизируют сюжетную динамику и манифестируют свободу авторского самовыражения. Именно эти качества художественных текстов ценятся, и потому их изучение представляется актуальным и перспективным.

ЛИТЕРАТУРА

1. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении / А.М. Пешковский. – М.: Высш. шк., 2001. – 544 с.
2. Попова Е.А. Человек как основополагающая величина современного языкознания / Е.А. Попова // Филологические науки. – 2002. – № 3. – С. 69-77.

АННОТАЦИЯ

Иванова Н.И. К вопросу о смысловом объеме однородных членов

В статье рассматриваются однородные члены как элемент художественного текста, который обеспечивает ему семантическую целостность и тематическое развитие. Однородные члены создают высокую степень смыслового напряжения, формируют центральную зону художественного целого и могут стать эмоциональной доминантой.

Ключевые слова: однородные члены, актуализация смысла, стилистический маркер.

SUMMARY

Ivanova N.I. To the issue of the semantic capacity of homogeneous parts in the sentence

The article deals with homogeneous parts as the element of a fiction work, which provides it with semantic integrity and subject development. Homogeneous parts account for the highest level of semantic tension, form the central area of the fiction whole and may become an emotional dominant.

Key words: homogeneous parts, actualization of sense, stylistic marker.

УДК 81'367.5

ТИПОЛОГІЙНІ ВИЯВИ СТРУКТУРИ КОМПЛЕКСНОЇ ТЕМИ

Проблема устрою мови здавна хвилювала людину, тому граматики є однією з найдавніших наук в історії людства. Тривалий час граматику вивчали у напрямку від форми до змісту, оскільки граматичний лад мови недоступний до прямого спостереження. Мова (і відповідно її граматики) існує як структура у колективному розумі суспільства, який, у свою чергу, складається з мовної компетенції кожного його члена, і реалізується у множині висловлень і текстів. Великі здобутки у дослідженні структурної організації речення дали змогу звернутися до його комунікативної спрямованості, тобто до вивчення того, як ця структурна організація співвідноситься з основною функцією мовлення – передавання інформації від однієї людини до іншої. Проблема актуального членування простого речення вже досить добре опрацьована у мовознавстві, але складне речення також є відображенням висловлення і має свої закономірності актуального членування, складніші, ніж у простому реченні. В українському мовознавстві ґрунтовних праць, безпосередньо присвячених актуальному членуванню складного речення, зокрема складнопідрядного детермінантного, ще не було. Саме це зумовлює актуальність нашої статті. Послідовне розмежування мовного і мовленнєвого аспектів актуального членування висловлення дозволяє знаходити в цьому явищі дві взаємопов'язаних, але обов'язкових опозицій: опозицію теми і реми й опозицію даного і нового [3, с. 15]. Перша з опозицій відображає формально виражений за допомогою мовних засобів погляд відправника повідомлення, який членує висловлення на ту частину, яка призначається для збудження у свідомості адресата мови певного вихідного образу (тема), і на ту частину, яка зорієнтована на здійснення пермутації, оновлення цього вихідного образу (рема). Друга опозиція впливає з погляду адресата мови і складається з протиставлення компонентів висловлення, які означають предмети або події, про існування яких адресату вже відомо (дане), і тих компонентів, що означають невідомі йому предмети або події (нове). Друга опозиція, яка не виражена в тексті, може бути достатньо адекватно виявлена дослідником на підставі аналізу контексту, ситуації спілкування, а також фонду знань, що наявні у всіх членів відповідного мовного колективу [4, с. 20].

При більш детальному розгляді характеристика компонентів висловлення з погляду опозиції даного і нового може включати не дві, а більшу кількість різновидів, тому доцільно підібрати для неї певне загальне найменування. Неважко помітити, що характеристика, що розглядається, фактично відображає, як відносяться компоненти смислу висловлення до знань адресата мови. Оскільки питання про відношення мовного знака до тієї особи або осіб, які користуються мовою, входить до компетенції прагматики, а „місце елемента системи в колі його зв'язків і відношень з іншими елементами цієї системи” є значимістю такого елемента, характеристику, яка нас цікавить, тобто відношення компонентів смислу висловлення до знань адресата мовлення, очевидно, можна позначити терміном прагматична значимість.

Основною метою нашого розгляду є види прагматичної значимості, які можуть у різних контекстних умовах поставати з таких тем, що включають у свій склад присудки. Необхідно відмітити одну спільну рису семантичної організації аналізованих висловлень. Присудки, включені в склад теми, втрачають характерне для них значення властивості, ознаки і починають, поєднуючись з іншими компонентами теми, означати події або предмети зображуваної дійсності. При цьому наявність у теми значень дієвості, подійності або предметності залежить від того, який член речення займає позицію в ремі висловлення.

Так, якщо в позицію реми включена обставина, то тема, яка охоплює у своєму складі присудок, служить для позначення події, а все висловлення загалом – для характеристики цієї події [1, с. 65-66]: *Працювали ми / в інституті. Працювали ми / під керівництвом одного досвідченого викладача*, еквівалентні висловленням *Наша робота мала місце в інституті. Наша робота проходила під керівництвом одного досвідченого викладача*.

Якщо позицію в ремі займає підмет або додаток, то тема висловлення означає предмет, а все висловлення загалом постає спрямованим на ідентифікацію цього предмета [1, с. 292]: *На кого ти дивишся? Я дивлюся на твою сестру Надію (= та дівчина, на яку я дивлюся, є твоя сестра Надія)*.

Дещо інша семантика притаманна висловленням аналогічної структури в тому випадку, якщо перед ремами, які входять до їх складу, стоїть сполучник *і*. В цій ситуації теми означають вже не одиничний предмет, а певну більшість предметів, а все висловлення загалом повідомляє про належність до більшості ще якогось предмета: *Щоб утримати сина на суші, знайшов і йому заняття, пов'язане з книжками* /О.Полторацький/.

Нарешті, якщо в позиції реми знаходиться означення, то тема висловлення означає пов'язаний з певною ситуацією предмет, все висловлення загалом спрямоване на характеристику цього предмета: *Очі людей раз по раз поверталися на схід, де над чумацьким шляхом з-за лапатих засніжених / лип виплутувалося холодне безкровне сонце /М.Стельмах/ (Очі людей раз по раз поверталися на схід, де над чумацьким шляхом з-за лапатих лип, які були засніжені, виплутувалося холодне безкровне сонце).*

Особливої уваги заслуговують різновиди прагматичної значимості комплексних тем, оскільки така значущість завжди мотивована їхніми складниками. З-поміж усього загалу можна диференціювати:

1. Тема висловлення означає дане, тобто такий предмет або подію, про існування якої адресату мовлення вже відомо.

Різновиди цього типу прагматичної значимості залежать від джерела інформованості адресата про існування певного предмета або події.

1.1. Найбільш типовим джерелом такої інформованості є попередній текст. У цьому випадку можна стверджувати, що тема висловлення означає *контекстне дане* [4, с. 21].

Зіставляючи засоби позначення відомого предмета або події і його репрезентативність у попередньому тексті, слід відмітити, що тема – контекстне дане може: а) містити присудок, який повторює те, що вже було використано в передтексті (видові характеристики обох присудків в цьому випадку нерідко виявляються різними): *Існують так звані риторичні / запитання. Їх людина ставить для того, щоб означити проблему і своє ставлення до неї /День. – №73. – 23 квітня. – 2004. – С.4/;* б) використовувати контекстний синонім раніше згаданого присудка: *Малий яскравий дятел прилітав сюди і раніше. Прилітав, / бо хоч і трудяга дятел, а щоб по пір'ночці, по волосинці гніздечко собі мостити – це вже вибачте /А.Матвієнко/;* в) включати в свій склад такий присудок, який співвідноситься з використаним в передтексті позначенням певного предмета або події за допомогою іменника: *Княгиня уже всього спробувала – не допомагало. Спроби були марними /Б.Лепкий/.*

1.2. Тема-дане може називати і такий предмет або подію, про існування якого адресат був повідомлений без допомоги передтексту, завдяки своєму попередньому життєвому досвіду. В цьому випадку можна говорити, що тема означає так зване емпіричне дане.

Теми зі значенням емпіричного даного характерні перш за все для висловлень, що корелюють з відповідними загальними судженнями, тобто для таких висловлень, в яких наявне

твердження не про якийсь конкретний предмет або подію, а про кожен член більшості предметів або подій. Зрозуміло, що якщо про існування конкретного предмета або події адресат мовлення, як правило, повинен бути спеціально поінформований, то про наявність насправді цілого класу предметів або подій йому в більшості випадків відомо заздалегідь: *Тут, при березі, / доволі-таки старій, / село здавалось чарівною квіткою землі, неба й води* /В.Підмогильний/.

1.3. Тема може означати такі предмети або події, факт існування яких не був згаданий у передтексті і разом з тим однозначно впливає з його змісту: *Я люблю тебе навіть тоді, коли мені не подобається твоя поведінка. Це приносить мені / страждання* /День. – №73. – 23 квітня. – 2004. – С.4/; *Уві сні мене вразило моя самотність так, що мені стало шкода самого себе. І я прокинувся у/ сльозах* /День. – №73. – 23 квітня. – 2004. – С.4/.

У другому прикладі в першому висловленні не говориться про те, що оповідач прокинувся, однак, той факт, що він спав, однозначним чином припускає, що через певний час сон скінчився. Тому тема другого висловлення *І прокинувся я* означає подію, яка фактично вже відома адресату мовлення, тобто дане. Джерелом інформованості адресата в цьому випадку є, з одного боку, попередній контекст, а з іншого – життєвий досвід цього адресата, його знання про взаємозв'язок подій в об'єктивній дійсності. Ці причини дозволяють інтерпретувати теми цього типу як контекстно-емпіричне дане.

1.4. Нарешті, можливі і такі теми, коли інформованість адресата мовлення про існування тих чи інших предметів або подій виникає під впливом ситуації повідомлення. Це теми зі значенням ситуативного і ситуативно-емпіричного даного.

Про ситуативне дане ми говоримо в тих випадках, коли джерелом поінформованості адресата про існування того чи іншого предмета або події є сама ситуація спілкування, а про ситуативно-емпіричне дане – коли подібна поінформованість виникає в результаті взаємодії ситуації спілкування з життєвим досвідом адресата.

Висловлення з темами характерні головним чином для безпосереднього усного спілкування [4, с. 15-16]. В умовах опосередкованого спілкування за допомогою писемних текстів, коли із самої ситуації спілкування впливає лише знання адресата мовлення про існування тексту, який ним сприймається, такі теми однотипні за змістом.

Як свідчать спостереження, теми, що включають у свій склад присудки, можуть означати лише контекстно-емпіричне дане. Як правило, вони називають сам процес створення текстів

(інформація про те, що такий процес існував, легко виводиться зі знань про існування самого тексту за допомогою життєвого досвіду адресата): *Зеленіли свіжою весняною травою / і гори, і круті балки, і луги /*Л.Нечуй-Левицький/.

Можливі також теми, які називають відправника тексту. Однак, висловлення з такими темами характерні головним чином для стилю листів: *Дорогі батьки! Пише вам цей лист / ваша донька Ганнуса.*

2. Тема висловлення означає нове, тобто невідомий адресату мови предмет або подію.

Також необхідно відмітити, що перш за все теми-нове можуть виступати як позначення невизначених об'єктів. Використовуючи слова або словосполучення зі значенням невизначеності (так звані невизначені дескрипції), мовець, як відмічає Н.Д.Арутюнова, „дає зрозуміти, що він має на увазі конкретний предмет, який, однак, невідомий адресату і який, він не повинен ототожнювати ні з яким відомим йому і раніше згадуваним предметом” [1, с. 198]: *Місяць, зорі і ніч / так заворожили село, що здається ніколи не розірве воно місячної повені і намітки добрих і недобрих снів /*М.Стельмах/.

Окреслюючи і визначаючи невідомі адресату мови об'єкти, їхні найменування не передають адресату мовлення ніяких нових знань, оскільки „мінімальний акт пізнання, який зводиться до того, що формується новий образ, який представляється як уточнювальний варіант визначеного вже існуючого образу, тобто раніше встановленого знання”, іменується предикацією. Це визначення предикації видається більш точним, ніж інші, відповідно до якого під предикацією розуміється „віднесення даного змісту, даного предмету думки до дійсності, що здійснюється в реченні (на відміну від словосполучення)” [2, с. 364]. Це останнє визначення, очевидно, потребує уточнень, які дозволили б відрізнити предикацію від референції, що теж визначається як „співвіднесення речень і їх частин із зовнішнім світом”. Можна стверджувати, що теми означають непередикувальне (тобто не пов'язане з передачею нових знань) нове.

Для тем, які включають у свій склад присудки, значення непередикувального нового нехарактерне. Означаючи події або ідентифікувальний предмет, а також предмет, пов'язаний з деякою ситуацією, теми завжди мають значення визначеності, тобто таке значення, яке припускає, що адресат мовлення вже повідомлений про існування відповідного предмета або події.

Водночас об'єктивно виражене в тексті значення визначеності зовсім не обов'язково збігається з реальною поінформованістю

адресата мовлення, тобто зі значенням даності. Постаючи визначеним і водночас новим для адресата, теми передають цьому адресатові нові знання про існування у зображеної дійсності тих або інших предметів або подій. Однак робиться це імпліцитно, тому що, на думку відправника повідомлення, адресат вже має ці знання. Тому в цьому випадку можна говорити про теми зі значенням імпліцитно предикувального нового [5, с. 160]. Охарактеризуємо формальні і семантичні особливості тем, що означають імпліцитно предикувальне нове.

2.1. Перш за все, такі теми можуть, поруч з новими елементами змісту, включати у свій склад елементи, які означають дане, тобто вже відомі адресату мовлення об'єкти. Смысл імпліцитно предикувальних за допомогою подібних тем повідомлення залежить у цьому разі від того, яке значення вони мають.

Якщо темі притаманний характер подійності, то імпліцитно предикувальне повідомлення, як правило, інформує про ознаки чи дії відомого адресату мови об'єкта, тобто виражає відношення характеризації [1, с. 19]: *Керівництво знає, як важливо для нормального розвитку користуватися новими технологіями. Вони це усвідомлюють / на саммітах, де інші держави вже показують своє виробництво, яке вони розробляють протягом років /* Українська газета. – 2005. – 23 лютого – 1 березня. – С.10/. Тема останнього з висловлень імпліцитно предикуює повідомлення *Вони це усвідомлюють / на саммітах*. Експліцитно предикуюється лише повідомлення про місце, де відбулася подія, також: *Дмитро тяжко переживав перші невдачі. Тільки тепер він нарешті зрозумів, / як тяжко бути керівником, коли треба відповідати за долю людей, що довірили йому своє єдине й неповторне життя /* М.Стецьмах/.

Зіставляючи цих два приклади, необхідно зауважити різний ступінь імпліцитності здійснюваної їхніми темами предикації. Порядок слів „присудок – підмет – додаток” (*Вони це усвідомлюють*) надає темі першого з висловлень характер членованого в комунікативному плані найменування. Послідовність „підмет – група присудка” (*він нарешті зрозумів*) у темі другого висловлення, дозволяє на другому ярусі актуального членування виділяти в її складі тему *він* і рему *нарешті зрозумів*. Ця особливість теми забезпечує більш послідовне сприйняття її змісту читачам.

У цих прикладах тема включає у свій склад елементи, які означають контекстне дане. Щодо тих випадків, коли тема висловлення означає не подію, а предмет, то з логічного погляду в них завжди можна побачити імпліцитно виражені повідомлення про існування цього предмета, тобто вираження

відношень екзистенції [1, с. 18]: *У суспільстві теж повинна бути своя критична маса людей... Коли її немає, / тоді починається деградація суспільства /*День. – №73. – 23 квітня. – 2004. – С.5/. Імпліцитно предикувальне повідомлення – *В таких випадках починається деградація суспільства*. Експліцитна предикація служить для ідентифікації повідомлюваної події.

Однак оскільки повідомлення про існування певного предмета, пов'язаного конкретними відношеннями з якимось іншим, вже відомим предметом, можна сприймати і як характеристизацію цього відомого предмета, у більшості випадків у досліджуваних темах зручніше вбачати вираження відношень характеристизації. Звичайно така інтерпретація є кращою, якщо в позицію теми винесений не підмет, а додаток: *В його скупих, упертих словах була та сила, яка оживляла людей. Так, Дмитро твердіше почав ступати по землі, / бо вона, рідна земля, змочена не тільки потом, але й кров'ю /*М.Стельмах/.

2.2. Можливі також такі висловлення, теми яких не мають у своєму складі позначень даного. Дуже часто, хоча не завжди, такі висловлення виступають в абсолютному початку текстів або їхніх самостійних фрагментів. Смісл імпліцитно предикувальних подібними темами повідомлень залежить не тільки від подійності або предметності їхніх значень, але також і того, чи містять вони у своєму складі поруч з іншими компонентами й імена зі значенням означеності.

Якщо імен зі значенням означеності у складі тем немає, то кожна з них передає тільки одне повідомлення. Такий стан характерний для тем з предметним значенням. Тому повідомлення, які імпліцитно предикуються подібними темами, як правило, виражають відношення екзистенції: *Вечорами тихими, коли спадала літня спека, мальви стояли урочисті / серед золотого надвечір'я, тихо грали чарівну пісню на своїх чутливих трубах /*Л.Цюпа/. Імпліцитно предикувальне повідомлення – *незважаючи ні на що мальви стояли урочисті*.

Якщо у склад теми поруч з іншими елементами входить й ім'я зі значенням означеності, то до інформації, яка імпліцитно передається всім складом теми, додається ще одно – імпліцитно предикувальне за допомогою конкретного імені повідомлення про існування у зображеній дійсності носія цього імені. Це друге зі згаданих повідомлень може мати більший чи менший ступінь семантичної повноти залежно від того, до якої категорії імен відноситься використане в темі ім'я зі значенням означеності.

Найбільшу семантичну повноту забезпечують означені загальні назви, а також власні назви:

а) *Дерев'яні кругляки ослизли так, / що падали іноді навіть ковани коні /П.Загребельний/*. Імпліцитно предикувальне повідомлення – 1) *У даній ситуації є кругляки*; 2) *Вони ослизли*.

б) *Козак як не гине на війні, / то ховається в отаку глушину чи монастир /П.Загребельний/*. Імпліцитно предикувальне повідомлення – 1) *„Існує діюча особа – козак”*; 2) *Він ховається*.

Значно меншу семантичну повноту імпліцитно предикованого повідомлення забезпечують особові займенники третьої особи. Повідомляючи про існування у зображуваній дійсності певного суб'єкта або об'єктів, вони водночас не несуть майже ніякої інформації про характер цих об'єктів. Відомості про об'єкт, як правило, можуть бути встановлені адресатом лише з постпозитивних речень тексту: *Останню половину сухарика він із'їв/учора зранку, так як не мав ані рісочки в роті. Климко швидко зжував його, забувши навіть, що в нього є сіль /Г.Тютюнник/*. Імпліцитно предикувальне повідомлення – 1) *Існує якийсь хлпець*; 2) *Він поснідав зранку*.

Отже, теми висловлень, які включають у свій склад присудки, залежно від загальної семантики висловлень і від контекстних умов можуть називати вже відомі адресату мовлення з різних джерел предмети або події, тобто дане, а можуть у прихованому вигляді передавати цьому адресату нові знання, тобто означати імпліцитно предикувальне нове. Повідомлення, що імпліцитно передаються темами цього другого різновиду, можуть виражати відношення екзистенції або характеристики.

Ще один можливий тип прагматичної значимості – значення непредикувального нового – для аналізованих тем нехарактерний.

Комплексні теми у своєму вияві не постають рівно рядними, їхній обсяг і структурні типи значною мірою марковані ситуативно-комінкативними завданнями і прямо корелюють з інтенціями адресата. Найрегулярнішим структурним типом комплексної теми слід вважати її препозитивну закріпленість і співвіднесення з позицією підмета або його цілою групою.

ЛІТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл [Текст] / Диана Артуровна Арутюнова. – М. : Наука, 1976. – 383 с.
2. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов [Текст] / Ольга Сергеевна Ахманова – М. : Сов. энциклопедия, 1969. – 606 с.
3. Крылова О.А. Спорные вопросы актуального синтаксиса // Коммуникативно-синтаксический и стилистический аспекты анализа текста [Текст] / Ольга Андреевна Крылова. – М.: УДН, 1978. – С. 3-20.

4. Федосюк М.Ю. Данное и источники его появления в высказывании // Синтаксис и стилистика: функциональный аспект [Текст] / Михаил Юрьевич Федосюк. – М. : УДН, 1982. – С. 10-22.
5. Федосюк М.Ю. Скрытая предикация в прозе А.С. Пушкина // История структурных элементов русского языка [Текст] / Михаил Юрьевич Федосюк. – М. : МГПИ, 1982. – С. 154-163.

АННОТАЦИЯ

Лешкова Н.В. Типологическое выявление структуры комплексной темы

В статье исследуются структурно-типологические особенности выявления комплексной темы, раскрывается специфика репрезентации такой темы на уровне предложения.

Ключевые слова: тема, комплексная тема, актуальное членение предложения, высказывание, подлежащее, сказуемое.

SUMMARY

Leshkova N.V. The typical peculiarities of the complex theme

In the article structural and typical peculiarities of the research of the complex theme are found out, the specificity of representing such theme on the sentence level is revealed.

Key words: theme, complex theme, actual division of the sentence, expression, subject, predicate.

*Т.Ю. Михалёва
(г. Харьков, Украина)*

УДК 81'28+81'371

НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЭМОТИВОВ

Ассоциативно-образные приемы смыслопреобразования тесно связаны с неповторимым историческим опытом того или иного народа, что и порождает неповторимое национальное лингвокультурное творческое мышление. Это проявляется в способности говорящего мыслить на данном языке как матрице вековой культуры народа в ее национальной самобытности [2:102-105].

Лингвистическая традиция объясняет, насколько тесно связаны ассоциативно-образные приемы смыслопреобразования с неповторимым историческим опытом того или иного народа, что и порождает уникальное национальное лингвокультурное творческое мышление [2:102-105].

Национально-культурная специфика формируется вне языка – в системе ценностей, традиций, верований конкретной лингвокультурной общности. Поэтому одним из важнейших импульсов для создания эмотивов как единиц вторичного моделирования мира можно считать способность человека пропускать мир через себя как «меру всех вещей», «вкусать» его явления.

В связи с этим национально-культурные особенности коннотации (эмотивов) сосредоточены во внутренней форме наименования. А ее осознание в такой же мере присуще носителям языка, как этнокультурный тип знания [2:109]. Этим и объясняется национально-культурное своеобразие коннотативного компонента первичного, функционального, значения. Так, например, привычным является употребление русскими эмотивов из зоолексик: *баран* (о тугодоме, несообразительном), *жираф* (о непонятливом), *коза* и *козочка* (о своенравной, «бодливой» девушке, и о резвой, миловидной, грациозной), *крыса* (о жадном человеке, опасном, коварном), *лиса* (о лукавом человеке), *лошадь* (о выносливом, добровольно трудолюбивом человеке), *слон* (о крупном, неуклюжем человеке), *черепаха* (о медлительном человеке), *змея* (об очень опасном, коварном, скользком) и др.

Как показывают наблюдения и исследования лингвистов, образование данного пласта лексики зависит от целого ряда причин, преимущественно национально-культурного и психолингвистического характера. В каждой национальной культуре существует определенный набор стандартизованных коннотем (эмотивов, жаргонизмов, инвектив), которые различаются не столько буквальным содержанием, сколько личностными эмоциями, скрывающимися за той или иной формулой.

Так, например, многие русские (и украинские – также) жаргонные новообразования существовали уже в XVIII и в XIX в.в., и их можно прочесть в повести А. Свидницкого «Люборацкие», а также в «Очерках бursы» (1862-1863) Н.Г. Помяловского (1835-1863).

В «Очерках...» Н.Г. Помяловского (1:241-411) одним из языковых средств художественной выразительности являются эмоционально окрашенные слова (в основном, это имена существительные, нарицательные и собственные, немногие прилагательные и глаголы). Во второй половине XIX в. бурсаки, казеннокоштные учащиеся духовных учебных заведений России, «изобрели» свои эмотивы, в которых отражалось восприятие и по преимуществу презрительное отношение подростков к явлениям

и реалиям их повседневной жизни и быта, к учебе, а также к учителям, ко взрослым и друг к другу. Эти слова, в большинстве своем, имеют ироническую, сниженную, грубую эмоциональную окраску, которая помогает ясно представить страшные порядки педагогической системы того времени. В «Очерках бурсы» Николай Герасимович Помяловский откровенно писал, что «Главное свойство педагогической системы в бурсе – это долбня, долбня ужасающая и мертвящая» (1:273). «Над всем царила всепоглощающая долбня...» (1:274). «Бедняги! недаром же так дико в вашем классе. Вас волочат, терзают, стегают!...» (1:263). «...быть может, сейчас ударят в спину, вырвут клочок волос из головы, плюнут в лицо...» (1:262). Вшей «было огромное количество в бурсе. ...один ученик был почти съеден ими...» (1:249). И «Вообще неопрятность бурсы была поразительна; золотуха, чесотка и грязь ели тело бурсака» (1:249). Одним из моральных «векселей» бурсаков было то, что «В описываемый ... период бурсы нравственный уровень товарищества и начальства был почти одинаковый» (1:309).

В основе образования разговорных, неформальных, значений таких особо эмоциональных слов лежат чувственные рефлексии и психологические ассоциации, вызванные сходством объекта речи или его качества с тем или иным подобным предметом действительности или его отдельным свойством, а также фоносемантическое и морфемное подобие при создании типичных для русского языка слов известных частей речи.

Автор произведения предупредительно сопровождает текст толкованием отдельных жаргонных слов и выражений подростков, несмотря на то, что многие из них, по всей видимости, были понятны и так. Более того, понимание их не вызовет особых затруднений и у современного читателя, которому известны если не такие же точно, то очень близкие семантические употребления.

Из нарицательных эмотивов-существительных наиболее звучными и ёмкими в произведении Н.Г. Помяловского выступают такие:

башка (бурсак – в первых по учению и в последних по поведению);

блин – насмешка, дразнилка;

глядёлы (глаза);

дичь (чушь);

долбёжники (зубрилы, усидчиво-упорные бурсаки, не отличающиеся особыми способностями к учению);

закоперщик (друг);

картечь (швычки, шалабаны);

лафа (лихо);

лупетка (лицо);
Мазена – *мазена* (нарицательное, ругательное – о толсторожих);
овчина на голове (нерасчёсанные, спутавшиеся волосы);
озубки (куски хлеба со следами чьих-то зубов, оставшиеся на столе от обеда и ужина);
пятибулка (булка в пятак);
рождество (лицо);
саккосы (дерюжные, сермяжные халаты для больных);
салазки (физическое наказание-издевательство: положат ученика на сиденье парты лицом вверх, поднимут ему ноги и гнут их к лицу);
святы (игральные карты);
секундатор (ученик, который, по приказанию учителя, сёк товарищей);
сиводёр (водка);
смазь;
столбуха водки (бутыль);
чичиковщина;
щипчики, холодненькие, тёпленькие, горяченькие и с пылу горячие (телесные «дополнения» к игре в камушки).

Деривация антропонимов-эмотивов также заслуживает рассмотрения:

Батька, Блоха, Вакса, Васенда, Гришкец, Ерра-Кокста, Жуля, Карась,

Копыта, Лягва, Мехалка, Миля, Металка, Мямля, Омега, Плюнь, Рябчик,

Сатана, Сашкец, Тавля, Хорь, Цепка, Шестиухая Чабря, Элтах, и другие.

Эмотивы-прилагательные в «Очерках бursы» – это:

благие (дураковатые господа);

отпетые (основной столп товарищества: дикий ревнитель старины и преданий, стоит за свободу и вольность бурсака);

отчвалый (не глупый, но лентяй безшабашный), и некоторые другие.

В «Очерках бursы» активно используются меткие эмотивы-глаголы:

взбуненить, взъерепенить, вздуть (проучить);

жилить (помучить, проучить);

влепить (наказать, отомстить);

вывернуться (высвободить свои волосы, мокрые или сухие, из пясти «заврававшего» их партнёра);

дергануть (=дёрнуть=, внезапно отправиться, пойти куда-нибудь);

досекать бурсацкую науку (доучивать плохо выученное);
кальючить (выпрашивать еду, питье за застольем, попрошайничать);
наяривать (действовать решительно, несмотря ни на что);
обделать («надуть», провести кого-нибудь, украсть);
объесорить (обмануть, обобрать);
отмочить (набезобразничать, напакостить, сподличать);
отчехвостить (наказать, пресечь, «поставить на своё место»);
срезаться (то же, что и «провалиться», т.е. не знать ответа);
стибрить, *стилибонить*, *сбондить*, *сляпсить*, *спереть* (украсть);

хватить, *рявкнуть*, *отвести конник* (звуки, издаваемые бурсаками во время всенощного моления) [1].

Как видно, основными способами словообразования «бурсацких» эмотивов были как морфологические (суффиксальный, префиксально-суффиксальный, деаффиксация, словосложение), так и лексико-семантический и морфологосинтаксический (интеръективация) способы.

Таким образом, уже в 19 веке русские писатели обращали внимание на эмоциональную лексику (эмотивы) и вводили её в художественный текст в качестве образно-выразительного синонимического средства языка. Эмотивная лексика служила средством стилизации, речевой характеристики и портрета литературного героя, а также способствовала воссозданию национально-культурного колорита и социально-психологического типа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Помяловский Н.Г. Мещанское счастье. Молотов. Очерки бурсы / Н. Помяловский. – М.: Худож. лит., 1988. – 415 с.
2. Телия В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц / Вероника Николаевна Телия. – Москва: Наука, 1986. – 144 с.

АННОТАЦИЯ

Михалёва Т.Ю. Национально-культурные особенности эмотивов

Статья посвящена национально-культурным эмотивам. Огромное внимание уделяется лингвистической традиции и объясняет, насколько тесно связаны ассоциативно-образные приемы смыслообразования с неповторимым историческим опытом народа.

Ключевые слова: смыслообразование, текст, матрица, традиция, мышление, наименования.

SUMMARY

Mihalyova T.Yu. National-cultural peculiarities of emotives

The article is devoted to the national-cultural emotives. Great attention is paid to the linguistic tradition and the author explains how tightly the methods of association are connected with the historical experience of people.

Key words: meaning making, text, matrix, tradition, thinking, names.

*И.В. Решетарова
(г. Горловка)*

УДК 81'38:81'42

СТИЛЕВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ

Общественно-политические сдвиги, повлекшие за собой экономические и социальные кризисы в мире, в известной степени отражаются в языке всех средств массовой информации, так как именно СМИ воплощают все динамические процессы, которые характеризуют современную языковую ситуацию. Предметом исследования данной статьи является язык особой разновидности СМИ – электронных средств массовой коммуникации.

Электронные СМИ не просто информируют и выполняют функции традиционных СМИ – газет, журналов, радио и телевидения – но и в некотором роде, даже заменяют межличностное общение. Ни для кого не секрет, что поколение сегодняшних подростков больше погружено в интернет-общение, чем в спорт, активный отдых, или даже чтение. Касательно представителей более взрослого поколения – людей, активно влияющих на экономику и социально-политические процессы, – общение посредством Интернета поглотило их не настолько всеобъемлюще, но нельзя отрицать, что и в этой среде бумажные носители информации однозначно утрачивают свои позиции. Всевозможные блоги и социальные сети предлагают ораторскую площадку огромному количеству людей, дают им возможность высказать свою позицию в отношении тех или иных событий, реализовать желание вступить в полемику и донести свою точку зрения до широкого круга заинтересованных лиц, понять и проанализировать противоположную точку зрения, чем и обусловлена актуальность данного исследования.

Исходя из колоссального количества пользователей социальных сетей и обширной тематики медиатекстов, в них

поднимаются практически все вопросы жизнедеятельности человека – от блогов для молодых родителей, психологии личности, кулинарных и кинематографических новинок, до событий политического значения. Тематическое разнообразие и значительное количество пользователей, принадлежащих к разным слоям населения и разным возрастным группам, приводят к рождению и популяризации лексических и стилевых новообразований.

Таким образом, стилевые и языковые особенности современного медиатекста можно уверенно увязать с особенностями массовой интернет-коммуникации в целом, характером взаимоотношений адресанта и адресата информации, обсуждаемой тематикой.

Исследования языка СМИ всегда касались бесчисленного количества вопросов, касающихся статуса языка СМИ в системе функциональных стилей, его унифицированности, соотношения лингвистических и экстралингвистических факторов привлечения тех или иных языковых единиц в ту или иную плоскость языкового общения.

Научная литература по данной проблематике, начиная с трудов основоположников (Л.В. Щерба, Б.А. Ларин, В.В. Виноградов) и до наших дней, предлагает неоднозначные решения. В современных исследованиях массовой коммуникации ученые предпочитают не использовать термин «функциональный стиль» и «стиль» вообще – предпочтение отдается «языку газет», «языку телевидения», «Интернет-языку» и «языку СМИ», так как очерченная сфера применения языка имеет дело с разнообразием текстов, которые не относятся к публицистическому стилю.

В конце XX – первой декаде XXI столетий появились работы, свидетельствующие о рождении нового функционально-стилевого единения – языка массовой коммуникации [1], характерными признаками которого выделяются тематическая универсальность, сведение элементов устной и письменной речи, полифункциональность.

Язык интернет-коммуникации, как и СМИ в целом, имеет тенденцию широко использовать языковую игру, в основу которой заложена эвфемистическая или дисфемистическая номинация.

Строительным материалом языковой игры эвфемистического или дисфемистического характера выступают разнообразнейшие лингвистические явления: каламбуры, аббревиатуры, метафоры, фразеологизмы, прецедентные тексты. Чаще всего характер языковой игры в социальных сетях носит признаки дисфемизма, то есть, признаки, связанные с дискредитацией традиционных

ценностей и насаждением альтернативных, а также, с негативной оценкой ситуаций, событий и фактов.

Выбор слова – одна из ключевых проблем автора текста. В основе этой проблемы лежит выбор правильной стратегии поиска, который структурирует принципы построения словаря в сознании человека. Для реализации своих намерений автору необходимы такие единицы номинации, которые максимально точно передадут его идею. В условиях медийного дискурса, одним из ярчайших признаков которого является его суггестивность, «затаенный эффект» (термин Б.А. Ларина), доминирующим становится употребление оценочных номинаций, конденсирующих как собственно авторскую идею, так и саму оценку. Например, описывая рост напряженности в Сирии, автор статьи озаглавил ее *This is getting Syria's*. Играя на схожести звучания слов *Syria's* и *serious* – ‘серьезный’, автор уже в заголовке «затаил эффект» перехода сирийского конфликта в серьезное, возможно проблематичное русло.

Другой пример, статья об отказе участников Высшего Комитета (сирийская оппозиция) от запланированных встреч в женевском Дворце наций с представителями режима Башара Асада анонсируется так: *Горькой микстурой де Мистуру «напоила» делегация так называемого Высшего Комитета на переговорах*. Схожесть звучания фамилии спецпосланника ООН Стеффана де Мистуры и слова «микстура» позволило автору текста заложить в анонс предполагаемый скандальный результат действий переговорщиков.

Одной из возможностей реализации объединения идеи и оценки выступает употребление средств эвфемии. Например, *Масштабы русского мира, так поразившие западное сознание <...> не извольте беспокоиться, госпожа Меркель – **входить по самые Нидерланды** никто не собирается. Пока, по крайней мере.*

Рассматривая вопрос социальных факторов, влияющих на выбор автором той или иной единицы номинации, следует особо выделить такие элементы: социальная принадлежность автора, его образование, личный жизненный опыт, национальные, возрастные, половые и культурные признаки. На выбор единицы номинации в процессе порождения текста влияют также физические и личные характеристики автора, что, на наш взгляд, подтверждает истинность научных теорий о соответствующих фильтрах на пути продвижения информации от источника информации к тому, кому она предназначена. Действительно, есть источник информации, и есть ее потребитель. Данные, поступающие из источника, еще не информация – выделить

информацию из данных может только потребитель этой информации, то есть тот, кому она предназначена и для кого имеет ту или иную ценность. Так, интерес представляют идеи Б.Ю. Нормана о выборе человеком лексических единиц и модели передачи информации.

Данные проходят через несколько фильтров: физический (человек не воспринимает частоты, выше 25000 Гц); синтаксический (этот фильтр гарантирует исключение синтаксического шума – таких участков информации, которые воспринимаются как набор бессмысленных знаков); семантический (этот фильтр, во-первых, усовершенствует работу синтаксического фильтра путем размежевания данных с неоднозначным смыслом и, во-вторых, оценивает новизну и когнитивную ценность информации); прагматический (призван установить степень ценности информации для того, кому она предназначена, то есть, отсеивает то, что не может быть полезным на определенном этапе: неполную информацию, несвоевременную, недостоверную, малоприменимую или некомпактную). Важно понимать, что кроме «настроенности» соответствующих фильтров на восприятие информации, нужно «включить» еще один немаловажный механизм – желание человека воспринять и понять информацию.

Б.Ю. Норман предлагает несколько моделей выбора лексических единиц автором. В частности, он утверждает, что процесс выбора необходимой лексической единицы происходит по принципу сужения тематического поля: то есть, сначала человек выбирает соответствующий лексико-семантический класс, и затем – конкретного представителя этого класса [3, с. 38].

Семантические связи лежат в основе организации словаря в сознании человека: причем, человек способен корректировать свой выбор при осознании допущенной ошибки или в случае получения новой информации.

Анализ связи между выбором и заменой единиц номинации доказывает факт сознательного наделения автором тех или иных наименований оценочной нагрузкой, ведь у него всегда есть выбор – использовать или не использовать прямое наименование, употребить ли нейтральный синоним, заменить ли его эвфемизмом или дисфемизмом.

Выбор единицы наименования обычно зависит от того, кто, когда, где, для кого и с какой целью подает информацию. То есть, актуализируются как минимум индивидуальные, географические, социальные, возрастные и статусные особенности автора и его аудитории. Индивидуальное видение ситуации классифицирует единицы номинации

как эквивалентные или недостаточно точно отображающие необходимый оттенок смысла. Принцип субъективной эквивалентности, традиционно рассматриваемый лингвистами как базовый принцип работы речепорождающего механизма, имеет, на первый взгляд, общие черты с феноменом синонимии, тем не менее, природа данных явлений различна.

С.В. Лебедева считает, что носитель языка имеет субъективные психологические критерии близости значения слов, детерминированные экстралингвистическим опытом и картиной мира, стоящей за словом в индивидуальном сознании человека [2, с. 131]. Таким образом, делаем вывод: отдельно взятое значение способно приспосабливаться к коммуникативным условиям конкретного речевого акта. Иными словами, автор актуализирует, так сказать, те или другие семантические компоненты слова в соответствии со своими коммуникативными намерениями. От того, какими эти намерения есть (смягчить, завуалировать, высмеять, ухудшить значение), и зависит выбор лексики.

В медийном дискурсе дисфемизмы преимущественно употребляются с целью дискредитации определенных лиц или фактов; эпатирования (или шокирования) аудитории; высказывания субъективного негативного эмоционально-оценочного или ироничного отношения. Использование дисфемизмов обычно сознательно и намеренно. Автор заранее знает, что его высказывание будет воспринято как грубое, тем не менее, сознательно склоняется в пользу более хлесткого и едкого варианта. Эта черта позволяет обозначить основным предназначением дисфемизма, сильного эмоционально заряженного экспрессивного средства, эпатаж. Стоит также рассмотреть ситуации, когда у автора того или иного сообщения нет других возможностей (кроме речевой агрессии) не согласиться с текущими событиями, описать свое видение ситуации как резко отрицательное.

Очевидно, что грубость вследствие отсутствия эмоционального контроля продуцирует бранные, гневно-вульгарные и оскорбительные высказывания, вплоть до употребления obscenisms и матизмов, цель которых – «спустить пар», снять эмоциональное напряжение, разрядить психологическое напряжение посредством словесной агрессии. Стратегическая и ироничная грубость реализуются через употребление (наряду с другими тактиками) дисфемистичных наименований, ведь обе эти разновидности грубости характеризуются сознательным употреблением более резких и категоричных, чем нейтральные, лексических единиц, способных шокировать аудиторию, для достижения определенных целей.

Средства эвфемии выполняют функцию своего рода лакмусовой бумажки – выступают своеобразными индикаторами «кислотности» предлагаемой информации, ее отнесенности к категории «своих» или «чужих». Наличие эвфемизмов говорит об относительно позитивной оценке автором описываемых событий и фактов, в то время как наличие дисфемизмов свидетельствует о негативной оценке.

Негатив восприятия событий скрывается за языковой игрой ироничного характера – дисфемизацией наименований. Например, назвав кого-то *селом*, можно обыграть неспособность человека или его нежелание принимать перемены, апеллируя к факту отдаленности сельской местности от центра развития новейших технологий, чем может отличаться урбанизированная местность на оппозиционной оси «город-деревня». А, используя фразу *чванливый хутор*, можно подчеркнуть не столько деревенское происхождение, сколько неумение или нежелание отойти от мещанского восприятия ситуации, неспособность принимать новое, отрицание права на существование других моделей поведения.

Так, если ранее, на фоне мирной жизни в Донбассе, авторская дисфемизация касалась бытовых ежедневных проблем – например, автомобили со спорными характеристиками получали названия *корыто*, а конкретика проявлялась в именах собственных – *Сволота* вместо *Славу́та* или *Ставрида* вместо *Таврия*, военные события привлекли массу новообразований с перенесением значений и иронично-игровой расшифровкой. Так, *уверенный пользователь ПК* ни в коей мере больше не связан с компьютером – теперь *ПК* – это *пулемет Калашникова*, тяжелая артиллерия *наносит визиты*, а у некоторых политиков и государственных мужей популярность вырастает настолько, что называется не иначе, как *вирусной*. Служащих ВСУ называют *аватарами* (отсылка к одноименному фильму с персонажами синего цвета) из-за процветающего в армии пьянства (еще с довоенных пор лексика, имеющая отношение к семантике *пьянства*, ассоциативно замещалась лексическими единицами, содержащими колористические (синие) элементы). Сами ВСУ частотно номинируются как *укровермахт*, чем авторы подчеркивают свое крайне негативное отношение к их действиям. Процессы *декоммунизации* на сопредельных территориях называются процессами *свидомизации*, а проворовавшихся волонтеров называют *сволонтерами*. Не обходит стороной дисфемистично-ироничное перифразирование и конкретные имена политических деятелей – так появились *Януковощ*

(Янукович В.Ф.) и *Попрошенко* (Порошенко П.А.), *Растений Петрович* (Яценюк А.П.) и *Кровавый Пастор* (Турчинов А.В.).

Из вышеизложенного вытекает, что эвфемистические средства номинации, использованные авторами в интернет-пространстве, призваны:

- снимать остроту и конфликтность определенных коммуникативных ситуаций;
- завуалировать или скрыть информацию (или определенную ее часть), что, в свою очередь, должно приводить к формированию в сознании адресата неполного или ошибочного (ложного) понимания фактов;
- достичь эффекта коммуникативного комфорта всеми участниками коммуникации;
- усилить экспрессию и убедительность авторского замысла;
- вызвать общественный резонанс через высказывание субъективной точки зрения на ту или иную ситуацию;
- спровоцировать осознание адресатом необходимости определенных действий;
- поддержать мотивацию потребителя.

Дисфемизмы присущи медийному дискурсу в несколько меньшем количестве по причине употребления в исключительно «своих» дегоративных функциях, в то время как эвфемизм может «сменить окраску», замаскироваться и выступить в роли дисфемизма – скажем, в случае иронии. Правда, в разговорной речи и интернет коммуникации уровня блогов и социальных сетей возможен и обратный процесс – употребление дисфемизмов в функции улучшения значения денотата. В этом случае особую роль играет общая тональность высказывания.

Негативная оценка объекта, может быть подана такими способами:

- эксплицитная дисфемизация – прямая негативная оценка:
 - 1) использование слов, подчеркивающих незаконность деятельности, ее общественное осуждение: *бандит, фашист, аферист*;
 - 2) зоосемные метафоры: *олень, свинья, ишак беременный, чайка*;
 - 3) экспрессивная номинация личных характеристик: *хам трамвайный, негодяй*;
 - 4) использование сниженной лексики – элементов разговорной речи, жаргонизмов, сленгизмов, матизмов: *говнюк, гондурас, перец*.

- имплицитная дисфемизация – прикрытая негативная оценка передается с помощью средств вторичной номинации, слов с размытой семантикой, контекстуальной актуализации периферийного значения многозначных слов, сравнительных конструкций, иронии, языковой игры, использования специфичной терминологии, профессионализмов наряду с

намеками и подтекстом: *некто по имени Витек; та, с бубликом на голове; женщина с косой; настоящий полковник.*

Бранная лексика (матизмы) выступают наивысшей ступенью дисфемистического наименования, так сказать квинтэссенцией негативной оценки, генерализацией значения.

Сегодня в сфере интернет-коммуникации имеют место языковые трансформации, провоцирующие размывание и разрушение четких границ между личной и массовой коммуникацией, вследствие чего в официальную сферу общения проникают элементы, характерные разговорной речи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ельмслев Л. Можно ли сказать, что значение слов образуют структуру? / Л. Ельмслев // Новое в лингвистике : в 2 вып. / сост., ред., вступ. ст. В. А. Звегинцев. – М., 1962. – Вып. 2. – С. 117-136.
2. Лебедева С. В. Психолингвистический поход к проблеме близости слов / С. В. Лебедева // Семантика слова и текста : психолингвистические исследования. – Тверь : Изд-во Тверского ун-та, 1998. – С. 128-131.
3. Норман Б. Ю. Грамматика говорящего / Б. Ю. Норман. – СПб. : Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1994. – 229 с.

АННОТАЦИЯ

Решетарова И.В. Стилиевые особенности интернет-коммуникации

В статье анализируются стилиевые доминанты современного медиадискурса в целом и язык блогов и социальных сетей в частности, роль игры слов эвфемистического/дисфемистического характера, а также роль личностной оценки в текстах средств массовой коммуникации.

Ключевые слова: эвфемизм, дисфемизм, игра слов, личностная оценка, медиадискурс, социальная сеть.

SUMMARY

Reshetarova I.V. The Stylistics of the Internet-communication

The article speculates on the style dominant of the modern media discourse in general and web logs and social network stylistics in particular, along with the role of the euphemistic / dysphemistic linguistic play on words. The impact of the personal assessment in media texts is also analysed.

Key words: euphemism, dysphemism, linguistic play on words, personal assessment, media discourse, social network.

И.В. Розова
(г. Горловка)

УДК 801.6; 802.085

МОРФЕМНЫЕ СРЕДСТВА СОЗДАНИЯ САТИРИЧЕСКОЙ МОДАЛЬНОСТИ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XX СТОЛЕТИЯ)

Современная лингвистика «интегрирует тенденции исследования языковых единиц в русле структурно-семантического и коммуникативно-функционального подходов, с точки зрения целостности, системности языка и с позиций коммуникативной целесообразности» [4, с. 110].

Системный характер языка, его динамичность проявляются в процессе его функционирования. Под функционированием регламентируется употребление тех или иных языковых единиц в высказывании, т.е. реализация ими своих функций [1, с. 68-76].

Разноуровневые языковые единицы отражают окружающий человека мир в процессе функционирования, когда максимально проявляются их сущностные характеристики. При этом определенную динамичность проявляет система в целом, через свои отдельные компоненты, которые потенциально способны актуализироваться в процессе функционирования по-новому, вопреки сложившимся стандартам и нормам [3, с. 82-88].

Нетипичное использование компонентов языковой системы может придать сильный эмоциональный заряд акту коммуникации, т.е. происходит изменение функциональных характеристик языковой единицы, ее функциональная переориентация.

Функциональная переориентация рассматривается в лингвистике как особенный деривационный процесс, не связанный со сменой формы языковой единицы, а лишь отражающий выполнение в высказывании не характерных для нее ранее семантических, синтаксических и прагматических функций [1, с. 40]. Переосмысление традиционной семантики, синтаксических связей, прагматической направленности языковой единицы необходимо для создания ярких образов, для достижения определенного стилистического эффекта, а также для выражения модальности, т.е. «точки зрения говорящего на содержание высказывания» [5, с. 6].

Текстовая категория сатирической модальности непосредственно связана с личностью автора, с проблемой особого критического восприятия автором-сатириком окружающей действительности.

На морфемном уровне сатирическая модальность реализуется окказиональной инновацией. Задача данного исследования заключается в том, чтобы показать, как морфемные средства языка раскрывают специфический план содержания сатирической модальности текста.

Разделим окказиональные инновации на простые и сложные, и способы их образования на композитивные и деривативные. Деривативное словообразование представим: суффиксацией; префиксацией; суффиксально-префиксальным способом.

Как показывает анализ фактического материала, среди суффиксальных дериватов, реализующих сатирическую модальность (SM), характерно использование преимущественно имен существительных – 68,4 %, тогда как количество имен прилагательных и наречий составляет всего лишь 31,6 %.

Большинство из примеров выборки реализуют модальность посредством взаимодействия одного суффикса и компонента-носителя оценочной коннотации. Наиболее продуктивными являются следующие модели:

1. Модель $N + \text{er} \rightarrow N$ (объектом сатирической характеристики является профессиональная деятельность лица), например: *While they dressed Corker spoke in a vein of unaccustomed pessimism. 'This isn't the kind of story I'm used to' he said* [11, с. 91].

В анализируемом примере контекстом обыгрывается лексико-семантический вариант полисемантического глагола *to cork* – лгать, скрывать чувства. Сочетаясь с суффиксом -er, основа навязывает отрицательные коннотации всей лексической единице. Налицо авторская негативная характеристика персонажа. Corker – корреспондент – притворщик, чудовищный лжец и фальсификатор информации.

2. Модель $N + \text{ism} \rightarrow N$ (объектом сатирического осмеяния выступает приверженность определенной системе принципов, некой политической доктрине), например: *Which is precisely what I want to show in this other potential book of mine – the ruthless Napoleon of finance paying for his ruthlessness and his Napoleonism by dissolving internally into hog-wash. For that's what happened to him: he dissolved into hog-wash* [10, с. 15].

В результате окказионального сочетания основы носителя негативной оценочной коннотации *Napoleon* и суффикса -ism, реализуется имплицитная SM скептического отношения к моральным принципам человека – приверженца безжалостной теории финансового истребления.

3. Модель $N + \text{ish} \rightarrow \text{Adj}$ (объектом сатирической характеристики человека выступает внутреннее свойство, качество или состояние человека), например: *A more sensitive*

man would have seen that he had failed, for he added in a petulant school-masterish way [13, с. 12].

В данном примере суффикс *-ish* реализует словообразовательное значение «обладающий в какой-то мере свойством, указанным основой, сходный с» [2, с. 101]. Вводя в повествование прилагательное *school-masterish*, автор характеризует персонаж как человека исключительно педантичного и консервативного, склонного к нравоучениям.

К наименее частотным дериватам с одним суффиксом можно отнести следующие модели:

4. Модель $N + ed \rightarrow N$ (объектом сатирической характеристики является лицо, имеющее то, что выражено словообразующей основой), например: *moneyed* – «имеющий большой капитал».

5. Модель $N + ite \rightarrow N$, модель $N + ia \rightarrow N$ (объектом сатирического осмеяния выступают экзотические географические названия, люди – носители данных названий), например: *Ishmaelite* – «житель придуманной утопической страны Ишмаэлия», *Asania* – «утопическая страна, процветающий остров».

6. Модель $N + ian \rightarrow$ субстантивированное Adj (объект сатирической характеристики – носитель определенных политических взглядов, убеждений), например: *Marxian* – «последователь теории Маркса».

7. Модель $N + ly \rightarrow Adv$ (объект сатирического осмеяния – специфическое свойство, присущее лицу), например: *beastly* – «мерзко, отвратительно, злодейски».

8. Модель $N + ish + ness \rightarrow N$ (объект сатирического осмеяния – слово, характеризующее лицо с точки зрения его качества, свойства, состояния), например: *sphinxishness* – «загадочность», «непредсказуемость», «некий консерватизм».

Среди проанализированных приставочных дериватов характерно использование имен существительных (96,9 %), тогда как употребление имен прилагательных является редким, например:

1) модель $anti + N \rightarrow N$ (объект характеристики – лицо, обладающее свойством негативного восприятия окружающей действительности), например: *'Staunchly anti-interventionist', said Corker. 'Dozen of Jacksonburg hostess bans police project as unwarrantable interference with sanctity of Ishmaelite home... , but it's not the way I'm used to being treated'* [11, с. 92].

В анализируемом примере приставка *anti-* реализует словообразовательное значение «качество, противоположное названному основой», т.е. автор характеризует героиню

повествования как человека, не терпящего какого-либо вмешательства извне, тем более навязчивость представителей прессы.

2) модель $un + Adj \rightarrow Adj$ (объект сатирической характеристики – пессимизм по отношению к действительности), например: *Normal life as he saw it, consisted in regular journeys by electric train, monthly cheques, communal amusements, and cosy horison of slates and chimneys, there was something **unEnglish** and hot quite about the country with its bloody recreations; it's darkness and silence and sudden, inexplicable noises* [11, с. 26].

В данном примере приставка *un-* реализует словообразовательное значение «отрицание качества, названного основой», т.е. введением в контекст прилагательного *unEnglish* автор характеризует окружающую персонаж безрадостную действительность, безысходность повседневной рутины.

Суффиксально-префиксальный способ словообразования совмещает присоединение словообразовательного аффикса-суффикса к концу базовой морфемы. Суффиксально-префиксальные дериваты реализуются следующими комбинациями приставок и суффиксов, например: *neo-*, *-ian*, *un-*, *-ness*.

*I like it very much indeed. I've always been opposed to these modern ars est celare assem fashions: I like **unpuncturedness** and I'm charmed by the letter. Yes, charmed* [9, с. 119].

В приведенном примере приставка *un-* реализует словообразовательное значение «отрицание качества, названного основой», суффикс *-ness* реализует словообразовательное значение «состояние, качество, признак, выраженный основой». В данном окказиональном сочетании морфем приставка *un-* отрицает качество, присущее характеризуемому лицу.

Морфемным средством реализации сатирической модальности является также композитивное словообразование. В нашей работе композитивное словообразование представлено словосложением. Общее значение окказиональных сложных сочетаний морфем часто «выводимо из значений составляющих их частей» [7, с. 21-23], а в смысловом плане взаимоотношения компонентов сложного слова повторяют взаимоотношения слов-членов синтаксического словосочетания, отличаясь от последних в грамматическом плане [6, с. 7]. В нашем исследовании окказиональные сложные слова (сочетание морфем) представлены следующими двумя структурными подтипами:

- а) сложносоставными словами;
- б) сложносокращенными словами.

Сложносоставные слова представляют собой простое соединение двух базовых (корневых) морфем, например: модель $N + N \rightarrow N$.

Mr Popotakis switched on the lights above the ping pong table and asked 'You want a game, Mr Baldwin, for it was by this name that William's friend preferred to be called' [11, с. 167].

Baldwin – окказиональное сложносоставное сочетание морфем, образованное сочетанием двух базовых морфем *Bald* и *win*, реализующее авторскую сатирическую модальность имплицитного характера: «мистер, ведущий нечестную игру».

Сложносокращенные слова представляют собой соединение одной или двух сокращенных базовых морфем, например: *Then, there are the prizes. I think there is any need for undue extravagance with the prizes. It gives boys a wrong idea of sport. I wonder whether Lady Circumference would think it odd if we asked her to present parsley crowns. Perhaps, she would. Utality, economy and apparent durability are the qualities to be sought for, I think [12, с. 68].*

Circumference – окказиональное сложносокращенное слово, состоящее из двух сокращенных базовых морфем *Circum* + *ference*, реализующее авторскую имплицитную модальность – «леди, вызывающая осложнения и неприятности».

Таким образом, анализ частотности использования окказиональных инноваций показал, что деривативное словообразование, являясь доминирующим морфемным средством, составляет 67 % от общего числа примеров выборки, в то же время как композитивное словообразование составляет лишь 14 % всей выборки, т.е. специфический план содержания сатирической модальности раскрывается в большей степени деривативными окказиональными инновациями. Ярко выраженная оценочность морфемных средств создания сатирической модальности отражает личностную концепцию автора-сатирика, фиксирует общее и индивидуальное в системе этических ценностей [8, с. 183]. Автор-сатирик своим произведением не только информирует о том, что создано силой его воображения, не только «заряжает» своими умонастроениями, но и этически воздействует на читателей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Денисенко С.М. Функціоналізм – одна з найважливіших парадигмальних рис лінгвістики ХХІ століття // Вісник Харківського нац. ун-ту ім. В.М. Каразіна. – 2000. – № 471. – С. 68-76.
2. Карашук А.М. Словообразование английского языка. – М., 1977.

3. Левицкий А.Э. Основные модели функциональной переориентации разноуровневых единиц современного английского языка // Вісник Харківського нац. ун-ту ім. В.М. Каразіна. – 1999. – № 406. – С. 82-88.
4. Медведь Е.Н. Системно-функциональные особенности квантитативных единиц (на материале совр. англ. языка): Дис. ... канд. филол. наук. – Сумы, 2001.
5. Мусаева Т.Ф. Роль категории модальности в реализации прагматических установок в художественном тексте (на материале англ. лит.): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Баку, 1991.
6. Полюжин М.М., Омельченко Л.Ф. Функциональное словосложение и префиксальные ономазиологические категории в английском языке. – Ужгород, 1997.
7. Эр Хан Пира. Оказиональность и окказионализмы. – М., 1972.
8. Янко Т.Е., Рябцева Н.К. Логический анализ языка: Языки этики. – М., 2000.
9. Huxley A. After the Fireworks. – L., 1991.
10. Huxley A. Brief Candles. – L., 1991.
11. Waugh E. Scoop. A Novel about Journalists. – Harmondsworth Penguin Books, 1978.
12. Waugh E. Decline and Fall. – Everyman's Library, 1993.
13. Waugh E. The Complete Short Stories. – Everyman's Library, 1998.

АННОТАЦИЯ

Розова И.В. Морфемные средства создания сатирической модальности (на материале английской литературы XX столетия)

В данной статье морфемные средства языка представлены окказиональной инновацией; деривативными и композитивными способами окказионального словообразования. Акцент делается как на функциональной переориентации языковой единицы, так и на нетипичном использовании компонентов языковой системы. Задача статьи заключается в демонстрации возможностей морфемных средств языка в раскрытии специфического содержания сатирической модальности текста.

Ключевые слова: разноуровневые языковые единицы, функциональная переориентация, окказиональные инновации, дериваты, композитивное словосложение, сатирическая характеристика.

SUMMARY

Rozova I.V. Morphemic means of making satirical modality (on the material of the XX-th cent. English literature)

In this article morphemic language means are being presented by occasional innovation; derivational and composite ones of occasional word-formation. The accent is made as to the functional reorientation of the language units as to the non-typical use of the language system components. The article's main idea is to demonstrate morphemic means' possibilities in disclosing specific contextual essence of satiric modality.

Key words: units of different levels, functional reorientation, occasional innovations, derivatives, compound word-formation, satirical characteristics.

*Е.С. Сысоева
(г. Донецк),
К.А. Шостак
(г. Донецк)*

УДК 811.11-112:168.522:81'373.231

**ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ
ХАРАКТЕРИСТИКИ АНГЛИЙСКИХ АНТРОПОНИМОВ
ГЕРМАНСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ**

Настоящая статья посвящена рассмотрению английских антропонимов германского происхождения (далее АГП) с формантами имени «война», «доблесть и слава», «мир и защита», «религия», а также английских имен собственных с дифференциальными семами, описывающими личностные качества человека, отражающими воинственное мировоззрение средневекового англосаксонского общества.

С именами следующих ученых-лингвистов связаны исследования в области лингвокультурологии и социологии во взаимодействии с именем собственным (далее ИС). Так, по мнению В. А. Никонова, в основе антропонима прослеживается социальное начало, в частности, имена собственные существуют и функционируют только в обществе и для общества [3, с. 6]. Как отмечает А. А. Леонтьев, личность постоянно вступает в диалог с миром, самим собой и себе подобными, следовательно, она существо социальное по своей природе [2, с. 113]. В свою очередь, согласно мнению В. А. Масловой, каждый носитель языка выступает также носителем культуры, так, личность должна рассматриваться в аспекте культурной традиции

народа, на формирование которой влияют категории культуры, представляющие собой время, пространство, судьбу, право, богатство, совесть, труд, смерть, отражая, таким образом, специфику существующей системы ценностей и управляя нормами социального поведения и восприятия мира [2, с. 117]. По нашему мнению, лингвокультурологический взгляд на семантику английских антропонимов позволяет сделать вывод о соотношении семантики ИС с историей языка и народа [5, с. 59].

Актуальность представленной работы обусловлена новым подходом в изучении семантических особенностей АГП как единиц системы языковой номинации на уровне языкового мышления, а также возрастающим научным интересом к социолингвистическим исследованиям антропонимических единиц.

Объектом исследования в данной работе выступают английские ИС, этимологически относящиеся к германским апеллятивным основам.

Предметом исследования являются семантические особенности английских антропонимов как элементов английской лингвокультуры.

Материалом исследования послужили 492 АГП, отобранных методом сплошной выборки из современных лексикографических источников: "Oxford Dictionary of First Names" под редакцией П. Хэнкса, Ф. Ходжес, а также Словаря английских личных имен под редакцией А. И. Рыбакина.

Переходя к описанию семантики АГП, необходимо обратиться к общей классификации данных ИС, которая является результатом компонентного и этимологического анализа, что дает возможность систематизировать языковой материал по следующим семантическим классам (см. данные табл. 1).

Таблица 1
Семантические классы АГП

№	Семантические классы антропонимов с компонентами	Кол-во	%	Примеры антропонимов
1	Война	147	29, 9	<i>Gerlinde</i> (f) – ср. др. вн. <i>gēr, gār</i> 'копье' + <i>lind</i> 'мягкий' [4, с. 95].
2	Доблесть и слава	141	28, 7	<i>Sigimar</i> (m) – др. вн. <i>sige</i> 'победа' + <i>mār</i> 'слава', <i>māri</i> 'знаменитый' [6].

3	Личностные качества человека	92	18, 7	<i>Eberhard (m)</i> – ср. др. вн. <i>eber</i> ‘кабан’ + <i>hard</i> ‘сильный’ [6].
4	Мир, защита	84	17	<i>Friedemann (m)</i> – др. вн. <i>fridu</i> ‘мир’ + <i>man</i> ‘человек’ [4, с. 90].
5	Религия	28	5, 7	<i>Gottwald (m)</i> – ср. др. вн. <i>got</i> ‘Бог’ + <i>waltan</i> ‘управлять’ [4, с. 97].
	Всего	492	100	

На данном этапе представляется возможным рассмотрение наиболее продуктивного класса настоящей статьи, класса АГП с компонентом имени «война». Языковая представленность дифференциальной семы «война» изобилует описаниями обмундирования воина и его доблестных качеств. В частности, понятие «война» вербализируется в апеллятивных основах антропонимов рассматриваемого класса с помощью следующих инициальных и финальных компонентов (см. данные табл. 2).

Таблица 2
Компоненты, вербализирующие понятие «война»

№	Компоненты	Кол-во	%	Примеры антропонимов
1	ср. др. вн. <i>gēr, gār</i> ‘копье’	58	39, 5	<i>Gernot (m)</i> – ср. др. вн. <i>gēr, gār</i> ‘копье’ + <i>nōt</i> ‘нужда’ [4, с. 95].
2	др. вн. <i>hild</i> ‘битва’	30	20, 4	<i>Hildimar (m)</i> – др. вн. <i>hild</i> ‘битва’ + <i>mār</i> ‘слава’, <i>māri</i> ‘знаменитый’ [4, с. 105].
3	др. вн. <i>sige</i> ‘победа’	25	17	<i>Sigegar (m)</i> – др. вн. <i>sige</i> ‘победа’ + <i>gēr, gār</i> ‘копье’ [6].
4	др. англ. <i>here</i> ‘армия’	22	15	<i>Hermann (m)</i> – др. англ. <i>here</i> ‘армия’ + <i>man</i> ‘человек’ [4, с. 104].
5	ср. др. англ. <i>wig</i> ‘борьба’, ‘война’	12	8, 1	<i>Wighard (m)</i> – ср. др. англ. <i>wig</i> ‘борьба’, ‘война’ + <i>hard</i> ‘сильный’ [6].
	Всего	147	100	

Одной из основополагающих характеристик и ценностей жизнедеятельности средневекового англосаксонского общества выступает их воинственность, которая отражена в АГП. В первую очередь, это связано с лексико-семантическими вариантами данных ИС, к примеру, понятие «битва» имеет несколько лексико-семантических вариантов, таких как: др. вн. *hild*, др. вн. *gunt*, а также подробного перечисления видов вооружения: *spear* ‘копье’, *sword* ‘меч’, *mantelet* ‘щит’, *helmet* ‘шлем’, высокой частотности употребления большинства формантов, которые семантически связаны с номинациями объектов военной сферы [1, с. 45].

Обращаясь к следующему классу антропонимов, вербализирующего понятия «доблесть и слава», мы можем отметить, что данные АГП привлекали внимание англосаксов, предлагая носителям данного имени возможность защиты от злого умысла со стороны врагов, что связано с мифологическим восприятием мира данным коллективом людей [1, с. 45]. Анализ семантики АГП, а также объема лингвокультурологической информации, которую они содержат, позволяет классифицировать данные ИС исходя из лексического значения компонентов их апеллятивов (см. табл. 3).

Таблица 3
Компоненты, вербализирующие понятия «доблесть и слава»

№	Компоненты	Кол-во	%	Примеры антропонимов
1	ср. др. вн. <i>beraht</i> ‘светлый’, ‘яркий’	46	32, 6	<i>Berthelm (m)</i> – ср. др. вн. <i>beraht</i> ‘светлый’, ‘яркий’ + <i>helm</i> ‘шлем’ [4, с. 49].
2	ср. нем. <i>mār</i> ‘слава’, <i>māri</i> ‘знаменитый’	35	24, 8	<i>Dietmar (m)</i> – ср. нем. <i>diet</i> ‘люди’ + <i>mār</i> ‘слава’, <i>māri</i> ‘знаменитый’ [6].
3	ср. др. вн. <i>od</i> , <i>ot</i> ‘богатый’	33	23, 4	<i>Ottokar (m)</i> – ср. др. вн. <i>od</i> , <i>ot</i> ‘богатый’ + <i>wacar</i> ‘внимательный’ [6].
4	ср. др. вн. <i>hrōd</i> , <i>hruod</i> ‘слава’	27	19, 2	<i>Hrodmund (m)</i> – ср. др. вн. <i>hrōd</i> , <i>hruod</i> ‘слава’ + <i>mund</i> ‘защита’ [6].
Всего		141	100	

Представляя собой воинственный народ, англосаксы наделяли имена собственные значением, подчеркивающим силу, выносливость и мужественность обладателя имени, например, антропоним *Hartwin (m)* – ср. др. вн. *hart* ‘сильный’ + др. англ.

wini ‘друг’ [4, с. 101]. Отметим, что классу антропонимов, обозначающих личностные качества человека, присуща положительная оценка формантов их апеллятивов. Так, считая главным своим заданием обороняться и воевать против враждующих народов, англосаксонское общество намеренно использует следующие компоненты имен собственных (см. данные табл. 4).

Таблица 4
Компоненты, вербализирующие понятие «личностные качества человека»

№	Компоненты	Кол-во	%	Примеры антропонимов
1	ср. др. вн. <i>adal</i> ‘благородный’	30	32, 6	<i>Adelaide (f)</i> – ср. др. вн. <i>adal</i> ‘благородный’ + <i>heid</i> ‘добрый’, ‘мягкий’ [4, с. 27].
2	ср. др. вн. <i>hart</i> ‘сильный’	26	28, 3	<i>Hartwin (m)</i> – ср. др. вн. <i>hart</i> ‘сильный’ + <i>wini</i> ‘друг’ [6].
3	др. вн. <i>bald</i> ‘смелый’	23	25	<i>Archibald (m)</i> – др. вн. <i>ercan</i> ‘настоящий’, ‘подлинный’ + <i>bald</i> ‘смелый’ [4, с. 39].
4	герм. <i>milo</i> ‘милый’	13	14, 1	<i>Miles (m)</i> – герм. <i>milo</i> ‘милый’ [6].
	Всего	92	100	

Понятие «мир» представляло собой один из возможных вариантов решения конфликта средневековыми англосаксами [1, с. 46]. Так, в представлении англосаксонского общества основа «мира» – это договор, заключаемый письменно и подкрепляемый «мирными» действиями со стороны противника [1, с. 46]. Понятие «мир» связано с начавшимся преобразованием англосаксонского общества в отдельное государство, что подчеркивает тот факт, что для вышеуказанной народности главным фактором в определении мира служило не кровное родство, а дружба между народами [1, с. 46]. Понятие «мир» находит свое вербальное воплощение в следующих компонентах ИС (см. табл. 5).

Таблица 5
Компоненты, вербализирующие понятия «мир и защита»

№	Компоненты	Кол-во	%	Примеры антропонимов
1	др. вн. <i>fridu</i> , <i>frid</i> ‘мир’	33	39, 3	<i>Manfred (m)</i> – др. вн. <i>man</i> ‘человек’ + <i>fridu</i> , <i>frid</i> ‘мир’ [4, с. 138].

2	др. англ. <i>mund</i> 'защита'	31	37	<i>Geramund (m)</i> – др. англ. <i>gēr</i> , <i>gār</i> 'копье' + <i>mund</i> 'защита' [4, с. 95].
3	др. вн. <i>gunt</i> 'защита'	11	13	<i>Gundulf (m)</i> – др. вн. <i>gunt</i> 'защита' + <i>wulf</i> 'волк' [4, с. 98].
4	др. англ. <i>weard</i> 'защита'	6	7, 1	<i>Badward (m)</i> – др. англ. <i>bad</i> 'битва', 'сражение' + <i>weard</i> 'защита' [6].
5	герм. <i>gard</i> 'защита'	3	3, 6	<i>Irmingard (m)</i> – герм. <i>Irmin</i> 'Ирмин' + <i>gard</i> 'защита' [6].
Всего		84	100	

Как отмечалось ранее, наименее продуктивным классом АГП настоящей статьи являются ИС с формантом имени «религия» (см. данные табл. 6).

Таблица 6
Компоненты, вербализирующие понятие «религия»

№	Компоненты	Кол-во	%	Примеры антропонимов
1	ср. др. вн. <i>god</i> , <i>got</i> 'бог'	18	64, 3	<i>Gotthard (m)</i> – ср. др. вн. <i>god</i> , <i>got</i> 'бог' + <i>hard</i> 'сильный' [6].
2	ср. др. вн. <i>ragin</i> 'решение судьбы, богов'	10	35, 7	<i>Reynold (m)</i> – ср. др. вн. <i>ragin</i> 'решение судьбы, богов' + <i>waltan</i> 'управлять' [6].
Всего		28	100	

Такой набор компонентов АГП объясняет факт недостаточного распространения христианства на территории средневековой Англии, так, язычество выступало основополагающей верой в системе религиозных убеждений средневекового англосаксонского общества.

Война, представляя собой общественное явление, нашла свое отображение во всех сферах жизни англосаксонского общества раньше, чем понятие «мир», что связано, в первую очередь, с начальными этапами развития мировоззрения человечества в целом. Наряду с вышеуказанной информацией, верно утверждение, что христианство не заняло основополагающей позиции в мировоззрении средневековых англосаксов, так, для данной народности главенствующей системой представлений о жизни выступало язычество, что и определяет факт наименьшей продуктивности класса антропонимов сферы религии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гнаповская Л. В. «Война» и «мир» в имени: диалог или противостояние? / Л. В. Гнаповская // Научные записки. Серия «Филологическая». – 2012. – № 1. – С. 44–46.
2. Маслова В. А. Лингвокультурология / В. А. Маслова. – М.: Академия, 2001. – 208 с.
3. Никонов В. А. Имя и общество / В. А. Никонов. – М.: Наука, 1974. – 276 с.
4. Словарь английских личных имен: 4000 имен / [гл. ред. А. И. Рыбакин, 3-е изд., испр.]. – М.: Астрель, Аст, 2000. – 224 с.
5. Сысоева Е. С. Оценочные антропонимы в английском языке: [монография] / Е. С. Сысоева. – Донецк: ДонНУ, 2013. – 231 с.
6. Hanks P. A Dictionary of First Names / P. Hanks, F. Hodges. – Oxford, N. Y.: Oxford University Press, 1996. – 444 p.

АННОТАЦИЯ

Сысоева Е.С., Шостак К.А. Лингвокультурологические характеристики английских антропонимов германского происхождения

Настоящая статья посвящена анализу лингвокультурологических особенностей английских антропонимов, восходящих к апеллятивным основам германского происхождения с тематическими признаками «война», «доблесть и слава», «личностные качества человека», «мир и защита», «религия», отражающих систему культурных ценностей и этноспецифических доминант средневекового англосаксонского общества. В статье рассматриваются семантические, этимологические, лингвокультурологические особенности АГП.

Ключевые слова: антропоним германского происхождения, антропонимическая система, апеллятивная основа, лингвокультурология, картина мира, языковая личность.

SUMMARY

Sysoeva E.S., Shostak K.A. Linguoculturological characteristics of the English anthroponyms of the Germanic origin

The present article deals with the analysis of the peculiarities of the English proper names of the Germanic origin with the components «war», «valour and fame», «personal qualities of the person», «peace and defense», «religion» reflecting the perception of the world by the medieval Anglo-Saxons. Semantic, etymological, linguoculturological peculiarities of the units are studied in the article.

Key words: anthroponym of the Germanic origin, anthroponymic system, appellative stem, lingual-cultural studies, linguistic picture of the world, linguistic personality.

УДК 811.111'255.2:6

СОКРАЩЕНИЯ И АББРЕВИАЦИЯ В АНГЛИЙСКИХ ТЕКСТАХ КАК ОДНА ИЗ ОСОБЕННОСТЕЙ РАЗВИТИЯ ЯЗЫКА

Сокращение слов применялось с древнейших времен, когда сокращали слова и слоги, но только тогда, когда как вошли в употребление прописные греческие и латинские буквы, появились настоящие сократительные знаки, которые мы можем увидеть на надписях, монетах и древнейших рукописях. Проходило время, развивались языки, взяв для своих алфавитов многие латинские буквы, и процесс аббревиации стал уже непрямым признаком развития любого языка, в котором английский язык имеет свои специфические особенности и универсальный характер. Расширение познавательной деятельности человека вызывает необходимость создания все новых и новых языковых единиц. Именно лексика отражает все, что происходит в развитии производства и в общественной жизни [1, с. 32]. Большинство лексических новообразований оказываются неудобными и громоздкими в употреблении. Без аббревиации становится невозможным употребление и использование необходимой лексики, всевозможных терминов и слов. Аббревиация позволяет дать этим новым названиям более краткую форму, при полном сохранении значения данных лексических единиц. Аббревиация в английском языке занимает все более прочные позиции, получая широкое распространение в различных областях науки, искусства и жизни общества.

Проблемы сокращенных лексических единиц, аббревиации как специфического языкового явления в языках привлекали внимание многих исследователей. Проблемы аббревиации рассматриваются во многих работах отечественных и зарубежных авторов. К числу наиболее известных трудов по этому вопросу можно отнести работы М. М. Сегалю, Р. Уэльза, О. Есперсена, Д. И. Алексеева, В. Г. Павлова, Т. Пайлза. Аббревиация остается во многих отношениях загадкой в лингвистическом плане, так как применительно к ней рассматриваются под специфическим углом зрения такие фундаментальные проблемы, как проблема структуры слова и его значения, и проблема морфемы. Перевод аббревиатуры и сокращений является актуальной темой для изучения, которому уделяется большое внимание особенно в последнее время. В английских текстах аббревиация и различные

сокращения занимают значительное место. Они функционируют в текстах самостоятельно и подчас становятся более известными, чем их источники. Сокращения английского языка по звуковому и графическому оформлению делят на саму аббревиатуру и на акронимы. Стоит отметить, что существуют разные виды аббревиатур. Одни аббревиатуры – это сокращения от более длинных слов, которые произносятся в речи как новые короткие слова. Например, *ad* – реклама от слова *advertisement*, *gym* – спортзал от слова *gymnasium* и так далее. Другие аббревиатуры созданы путем удаления части слова, как например *adv* от *adverb*, *cont* от *continued*. Если эти слова нужно прочитать вслух, то они читаются целиком. Но существуют сокращения, которые невозможно произносить, как отдельные слова, а не в виде последовательности букв алфавита. Это такие аббревиатуры, как *informatics* – информатика (*information* и *electronics*) и другие. Такие аббревиатуры и называются акронимами и составляют значительную часть английского языка. В современном английском языке становится трудно отличить акронимы от полноценных слов, настолько они укоренились в речи. Отличие акронимов от буквенных аббревиатур состоит в том, что они могут писаться как с точками, так и без них [2, с. 57]. Еще чаще мы встречаемся в английской литературе с латинскими аббревиатурами, которые невозможно расшифровать, а можно лишь перевести, например, (*from latin id est*) что переводится как «что есть». Необходимо отметить, что сокращения характеризуются высокой омонимичностью, и чем меньше число знаков, тем оно выше. Новые термины в английских текстах могут быть образованы от имен авторов новых открытий или теорий. Вначале такие термины связаны с конкретным именем и пишутся с заглавной буквы, но потом многие из них становятся полноправными членами терминологической системы, приобретают грамматическую оформленность нарицательного имени и пишутся уже со строчной буквы.

Основной задачей сокращений и аббревиатур является экономия речи и письменного текста. При произношении аббревиатуры по времени звучания примерно в пять раз короче соответствующего ей понятия, а при написании экономия еще более впечатляюща. Широкое использование, распространение аббревиатур и сокращений на современном этапе развития общества является причиной экономии языковых средств и речевых усилий, что обусловлено потребностями человеческого мышления и общения. Языковая экономия ведет к сжатию, компрессии способов выражения замысла высказывания, в результате чего происходит

устранение информационно избыточных элементов. В этом случае повышается информационная плотность высказывания. Тенденция к повышению коммуникативной ценности языковых единиц является при этом одной из основных причин развития языка как средства общения в условиях наличия различных средств коммуникации и при возросшем объеме информации. Аббревиация сокращает материальную оболочку коммуникативных единиц, увеличивая тем самым скорость поступления информации от одного человека к другому. Помимо средства экономии времени, речевых усилий говорящего, аббревиатура и сокращения являются и средством концентрации информации [3, с. 234].

На данный момент существуют многочисленные исследования, посвященные проблемам сокращений и аббревиации в современных европейских языках. Но, тем не менее, проблема аббревиации и сокращений таят в себе еще много загадок в лингвистическом плане, ждущих своих расшифровок. Хотелось отметить, что в последнее время данной тематике уделяется все больше и больше время.

В английских научных текстах различного вида сокращения и аббревиация занимают значительное место. Английские сокращения по своему графическому и звуковому оформлению делят на акронимы и сами аббревиатуры. Аббревиатуры образуются от начальных букв словосочетаний, например: *IRRC – Investor Responsibility Research Center* или *CEMS – Community of European Management School*. Аббревиация позволяет дать различным названиям и обозначениям более сжатую, выразительную форму при полном сохранении значения своих лексических единиц. При данном процессе происходит экономия времени на поступление информации адресату и ее расшифровку. Использование аббревиатур во многих сферах общественной жизни присуще большинству языков мира. В качестве причин возникновения аббревиации в современном мире называют научно-технический прогресс, закон экономии языковых средств, социальные преобразования и развитие культурно-экономических связей. Языковая экономия, проявляющаяся на различных уровнях жизни, включает в себя разнообразные явления, ведущие к сжатию, компрессии способов выражения замысла высказывания, в результате чего происходит устранение информационно избыточных элементов. Экономия языковых средств связана с повышением информационной плотности языкового высказывания. Суть аббревиатур заключается в компрессии средств выражения и обобщенном восприятии содержательной стороны новых языковых единиц, в повышении

коммуникативной функции английского, в нашем случае, языка. Тенденция к повышению коммуникативной ценности языковых единиц является при этом одной из основных причин развития языка как средства общения в условиях наличия различных средств коммуникации и при возрастающем объеме информации. Помимо средства экономии времени и речевых усилий говорящего, аббревиатура является и средством концентрации информации. При помощи аббревиатур выполняется одна из основных задач средств массовой информации – передача наибольшего количества информации в рамках одной публикации [4, с. 71]. Среди способов словообразования аббревиация занимает специфическое место. Как мы уже отмечали, в языке аббревиация выполняет компрессивную функцию, иными словами, служит для создания более кратких номинаций. Основные сферы действия аббревиации – научная, деловая речь, публицистика. Ю. В. Горшунов считает, что сокращения являются «не столько экономией средств, сколько более окрашенной формой выражения уже известных понятий» [4, с. 20]. Помимо функции экономии языковых средств, по его мнению, аббревиация выполняет экспрессивную, оценочную функции. Что же касается акронимов, то ими называются сокращения, фонетическая структура которых совпадает с фонетической структурой общеупотребительных слов. Для образования акронимов используются части слов, входящих в состав исходных терминологических групп или коррелятов. Акронимы, в отличие от аббревиатур, читаются и воспринимаются как обычные лексические единицы. Акронимы образуются из разных сочетаний букв. К акронимам можно отнести метод усечения двух и более слов в одно путем соединения начальной части одного слова с последней частью другого слова, например: *transceiver*, которое образовалось от слияния двух слов *transmitter* и *receiver*. В английских текстах используются сокращения двух видов: текстовые, которые функционируют в пределах какого-то одного текста, и общепринятые, которые фиксируются в официальных справочниках и являются частью лексической системы языка. Текстовые сокращения поясняются в тексте или представляются в виде отдельного списка сокращений к тексту. По своей структуре сокращения можно разделить на буквенные, слоговые, усеченные слова, слоги и буквы, буквенно-цифровые сокращения и слоговые сокращения. В быстроразвивающихся научных направлениях нашей культуры процесс сокращений привел к перенасыщению научно-технической лексики понятными только для узкого круга специалистов сокращениями, большая часть которых отсутствует как в отечественных, так и в зарубежных

специализированных словарях сокращений. Невозможность проведения расшифровки не посвященных в данные сокращения с помощью имеющихся в распоряжении переводчика специальных словарей и словарей сокращений является не исключением, а стандартным обстоятельством, сопутствующим практически всем видам обработки научной и технической литературы [5, с. 118]. Происходящие в современном языке научного общения процессы образования новых терминов связаны с появлением новых научных идей и направлений исследований, разработкой новой техники, созданием новых технологических процессов. Необходимо отметить, что сокращения характеризуются высокой омонимичностью, и чем выше число знаков, тем выше омонимичность. Среди сокращений встречаются самые различные не связанные между собой понятия и предметы. Новые термины в технических текстах могут быть образованы по имени авторов новых теорий и открытий. Такие термины вначале очень связаны с конкретным именем, и пишутся с заглавной буквы, но затем многие из них становятся членами терминологической системы, приобретают грамматическую оформленность нарицательного имени и пишутся уже со строчной буквы. В английском языке наблюдается тенденция к сокращению любого термина. Как мы отмечали, использование аббревиатур в тексте или речи представляет определенную трудность. Даже при употреблении широкоизвестных и употребляемых терминов могут возникнуть определенные трудности, и здесь подчас помогает использование метода аналогий. Полное понимание сокращенных лексических единиц возможно лишь при отличном знании предмета, которому посвящен конкретный текст, а также в том случае, когда читающему известно значение используемых в тексте сокращений. Чтобы расшифровать сокращение, используют метод установления коррелята, то есть полной формы сокращенного термина. Но значение сокращения не всегда совпадает со значением коррелята, поэтому для правильной расшифровки сокращений используют и такой метод, как анализ текста, который подразумевает анализ всего текста, всех его разделов для правильной расшифровки аббревиатуры. Также используется такой метод, как анализ структуры сокращений, который применяется в основном в том случае, когда в тексте стоят сокращения со сложной структурой. В состав сокращений могут входить помимо букв дополнительные знаковые обозначения, такие как точки, тире и вертикальные линии, для правильной расшифровки которых необходимо знать их функции в тексте [6, с. 86]. Хочется также отметить и сокращения, заимствованные из других иностранных языков. Во многих европейских языках

есть сокращения, которые не отличаются по форме и значению и могут при переводе переходить в родной язык без перевода и транскрипции.

Таким образом, мы можем сделать вывод, что аббревиация, различного вида сокращения являются одним из продуктивных видов словообразования в языке. В процессе сокращения в языке образуются полноправные коммуникативные единицы со всеми качествами слов. Говорящему, употребляющему сокращение, выражение его мысли представляется достаточно точным и емким, а также происходит достаточная экономия времени для выражения того или иного термина или значения. В настоящее время аббревиация стала одним из самых распространенных способов создания новых номинативных единиц, а различные экстралингвистические и внутриязыковые факторы ускоряют тенденцию к сокращению слов, в результате чего наша речь меняется, обогащается и постоянно развивается. Аббревиация представляет собой продуктивный и эффективный способ пополнения лексического состава языка. В современных условиях развития научно-технического прогресса словообразовательную систему сокращений английского языка можно определить как формирующий процесс, способствующий развитию и обогащению современного языка, способствующий пополнению словарного запаса английского языка новыми единицами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гореликова С. Н. Природа термина и некоторые особенности терминообразования в английском языке // Вестник ОГУ. – М., 2002. – № 6. – 32 с.
2. Бондалетов В. Г. Научно-техническая революция и язык // Русская речь. – М.: Наука, 1978. – № 3. – 57 с.
3. Сахибгареева Л. В. Проблемы аббревиации в разноструктурных языках: деривационно-номинативные аспекты: дис. ... канд. филол. наук. – Уфа, 1998. – 234 с.
4. Горшунов Ю. В. Прагматика аббревиатуры: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – М., 2000. – 71 с.
5. Письмиченко А. Н. Сопоставление терминологической лексики английского и русского языков как прием обучения // Иностранные языки в школе. – М.: Высш. шк., 1985. – 118 с.
6. Швейцер А. Д. Перевод и лингвистика // Лингвистика научного текста. – М.: Воениздат, 1973. – 86 с.

АННОТАЦИЯ

Усачев В.А. Сокращения и аббревиация в английских текстах как одна из особенностей развития языка

В тексте раскрывается проблема сокращений и аббревиатур в английском языке. Сокращения и аббревиатуры являются одними из самых интересных вещей в языке. Есть бесконечное количество сокращений на английском языке, и люди теперь используют их все больше и больше в повседневной речи. О значении некоторых сокращения относительно легко догадаться, однако, другие не столь очевидны. В современном английском языке многие новые сокращения и аббревиатура используется потому, что темп жизни возрастает и становится необходимым дать больше и больше информации в кратчайшие сроки. Можно сказать, что сокращения делают нашу жизнь проще.

Ключевые слова: текст, аббревиация, сокращения, язык, слово, лексика, термин.

SUMMARY

Usachev V.A. Acronyms and abbreviations in English texts as one of the features of the development of language

The problem of abbreviations and acronyms in English is revealed in the text. Abbreviations and acronyms are one of the most interesting things about language. There are infinite amounts of abbreviations in the English language and people are now using them more and more in daily speech. Some abbreviations are relatively easy to guess, however, others are not so obvious. In Modern English many new abbreviations and acronyms are formed because the tempo of life is increasing and it becomes necessary to give more and more information in the shortest possible time. We can say that abbreviations make our life easier.

Key words: text, abbreviation, acronyms, language, word, vocabulary, term.

***В.В. Фефелова**
(г. Горловка)*

УДК 37.035.6

ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОГО КОНЦЕПТА «ВРЕМЯ» ВО ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ И ЕГО ЭКВИВАЛЕНТЫ В РУССКОМ И УКРАИНСКОМ ЯЗЫКАХ

В статье анализируется лингвокультурный концепт «время» и его взаимосвязь с другими концептами «человек», «бытие», «пространство» и др.; рассматривается концептуальное поле времени с точки зрения внутренней и внешней структуры.

Исследование культуры каждого отдельного этноса реализуется посредством языка, который является составной частью культуры и движущей силой её развития. Язык – это не только инструмент человеческого общения и воздействия на людей, это также способ получения, усвоения, хранения и передачи культурной информации [5, с. 14].

В лингвокультурном аспекте понятие «концепт» понимается как вербализованный культурный смысл, как двусторонняя семантическая единица культуры языка [3, с. 10]. Основным в понимании лингвокультурного концепта выступает представление о культуре как о «символическом космосе», языковые проявления которого специфичны по сравнению с другой культурой. Основополагающим различительным признаком выступает этнокультурная неповторимость. Изучение языковой знаковой формы концепта отличает его лингвокультурное толкование от остальных.

Концепт изучается как синтезированное лингвоментальное образование, которое включает в себя такие понятия, как «образ», «значение». В качестве «законного наследника» этих семантических категорий лингвоконцепт характеризуется гетерогенностью и многозначностью. От понятия «дискурсивность» лингвоконцепт унаследовал представление смысла; от «образа» – метафоричность и эмотивность этого представления; от «значения» – присоединение определённого термина к лексической системе языка.

Лингвокультурная концептология обособилась от лингвокультурологии путём переакцентуации и модификации компонентов триады Э. Бенвениста «язык, культура, личность» [2, с. 270-271].

Изучение признаков и сопоставление фрагментов картины мира в разных языках является одной из основных целей концептуальных исследований. Удивительной и характерной чертой языка есть его способность сохранять и передавать информацию, которая столетиями закреплялась в виде устойчивых выражений, когнитивных моделей. Концептуальные признаки, передающую национальную картину мира, консервативны. В то же время, картина мира каждого народа меняется; структура концептуальных характеристик расширяется в процессе дальнейшего познания.

Анализ культурного опыта дополняет информацию об окружающем мире. Это не научные знания, это знания из области бытовых народных представлений, которые модифицируются за счёт религиозных и научно-технических достижений социума.

Одним из методов изучения процессов категоризации субъективной действительности и отображения этих процессов в языковых структурах выступает интерпретация языковых средств, которые идентифицируют отдельные фрагменты внутреннего мира человека. То, что адаптируется в языке, соответствует ментальности народа. В языке ассимилируются те значения, которые соответствуют существующим понятиям. Невозможно говорить о языковой ментальности, не изучая духовного пространства языка.

Целью статьи является изучение языковых средств, способных объективировать лингвокультурный концепт «время», и классификация связей концепта «время» с другими языковыми ментальными категориями на материале французского, русского и украинского языков.

Предметом анализа служат лексические и грамматические элементы языка с темпоральной семантикой; объектом выступает выявление взаимосвязи, взаимопроникновения и взаимовлияние семантики лингвокультурного концепта «время» и семантики лингвокультурных концептов «пространство», «движение», «человек», «деятельность», «обладание», «ритм», «скорость», «предмет», «логические отношения», «экспрессивность», «оценка» и др.

Лингвокультурный концепт «время» занимает определённое ноэтическое поле в семантической структуре языка. Это поле характеризуется внутренней и внешней структурой. Внутренняя структура состоит из оппозиций, характеризующих концептуальное понятие времени. Внешняя структура темпорального поля определяется его связями с другими семантическими полями. Семантические переходы проявляются в многозначности слов, фразеологизмов, в значении слов-derivатов, производных от лексических единиц с темпоральной семантикой.

Внешняя структура семантического поля «времени» подразделяется на три части: хронография, хронометрия и хронология. В каждой части различаются абсолютное и относительное временное значение [4, с. 679].

Хронография указывает на определённый отрезок времени, последовательность событий во временном континууме, дату. Такое указание может быть абсолютным, то есть выраженным общепринятой в социуме системой летоисчисления: 2016 год нашей эры; либо относительной, которое будет определяться относительно другого события: 70 лет после ВОВ. Любая абсолютная система летоисчисления в момент создания была относительной.

Хронометрия определяет длительность события, которое может определяться и абсолютно (в общепринятых единицах временного измерения: два часа) и относительно: с утра до вечера.

Хронология устанавливает последовательность действий, она также может быть абсолютной (соотноситься с моментом говорения: сегодня, завтра, вчера); либо относительной (соотносится с другим моментом: в тот же день, на следующий день, накануне).

Внешняя структура временного поля характеризуется его связями с иными понятиями и явлениями. Из-за отсутствия чётких разграничительных линий между фактами действительности, из-за расплывчатости понятий, которыми оперирует человек, во многих случаях невозможно провести четкую линию между «временем» и «не-временем». Однако, можно определить ближайшую и самую отдалённую периферию лингвокультурного поля «время».

Внешние связи понятия времени находят свою реализацию в трёх проявлениях: в переходе от других понятий к понятию «время»; в переходе от понятия «время» к другим понятиям; в синкретизме понятия «время» и иного понятия (когда в контексте время и иное понятие выражаются неразрывно). Общее развитие содержательной нагрузки идёт от конкретного, чувственно воспринимаемого к более абстрагированному. Выражение субъективного отношения (оценки) является конечным этапом семантического развития многих слов и форм: все средства выражения субъективных значений в языке есть второстепенными. Вместе с тем, значение языковых форм может развиваться не только в направлении «место → время», но и в обратном направлении «время → место».

Бытие и время взаимодополняют друг друга. Нет времени вне человека. Два аспекта определяют бытие: действующий субъект и окружение. Рассмотрим взаимодействие лингвокультурного концепта «время» с другими лингвокультурными концептами, характеризующие человеческое восприятие мира.

Время определяется элементами бытия. В этой парадигме прослеживается непрерывное взаимопроникновение: переход от бытийных понятий к понятию времени и, наоборот, от понятия времени к понятию бытия.

I «Движение → время». Время проявляется в результате двух процессов, связанных с движением: повторяемость действия и длительность его протекания. С этим связаны два способа измерения времени: измерение времени на основе повторяемости движения объекта (луна, солнце, движение

маятника часов) и измерение времени на основе длительности процесса (принцип песочных часов). Переход «движение → время» есть закономерным. Например, *Il est temps de fondre en cloche* – настало время действовать; *Le temps presse* – надо действовать быстро, время не терпит. Русское слово «время» происходит от корня со значением «вращать», «круговращение». Иногда именно движение позволяет различать временные и пространственные значения.

II «Пространство → время». Этот переход существует и часто встречается во всех языках. Большое количество временных союзов и предлогов происходят от слов с пространственной семантикой. Иногда пространственные предлоги и наречия в качестве второстепенной функции служат выражению временного значения. Французские предлоги «à, de, dans : d'ici en huit jours»; украинские: від, до, в, за, через, біля: за дві години до...; русские: где-то, около» выражают не только пространственные, но и временные значения: *Приду где-то около пяти часов*. Французское слово «*espace*» употребляется с временным значением: «*L'espace d'un matin* – в течение утра». Для человека пространственные и временные параметры неотделимы, о чём свидетельствуют выражения «*Il y a temps et lieu* – всему своё время и место; *en temps et lieu, en temps et saison* – в своё время и в надлежащем месте».

III «Занятие → время». Любое действие, занятие реализуется во временном пространстве: «*mettre du temps à* – затратить время на..., *предусмотреть время на...*; *passer le temps à* – тратить время на..., *prendre le temps de faire qch.* – делать ч-л не спеша». Каждое слово, обозначающее процесс, состояние, может метонимично указывать на временной отрезок. Например, «за столом, за обедом, в доме, в обед; *le temps de la pioche, le temps de bûche* – экзаменационная пора».

IV «Человек → время». Имя человека может называть эпоху. Например, «*sous Louis XIV, за часів гетьмана*». При таком переходе наблюдается синкретизм. Только контекст и ситуация позволяют определить, имеем ли мы дело с временными или с пространственными отношениями. Например:

(1) *J'ai demandé ce qu'était «la poupée du loup», elle a d'abord répondu «Je ne sais pas» et que ça signifiait tout simplement «décoiffée». Puis elle a raconté que c'était sa grand-mère franc-comtoise qui disait cela, lorsqu'elle-même était petite et revenait de jouer toute échevelée* (G.Bon «La poupée du loup» p. 110);

(2) *Quand le vacarme meurtrier cessa, il y eut comme un long silence, puis les premiers gémissements, les premiers cris se firent entendre....*(R.Deforges «Rue de la soie» p. 262);

(3) Сначала сенокос, затем крестьяне жнива начинают, в этом высказывании выражаются временные отношения. А в следующем:

(4) Сначала шли деревья, затем начались заросли – выражены и временные и пространственные отношения.

Время и пространство дополняют друг друга. Если субъект не движется, а наблюдаются изменения, то фраза обретает временное значение. Если субъект движется и есть изменения в пространстве, то высказывание носит синкретический характер. Если субъект не движется и нет изменений, то выражаются только пространственные отношения.

Временная семантика способствует вычленить элементы бытия, в качестве иллюстрации этого положения рассмотрим взаимодополняющий вектор «время → появление, становление, исчезновение». Человеческая жизнь проходит во временном континууме. Время переходит из будущего в прошлое, вследствие чего многие языковые формы указывают на «становление – существование – исчезновение». Например, выражения «*время покажет, время работает на..., згодом*» означают «ещё нет, но...». Выражение «*проверка временем*» указывает на отсутствие изменений. В выражениях «*Tout se fait avec le temps; Le temps est un grand maître – время залечивает раны, время лечит душу*» отодвигается на задний план момент настоящего, будущее и прошлое сливаются в единый континуум.

Становление и исчезновение тесно связаны с изменением качества объекта. Например, «*faire son temps*» означает «*отслужить, утратить качество, ответить*». Со временем предметы портятся: «*Le temps dévore tout – время ничего не щадит*».

V Вектор «время → действие, деятельность» указывает на то, что любое действие разворачивается во времени. Во многих выражениях слово «время» как раз и обозначает занятие или дело, которому это время посвящено: «*розподіл часу, потрібен час, часу не вистачає; найти время для*».

Иногда вид деятельности называется в зависимости от времени, которое на эту деятельность тратится: «*bon temps – праздность, отдых; temps libre – досуг; temps contraint – время, потраченное на магазины, на транспорт; temps obligé – служебное время; se faire du bon temps – забавляться, потешаться; prendre du bon temps – предаваться праздности; passer bien son temps – веселиться*».

Человек не может изменить время, те выражения, где речь идёт о манипуляции со временем, обозначают действия, которые нужно было бы совершить в определённый отрезок времени: «*Mettre le*

temps à – потратить время на...; meubler le temps – коротать время; зря потратим время; убивать время; gâcher son temps – означает не выполнить определённую работу, не сделать что-то полезное». «Temps mort – бездейственный промежуток времени; Pousser le temps avec l'épaule – сидеть и ждать у моря погоды». «Наздоганяти час – выполнить работу в запланированный срок». «Se donner du bon temps – хорошо отдохнуть; gagner son temps – оттянуть время, получить отсрочку».

VI Семантический вектор «время → обладание» отражает философский уровень вопроса принадлежности времени человеку. Испанский философ Грастан говорил: «Только одна вещь принадлежит нам – это время». С другой стороны, француз Бюффон утверждал: «Из всех вещей время наименее всего принадлежит нам и его нам не достаёт более всего» [4, с. 680]. В сфере речевого узуса время рассматривается как одна из способностей человека: *«qui a temps a vie – у кого есть время, тот найдёт выход из положения; qui gagne temps gagne tout – кто выигрывает время, тот побеждает; проводить время за..., perdre le temps – терять время на..., avoir du temps devant soi – располагать временем, успевать; avoir du temps de reste – иметь время в запасе; avoir le temps de se tourner – иметь достаточно времени, чтобы всё обдумать; avoir tout le temps – иметь сколько угодно времени, быть хозяином своего времени».*

Вектор «время → обладание» может обозначать также работу, выполненную человеком за определённый отрезок времени и приносящую человеку материальные ценности. Об этом свидетельствуют поговорки *«le temps c'est de l'argent – время – деньги, время дорого».*

VII «Время → удачный момент». В этом векторе время взаимодействует с определённым действием, акцентируется внимание на начале действия, условиях его протекания, на завершённости. Инхоативный оттенок определяется словами *«Il est temps, Il est grand temps – пора, уже время; Prendre bien son temps – хорошо выбрать время (вовремя); Prendre qn sur le temps – не упустить удобного случая использовать к-л; Tirer sur le temps – воспользоваться благоприятным моментом; Il n'y a pas le temps à perdre – давно пора, время не терпит; Il est temps de fondre la cloche – настало время действовать; En son temps – в подходящий момент; Il s'en va le temps – время (пора) что-то делать»,* финитный – *«Finir de f.qch; Il n'est plus temps – уже поздно; срок».* В этом векторе темпоральность обозначает внутренний момент: *«Время подошло. Время идти на работу. Aller à la croix avant le temps, Avant le temps – Раньше времени. Безвременно».*

VIII «Время → отрезок времени». Время может восприниматься как безграничная длительность или как определённый отрезок этой длительности. В разных языках слово «время» называет целый спектр узких значений: указание на специализированный отрезок времени, занятый определённым процессом; срок военной службы; срок заключения; рабочий час; неполный рабочий день «à mi-temps». Узкое значение прослеживается в выражениях «*le temps chômé – простой; le temps payé оплачиваемое время; quatre saisons – времена года; le temps de parole – регламент; avoir eu son temps – отсидеть свой срок в тюрьме; faire son temps de service – отбывать срок военной службы*».

IX «Время → эпоха». Жизнь общества наполнена событиями, свершениями, поэтому время может означать окружение, совокупность идей, ситуаций, свойственных определённой эпохе. Например, «*Дух времени; Герой нашего времени; Веление времени; Знамение времени; Смутное время*». В таком понимании термин «время» употребляется в афоризмах и максимах: «*Великий человек идёт впереди своего времени, Умный человек идёт рядом с ним, Хитрый старается использовать его, Глупый становится поперёк дороги*» (Бауернфельд).

Обозначая эпоху, термин «время» употребляется во множественном числе, поскольку эпоха – совокупность временных отрезков. Например, «*O temporas, o mores! – О времена, о нравы! Les temps modernes – Новое время; Autres temps, autres mœurs – другие времена, другие нравы; Chaque chose a son temps – всему своё время; Les derniers temps – конец света; Les hauts temps – древность; Le jeune temps – юность; Au temps de nos pères – в старину; Avant les temps, Au temps où les bêtes parlaient – в допотопные времена; Du temps qu'on se mouchait sur la manche – в старое доброе время, De tout temps – во все времена*».

X «Время → погода». Для субъекта и его окружения время ассоциируется с погодой. Во французском языке это одно из самых главных значений слова «*temps*». Например: «*le temps chargé (gris) – пасмурная погода; le temps humain – тёплая погода; le temps lâche – сырая погода; le temps lourd – душная погода; le temps de chien – мерзкая погода; le temps de demoiselle – мягкая погода; gros temps – штормовая погода; Il fait un temps à ne pas mettre un chien dehors – в ненастную погоду хороший хозяин собаку из дома не выгонит*».

XI «Время → возраст». В узком значении время может означать жизнь человека «*Qui a temps a vie – у кого есть время, тот всегда найдёт выход из положения*», его возраст. Например, название сказки братьев Гримм «Срок жизни».

XII «Время → ритм». Короткий отрезок времени во взаимодействии с повторяющимся процессом, событием, находится в основе слов *«темп, ритм, такт»*. Например: *«A deux temps – с тактовым размером в две четверти ; En trois temps – со счётом на три»*.

XIII «Время → скорость». Внешнее время переходит во внутреннее, отражая скорость совершения процесса. Такое употребление слова «время» используется в спорте: *«Réaliser un temps – Показать отличное время (результат); бежать, плыть на время»*.

XIV «Время → предмет». Понятие времени может метонимично переплетаться с предметной плоскостью, и в этом случае время обозначает конкретные объекты: *«double temps – двойная плата за сверхсрочную работу; deux temps – двукратный двигатель»*.

XV «Время → человек». Свидетельством связи этих двух семантических полей служат слова: *«Современник, съюгодения, могочасный (эпоха); временик (отрезок времени)»*.

XVI «Время → логические отношения». Временная семантика содержится во многих абстрагированных логических отношениях. В разных языках временные предлоги и союзы употребляются для передачи логических отношений причины, условия, противопоставления. Одним из самых частых переходов прослеживается вектор «время → причина». Например: *«А présent, quand ça ne va pas, je prends la posture du cobra, j'unifie mon flux mental...»* (Boissard, p. 104)». Временной союз выражает не только темпоральное, но и отношение условия: *«Теперь, когда (при условии) не всё хорошо, я принимаю позу кобры...»*.

XVII «Время → оценка, экспрессивность». Время оценивается человеком, который может быть заинтересован в процессе протекания действия: в его скорости или медлительности. Время оценивается во взаимосвязи с действиями субъекта, состоянием окружающей среды. Например, временной отрезок может быть долгим или коротким. В русском и украинском языках это соотношение выражается с помощью префиксов *«по; про-: посидеть часок / просидеть целый час»*. *«Cela ne dure qu'un temps – короткий временной отрезок; prendre son temps, temporiser – действовать медленно, не торопясь»*.

С субъективной точки зрения время может быть приятным или неприятным. События и обстоятельства могут рассматриваться человеком как приятные или неприятные, поэтому и время окрашивается разными субъективными оттенками. Во французском языке *«temps»* обозначает любую погоду: как

хорошую, так и плохую, либо специфическую: «*tempête*». «*Passe-temps* – это приятное времяпровождение, развлечение».

С помощью слова «время» можно выразить и нежелание что-то делать: «*У меня нет на это времени*».

Таким образом, рассмотрев способы выражения лингвокультурного концепта «время» во французском языке (его эквиваленты в русском и украинском языках) и его связь с другими лингвокультурными концептами, можно сделать вывод, что понятие «время» является одним из базовых и универсальных понятий человеческого бытия, способным дополнять и быть дополненным иными логическими отношениями.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алефиренко Н.Ф. Спорные проблемы семантики / Н.Ф. Алефиренко. – М.: Гнозис, 2005. – 326 с.
2. Бенвенист Э. Общая лингвистика / Э.Бенвенист. – М.: Изд-во «Прогресс», 1974. – 446 с.
3. Воркачев С.Г. Постулаты лингвоконцептологии / С.Г. Воркачев // Антология концептов. – М.: ГНОЗИС, 2007. – С. 10-12.
4. Гак В.Г. Языковые преобразования / В.Г. Гак. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. – 763 с.
5. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс: монография / В.И. Карасик. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.
6. Кубрякова Е.С. Части речи с когнитивной точки зрения / Е.С. Кубрякова. – М.: Ин-т языкознания РАН, 1997. – 326 с.
7. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры: опыт исследования. – Изд. 2-е, испр. и доп. / Ю.С. Степанов. – М.: Академический Проект, 2001. – 990 с.

АННОТАЦИЯ

Фефелова В.В. Языковые средства выражения лингвокультурного концепта «время» во французском языке и его эквиваленты в русском и украинском языках

В статье анализируется понятие «лингвокультурный концепт»; рассматривается лингвокультурное поле времени с точки зрения внутренней и внешней структуры; изучаются языковые способы выражения лингвокультурного концепта «время» в соотношении с другими языковыми ментальными категориями на материале французского, русского и украинского языков.

Ключевые слова: лингвокультурный концепт «время», концептуальное поле, структура концепта, пространство, человек, бытие.

SUMMARY

Fefelova V.V. The language means of expressing the lingual-cultural concept «time» in the French language and their equivalents in the Russian and Ukrainian languages

In the article the meaning of «the lingual-cultural concept» is analysed; the lingual-cultural field of «time» is considered from the point of view of internal and external structures; language means of expressing the lingual-cultural concept of «time» in relation to other language mental categories are studied on the material of the French, Russian and Ukrainian languages.

Key words: lingual-cultural concept of «time», conceptual field, the structure of concept, space, person, existence.

*В.А. Филатова
(г. Горловка)*

УДК 81'225

ПЕРЕВОДЧЕСКИЙ МЕТАТЕКСТ ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ТИПА В ПЕРЕВОДЕ МЭРИ Ф. ЗИРИН ЗАПИСОК НАДЕЖДЫ ДУРОВОЙ

В современной теории языка к жанрам метаперевода относят предисловия и послесловия переводчика, сноски и внутритекстовые примечания, критические статьи, воспоминания переводчиков, упоминание о переводе в фильмах, прессе, Интернете [3, с. 111]. Наиболее близкими к тексту перевода являются предисловия, послесловия и примечания, которые поясняют авторский текст и помогают представителям другой лингвокультуры лучше его понять [3, с. 111].

Предисловие – это вводный метатекст, который подготавливает «к восприятию переводного текста» [4, с. 11]. Примечания представляют собой вспомогательный текст, который расположен «внутри исходного текста, под его строками или за ним и призванный пояснить его посредством предоставления дополнительной информации, часто – комментирующего характера» [4, с. 124-125]. Примечания, в соответствии с объектом комментирования, Д. Остапенко подразделяет на примечания географического, исторического, культурологического, науковедческого и лингвистического типов [4, с. 176].

Основываясь на данной классификации, попытаемся проанализировать переводческий метатекст географического типа в переводе «Записок кавалерист-девицы» Надежды Дуровой на английский язык, выполненный Мэри Флеминг Зирин.

Переводческий метатекст в данном случае включает предисловие переводчицы, комментарии к предисловию, подстрочные примечания, библиографический список произведений Н. Дуровой и научно-исследовательских работ о Дуровой, библиографический перечень исторических личностей и географических мест, упомянутых в записках, фотографии кавалерист-девицы с пояснениями переводчицы. Поскольку большая часть «Записок» представляет собой дневник с указанием населённых пунктов, то к переводческому метатексту также может быть отнесена карта под названием «*Durova's Russia, 1806-1816*» [6, с. 20].

Подстрочные примечания географического типа можно подразделить на:

- географические (самая малочисленная группа примечаний, к которой могут быть отнесены только два из них. Первое состоит из одного слова и называет город, представленный в записках одной заглавной буквой: “To S...” – “*Sarapul*” [6, с. 154]. Второе поясняет современное правописание названия населённого пункта: “*Dq̄browica*” – “*Dubrovitsa on modern maps*” [6, с. 101]).

- географическо-биографические: “*The city where Durova grew up was Sarapul, on the Kama river in the western foothills of the Urals*” [6, с. 4].

- географическо-исторические. Например, к предложению: «*Теперь мы живём в Красной Пахре, в доме Салтыкова*» [1, с. 491] – “*Now we are living in Krasnaya pakhra, at Saltykov's house*” – “*Kutuzov's headquarters was in Krasnaja pakhra from September 8 to Setpember 16*” [6, с. 153].

- географическо-интертекстуальные, где идёт пояснение со ссылкой на другое произведение Н. Дуровой, другого автора или самой переводчицы. Например, сцену встречи Н. Дуровой с родным братом отца в 1807 году переводчица в подстрочной ссылке сопровождает пояснением о том, как родственник оказался в Петербурге, ссылаясь на «Автобиографию Н. Дуровой»: “*According to Durova's later account (“All that I Could Recollect”), her uncle Nikolaj Durov was living in Peterburg to defend himself from charges of negligence which had cost him his post as a quarantine inspector in the Crimea*” [6, с. 66]. – «*В Петербурге поселился я у дяди своего, Дурова, который был некогда инспектором при карантине в Симферополе, за какой-то недосмотр попал под суд и по делу своему должен был жить в Петербурге*» [2, с. 377].

Примечания географического типа могут апеллировать не только к отдельному слову, словосочетанию, предложению, как уже было показано выше, но и к целому отрезку текста, состоящему из нескольких предложений. Например, первое

пронумерованное примечание относится к началу текста, где Н. Дурова объясняет своё происхождение: *"My mother, born Aleksandrovicheva, was one of the prettiest girls in Little Russia. At the end of her fifteen years, throngs of suitors came to seek her hand. My mother's heart preferred hussar Captain Durov to all the many others, but unfortunately this was not the choice of her father, a proud, arbitrary Ukrainian pan"* [6, с. 1]. – *"Ivan Il'ich Aleksandrovich (died c. 1789) was a provincial civil servant who had an estate near Pirjatin in the Poltava region. Durova's mother, Nadezhda, was born about 1765 and died, according to her daughter's account, in 1807. The hussar was Andrej Vasil'evich Durov, born in Ufa province to the descendants of a Polish family (originally Turowski) who were resettled there from their native Smolensk-Polotsk region after Russia hegemony began in the 1650s (Judin, 413-14)"* [6, с. 1].

Как известно, составление переводчиком объёмных примечаний может быть вызвано целым рядом причин, среди которых: отдаленность отражённой в художественном произведении эпохи, несовпадение культурных, бытовых, этнографических реалий, расшифровка интертекстуальных перекличек и т.п. [4, с. 135]. Наиболее объёмные в переводе «Кавалерист-девицы» – примечания исторического типа. Четыре из них посвящены одному событию – битве при Бородино, а три можно классифицировать как историко-географические. Например, примечание к предложению – *"Our regiment as usual occupies the front line"* – *"The Russian armies reached the vicinity of Borodino on August 22. After a thirteen-hour battle the preceding day at Kolotsk Monastery, the Russian rear-guard took up a position southwest of Borodino near the village of Shevardino"* [6, с. 143].

Одна из причин для составления объёмных примечаний – это желание Мэри Зирин поделиться с англоязычными читателями теми фактами, которые были ей интересны и познавательны в процессе работы над переводом записок, о чём она признаётся в предисловии: *"All the footnotes are mine. I had fun tracking Durova through the swamps of Lithuania, into Galicia, on the difficult retreat to Moscow, across the Bohemian mountains, into Holstein, and down the dark streets of St. Petersburg. The need to keep annotation to a minimum clashed with my desire to share some of the more interesting or amusing secondary evidence I ran across as I checked the personalities, places, and facts mentioned in The Cavalry Maiden"* [6, с. xxxii].

Примечания могут носить не только поясняющий, как в примерах выше, но и уточняющий характер. Например, Н. Дурова, вспоминая о том, что в начале пятнадцатого

года её жизни была отправлена матерью к родственникам в Малороссию, не обращает никакого внимания на расстояние и длительность поездки. Объяснить это можно словами самой же Дуровой, имеющими отношение к обратному пути: «Нечего описывать путешествия моего под надзором старого Степана и в товариществе двенадцатилетней Аннушки, его дочери; оно началось и кончилось, как начинаются и оканчиваются подобные вояжи: ехали на протяжных тихо, долго и, наконец, приехали» [1, с. 336]. Переводчица, напротив, акцентирует внимание на расстоянии и уточняет дальность и длительность пути в подстрочном примечании: “*The direct distance between Pirjatin and Sarapul is over fifteen hundred kilometers as the crow flies. The journey would have taken well over a month at best*” [6, с. 9].

Примечание может апеллировать не только к тексту оригинала, но и к тексту перевода. Наиболее характерно это для примечаний лингвистического типа, задача которых заключается в пояснении языковых лакун или специфических явлений языка. Например, пояснение правописания “Dąbrowica” может быть отнесено к тексту перевода, т.к. в русских изданиях на разнице в правописании внимание не акцентируется. В предисловии Мэри Зирин поясняет правописание топонимов: “*The place names of villages and small towns that Durova describes as owned and inhabited by Poles are in the Polish forms given in Max Vasmer and Herbert Bräuer’s Russisches geographisches Namenbuch (to vols., Wiesbaden, 1964-1981)*” [6, с. xxxii].

Глава «Первый приезд мой в столицу» (“*My First Visit to the Capital*” [6, с. 61]) посвящена пребыванию Н. Дуровой в Петербурге в 1807 году. На наш взгляд, уместно было бы пояснить, что с 1712 по 1918 год Петербург был столицей России [5].

В предисловии Мэри Зирин поясняет перевод слов «Малороссия» и «малороссийский»: “*Little Russia*” was the name for the Ukraine east of the Dnepr, which came under Russian rule after 1654. Durova uses the term for the nationality and language as well, whereas I translate them as “Ukrainian” [6, с. xxxii]. Кроме уже упомянутых отрывков, приведём ещё несколько примеров из текстов для сравнения.

1. «*После этого происшествия мать моя хотела непременно, чего бы то ни стоило, избавиться моего присутствия и для того решились отвезти меня в Малороссию к бабке, старой Александровичевой*» [1, с. 332]. – “*After this affair my mother wanted without fail to rid herself of my presence at any cost and decided to take me to my old grandmother Aleksandrovicheva in Little Russia*” [6, с. 8].

2. «Под ясным небом **Малороссии** я приметно поздоровела» [1, с. 333]. – “Under the clear sky of **Little Russia** my health became perceptibly better” [6, с. 9].

3. Любя страстно природу и свободу, я все дни проводила, или бегая по лесным дачам дядиною поместью, или плывая по Удаю в большой ладье, называемой в **Малороссии** дуб [1, с. 333]. – “With my passionate love for nature and freedom, I spent all my days either running around the forested parcels of my uncle’s estate or floating on the Udaj in a large boat of the type that **Ukrainians** call a dub” [6, с. 9].

4. «Поступок материмоей ... был ... противен патриархальным нравам **края малороссийского**» [1, с. 324]. – “My mother’s act was ... contrary to the patriarchal customs of the **Ukrainian land**” [6, с. 1].

5. «Тетка моя, как и все **малороссиянки**, была очень набожна, строго наблюдала и исполняла все обряды, предписываемые религиею» [1, с. 334]. – “My aunt, like all **Ukrainian women**, was very devout and observed and followed strictly all the rites prescribed by religion” [6, с. 11].

Пояснения географического типа в переводе Мэри Флеминг Зирин записок Н. Дуровой носят энциклопедический характер, направлены на восполнение недостающей информации, связанной с отдалённостью описываемых событий, представителям англоязычной культуры. Они могут варьироваться от одного слова до объёмных объяснений, могут апеллировать к тексту оригинала и тексту перевода. При всём обилии подстрочных примечаний, при большом желании переводчицы поделиться полученными знаниями с читателями, не все географические подробности объяснены, что даёт читателю возможность самостоятельно восполнить пробелы. Употребление тех или иных стратегий перевода объяснено в предисловии, которое тесно связано с примечаниями и составляет переводческий метатекст.

ЛИТЕРАТУРА

1. Давыдов Д.В. Стихотворения. Проза. Дурова Н.А. Записки кавалерист-девицы / Д.В. Давыдов, Н.А. Дурова. – М.: Правда, 1987. – 640 с.
2. Дурова Н.А. Записки кавалерист-девицы. Повести / Н.А. Дурова. – Калининград: Калининградское кн. изд-во: Янтар. сказ, 1999. – 395 с.
3. Кашкин В.Б. Метакоммуникация переводчика в примечаниях и комментариях / В.Б. Кашкин, Д.С. Князева, С.С. Рубцов // Метакоммуникация переводчика в примечаниях и комментариях // Язык, коммуникация и социальная среда: сб.

- науч. трудов. – Вып. 6. – Воронеж: Воронежский гос. ун-т; Издательский дом Алейниковых, 2008. – С. 110-119.
4. Остапенко Д.И. Функциональная и структурная характеристика метатекста (на материале переводческих предисловий и примечаний): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Остапенко Дарья Игоревна. – Воронеж, 2014. – 246 с.
 5. Столицы России [Электронный ресурс] / Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/Столицы_России
 6. Durova N.A. The Cavalry Maiden. Journals of a Russian Officer in the Napoleonic Wars. Translation, Introduction and Notes by Mary Fleming Zirin. Indiana University Press, 1988. – 242 p.

АННОТАЦИЯ

Филатова В.А. Переводческий метатекст географического типа в переводе Мэри Ф. Зирин записок Надежды Дуровой

В статье на материале перевода «Записок кавалерист-девицы» Н. Дуровой на английский язык рассматривается переводческий метатекст (предисловие, подстрочные примечания) географического типа; объясняются особенности перевода топонимов, причины употребления объёмных примечаний и их характер.

Ключевые слова: перевод, метатекст, предисловие, примечания, классификация, географический тип.

SUMMARY

Filatova V.A. Translator's metatext of geographical type in Mary F. Zirin's translation of the notes by Nadezhda Durova

The article reviews the translator's metatext (preface, footnotes) of geographical type on the basis of the translation of «Cavalry Maiden» by N. Durova. The peculiarities of place names, usage of extensive notes and their character are explained.

Keywords: translation, metatext, introduction, footnotes, classification, geographical type.

*Л.В. Шавлак
(г. Донецк),
Н.И. Буяновская
(г. Донецк)*

УДК 81'366:811.161.1:378.147

МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РУССКОГО ЯЗЫКА ПРИ ОФОРМЛЕНИИ ВЫСКАЗЫВАНИЯ

Формирование основ коммуникативной компетенции будущего высококвалифицированного специалиста, который владеет теоретическими знаниями о структуре русского языка и особенностях его функционирования и обладает устойчивыми навыками воспроизведения высказывания в соответствии с коммуникативным, нормативным и этическим аспектами культуры речи, является целью изучения курса «Русский язык и культура речи». По тому, как человек говорит или пишет, можно судить об уровне его духовного развития и внутренней культуры. Владение человеком культурой речи является не только показателем высокого уровня интеллектуального и духовного развития, но и своеобразным показателем профессиональной пригодности для людей самых разных профессий. Культурой речи важно владеть всем, кто по роду своей деятельности связан с людьми, организует и направляет их работу, учит, воспитывает, ведет деловые переговоры, оказывает различные услуги.

Данная учебная дисциплина дает возможность студентам познакомиться с системой норм русского языка на фонетическом, лексическом, словообразовательном, грамматическом уровне; сформировать практические навыки и умения в области составления и воспроизведения различных типов текстов, корректировки возможных языковых и речевых ошибок; развить навыки в различных ситуациях общения, где главным коммуникативным качеством является правильность речи.

Правильность речи – это соответствие ее языковой структуры действующим языковым нормам. Норма – это исторически принятый выбор одного из функциональных вариантов языкового знака. Из определения следует, что нормы с течением времени и в результате действий социальных условий, в которых применяется язык, меняются. Если в начале XX века правильными формами существительного в родительном падеже единственного числа считали окончания на -у, например: много воздуха, поел сыру, мало меду, привез цемента, то в конце века более сильным является окончание -а, особенно в книжных стилях.

Подобное разграничение было свойственно и окончаниям именительного падежа множественного числа (и винительного падежа) *-ы*, *-и* и *-а*, *-я* в существительных мужского рода. Окончание на *-ы*, *-и* более старое и книжное, окончание *-а*, *-я* более молодое и разговорное, уже сейчас мы употребляем формы: века, дома, края, паруса, учителя, снега.

Однако полной замены, как мы наблюдаем, еще не произошло. Нормы сохраняются и меняются в зависимости от многих условий: от степени влияния литературы на общество и от степени влияния разных языковых стилей на речевую деятельность людей. Большое значение имеет кодификация литературной нормы, т.е. ее признание и описание в грамматиках, словарях, справочниках. Кодификация открывает возможность обеспечить большую устойчивость нормы, предотвратить не контролируемые ее изменения. Об этом свидетельствуют следующие примеры: в разговорной речи упорно навязывается носителям языка ударение на первом слоге – звонишь, звонит, звоните; такое ударение сохраняется по аналогии: ходишь, ходит, ходите; носишь, носит, носите; просишь, просит, просите. Но несмотря на такое давление разговорной речи, правильным признается ударение на втором слоге, потому что такова кодифицированная норма.

Как известно, в языке существуют и вариантные формы морфологических средств. При их использовании следует обращать внимание студентов на стилистическую принадлежность данной формы и на возможности наиболее целесообразного выбора синонимического варианта грамматических форм имен существительных, прилагательных, числительных, местоимений, глаголов. При этом следует учитывать в первую очередь стилистическое использование отдельных категорий внутри названных частей речи – таких как словообразовательные средства имен и глагола, категории рода, числа, падежа; формы степеней сравнения, полные и краткие формы имен прилагательных; синонимика определительных и неопределенных местоимений; синонимика времен, наклонений, видов, залогов глагола и т.д.

При оформлении высказывания важно учитывать тенденции развития некоторых форм, дать их функционально-стилистическую характеристику, определить, в каком функциональном стиле правильное и целесообразнее употребить ту или иную форму из морфологических синонимов. При выборе одной из синонимических форм следует учитывать заложенные в ней смысловые и стилистические оттенки. Так, например: какую краткую форму прилагательного «мужественный» следует выбрать – мужествен или мужественен? В настоящее время

предпочтение в книжных стилях отдают первой форме, а вторую считают устаревшей или разговорной.

В связи с чем появились подобные формы? По мнению ученых, в современном русском языке есть две похожие формы, но по сути разные – форма пассивного причастия на *-нный* и форма прилагательного: предусмотренный, прочитанный – неизменный, непреклонный, пустынный. Краткие формы причастий отличаются от кратких форм прилагательных: прочитан, прочитана, прочитаны, но пустынен, пустынна, пустынны. Появление в суффиксе прилагательного гласного *-е* объясняется исторически (он возник из редуцированного звука *-й*, находившегося в составе суффикса). И если бы не было взаимного влияния пассивных причастий и прилагательных, то, вероятно, был бы один вариант: мужественный – мужественен. Но причастия «отрывают» у прилагательных два последних звука, и мы используем формы мужествен, дерзновен по аналогии с причастиями настроен, доверен. ()

Лингвисты обращают внимание и на следующее обстоятельство, что имена прилагательные, имеющие в основе согласный звук, как правило, имеют краткую форму на *-ен*: способный – способен, забавный – забавен, необычайный – необычаен, идейный – идеен. Но в суффиксе *-нный* *н* тоже согласный, тогда в краткой форме должно быть звуковое сочетание *-нен*: подлинный – подлинен, гуманный – гуманен, странный – странен, современный – современен, безымянный – безымянен. Поэтому можно рекомендовать в трудных случаях применять это общее правило и в прилагательных, которые зафиксированы в словаре с одной буквой *-н* в конце слова: ответстен – ответственен, невежстен – невежественен и т.д.

До последнего времени в выборе этих форм наблюдались колебания (искусствен – искусственен, торжествен – торжественен и т.д.). В последнее время более употребительна усеченная форма на *-ен*, которая закрепилась во всех книжных стилях, например: беспочвен, естествен, двусмыслен, существен.

Часто в высказываниях нарушаются нормы образования сравнительной степени прилагательных, например: В этом месяце завод имеет более лучшие показатели, чем в прошлом. В данном случае нарушена норма образования сравнительной степени, следует употребить только форму – лучшие, поскольку сравнительная степень образуется либо с помощью суффикса *-ее* (добрее, теплее), либо с помощью слова *более* и полной формы прилагательного (более теплый, более добрый).

Известно, что сравнительная степень означает, какой признак свойствен одному предмету в большей мере, чем другому.

Превосходная означает, что какой-то признак одному предмету какого-то их круга свойствен в большей мере, чем всем остальным (Волга – самая длинная река в Европе). Однако часто забывают о том, что совершенно ясно, что с чем сравнивается по «количеству» одного и того же признака. Нельзя, например, сказать: Данное исследование более оригинальное и доказательное. Следует: Данное исследование более оригинальное и доказательное, чем остальные.

Также не следует соединять в одной конструкции простую и сложную формы превосходной степени прилагательных, например: самый красивейший город. Следует: самый красивый (или красивейший). Иногда смешивают сложную форму превосходной степени с местоимением *самый* с наречиями *наиболее* и *наименее*: наиболее серьезное решение задачи. Следует: самое серьезное решение задачи. Таким образом, прежде чем употребить форму сравнительной или превосходной степени, необходимо подумать, достаточно ли четко будет выражено значение прилагательного.

Сфера употребления притяжательных прилагательных ограничена рамками бытовой речи, но даже в ее пределах они вытесняются сочетаниями с существительными: материна книга – книга матери. При употреблении притяжательных прилагательных следует учитывать стилистические и смысловые оттенки. Например, предложение *Соревнуются заводские рабочие* имеет смысл: соревнуются рабочие не одного конкретного завода, а многих или всех. Если бы речь шла о рабочих одного завода, следовало бы сказать: *Соревнуются рабочие завода*.

Смысловое значение определяется грамматическим значением входящих в него компонентов: существительное обозначает предмет, прилагательное – качество, признак. Прилагательные определяют отличительный и устойчивый признак предмета, его качественную характеристику, а существительные в косвенных падежах, определяющие отношения между предметами, обычно подчеркивают какое-нибудь конкретное значение предмета, например: значение принадлежности, назначения, отношения части к целому, производителя действия, происхождения и т.д. В ряде случаев подобные сочетания не вступают в синонимичные отношения, различаясь по семантике, особенно при переносных значениях слов и в терминологических сочетаниях. Так, не синонимичны сочетания: походка старика – стариковская походка, памятный дар – дар памяти.

При оформлении высказывания немалые трудности вызывает и употребление имен числительных. Встречаются ошибки в их

склонении, например: Этим лицам разрешено совместительство, лишь бы общая сумма не превышала триста рублей (следует: трехсот). В обоих системах отсчета размер световых часов одинаков (следует: обеих).

Часто возникают ошибки в падежной форме существительного в словосочетаниях, обозначающих даты, в которых числительное должно управлять родительным падежом второго слова: К первому маю будут произведены единовременные выплаты ветеранам (следует: мая).

Иногда в речи употребляются существительные с числовым значением, что не всегда стилистически мотивировано, так как нередко они вносят нежелательную просторечную окраску в текст, например: В пролете нагревательных устройств работает пара клещевых кранов. Следует: два клещевых крана.

При обозначении смешанных чисел (целого числа и дроби) существительными управляет не целое число, а дробь. Это правило нарушено в таком предложении: Уровень безработицы вырос за месяц с 8,4 до 8,6 процентов (следует: процента).

Для устранения подобного рода стилистических ошибок при оформлении высказывания студентам, изучающим курс «Русский язык и культура речи», рекомендуется выполнять следующие упражнения:

1. Укажите стилистическое своеобразие приведенных ниже словосочетаний. Выберите и обоснуйте свой выбор тех или иных вариантных форм.

Данная работа серьезнее предыдущей. – Данная работа более серьезная, чем предыдущая. – Работа более лучшая, чем предыдущая.

Самая интересная книга. – Интереснейшая книга. – Наиболее интересная книга.

2. Укажите особенности в образовании и употреблении форм степеней сравнения прилагательных. Дайте их стилистическую характеристику. Исправьте предложения.

Разработка морских нефтяных месторождений становится все более интенсивнее. Ракетная техника дает самые безграничные возможности в изучении космического пространства. Все более шире проникают в быт синтетические материалы. Подготовленная к выпуску модель показала себя намного более экономичнее, чем все предыдущие.

3. Укажите случаи неправильного или стилистически не оправданного употребления притяжательных прилагательных. Исправьте предложения.

На участках уже проверены избирательские списки. Часть лабораторского оборудования была незаконно списана.

Профкомовская проверка помогла вскрыть ряд недочетов. Инспекторские работники района недостаточно часто выезжают в школы.

4. Установите семантико-стилистическое различие между параллельными формами имени числительного. Составьте с ними предложения, выбрав нужную форму числительного и существительного. Обоснуйте свой выбор. Ошибочные сочетания исправьте.

Четверо детей – четыре ребенка. Трое незнакомых лиц – три незнакомые лица. Двое студентов – два студента. С двумястами рублей – с двумястами рублями. С тысячью книгами – с тысячей книг.

5. Перепишите, раскрывая скобки, выбирая нужные слова и ставя их в соответствующей форме.

(Три, трое) (день) не прекращались восстановительные работы. К (оба, обе) селам вела асфальтированная дорога. Пробежать стометровку за 11,2 (секунда). Перевыполнить плановое задание на 9,7 (процент). Отсутствовать (полтора, полторы) (неделя).

Итак, можно сделать следующие выводы из изложенного выше. Правильность речи – необходимое, но недостаточное качество для критерия хорошей речи, необходимо учитывать ситуацию общения и употребления в связи с этим вариантных форм разных грамматических категорий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Винокур Т.Г. Закономерности стилистического использования языковых единиц. – М., 1980. – 205 с.
2. Голуб И.Б. Стилистика русского языка. – М.: Айрис-пресс, 2010. – 448 с.
3. Кожина М.Н. Стилистика русского языка. – М., 1993. – 464 с.
4. Культура русской речи и эффективность общения. – М., 1996 (Ч. 3: Функционально-коммуникативный аспект культуры речи.). – 441 с.
5. Розенталь Д.Э. Практическая стилистика русского языка. – М., 1982. – 238 с.
6. Стилистика русского языка. Жанрово-коммуникативный аспект стилистики текста / Ред. А.Н. Кожин. – М., 1987. – 180 с.

АННОТАЦИЯ

Шавлак Л.В., Буяновская Н.И. Морфологические особенности русского языка при оформлении высказывания

В статье рассматриваются морфологические особенности русского языка при оформлении высказывания. Подчеркивается

роль языковой нормы при формировании практических навыков и умений в области составления и воспроизведения различных типов текстов, корректировке возможных языковых и речевых ошибок в различных ситуациях общения.

Ключевые слова: культура речи, языковая норма, морфологические синонимы, вариантыные формы морфологических средств, правильность речи.

SUMMARY

Shavlak L.V., Buyanovskaya N.I. Morphological features of the Russian language in utteranceformation

The article deals with the morphological features of the Russian language in applications and also the role of language norms in the formation of practical skills in the process of preparation and reproduction of various types of texts, correcting possible errors of language and speech in a variety of communicative situations.

Key words: speech culture, linguistic norm, morphological synonyms, variant forms of morphological meanings, correct speech.

*Л.А. Штакина
(г. Горловка)*

УДК 81'344 811.111

СОЦИО-КОММУНИКАТИВНЫЕ ПАРАМЕТРЫ И СУПРАСЕГМЕНТНЫЕ МАРКЕРЫ СИНЕРГЕТИКИ «ИНТЕРВЬЮ»

Современные проблемы исследования особенностей речевой коммуникации отражают состояние научной парадигмы, ориентированной на многовекторный поиск механизмов варьирования языка под влиянием широкого социального контекста.

Исследование процесса самоорганизации дискурса привели к зарождению синергетической научной парадигмы, позволяющей по-новому взглянуть на сложный механизм порождения дискурса. В нашем понимании, дискурс как комплекс речемыслительных действий коммуникантов отражает синергизм информационной интеграции конституентов дихотомии «адресант-адресат» в той или иной стереотипной ситуации.

Среди разнообразных регистров речевой коммуникации «интервью» занимает особое место, являясь личностно-ориентированным, поскольку каждый из участников этого

процесса принимает во внимание незаменимость и уникальность партнёра [1, с. 10-14].

Обстоятельства общения и социально-ролевая обусловленность «интервью» придают этой разновидности дискурса характерные особенности официального канала коммуникации, который предусматривает прежде всего общение по правилам делового этикета, а также целенаправленное использование клишированных, стереотипных компонентов. С точки зрения личностных отношений и соблюдения канонов социального равновесия, «интервью» является образцом кооперативной регламентированности коммуникации и отражает комфортный режим общения, которое является информативным благодаря сверхзадаче – сообщению новой информации, что подчёркивает значимую роль фатической функции. В зависимости от задач, которые ставит перед собой инициатор общения, различают *информационное интервью* – получение фактической информации без анализа, *аналитическое* – целью которого является анализ полученной информации, *интервью-протокол*, предусматривающий объяснение по вопросам внутренней и внешней политики, *интервью-дискуссия* – представление различных точек зрения с целью решения информации без анализа, *аналитическое* – целью которого является анализ полученной информации, *интервью-протокол*, предусматривающий объяснение по вопросам внутренней и внешней политики, *интервью-дискуссия* – представление различных точек зрения с целью решения социально значимых задач и, наконец, *интервью-анкета* – выяснение разнообразных точек зрения по одному важному вопросу.

Наряду с этим, «интервью» имеет специфические характеристики степени *стандартности* модели общения и функционирует как *стандартное* с заранее подготовленными вопросами к обсуждению, *полустандартное* с подготовленными заранее модифицированными вопросами с учётом обстоятельств, *нестандартное*, которому несвойственна заранее подготовленная схема получения информации и обнаруживает высокий уровень спонтанности, и *смешанного типа* «интервью», раскрывающее свободное выражение мысли при сохранении информативности и актуальности.

Как специфический фрейм активного взаимодействия двух или более субъектов дискурс «интервью» представляет собой адресатоцентрическую модель межличностного общения с риторической стратегией получения релевантной информации и чётко выраженными социо-коммуникативными ролями

адресанта (A1) и адресата (A2). Речевое взаимодействие адресанта и адресата отражает асимметрию отношений [4], поскольку A1 (топикальная составляющая) координирует общение, а A2 эксплицирует решение поставленной коммуникативной задачи (комментивная составляющая) топикально-комментивной реляции вербального контекста. Таким образом, интеграция социо-коммуникативных ролей A1 и A2 с присущими им стратегическими задачами отражает синергетический процесс межличностного общения и, в частности, речеактовую специфику «интервью».

Дискурс «интервью» базируется на пересечении речевых актов «квеситив+триплай», которые определяют, в свою очередь, стратегию порождения дискурса специфической прагматики. Как адресатоцентрический формат межличностного общения, дискурс «интервью» эксплицитно выражает адресантно-адресатные отношения, социальные параметры коммуникантов вместе с речеактовой моделью коммуникации. Самоорганизующаяся система может иметь мало или много устойчивых состояний, однако всё их множество дискретно [4, с. 34], т.е. одно устойчивое состояние отличается от другого своим уникальным набором параметров и диапазоном значений.

Такая динамическая устойчивость репрезентируется в дискурсе «интервью» уникальной совокупностью параметров в виде интеракции «квеситив+триплай», которую следует трактовать как *аттрактор*. Понятию «аттрактор» в соответствии с синергетическими постулатами противопоставляется понятие «репеллер» – набор параметров и их значений, которые «отталкивают» самоорганизующуюся систему от положения равновесия в том смысле, что он вводит ограничения различной природы на свободу стремления самоорганизующейся системы к равновесию. Таковым *репеллером* дискурса «интервью» как синергетического процесса является функциональное разнообразие интеракций, что в конечном итоге подчиняет вербализацию «интервью» системной организации. Вышеуказанные аттракторы и репеллеры и являются элементами организации вербального контекста дискурса «интервью», между которыми происходит смена направленности протекания синергетического интегративного процесса.

Основным инструментальным понятием синергетики является понятие «параметр порядка». Этим термином назван наиболее подвижный, изменчивый параметр самоорганизующейся системы. Его динамика обусловлена относительной независимостью от других параметров. Согласно представлениям синергетики, параметр порядка подчиняет себе остальные параметры системы

и приводит их диапазон изменения в соответствие с требованиями аттракторов и репеллеров [4, с. 35].

Изучение особенностей гендерного аспекта речевого поведения коммуникантов приобретает весомое значение в лингвистике, что позволяет обстоятельно анализировать «женскую» и «мужскую» картины мира. Именно это даёт возможность детерминировать и охарактеризовать реально существующие модели речевого поведения мужчин и женщин и идентифицировать специфику синергетического процесса. Объектом анализа гендерного речевого поведения являются разнообразные речевые действия, которые выступают инструментом реализации той или иной гендерной речевой стратегии [3, с. 310].

Как социо-параметрический кластер вариативная модель гендера, которая обуславливает специфику речевого кода говорящего, имеет характерные признаки, а именно: тенденцию к избеганию доказательности, стремление к образности и описательности, склонность к обсуждению людей и событий, опоре на отдельные факты с их описанием и оценкой (коммуниканты-женщины) и уверенность, доказательность, сдержанность и фактологичность (коммуниканты-мужчины) [9, с. 155]. Стратегии говорящих мужчин характеризуются как соревновательные и отражают стремление к доминированию, демонстрации силы и власти, женские же – как кооперативные либо коллаборативные, которые основаны на солидарности и поддержке [3, с. 311].

В рамках этой публикации, которая является результатом наших наблюдений над синергетикой «интервью», учитывая тендерную дихотомию – говорящих мужского (MG) и женского (WG) пола в идентичных социо-коммуникативных ролях адресанта (A1) и адресата (A2), внимание сосредоточено на тональной спецификации интеракции «квеситив+риплай» дискурса «интервью», акустических коррелятах гендерных вариантов маркировки ядерных участков доминирующих фоносинтагм интеракций «квеситив+риплай».

Материалом исследования являются аутентичные образцы англоязычного аналитического, смешанного типа стандартности «интервью», продуцированные говорящими мужского и женского пола. Длительность экспериментального материала составляет 90 минут. Корпус исследования представлен носителями британского варианта английского языка.

Перцептивные характеристики ядерных участков доминирующих фоносинтагм относительно конфигурации терминальных тонов, что отражает скорость изменений частоты

основного тона (ЧОТ) как акустического коррелята перцептивных характеристик мелодического контура, сопоставлено с оцифрованными акустическими показателями частоты основного тона в соответствии с протоколом эксперимента с помощью компьютерной программы SFS/WASP Version 1.54.

Гипотеза исследования основывается на предположении, что дистрибуция терминальных тонов интеракции «квеситив+риплай» адресатоцентрического дискурса «интервью» зависит от гендерного фактора, речевой интенции адресанта и её адекватного декодирования адресатом. Фонетистами доказано, что тоны в женском исполнении, как и весь мелодический контур, реализуется в относительно узком диапазоне, женщины уступают мужчинам в реализации акустического параметра «тональная «крутизна». Следовательно, речь мужчин звучит весомее [7]. У мужчин доминируют простые нисходящие тоны, у женщин – нисходящие с инициальным или последующим подъёмом. Мужчины используют преимущественно основные, базисные типы шкал (нисходящую, скользящую, восходящую), женщины – элементы различных типов шкал (скользящая + ровная, нисходящая с нарушенной постепенностью + скользящая и т.д.). Изрезанность мелодического рисунка создаёт впечатление эмоциональности женской речи [8, с. 119].

Характерной инвариантной особенностью социо-коммуникативной роли A1 является отсутствие вариантных реализаций с нисходящим ядерным тоном в доминирующих фоносинтагах и преобладание восходящего мелодического движения в силу специфического интенционального кода говорящего – запрашивания информации (табл. 1). Учитывая данные перцептивного и акустического анализа, отметим статистическую предпочтительность восходящего тона у A1 (WG) (45% WG vs 35% MG), что является гендерно мотивированным стремлением к образности мышления, незаконченности и оборванности мысли, недосказанности (рис. 1).

Например:

A1 (WG) – *In your own /books you have written from a ‘male point of view\.* How ‘d you /get into it?\ *Why did you ‘use that . ‘device? [11].*

A1 (MG) – *I just \wondered do you ‘restore the stock of ideas, \ how you ‘live enough between the novels\ to replenish the idea / supply?[10].*

Что касается сложных тональных модификаций, то нисходяще-восходящий тон является целостной просодической единицей и имеет один пик частоты [2, с. 38]. Так, на фоне вопросительной интонации говорящего A1 (WG) динамика реализации нисходяще-

восходящего тона развёртывается максимумом в абсолютном конце доминирующей фоновсинтагмы «квеситива» (рис. 1).

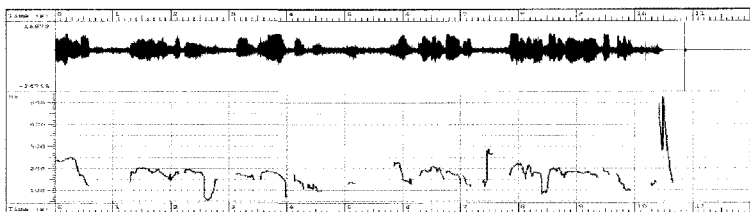

Рис. 1 AI (WG) Конфигурация фоновсинтагм 1) in your own books 2) you have written from a male point of view 3) how'd you get into it 4) why did you use that device.

«Речевой рационализм», смысловая компрессия, взвешенность и продуманность речевого поведения ведут в просодическом оформлении к изрезанности мелодического контура социо-коммуникативной роли A1 (MG) с минимумами частоты основного тона в начальных участках фоновсинтагм (рис. 2).

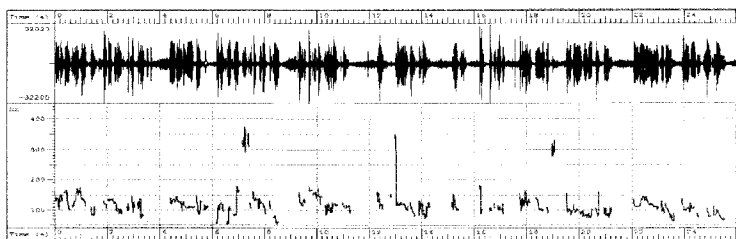

Рис. 2 AI (MG) Конфигурация фоновсинтагм 1) I just wondered) do you restore the stock of ideas 3) how you live enough between the novels 4) to replenish the idea supply.

Таблица 1
Движение тона терминального участка (ядро)
социо-коммуникативной роли A1

гендер	тип терминального тона, %				
	простые			сложные	
	нисходящий	восходящий	ровный	восходяще-нисходящий	нисходяще-восходящий
WG	-	45	17	10	28
MG	-	35	29	12	24

Дистинктивной особенностью социо-коммуникативной роли A2 (WG) и A2 (MG) является качественное разнообразие тональных конфигураций речевого акта «риплай». Учитывая

данные таблицы 2, отметим статистическое превосходство нисходящего тона у A2 (MG) (43% MG vs 35% WG), относительно равновеликие показатели восходящего (19% MG vs 25% WG) и ровного тона соответственно (18% MG vs 20% WG), что является гендерно мотивированной уверенностью, доказательностью, сдержанностью и фактологичностью речевой стратегии говорящих женщин (рис. 4).

A2 (WG) – I /mean\ I've also written from ... I've 'changed genders but I've 'also written from the point of view of 'woman much 'older than /me\ or from the point of view of\children\ and 1 think if you are a 'fiction /writer\ you are in the business of placing yourself /imaginatively in 'heads and 'bodies of other \people. And 1 don't think/gender is necessarily a 'greater/leap than 'other kinds of \leap [12].

A2 (MG) – Well, I don't 'feel \prolific\ so it's rather 'odd you should say that\ I /mean I think of \Updyke\ or even Philip \Wrath,\ rather than prolific or \physicist [11].

Гомогенная динамика дистрибуции пиков ЧОТ в реализации коммуникативного шага A2 (WG) свидетельствует о смысловой нагрузке доминирующих фоносинтагм, что является показателем высокой степени информативности (рис. 3).

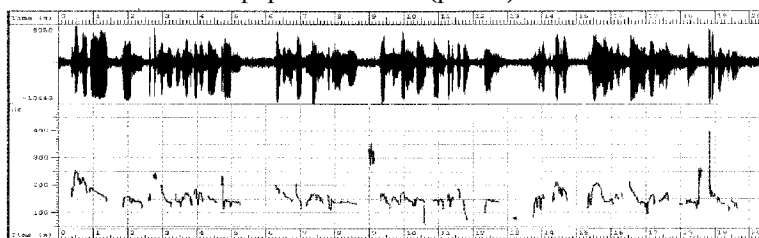

Рис. 3 A2 (WG) Конфигурация фоносинтагм 1) if you are a fiction writer 2) you are in the business 3) of placing yourself imaginatively 4) in heads and bodies of other people.

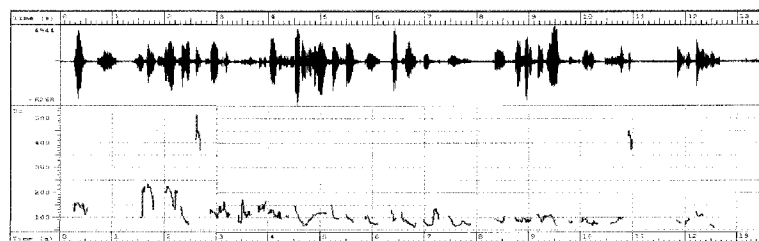

Рис. 4 A2 (MO) Конфигурация фоносинтагм 1) well, I don't feel prolific 2) I think of Updyke 3) or even Philip Wrath 4) rather than prolific or physicist.

Таблица 2

Движение тона терминального участка (ядро) социо-коммуникативной роли A2

гендер	тип терминального тона, %				
	простые			сложные	
	нисходящий	восходящий	ровный	восходяще-нисходящий	нисходяще-восходящий
WG	35	25	20	7	13
MG	43	19	18	5	15

Учитывая вышесказанное, можно предположить, что рекуррентные показатели движения тона в ядерных участках доминирующих фоновинтагм социо-коммуникативных ролей A1 и A2 сигнализируют специфику синергетического процесса, отражающего тенденции просодической реализации дискурса «интервью» как адресатоцентрического формата речевой коммуникации.

Наши наблюдения показывают, что дискурс «интервью» представляет собой специфическую модель синергизма, характеризуется определённой динамикой распределения элементов симметрии и асимметрии, фрактальной природой порождения вербального контекста, интеграцией интеракций «квеситив+риплай» и, в конечном итоге, образованием транзакции с присущими этому фрейму супрасегментными актуализаторами.

Результаты наших первичных наблюдений способствуют дальнейшему исследованию закономерностей синергетического процесса дискурса и, в частности, выявлению особенностей функционирования супрасегментных средств языковой системы в условиях межуровневой интеграции с целью более глубокого изучения синергизма кодирования и декодирования актуальной информации с учетом роли гендерного стереотипа в контексте межличностного общения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Габідулліна А.Р., Жарикова М.В. Основи теорії мовленнєвої комунікації: навч. посібник для ВУЗів. – Горлівка : ГДПІМ, 2005. – 282 с.
2. Захарова Ю.М. Інтонаційна організація сучасного англійського мовлення: [навчальний посібник; за ред. А. Д. Белової] / Ю.М. Захарова. – К.: Вид-во НА СБ України, 2004. – 84 с.
3. Мартинюк А.П. Гендер як конструкт дискурсу// Дискурс як когнітивно-комунікативний феномен / Під загальн. ред. Шевченко І.С. – Харків: Константа. – 2005. – С. 295-318.

4. Пихтовникова Л.С. Синергетическая парадигма в современной лингвистике / Л.С. Пихтовникова // Наукові записки. – Вип. 127. – Серія: Філологічні науки (мовознавство). – Кіровоград: РВВ КДПУ ім. В. Винниченка, 2014. – С. 34-39.
5. Плешаков Л.И. Интервью – начало всех начал / Плешаков Л.И. – Профессия – журналист. – Вып. 1. – М., 2000. – С. 20-25.
6. Плешаков Л.И. Интервью : проход по минному полю / Л.И. Плешаков. Профессия – журналист. – Вып. 10. – М., 2001. – С. 14-15.
7. Потапов В.В. Многоуровневая стратегия в лингвистической гендерологии / В.В. Потапов// Вопросы языкознания. – М., 2002. – №1. – С. 103-128.
8. Шевченко Т.И. Идентификация мужских и женских голосов в процессе коммуникации // Просодия устного текста: Сб. науч. трудов. – Вып. 289. – М.: Моск. гос. пед. ин-т иностр. яз. им. М. Тореца, 1987. – С. 115-123.
9. Штакіна Л.О. Гендерна дихотомія як фактор просодичного акценту/Л.О.Штакіна//Актуальні проблеми менталінгвістики: матеріали VI Міжнародної наукової конференції. – Черкаси, 2009. – С. 154-156.
10. <http://www.theguardian.com/books/video/2012/apr/03/ian-mcewan-interview-video>
11. <http://www.youtube.com/watch?v=oloUpzVaeSg>

АННОТАЦИЯ

Штакіна Л.А. Соціо-комунікативні параметри і супraseгментні маркери синергетики «інтерв'ю»

В статье рассматривается социо-коммуникативная специфика дискурса «интервью» как синергетического процесса. Внимание сосредоточено на роли гендерного фактора и особенностях тональной конфигурации доминирующих фоносинтагм интеракций «квеситив+риплай». По результатам аудитивного и электроакустического анализа установлены особенности тональной реализации интенции адресанта и адресата с учётом речевой стратегии и гендерного стереотипа.

Ключевые слова: фоносинтагма, гендер, интеракция, интенция, дискурс, адресант, адресат.

SUMMARY

Shtakina L.A. Socio-communicative parameters and suprasegmental markers of the «interview» synergetics

The paper highlights socio-communicative specifics of the «interview» discourse as the synergetic process. The article focus is on the gender factor and the tone contour of the dominating phonetic

syntagmas within the framework of the «quesitive+reply» interaction. Prosodic realization of the addresser-addressee intension in terms of the speech strategy is considered. The gender stereotype tone markers are obtained in the course of phonetic experimental analysis.

Key words: phonetic syntagma, gender, interaction, intention, discourse, addresser, addressee.

*А.М. Авксентьева
(г. Горловка)*

УДК 81'367 (=111) (044)

ОСОБЕННОСТИ СИНТАКСИСА СОВРЕМЕННОЙ АНГЛИЙСКОЙ ДЕЛОВОЙ КОРРЕСПОНДЕНЦИИ

В связи с глобализацией экономики, увеличением количества коммерческих организаций по всему миру и необходимостью усиления партнерских связей между ними деловая переписка стала одним из самых распространенных видов общения на сегодняшний день. Однако, необходимым условием для успешного ведения переговоров, деловых встреч, телефонных разговоров, корреспонденции, документации является владение основами устной и письменной деловой речи, что и послужило толчком для детального изучения языковых форм делового общения.

Деловое письмо как деловой текст является жанром официально-делового стиля или стиля деловых документов (official style), основной целью которого, по мнению И.Р. Гальперина, является достижение договоренности между двумя и более заинтересованными сторонами [2, с. 435].

В научной литературе существует несколько видов классификации официально-деловой переписки, в основе которых лежат различные классификационные признаки.

По функциональному признаку письма делятся на такие, которые требуют и не требуют ответа. По аспектному содержанию они могут быть одноаспектными (имеют одну или две смысловые части) и многоаспектными (состоят из трёх или четырёх смысловых частей). По структурным признакам переписка может быть регламентированной (стандартной), т.е. строиться по определенному образцу, и нерегламентированной (нестандартной). По признаку адресата деловые письма делят на обычные и циркулярные. Циркулярное письмо направляется из одного источника в несколько адресов, как правило, подчиненных инстанций (организаций). По форме отправления можно

выделить, наряду с традиционным почтовым отправлением, электронную почту, факсимильную связь, телетайпную и телеграфную связь [2, с. 437].

Для языка деловой корреспонденции характерно наличие сокращений, аббревиатур, сложносокращенных слов, употребление слов в основных предметно-логических значениях, отсутствие образных средств (метафор, метонимии), специфическая терминология и фразеология [4, с. 113].

Также, форма делового письма в современном английском языке подчиняется довольно строгим композиционным правилам, среди которых обязательно наличие формул обращения, заключения и открывающих письмо фразеологических сочетаний; краткость (не более 8-10 строк), что является причиной развернутой системы союзов; подчинение строгим композиционным правилам.

Важной отличительной особенностью деловых писем является их синтаксическая структура, так как именно она наиболее отчетливо показывает отличие делового стиля от других стилей. Поэтому в данном исследовании мы хотели бы более подробно проанализировать синтаксическое строение высказываний современной английской деловой корреспонденции, выявить его особенности и частоту использования различных синтаксических структур.

Материалом исследования послужили 200 предложений, извлеченные из 25 аутентичных деловых писем на английском языке.

Прежде всего, следует отметить, что все проанализированные письма характеризуются краткостью. В большинстве случаев, они состоят из 7–10 предложений. Минимальное количество предложений – 6, максимальное – 11. Такая ограниченность оказывает влияние на синтаксис: употребляются сложные предложения, с чрезвычайно разветвленной системой союзной связи. Статистический анализ показывает, что предложения в деловых письмах в 41 % случаев бывают простыми, а в 59 % – сложными. При этом сложные предложения в 39,7% случаев – сложносочинённые, в 40,3 % случаев – сложноподчинённые (далее – СПП), а в остальных 20% случаев присутствуют разные виды связи в одном предложении. Среди наиболее употребляемых союзов и союзных слов можно выделить *that, where, when, how, and*. Бессоюзный способ связи встречается намного реже, чем союзный. Это объясняется тем, что бессоюзные предложения не могут в полной мере выразить логическую последовательность взаимосвязанных фактов, присущую официально-деловой корреспонденции.

Анализ СПП по типам придаточной связи показал, что наиболее часто употребляемыми являются СПП с дополнительными придаточными предложениями, которые составляют 53 % от общего количества СПП и служат для внесения дополнительной информации. При этом наиболее характерным союзом является *that* и конструкции типа: *I trust that... We appreciate ... and know that... I hope that... We feel that... I am confident that...*, например:

We hope that you are willing to re-examine the item and immediately replaced the damaged goods [7].

We hereby inform you that we have received the goods we ordered in a timely manner [7].

СПП с определительными придаточными предложениями занимают второе место по частоте использования и составляют 28 %. Они выполняют функцию отсылки к новой информации, которая представлена в придаточном предложении, а также функцию актуализации и конкретизации информации.

I would like to apply for the job of 'Marketing Manager' that I saw advertised in The Guardian, February 8, 2008 [7].

I heard about this job through Dr. Rubyleen who gave me a recommendation letter attached with this application letter [7].

Условные придаточные предложения в составе СПП в тексте делового письма составляют 9% и занимают третье место по частоте использования в деловом письме. В основном данный тип предложения используется для оказания воздействия на читателя или побуждения к действию. Следует отметить, что расположение главной и придаточной частей может меняться. Придаточное предложение может находиться как в постпозиции, так и в препозиции по отношению к главному предложению:

You will get special discount at 25 % off regular price, if you order at least 5 bags between March to May [7].

If you plan to publish elementary schoolbooks dealing with geography, I would be interested in having my name placed on your mailing list for catalogs and for notices of other educational materials [7].

Также для данного типа придаточных предложений характерно использование конструкции с инверсией в сочетании с модальным глаголом *should*:

Should you need to contact me, you can call me at this number 1234567 or email me at xyz@gmail.com [7].

Придаточные предложения места, времени, причины и цели малоупотребительны в текстах делового письма.

Сложносочиненные предложения используются для придания письмам информативности и убедительности.

Thank you for considering this application and I am looking forward to hearing from you [7].

Простые предложения в тексте деловой корреспонденции, как правило, повествовательные, личные, распространенные, полные, и развернуты за счет однородных членов.

I am punctual and capable of driving safely and carefully under any circumstances [7].

Most recently, I have been a financial trainee in the Accounting Department and have gained a great deal of experience [7].

Вопросительные и восклицательные предложения являются нетипичными для данного вида текстов. В ходе исследования в 25 письмах было выявлено только 1 вопросительное предложение:

Therefore, could you please give us some information? [7].

Наиболее употребительными временными формами глагола являются формы настоящего и прошедшего времени. При этом присутствует частое использование страдательного залога для того, чтобы подчеркнуть факт совершения действия.

However, after we checked, there were several items that are not in accordance with our orders and some others were damaged [7].

Следует отметить, что для деловой переписки английского языка характерно наличие причастных и деепричастных оборотов, вводных самостоятельных предложений, иногда вводных сверхфразовых единств, за счет которых становится возможным введение большего количества информации из-за ограничения по объему.

Working alongside experienced reporters, I learned, for example, how to focus a story on a point of human interest and how to interview people sensitively when they are under stress after a disaster has occurred [7].

Еще одной особенностью синтаксиса является сочетание разных видов связи в одном сложном предложении, что также способствует размещению дополнительной информации.

Таким образом, после детального изучения синтаксической структуры текстов современной деловой корреспонденции, следует отметить преобладающее количество сложных предложений над простыми; частое употребление СПП с дополнительными, определительными и условными придаточными; наличие в текстах письма причастных и деепричастных оборотов, вводных слов и самостоятельных предложений; использование форм глагола настоящего и прошедшего времени, страдательного залога; развернутую систему союзов. Все указанные средства употребляются для придания деловой корреспонденции информативности, убедительности и логичности.

Последующая разработка данной проблематики, по нашему мнению, предусматривает детальный анализ синтаксических конструкций деловой переписки с точки зрения теории

актуального членения предложения, что позволит определить коммуникативные задачи текста письма.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арнольд И. В. Стилистика современного английского языка / И. В. Арнольд. – М. : Флинта : Наука, 2002. – 384 с.
2. Гальперин И. Р. Очерки по стилистике английского языка / И. Р. Гальперин. – М., 1958. – 459 с.
3. Загнітко А. П. Система комунікативних категорій і стилістика тексту / А. П. Загнітко // Східнослов'янська філологія : зб. наук. праць. – Вип. 3. – Горлівка : Вид-во ГДПІМ, 2003. – С. 3–13.
4. Стилистика английского языка : учебник / А. Н. Мороховский, О. П. Воробьева, Н. И. Лихошерст, З. В. Тимошенко. – К. : Выща шк., 1991. – 272 с.
5. Сусов И. П. Семантика и прагматика предложения : [учеб. пособ.] / Иван Павлович Сусов. – Калинин, 1980. – 51 с.
6. Шевякова В. Е. Современный английский язык. (Порядок слов, актуальное членение, интонация) / Валентина Ефимовна Шевякова. – М. : Наука, 1980. – 380 с.
7. Business Letter Samples [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.englet.com/application>

АННОТАЦИЯ

Авксентьева А.М. Особенности синтаксиса современной английской деловой корреспонденции

В статье предпринята попытка анализа синтаксических особенностей современной деловой корреспонденции. На материале текстов современных английских деловых писем рассматривается синтаксическая структура предложений, количественное соотношение простых и сложных предложений. Особое внимание уделяется рассмотрению особенностей употребления сложноподчиненных предложений с различными видами придаточных предложений в текстах письма.

Ключевые слова: официально-деловой стиль, деловое письмо, синтаксическая структура, сложноподчиненное предложение, сложносочиненное предложение, простое предложение.

SUMMARY

Avksentieva A.M. Peculiarities of the syntactic structure of modern English business letters

The article presents an attempt to determine the syntactic peculiarities of modern business letters. It regards the syntactic

structure and quantitative relationship between simple and complex sentences singled out in modern English business letters. Particular attention has been given to the specificity of complex sentences with different types of subordinate clauses.

Key words: official style, business letter, syntactic structure, complex sentence, compound sentence, simple sentence.

*Е.И. Артамонова
(г. Горловка)*

УДК 82.0

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ФРАНЦУЗСКОЙ ПЕСНИ ПРИ ФОРМИРОВАНИИ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ

В данной работе мы рассмотрели тему «Использование французской песни при формировании межкультурной профессиональной компетенции» с одной стороны, как влияние на формирование коммуникативных способностей при изучении иностранного языка, стилистические особенности французской авторской песни, формирование переводческой компетенции и с другой, как историю, становление и сущность французской песни.

Тема является очень актуальной на сегодняшний день, так как французская музыка оставила заметный отпечаток на европейских музыкальных культурах. Она является одной из самых влиятельных и богатых потенциалом музыкальных культур Европы.

Что касается истории становления французской песни, то этот процесс происходил постепенно, начиная своё развитие ещё со времён Римской Империи. Уже в этот период пение играло важную роль в повседневной жизни народа. Французская музыка берёт истоки из кельтских и германских племён, которые жили в давние времена нынешней Франции. Необходимо отметить тот факт, что со становлением Франции в период Средневековья слились народные музыкальные традиции многочисленных регионов страны. Интересно то, что во время своего развития, французская музыкальная культура плотно взаимодействовала и с другими музыкальными культурами Европы. Фундаментом французской песни является народная песня. Благодаря христианству начала развиваться церковная музыка, сначала латинская, которая впоследствии изменялась под влиянием народной песни. Эти церковные песни исполняли Иллари и

Пуатье. Среди сохранившихся церковных песен следует отметить «Песни о деяниях» – «Chansons de geste». Также большое влияние имело творчество трубадуров и труверов, которых принято по обыкновению объединять наименованием труверов (искателей). Самым первым из трубадуров был Гийом 9, граф Пуатье, герцог Аквитанский, у которого была репутация певца, способного вызывать слёзы своим пением на литургические стихи святого Марциала Лиможского [5, с. 82]. Именно с этого периода французская песня прошла длинный путь, каждый из которых знаменит своими авторами и исполнителями. Сегодня Франция может гордиться наивысшим достижением – занятое второе место в Евровидении в 1990–1991 годах.

Также нами был рассмотрен вопрос касаясь коммуникативной организации французской песни. Мы считаем, что при изучении иностранного языка существенное место занимает песня, которая является эффективным средством познания социокультурных особенностей страны, язык которой изучается. Французская песня – прекрасное методическое средство для формирования различных навыков и первичных навыков о другой культуре [4, с. 72]. Французская песня служит формированию коммуникативных навыков, формы общения, так как многие тексты строятся в виде диалогов или монологов от первого лица. Французская молодёжь имеет свою песенную культуру, где отражается как современное состояние общества, её видение мира, ценность народа, так и совокупность национальных традиций. Французская песня богата вечными темами, которые признаёт современная молодёжь: любовь счастливая, любовь несчастная, предательство. Также Париж даёт неисчерпаемые темы и вдохновение, поэты воспевают трудовой Париж, серебряную реку Сену. Что касается структуры песни, то французская песня насыщена фразеологизмами, метафорами, сравнениями, эпитетами, что подчёркивает её стилистическое богатство.

Французская песня пользуется успехом во всём мире и является синонимом романтики и вкуса. Невозможно не прочувствовать всю глубину и красоту, передаваемую французскими исполнителями, такими как Шарль Азнавур, Джо Дассен, Мирей Матье, Милен Фармер, Эдит Пиаф (Эдит Джованна Гассион), Марион Котияр, Патрисия Каас и др.

Необходимо отметить тот факт, что французская песня является прекрасным методическим средством при формировании профессиональной компетенции переводчика. Художественный перевод является самым сложным видом письменного перевода. Он отличается от всех остальных видов тем, что целью его

является не просто дословная интерпретация иностранного текста, но и необходимость отобразить главную мысль произведения через разнообразные стилистические особенности, которые использовал автор в оригинале. Этот вид перевода встречается на своем пути немало трудностей. Переводчикам известно, как трудно переводить поэтические произведения, такие как песни. Здесь кроме подбора стилистических средств важным является еще умение «попасть» в темп и оригинальный размер стиха.

Сегодня перевод песен даже выходит за рамки обычного художественного перевода и отделяется в новый его жанр. Песенное искусство было всегда актуальным. Для многих – это способ рассказать о своих чувствах к какому-либо человеку, для других – передать что-то важное окружающим или выразить свой призыв к какому-либо действию. Многим песням в разные периоды истории России вход в страну был закрыт, так как не могли пройти цензуру. В некоторых случаях это было из-за недостаточных языковых знаний, а иногда из-за идейных соображений. Поэтому еще тогда начали появляться русские варианты иноязычных композиций. Самой известной и популярной в народе стала песня «One way ticket» – «Синий иней», которая для большинства жителей нашей страны еще долгое время оставалась русской.

Чтобы не быть голословными, что французская песня характеризуется непостижимым стилистическим богатством, возьмём песню “Je t’aime”, автором и параллельно исполнителем является Лара Фабиан. Слова к этой песне Лара Фабиан посвятила своему другу и продюсеру, Реку Аллисон, с которым ее долгое время связывали романтические отношения. Это песня об эгоизме и любви, невзирая на расставание.

В первую очередь, необходимо отметить величие повтора как стилистической фигуры как в строфах, так и в припеве (*«Согласна, существовали другие способы расстаться. Согласно, маленькая девочка во мне. Согласно, я доверила тебе свои улыбки»*; в припеве *«Я люблю тебя, я люблю тебя»*), это было сделано для того, чтобы выделить основную идею песни, главные слова. Что касается метафорического богатства произведения, то оно представлено очень широко в тексте данной песни (*«В этой горестной тишине я решила простить...», «Я украла у тебя ту кровь...»*), что обогащает поэтическое содержание песни. Также в песне непосредственно присутствуют сравнения, которые добавляют экспрессивности тексту, поэтичности, с помощью которых можно сопоставить два элемента:

*«Почти как мать, ты заботился обо мне...»,
«... как сумасшедшего, как воина...»*

*Как звезду кино...
Я люблю тебя, я люблю тебя,
Как волка, как короля,
Как мужчину, которым я не являюсь».*

Благодаря стилистическим приёмам текст песни очень поэтический и стилистически окрашенный.

Интересным с точки зрения перевода является перевод молодёжного сленга в современной французской песне, а именно в современном рэпе. В этом пункте мы рассмотрим французский молодёжный сленг на примере текстов песен современных музыкальных групп, которые работают в стиле рэп, таких, как «Le 113», «Ministere Amer», «Smala», «Lunatic», «Fabe», «Salif», «Monsieur R» и других.

В последнее десятилетие молодёжный сленг привлекает пристальное внимание исследователей, которых интересует сама природа данного явления. Важным становится то, что молодёжный сленг является интересным социокультурным явлением, отображает в себе мировосприятие общества, он является показателем всех изменений, которые происходят в жизни современных людей [1, с. 356]. Что, безусловно, находит отражение в музыкальной культуре, и особенно в рэп-культуре.

Молодёжный сленг – это особенный подтекст в структуре национального языка, используемый людьми в общении со сверстниками.

Молодёжная лексика – более открытая и незамкнутая система в современном французском языке, словарный запас которого постоянно пополняется за счёт не только заимствований и расширения значения общеупотребительных слов основного словарного фонда, но и благодаря другим процессам активно протекает словообразование (номинализация, редупликация, лексикализация).

Слова молодёжного лексикона, как правило, являются не основными, а второстепенными наименованиями каких-либо понятий, им присуще эмоционально-экспрессивное окрашивание (слова молодёжного сленга призваны передавать то или иное отношение к называемой ими реалии: от шуточно-ироничного до грубо-вульгарного); употребление этих слов ограничено определённой социальной группой. Важной особенностью молодёжной лексики является то, что она практически никак не отображена в словарях. Молодёжный сленг имеет особенности лексико-семантического уровня языка благодаря новообразованиям (метафорическое переосмысление слова, заимствование из других языков, особенно с английского).

Например, использование метафоры «*ne pas bettre petit rutts*» («не лезть на рожон»), синекдохи «*bicraver un Famas*» («поставлять оружие»). Грамматическая структура языка также отличается (сокращения, нарушение структуры предложения, эллипс). Например, замена сложной вопросительной конструкции одним словом «*keskya*» вместо «*qu'est-ce qu'il y a*» или нарушение грамматической нормы (употребление *Présent* вместо *Subjonctif*): «*Alors écoute avant qu'y s'ratrop tard*» вместо «*Alors écoute avant qu'il n'y soit trop tard*».

Таким образом, характерные закономерности функционирования лексики и грамматики французского сленга совсем далеки от поэтики французского языка, а также появление молодёжных жаргонизмов, заимствование с других языков, метафора и т.д. изучаются многими учёными. Молодёжный сленг действительно функционирует в системе современной французской песни.

Таким образом, мы проанализировали коммуникативные особенности французской песни, её влияние на формирование культурных ценностей слушателей, а также потенциал французской песни при формировании межкультурной профессиональной компетенции. Французская песня способствует осознанию культурных традиций, культуры быта, то есть происходит некий диалог, направленный от автора, который освещает в песне важные проблемы, к нашему слушателю, который в свою очередь получает информацию, рассуждает о её теме. Таким образом и построена коммуникативная организация французской песни.

ЛИТЕРАТУРА

1. Адорно Т. В. Избранное: социология музыки / Т. В. Адорно. – М. : СПб. : Университетская книга, 1998. – 445 с.
2. Алимов В. В., Артемьева Ю. В. Художественный перевод / В. В. Алимов, Ю. В. Артемьева. – М., 2008. – 234 с.
3. Алимская Л. Ф. Формирование готовности студентов к музыкально-педагогическому общению / Л. Ф. Алимская. – Саратов : ДИВ, 2001. – 234 с.
4. Андреева И.А. Использование разножанровой молодежной музыки в обучении монологической речи учащихся-подростков (старшие классы ср. общеобразоват. школы) / И. А. Андреева. – Пятигорск, 2002. – 194 с.
5. Виноградова О. А. Французская музыка / О. А. Виноградова // Музыкальная энциклопедия. – М., 1973. – С. 82.
6. Шнеерсон Г. Музыка Франции / Г. Шнеерсон. – М., 1958. – 456 с.

7. Эрисман Ги. «Французская песня» / Ги Эрисман // Советский композитор. – М., 1974. – С. 25-27, 136-139.

АННОТАЦИЯ

Артамонова Е.И. Использование французской песни при формировании межкультурной профессиональной компетенции

Статья посвящена коммуникативной организации французской песни, её влиянию на формирование межкультурной профессиональной компетенции, жанровому своеобразие французской песни. В данной статье рассматриваются вопрос о влиянии песенного материала на формирование коммуникативных способностей студентов и формирование профессиональной компетенции переводчика; коммуникативный потенциал французской песни, а также история становления и развития.

Ключевые слова: межкультурная профессиональная компетенция, коммуникативная организация Французской песни, художественный перевод.

SUMMARY

Artamonova E.I. The use of French songs to form the cross-cultural professional competence

The article deals with the communicative structure of a French song and its influence on the cross-cultural professional competence as well as its genre peculiarities. Special attention is paid to the influence of songs on forming communicative abilities and professional competence of the future translators. The article also analyses a communicative potential of a French song, its history and development.

Key words: cross-cultural professional competence, the communicative structure of a French song, literary translation.

*О.В. Арцебашева
(г. Горловка)*

УДК 81'366.58

ИССЛЕДОВАНИЯ ФОРМ И КАТЕГОРИЙ УКРАИНСКОГО ГЛАГОЛА В ЯЗЫКОЗНАНИИ НАЧАЛА XX в.

В 20–30 гг. XX ст. языкознании стали активно разрабатываться вопросы, связанные с историей славянских языков, особенно русского, белорусского и украинского. Особое внимание

привлекали методологические проблемы исследования истории языка. С этим этапом развития украинского языкознания связаны имена таких ученых, как А. Ю. Крымский, Е. К. Тимченко, К. Т. Немчинов, М. Ф. Сулима, М. К. Грунский и т.д. К сожалению, не достаточно известным остается имя современника упомянутых исследователей языка – Петра Афанасьевича Бузука, в работах которого проблемы истории славянских языков получили новое отображение.

Вклад П. А. Бузука в развитие украинского и белорусского языкознания 20–30 гг. XX ст. трудно переоценить. Однако, взгляды, идеи и утверждения этого лингвиста не нашли достаточного отображения в лингвоисториографической литературе. Работы П. А. Бузука исследовали такие ученые, как М. Г. Булахов, Е. М. Романович и А. К. Юревич, В. К. Журавлев, В. А. Глушенко и В. М. Овчаренко, Е. М. Голуб. Работы Е. М. Романович и А. К. Юревича, и Е. М. Голуб являются наиболее полными и целостными исследованиями, в которых последовательно изложены основные вехи жизни и направления лингвистической деятельности ученого. В данной работе мы хотим затронуть проблему, связанную с историей форм и категорий глагола, разработанную П. А. Бузуком, исследования которого по данному вопросу являются недостаточно изученными. А также дать объективную оценку значимости работ ученого, связанных с глаголом, для современного языкознания.

Среди вопросов, связанных с историей форм глагола, наиболее разработанными были проблемы, связанные с развитием причастий. Этот вопрос лингвист осветил в своей статье «Уваги до дієприкметників з української мови», а также в «Нарисі історії української мови» [1, с. 83-85]. Ряд его утверждений, сформулированных в этих трудах, вызвал дискуссию в научных кругах.

Классифицируя глаголы по основам настоящего времени, П. А. Бузук шел за А. Лескиным, который выделил пять классов глаголов, взяв во внимание и суффикс основы инфинитива [5, с. 236]. Такой классификации придерживались С. М. Кульбакин, Г. А. Ильинский и авторы большей части курсов по исторической грамматике восточнославянских языков.

Изложение истории глагольных форм у П. А. Бузука является довольно традиционным и имеет описательный характер. Особое внимание привлекают попытки ученого разделять фонетические и морфологические механизмы образования отдельных глагольных форм. Так, например, ученый утверждал, что формы первого лица единственного числа мужского рода прошедшего времени представляют переход конечного *л* в *в*, который произошел

не вследствие фонетических, а в результате морфологических причин. Против объяснения изменения *л* на *в* фонетическим путем свидетельствует отсутствие подобного перехода в других частях речи, например, *стіл*, а не *стів*. Обращая внимание на действие морфологических механизмов, П. А. Бузук подчеркивал, что на происхождение глаголов прошедшего времени первого лица единственного числа мужского рода на *-в* повлияли причастия прошедшего времени мужского рода на *-въ*, *-въши* [1, с. 79]. Лингвист утверждал, что полное отождествление данных форм с устаревшими формами причастия на *-въ*, которые находим у А. Ю. Крымского, невозможно с точки зрения сохранения *л* в формах женского и среднего родов. Считаю необходимым отметить, что современные исследователи истории языка чаще всего объясняли переход *л* в *в* в определенных выше глагольных формах фонетическими причинами. Это изменение, на их взгляд, связано с исчезновением конечного *ь*: *зналь* > *знау*, об этом свидетельствует сохранение *л* перед полными гласными: *знала*, и со слабой или сильной фонетической позицией согласного *л*. Отсутствие названного явления в других морфологических категориях исследователи истории языка объясняют их аналогией с такими же формами той самой парадигмы, в которых после *л* находились полные гласные, например, *стіл* – по аналогии со *стола*, *столи*.

Кроме обоснования необходимости различия воздействия морфологических и фонетических причин, находим у П. А. Бузука попытки датирования тех или иных изменений глагольных форм. Например, замену форм на *-л* формами на *-в* ученый проследил в грамотах XIV в. С такой хронологизацией не соглашался рецензент «Нарису ...» В. К. Демьянчук, который утверждал, что в грамотах этого периода формы на *-л* преобладают. В. К. Демьянчук не был согласен с ранним датированием исчезновения двойственных форм настоящего времени, которое П. А. Бузук относил к XIII ст.

П. А. Бузук использовал данные не только письменных памятников для разработки исторической морфологии украинского языка, но также использовал данные живого языка. Например, анализируя формы будущего времени глаголов несовершенного времени типа *писати-му*, ученый отмечал, что они образовались вследствие сочетания инфинитива *писати* со вспомогательным глаголом *иму*. Исследователь поддержал идею А. Ю. Крымского о существовании архаичных сочетаний «инфинитив + *имамъ*», в которых вспомогательное слово могло утратить начальный гласный звук. Доказательства возможности существования таких форм П. А. Бузук нашел в восточно-белорусском говоре Калиновичей *рабіцьмам*, *рабіцьмаце*, *рабіцьмуць* [1, с. 81].

Оригинальной и интересной была концепция П. А. Бузука об окончании **-ть** в третьем лице единственного числа настоящего времени. Анализируя отличие в формах третьего лица единственного числа, лингвист писал, что глаголы первого спряжения не имеют окончаний в этих формах, а глаголы второго спряжения и нетематические глаголы имеют флексию **-т'** из изначального **-ть**. Под тематическими глаголами подразумевают такие, в которых между корнем и суффиксом инфинитива, личными, временными и другими флексиями был суффикс основы. Остальные глаголы – атематические (нетематические) [5, с. 235]. Как указывал ученый, флексия **-ть** была характерной чертой в основном нетематических глаголов, но в дальнейшем языковом развитии это окончание перешло и в разряд тематических глаголов.

Если обратиться к современным теориям, то можно отметить, что лингвисты исследуют отличия тематических и нетематических глаголов в изучении парадигмы настоящего – будущего времени. В. М. Русановский указал на то, что уже в общеславянский период существовало отличие в спряжении тематических и нетематических глаголов. В третьем лице единственного числа тематические глаголы принимали окончание **-тъ, ть** и **0**, а атематические – **-тъ** [5, с. 310]. Происхождение флексии **-тъ** ученый видел в индоевропейском **-ti**, а вариант **-тъ**, по его мнению, мог отражать влияние местоимения **тъ**. Исследователь проследил, что уже в старославянских памятках употреблялись формы с нулевой флексией. Следуя В. М. Русановскому, в древнерусском языке форма третьего лица единственного числа выражалась флексией **-тъ** в большинстве случаев. В отдельных случаях можно наблюдать употребление в этой форме нулевой флексии. Ученый утверждает, что в атематических глаголах употребляются те самые флексии, что и в тематических. С точки зрения происхождения и развития глагольных форм весомыми являются исследования П. А. Бузука, посвященные изучению причастия. Об этом в своих работах писал М. А. Жовтобрюх. Идеи П. А. Бузука, выраженные в статье «Уваги до дієприкметників в українській мові», ученый представил и в „Нарисі...” [1, с. 83-85]. М. А. Жовтобрюх исследует статью П. А. Бузука, которая явилась ответом тем украинским лингвистам, которые считали формы активных причастий настоящего времени на **-чий** неприсущими украинскому языку. В своей работе „Уваги до дієприкметників в українській мові” П. А. Бузук писал о необходимости дифференцирования отдельных форм причастия. Например, ввиду того, что некоторые из них (на **-чий**) широко употребляются в литературном и разговорном языках, необходимость в таких причастиях является, по мнению

П. А. Бузука, естественной, что подтверждается способностью языка создавать эти формы. Автор подчеркнул, что устаревшие активные причастия на **-чий** (горячий, пекучий), утратив маркер времени, перешли в категорию прилагательных, так же, как причастия на **-мий** (знакомый, видимый) и беспрефиксные на **-лий** (горілий, зрілий, спілий). П. А. Бузук проследил образование причастий на **-чий** на материалах староукраинских письменных памятников [1, с. 83-85]. М. А. Жовтобрюх утверждал, что взгляды П. А. Бузука, верные по сути, долгое время игнорировались научным сообществом, хотя позднее закономерность существования в украинском языке причастий активного залога настоящего времени на **-чий** стала общепризнанной [1, с. 83-85]. Взгляды П. А. Бузука отличались от взглядов ученых-современников. Так, Е. Б. Курило отрицала употребление причастий активного залога на **-чий**, **-ший** и причастий пассивного залога на **-мий** в живом украинском языке [6, с. 9]. Эту идею ученой поддержала современная исследовательница научного наследия Е. Б. Курило Н. М. Глибчук, которая считает, что отсутствие в активном употреблении причастий настоящего времени не нарушение, а характерная черта современного украинского литературного языка [2, с. 9, 11].

Таким образом, можно отметить, что, анализируя историю глагольных форм, П. А. Бузук пришел к выводу о том, что флексия **-т'** в третьем лице единственного числа была характерной чертой нетематических глаголов. С критикой такого предположения выступил В. К. Демьянчук. Дальнейшее исследование этого вопроса П. А. Бузуком было направлено на географическое изучение глагольных форм с флексиями **-т'**, **-в** в восточнославянских языках.

Причины морфологических изменений П. А. Бузук часто объясняет действием аналогии. Абсолютное датирование морфологических явлений ученый совершил на основании данных письменных памятников.

Современные лингвисторграфы подчеркивают особое значение исследований П. А. Бузука по проблеме формирования и развития причастий в украинском языке. Изучая причастные формы, ученый последовательно доказывал закономерности существования в украинском языке причастий активного залога настоящего времени на **-чий**.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бузук П. О. Нарис історії української мови. Вступ. Фонетика і морфологія, з додатком історичної хрестоматії / П. О. Бузук. – К., 1927. – 98 с.

2. Глібчук Н. М. Мовознавчі погляди Олени Курило: автореф. дис. ... канд. філол. наук: 10.02.02 / Н. М. Глібчук: Львівський державний університет. – Львів, 1994. – 24 с.
3. Дем'янчук В. К. З приводу відповіді проф. Бузука на рецензію про його книгу: "Нарис історії української мови" (1927) / В. К. Дем'янчук // Записки історико-філологічного відділу Української Академії наук. – 1929. – Кн. XVIII. – С. 280–387.
4. Жовтобрюх М. А. Нарис історії українського радянського мовознавства (1918–1941) / М. А. Жовтобрюх: АН України. Інститут мовознавства ім. О. О. Потебні; Відп. ред. В. М. Русанівський. – К.: Наук. думка, 1991. – 260 с.
5. Історія української мови: Морфологія / В. В. Німчук, А. П. Грищенко, М. А. Жовтобрюх, В. М. Русанівський, І. П. Чепіга. – К.: Наук. думка, 1978. – 540 с.
6. Курило О. Б. Уваги до сучасної літературної мови / О. Б. Курило. – К., 1925. – С. 1-40.

АННОТАЦИЯ

Арцешашева О.В. Исследования форм и категорий украинского глагола в языкознании начала XX в.

Статья посвящена анализу взглядов украинских исследователей языка начала XX в., и в частности П. А. Бузука, на проблему форм и категорий украинского глагола. Представлена концепция ученого относительно форм глаголов будущего времени несовершенного вида, происхождения глаголов прошедшего времени в сравнении со взглядами лингвистов-современников и последователей. Основной акцент сделан на исследованиях ученого в области причастий. В работе представлена объективная оценка значимости работ ученого, связанных с глаголом, его категориями и формами, для современного языкознания.

Ключевые слова: глагол, причастие, флексия, спряжение глаголов, лингвистический аспект, настоящее время.

SUMMARY

Artsebasheva O.V. Investigation of verbal forms and categories in Ukrainian linguistics at the beginning of the XX-th century

The article is dedicated to the understanding of the question of the verbal forms and categories of Ukrainian scientists, P. Buzuk in particular. The scientist's conception as for future forms of the verbs of non-perfect correlation and the origin of verbs of past forms is considered in this paper. Special attention is paid to the investigations of other Ukrainian researchers, dedicated to verbs and participles.

The question, devoted to the formation and development of Participial forms in the Ukrainian language, takes a large part in Buzuk's morphological conception. High emphasis is placed on the results of the lingual-historiographical analysis of the verbal and participial forms.

Key words: verb, infinitive, Participle, inflection, lingual-historiographical aspect, present tense.

*О.И. Баранова
(г. Горловка)*

УДК 81'374:003.034

ОСОБЛИВОСТІ ВИКОРИСТАННЯ ТРАНСКРИПЦІЙ У СУЧАСНИХ ВИМОВНИХ СЛОВНИКАХ

Перш ніж розглянути особливості використання транскрипції як фонетичного алфавіту у сучасних вимовних словниках, розглянемо різні види транскрипційних систем.

Універсальні транскрипційні системи, які багато разів створювались на протязі історії мовознавства для всіх мов світу, можуть бути використані тільки при фонетичній транскрипції, яка намагається позначити всі властивості даного звуку, незалежно від його мовної функції. Універсальні транскрипційні системи разом з цим є джерелом, з якого використовуються знаки для побудови фонематичних транскрипційних систем окремих мов [2, с. 294].

Тобто, ми можемо зазначити, що створення універсальної транскрипційної системи дуже складне завдання. А це означає, що для кожної мови повинна бути своя транскрипційна система.

Вимоги, які можуть бути пред'явлені до універсальної транскрипційної системи з теоритичної точки зору, дуже прості. Вони зводяться до того, що кожному можливому звуковому типу повинно відповідати одне визначене позначення, будь то простий знак – буква або буква з діакритичними знаками [2, с. 294].

Вимоги, які пред'явлені до транскрипційної системи з практичної точки зору, вельми багатобічні. Перш за все, необхідно, щоб вона містила в собі достатню кількість знаків для відображення всієї різноманітності звуків, які можуть зустрітись у різних мовах світу. Транскрипційні знаки повинні характеризуватись наступними властивостями: легкістю запам'ятовування зображення в скорописі; у них повинні бути відсутні елементи, що швидко зношуються. У такій системі не повинно бути дуже схожих знаків, які можуть бути змішані

при читанні. І, нарешті, для того, щоб транскрипція читалась без напруження, всі її знаки повинні бути витримані в одному стилі. Це особливо важко в тому випадку, коли доводиться використовувати букви різних алфавітів [2, с. 294].

Теоретично можливо та практично існують два типи транскрипційних систем: аналітичні та синтетичні. Аналітичні системи прагнуть представити в своїх знаках фонетичну характеристику звуків, що відображають: окремі елементи артикуляції даного звука, дію тих чи інших органів при вимовлянні його [2, с. 294]. З відомих старих аналітичних систем слід згадати дві, які носять дещо різний характер: так звані Visible Speech Белла та Alphabet Йесперсена.

У системі Йесперсена кожен звук позначається не одним знаком, а цілим сполученням букв та цифр. Активні органи позначаються грецькими буквами (α – губи, β – кінчик язика, γ – спинка язика, ϵ – голосові зв'язки), пасивні органи – латинськими літерами (**a** – зовнішній край верхньої губи, **b** – внутрішній край верхньої губи, **c** – зовнішня поверхня зубів, **d** – край зубів, **e** – задня поверхня зубів, **f** – альвіоли і т. д.); ступінь та форму розкриття органів вимови позначають цифрами [2, с. 295].

Аналітичні знаки Йесперсена у зв'язку з їх громіздкістю абсолютно непридатні при транскрибуванні зв'язних текстів [2, с. 295].

Синтетичні транскрипційні системи відображають звуки як певні цілісні величини, не відмічаючи дій окремих органів, з яких складається їх артикуляція. Артикуляційна близькість таких звуків, як приголосні «t» і «d», не знаходить у синтетичних знаках ніякого відображення. Ключем до синтетичних знаків служить знайомство з усіма знаками в цілому і з кожним окремо. Цим, між іншим, синтетичні системи невігдно відрізняються від аналітичних в практичному відношенні. Послідовне проведення синтетичного принципу призвело б до необхідності використовувати таку велику кількість різних букв, що їх би було дуже важко запам'ятати. Тому практично не існує чистих синтетичних систем. Елемент аналітичності присутній у більшій або меншій ступені в будь-якій транскрипційній системі [2, с. 295]. Елементи аналітичності спрощують синтетичні системи, роблять їх більш досконаліми.

Розглянемо особливості використання транскрипції у словнику Даніеля Джоунса English Pronouncing Dictionary (EPD) [1, с. 15]. Дослідивши його, ми можемо стверджувати, що Д. Джоунс використовує у своєму словнику фонетичний алфавіт Міжнародної Фонетичної Асоціації (відомої як IPA). Різновид фонетичної транскрипції англійської мови, який

використовується в цьому словнику, нейтральний. Для більшого розуміння особливостей використання проаналізуємо декілька сторінок:

almost ['Qlmoust ['Q-, -məst]. Ми бачимо, що слово представлено чорним кольором, автор виділяє саме слово напівжирним шрифтом, перший фоноваріант слова він подає без квадратних дужок, а в квадратних дужках два інші фоноваріанти вимови, тобто слово *almost* можна вимовити як ['Qlmoust], ['Qmoust], ['Qlməst] або як ['Qməst]. Автор змушений звужувати транскрипцію наскільки це можливо, адже повне написання усіх фоноваріантів займало б більше місця і було б менш зручним. Перший варіант вимови найбільш прийнятий у Південній Англії, і цей варіант є найбільш частотним, інші фоноваріанти теж прийняті, але вони використовуються не часто або в діалектах.

Almroth 'ælmrouθ. У цьому випадку автор показує тільки один фоноваріант слова, тому що це власне ім'я. Автор подає транскрипцію власних імен для того, щоб той, хто вивчає мову, міг знайти правильне написання слова, яке він багато разів чув, але не бачив на письмі.

alms a:mz. В односкладових словах Д. Джоунс не ставить наголос, у цьому випадку теж не показуються інші фоноваріанти вимови.

aloft ə'lɔft [-'lɔft]. Ми бачимо, що автор дає нам два варіанти вимови слова *aloft*, у другому варіанті перший склад показано дефісом, тому що він співпадає з вимовою першого варіанта.

Е.С. 'i:'si:. Зустрічаємо аббревіатуру. Ми можемо зазначити, що вона розташована в алфавітному порядку, згідно з літерами, з яких вона складається, а не в окремому розділі.

Таким чином, словник англійської вимови Д. Джоунса містить наступну інформацію відносно фонетичної структури слова, як центральної одиниці мови:

1. Словник фіксує орфоепічну вимову й особливості діалектної вимови слова, характерні для британського варіанта англійської мови.

2. У словнику використовується широка, фонематична транскрипція для позначення фонічної структури слова.

3. Словник послідовно відображає фоноваріанти слів, які можуть відрізнятися один від одного інвентарем фонем, появою факультативних звуків, змінами акцентного типу слова, або його акцентно-ритмічної моделі.

4. Словник відображає фонетичну структуру не лише широковживаної лексики, але й власних імен (прізвищ, імен, топонімів), спеціалізованої лексики, а саме термінів, що

використовуються у вузьких сферах виробництва та науки. Словник фіксує зміни в фонетичній структурі термінів, які в процесі детерміналізації переходять до складу широкоживаної лексики.

Розглянемо особливості використання транскрипції у сучасному словнику J. C. Wells Longman Pronunciation Dictionary (LPD) [3, с. 8]. Це словник вимови сучасної англійської мови. Він пропонує користувачу два види англійської вимови: Received Pronunciation (RP) та General American. Дослідивши його, ми можемо стверджувати, що Дж. Веллс використовує вузьку фонетичну транскрипцію IPA, відображаючи всі аспекти фонем за допомогою діакритиків. Для кращого розуміння особливостей використання транскрипції розглянемо більш детально декілька сторінок:

get get *gets* gets *getting* 'getɪŋ|| 'geɪtɪŋ

got gɒt||gɑ:t *gotten* 'gɒt *gotten*|| 'gɑ:tɪn. Ми спостерігаємо використання двох кольорів у словнику. Автор подає саме слово напівжирним шрифтом та чорним кольором, а транскрипцію звичайним шрифтом. У словнику подані дієвідміни дієслова. Тут ми зустрічаємо діакритичний символ «ɪ», що означає дзвінкий звук в американській англійській мові, наприклад, як в *city*. Знак «||» дає нам зрозуміти, що наступний варіант вимови є прийнятим для американського варіанта. Автор дає ці варіанти, тому що вони відмінні від британського. У вимові форми дієслова *gotten* ми знов бачимо діакритичний знак «ɪ», який показує особливе забарвлення сонанта. В цьому випадку сонант «n» не є складовим, тому що діакритик «ɪ» забирає цю функцію на себе, як голосний звук.

get-at-able get 'æbəl || geɪ 'æt – тут ми бачимо діакритичні знаки, але в американському варіанті вимови автор не дає транскрипцію третьої частини слова, тому що вона співпадає з британською, замість цього він ставить дефіс. Тобто Gen Am варіант вимови звучить так: «geɪ 'æt əbəl». Автор поділяє слово на склади за допомогою пробілів, таким чином вимова довгих слів стає простішою.

kilometer, kilometre 'kɪlə mɪ:t ə; kl'ɪPmtl ə, kə-, -ət– ||kə 'la:mætʃr;

klɪləmɪ:tʃr – *On the analogy of 'centemetre, 'milimetre, it clear that the stressing 'kilometre is logical and might be expected to predominate. Nevertheless, many people (particularly in the US, but also elsewhere) say ki'lom-. Poll panel preferences: BrE 1988, 'kil – 52%, -'lPm – 48%; AmE 193, -'la:m – 84%, 'kil – 16%; BrE 1998, -'lPm – 57%, 'kil – 43%. ~sz.* Тут ми бачимо, що автор дає різні варіанти наголосу у різний час у відсотковому відношенні. Аналізуючи вищезазначене, ми дізналися, що у британському

варіанті у 1988 році наголос на перший склад у слові *kilometer* складає 52%, у той час як наголос на другий склад – 48%. Через десять років, тобто у 1998 році, ситуація змінилась навпаки, наголос на другий склад став більш частотним – 57%, а на перший – менш частотним – 43%. Також автор пояснює частотність головного наголосу на перший склад аналогією зі словами ‘centimetre та ‘milimetre і зазначає, що багато людей, особливо в США, говорять *ki’lometre*. Також фіксуємо те, що подані два варіанти написання слова – американський та англійський *kilometer* та *kilometre* відповідно.

Таким чином, Longman Pronunciation Dictionary by J. C. Wells містить наступну інформацію відносно фонетичної структури слова, як центральної одиниці мови:

1. Словник фіксує орфоепічну вимову та особливості діалектної вимови слова, характерні для британського та американського варіантів вимови.

2. Окрім британського та американського варіантів вимови, словник подає оригінальну транскрипцію топонімів іншомовного походження.

3. У словнику використовується вузька фонетична транскрипція для позначення фонічної структури слова.

4. Словник послідовно відображає зміни в основному, найбільш частотновживаному та допоміжних (при їх наявності) фоноваріантах слова, які можуть відрізнитись один від одного інвентарем фонем, появою факультативних звуків, діакритичних знаків, змінами акцентного типу слова, або його акцентно-ритмічної моделі шляхом спеціальних символів або шкали.

5. Словник відображає фонетичну структуру не лише широковживаної лексики, але й власних імен (прізвищ, імен, топонімів) та спеціалізованої лексики.

6. Словник фіксує омофони слів, які зустрічаються у мові, шляхом їх подачі в дужках.

7. Словник фіксує неправильну вимову слів, з метою звернення уваги на ці помилки, у разі частотності таких випадків.

Таким чином, розглянувши обидва словники окремо один від одного, ми можемо порівняти їх. Використовуючи знаки Міжнародного Фонетичного Алфавіту у сучасній транскрипції, LPD подає вимов більш ніж 75 000 лексичних одиниць, їх основних форм та граматичних і дериваційних афіксів у двох варіантах: американському та британському. У той час як EPD звертається лише до британського варіанта та містить в собі лише 58 000 слів. Окрім того, у словники включені незвичні лексичні одиниці, такі як: фрази, аббревіатури, численна кількість топонімів, прізвищ та імен. Дуже багато прикладів містять корисні коментарі щодо

поданих варіантів вимови. На початку словників є близько двадцяти сторінок пояснювального матеріалу для користувачів.

Характерною рисою LPD є використання декількох кольорів фарби для позначення частотних варіантів вимови (синій) та менш частотних (чорний), у EPD всі фоноваріанти позначені чорним кольором, але менш частотні показані в квадратних та круглих дужках. В обох словниках ми зустрічаємо акцентно-ритмічні структури. Але у словнику Дж. Веллса ми також можемо побачити шкалу зміни акцентно-ритмічної моделі у різний час.

До LPD внесена оригінальна транскрипція власних імен іншомовного походження, чого не можна сказати про словник Д. Джоунса. Також словник Дж. Веллса фіксує варіанти вимови слів, які є широко розповсюдженими у мові, але не є правильними. У словниках використовуються різні види транскрипції, у LPD ми фіксуємо вживання вузької фонетичної транскрипції та численну кількість діакритичних знаків, а в EPD широку фонетичну транскрипцію. Таким чином, можна стверджувати, що словник Дж. Веллса дає нам більш точний варіант вимови слова.

ЛІТЕРАТУРА

1. Джоунз Даниэль. Словарь английского произношения / Даниэль Джоунз. – М., 1963. – 538 с.
2. Зиндер Л. Р. Транскрипция. Транслитерация / Л.Р. Зиндер // Общая фонетика. – [2-е изд., перераб. и доп.]. – М. : Высш. шк., 1979. – С. 291–297.
3. J. C. Wells. Longman Pronunciation Dictionary / J. C. Wells. – London: Longman, 2005. – 869 p.
4. Фонетика [Электронный ресурс] : Википедия – свободная энциклопедия. – Режим доступа: <http://ru.wikipedia.org/wiki/Фонетика>. – (дата обращения 16. 03.2016)
5. Visible_Speech [Электронный ресурс] : Википедия – свободная энциклопедия. – Режим доступа: http://ru.wikipedia.org/wiki/Visible_Speech

АННОТАЦИЯ

Баранова О. И. Особенности использования транскрипции в современных произносительных словарях

Статья посвящена отличиям использования транскрипции в словарях English Pronouncing Dictionary by Daniel Jones и Longman Pronunciation Dictionary by J. C. Wells путем сравнения их особенностей и систематизации отклонения от нормативного английского произношения.

Ключевые слова: фонема, фонетический значок, транскрипция, широкий вариант транскрипции, узкая транскрипция, фонетический алфавит Международной фонетической ассоциации, британский и американский варианты произношения.

SUMMARY

Baranova O. Specifics of the transcription use in contemporary pronunciation dictionaries

The article is devoted to differences in transcription use in English Pronouncing Dictionary by Daniel Jones and Longman Pronunciation Dictionary by J. C. Wells by means of comparing their specifics and systematization of deviations from Received Pronunciation.

Key words: phoneme, symbol for sound, transcription, broad transcription, narrow transcription, International Phonetic Alphabet, British and American pronunciation.

АНОТАЦІЯ

Баранова О. І. Особливість використання транскрипції у сучасних вимовних словниках

Стаття присвячена відмінностям використання транскрипції в словниках English Pronouncing Dictionary by Daniel Jones та Longman Pronunciation Dictionary by J. C. Wells шляхом порівняння їх особливостей та систематизації відхилення від нормативної англійської вимови.

Ключові слова: фонема, фонетичний значок, транскрипція, широкий варіант транскрипції, вузький варіант транскрипції, фонетичний алфавіт Міжнародної фонетичної асоціації, британський та американський варіанти вимови.

*О.Ф. Богоява
(г. Горловка)*

УДК 81.0

ПОНИМАНИЕ И ЕГО ОБРАЗ В ОБЛАСТИ КОММУНИКАЦИИ. ПОНЯТИЕ ОБРАЗА

Словари описывают более десятка значений слова «образ» и его производных, что свидетельствует о его междисциплинарном характере, и, как технический термин, оно встречается во многих науках, как традиционных, так и современных.

С философской точки образ интерпретируется как субъективный взгляд на объективность внешнего мира или

его фрагментов, в том числе представляя субъекты и людей, а также их пространственное окружение и временную последовательность событий. В этой интерпретации, образ рассматривается как одна из форм отражения, будь то вербальная или ментальная. И. В. Арнольд [1, 113–114] пишет, что «Самое важное свойство образа состоит в ‘отражении мира в процессе практического его созидания, т.е. образ есть некоторая модель действительности, восстанавливающая полученную из действительности информацию в новой сущности. Верность отражения гарантируется принципом обратной связи. Возникая как отражение жизни, образ и развивается в соответствии с её реальными свойствами. Отражая мир и материализуясь в тексте, образ отделяется от художника и сам становится фактом реальной действительности. Поскольку образ не обладает обособленным от формы содержанием, то, если он не соответствует фактам жизни, это сразу же становится заметным, и художник корректирует его в соответствии с объективной реальностью».

Образы полны диалектической бинарности, такой как форма/содержание, внешний/внутренний, часть/целое, внешний вид/сущность, чувственное/логическое, конкретное/общее, непосредственное/опосредованное, индивидуальное/универсальное, случайное/регулярное, и некоторые другие. Диалектическое единство всех этих противоположностей, на которые влияют методы каждой из наук, производит образы персонажей, событий, обстоятельств, среды обитания человека и даже самого языка. Ведущие среди вышеперечисленных диалектических бинарностей в образах есть чувственное / логическое и конкретное / абстрактное. Остальные зависят от этих, и являются только косвенными.

Бинарность «чувственное/логическое» работает в соответствии с принципом, что образ, будь то художественный или иной образ, сохраняет свою целостность только при условии, что он провоцирует восприятие. Его агент должен выглядеть как сигнал, который приводит к изменению реципиента, что означает, что образ должен материализоваться. Но этот процесс не есть материализацией как таковой. Это, скорее, материализации в воображении. Без материализации нет восприятия, а где нет восприятия, нет никаких образов, кроме абсолютной логической концепции. Даже абстрактно-логические понятия теоретической науки воспринимаются лучше, если они представлены в некоторой визуальной или символической форме, например, графики, фотографии, схемы, таблицы, и, не в последнюю очередь, – некоторые из таких стилистических приёмов, как метафора, сравнения или любой другой творческий оборот речи.

Погода и Элементы являются традиционными чувственными маркерами опыта персонажей, описываемыми в терминах логических понятий. Пейзаж, как правило, несёт ту же символическую функцию. Таким образом, побережье Средиземного моря, где песок на пляже слишком сухой для детей строить песочные замки [16, 53 – 54], история детства Рейн Картер, рассказанная за обедом, приобретает новое значение в качестве центрального образа романа, фигурирующего в его названии. И песочный замок, построенный парой, и разрушенный набежавшей волной прилива, является знаком их разочарования в любви. Это не сулит никакого будущего для отношений Рейн и Мора, которые обречены на разрыв. Как героиня метафорически говорит: «Всё это как сухой песок, который высыпается сквозь пальцы» [16, с. 195].

Такие жизненно важные активы среды обитания человека, как флора и фауна, всегда работают в качестве основных носителей образа. Рейн Картер в «Замке на песке» Айрис Мердок [16, с. 195] сравнивает Мора с «растущим деревом», а себя с «птицей», так как она свободна от каких-либо обязательств, в то время как он связан семейными узами, а также полученное им перспективное предложение стать членом парламента безусловно разведёт влюблённых.

Диалектическая бинарность «конкретное / абстрактное» проявляется в том, что по правилам образы, с одной стороны, должны быть абстрактными, чтобы не сливаться с реальностью, а с другой – они не должны быть настолько абстрактными, чтобы раствориться в чистой логической концепции. Именно в этом смысле обычно говорят о «специфике образа», и в то же время, о его «общем характере». Корреляции между данными противоположностями детально проанализирована А. Ф. Лосевым [8, с. 408–452]. Возможно, хорошим примером для иллюстрации этого принципа будет язык и различные абстрактные идеи, сформированные средствами, использующимися в английской литературе абсурда, в том числе две сказки Л. Кэрролла об Алисе [12], [13]. Его языковые парадоксы и алогичности не просто смех или каламбур. Они диагностируют неизлечимую социальную болезнь путать аномалию с нормой и наоборот, что кажется немного смешным, но на самом деле не является таковым. Как сказано в одном из лимериков “Mother Goose Rhymes” [15]: “If the butterfly courted the bee, /And the owl the porcupine; /If churches were built in the sea, /And three times one was nine; /If the pony rode his master, /If the buttercups ate the oats; /If the cat had the dire disaster /To be worried, sir, by the mouse; /If mamma, sir, sold the baby /To a gipsy for half-a-crown; /If a gentleman, sir, was a lady –

/The world would be Upside-Down! /If any of all these wonders / Should ever come about, /I should not consider them blunders, /For I should be inside-out!"

В процессе формирования образа, важная роль отводится диалектике субъективного и объективного. Возможно, это лучше наблюдать при анализе художественной коммуникации, то есть – в сопоставлении роли автора работы и ее реципиента.

В случае художественной коммуникации, писатель занимается объективизированием (кодированием) своей идеи в текстовую форму, а читатель (переводчик), как предполагается, причастен к деятельности его субъективирования (декодирования). По данным польского философа Романа Ингардена [14], тексты хранят образчики сознания своего писателя, которые затем повторяются различными способами читателем. Французский философ Поль Рикёр [17, с. 158] добавил, что чтение стало возможным благодаря тому, что тексты раскрываются на другие вещи. «Читать», пояснил он, «это ... увязать новый дискурс в дискурсе текста. Такое сочетание дискурсов показывает, в самом построении текста заложена способность к обновлению, что и подтверждает его открытый характер. Интерпретация является конкретным результатом соединения и обновления».

С психологической точки зрения понятие «образ» можно рассматривать как сознательное психическое впечатление человека от объекта, который существует в реальной действительности и воспринимается его чувствами. Говоря психологическими терминами, это отражение человеком внешней реальности с помощью полученных образов, это понимание образов, которое развивается от низшего к высшему, от ощущения к восприятию, затем к впечатлению, а затем, с приходом понимания языка, к логическому мышлению. Но на самом деле, это только идеализированная схема, которая не дает истинной картины этого явления даже в своем эволюционном или функциональном аспектах. Пожалуй, наиболее важно отметить здесь, это процессы, которые происходят, когда один этап переходит к следующему, и то, что эти этапы различаются у человека и других представителей живой природы. Ощущения, например, простейшая форма взаимодействия живого организма с окружающей средой, несомненно, будут различны у амёб, как физиологическая реакция на бытие от ощущений человека, который проявляет понимание того, что он чувствует, так как он обладает сознанием и может, в большинстве случаев, описать свои чувства словами.

Что же происходит, когда в результате ощущения от отдельных свойств объекта переходят к восприятию, которое

представляет собой синтез чувств, которые и являются предметом целостного впечатления от восприятия, и что будет, если этого не произойдет? Филолог может найти ответ, например, в “Гамлете” Шекспира, который очень метко заметил значение восприятия полноты в эпизоде, где принц обвиняет его мать-королеву в слепоте, вызванной опрометчивостью и неразборчивостью в ее согласии на брак с его преступным дядей вскоре после убийства его отца (III, 4). Представленный ниже отрывок предполагает по меньшей мере зрение, осязание, слух и запах: *“Eyes without feeling, feeling without sight, /Ears without hands or eyes, smelling sans all, /Or but a sickly part of one true sense /Could not so mope”*. [18, с. 967].

Другое особенное отличие восприятия от ощущения в том, что оно задействует понимание предмета путём обработки информации, полученной ощущениями, таким образом, это этап, когда приходит сознание. Процесс, отвечающий за целостное видение объекта, есть результат неврологической и психофизиологической синестезии – субъективные ощущения или образы чувств, отличные от тех, которые были простимулированы. Иными словами, синестезия является результатом соединения различных конкретных чувств и ощущений с ассоциативными связями, так что возбуждение одного из них вызывает реакцию со стороны других рецепторов. Например, если человек голоден, вида яблока будет достаточно, чтобы стимулировать вкус яблока и его аромат. Если человек видит ломтик лимона в стакане, он может почувствовать кислый вкус во рту, и так далее.

Словесные описания различных ощущений, в речи и литературе выделены в отдельную проблему, которая изучается.

Впечатление представляет собой более высокую ступень формирования образа, что предполагает осознание, поэтому оно является одним из средств постепенного восхождения к идее. Таким образом, режимы изображения бытия, как в разуме, так и в интуиции. Хотя впечатление и восприятие тесно связаны ролью памяти в их функционировании, их функции различны. В восприятии память выступает как предыдущий опыт, который проецируется на объект. Опыт превращает объект в образ, который формируется и преломляется через призму психологического отношения и иллюзий. Опыт также делает объекты узнаваемыми как таковые, будь то узнавание полное или неопределенное и расплывчатое, будь то более или менее верной реальной действительностью или искажённой действительностью, что более типично.

Человеческое мышление и сознание являются высшей формой отражения и интерпретации мира.

Получив дар языка, человек также получил способность рассуждать в трех основных формах: понятие, суждение и предположение. Есть много других форм, конечно, но все они являются производными от перечисленных.

Логическое мышление обеспечивает разработку научных теорий и моделирование объектов, в то время как сам процесс прогнозирования и открытий так и не изучен.

Современная научная фантастика демонстрирует счастливый союз фантазии, разума и знаний, которыми наделены её авторы с возможностью прогнозирования научно-технических достижений, таких как подводные лодки, авиация, радиация, лазер, полеты в космос, телевизор, гениальная инженерия и других биологических и медицинских открытий, в том числе и пагубных моральных и экологических последствий этих открытий. Кроме того, большой вклад в мировую литературу был сделан учеными, которые более известны широкой публике, как писатели (физики Даниил Гранин и Ч. П. Сноу, филолог Джон Рональд Руэл Толкин и многие другие).

Но, пожалуй, самым ярким из таких примеров является Чарльз Лютвидж Доджсон, которого весь мир знает, как Льюиса Кэрролла (1832–1898). Его пример является уникальным в том смысле, что он сделал заметный вклад в науку и литературу. Как ученый, он, как известно, на самом деле основал математическую логику – новую отрасль исследований логического мышления. Как писатель, он, руководствуясь своим опытом в этой области, создал такие символические образы для детей, которые по своей обобщающей силе напоминали формулы со многими переменными, которые было необходимо заменить константами, что в эстетическом плане это означает просто поощрение воображения детей таким образом, чтобы конкретно воздействовать на психологию их возраста и соответственное видение мира. В то же время, этот метод существенно расширил вариативность чтения его текстов, чтобы сделать их пищей для размышления для взрослых. Кэрролловские образы «Бармаглот» и “Bandersnatch” в “Алисе в Зазеркалье ...” [12, с. 49], и некоторые другие существа и монстры были придуманы писателем, что принесло трудности иллюстраторам его работ. Но не следует определять логическое мышление как сознание в целом. Сознание концептуально и эмпирически явление гораздо более сложное, чем можно подумать, в широком смысле – это участие человека в глобальном информационном поле Вселенной. Сознание в своем диалектическом взаимодействии с подсознательным хранит в своих неведомых глубинах очень много того, что человек унаследовал от остальной живой природы. Но оборотной

стороной того, что сознание несет обретение языка, является то, что животные не могут лгать, как это делают люди. Кроме того, с логической точки зрения, любые так называемые «фигуры речи», или «тропы», как, скажем, синестетические метафоры или гиперболы, являются наборами лжи. Тем не менее, использованные творчески, чтобы произвести впечатление на адресата, они то, что обычно называют «художественной правдой».

И все же, поиск образов поэтами – это бесконечные усилия передать средствами языка полный спектр чувств, переполняющих души художников, когда они создают свои шедевры. Хотя слово выражает гораздо больше, чем оно означает, это во многом связано с рациональным аспектом мышления, а не сенсорным аспектом сознания. Поэтому поэтам стыдно сказать, что они профессиональные лжецы, они остро осознают, что слово – пустая оболочка, скрывающая свои истинные намерения. Возможно, это объясняет, почему, когда в «Гамлете» (II, 2) Полоний спросил Принца, что он читает, тот ответил: «Слова, слова, слова» [17, с. 956]. И именно поэтому русский поэт Ф. И. Тютчев, в его “*Silentium*” (“*Silence*”), который был, кстати, блестяще переведен на английский язык В. Набоковым, выразил как «... мысль изреченная есть ложь» (“...a thought once uttered is untrue”). Поэтому, может быть, как выбор наименьшего из зол, поэт посоветовал нам вообще молчать: “Молчи, скрывайся и тай/И чувства и мечты свои...” (“*Speak not, lie hidden, and conceal /The way you dream, the things you feel*”).

К счастью или нет, никуда не уйти от общения на языке, на который человек обречен. Этот факт явно признали с библейских времен, и каждый знает, что сказано в Евангелии от Иоанна 1:01: «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог». Историческая поэтика регистрирует осознание этого факта на ранних стадиях, а А. В. Михайлов [9, с. 331] пишет, что слово является лишь посредником в общении человека с Богом и миром, потому что человек, как он выразился, «не располагает прямым и непосредственным сообщением с действительностью».

Мы не только думаем, но также говорим и пишем о мышлении. Таким образом, мы создаём словесный образ нашей интеллектуальной деятельности как абстрактной идеи, поэтому наши языковые мировоззрения изобилуют понятиями и именами, относящимися к процессу. Этот факт выделяется в лексико-семантической системе языка, что составляет темы обычных разговоров, а также художественных и нехудожественных текстов. Много работ на тему этих процессов в различных языках уже завершена, хотя исследования еще продолжаются. Среди

многих, здесь достаточно назвать три наиболее значимые работы по этому вопросу В.Г. Гак [4] и М.Я. Гловинской [5], [6].

Вербальное мышление делает слова орудием власти и инструментом поведенческого контроля, что особенно эффективно в нейро-лингвистическом программировании (НЛП). Последняя методика вводит понятие “представление системы”, которая определяет язык, на котором мышление кодирует образы. По словам С.В. Ковалёва [7], НЛП – интегрированный продукт теории языка, коммуникации и мысли, связанных терапевтическим методом. Считается, что люди могут улучшить своё взаимодействие с миром с помощью определенных принципов и методов, связанных с использованием языка. Терапевтический эффект слова и текста был подробно разработан А. Б. Бушевым [2].

Сознание связывает слова и мысли с эмоциями с помощью компенсационного функционирования двух полушарий головного мозга, таким образом, мышление и эмоции, логика и чувства порой настолько тесно переплетены, что они вряд ли могут быть оторваны друг от друга. Два основных конструктивных исследования эмоций в языке – монографии Е.М Вольфа [3] и В. И. Шаховского [11].

Несколько замечаний необходимо сделать в отношении «воображения». Мы часто используем клише «иметь (яркое) воображение», «игра воображения», и так далее. Воображение, которое также называется способностью воображения, является возможностью формировать мысленные образы, ощущения и понятия, в момент, когда они не воспринимаются через зрение, слух и другие чувства. Это помогает придать значения опыту и пониманию знаний, оно является одной из основных способностей людей, посредством которой люди познают мир, а также играет ключевую роль в процессе обучения. Главная тренировка, развивающая воображение, это прослушивание и повествование, в которых точность выбранного слова является основополагающим фактором, «вызывающим миры». Благодаря способности воображать мы видим мир. Всё, чего мы касаемся, видим и слышим, сливается в единую «картинку» с помощью нашего воображения.

Термин «имидж» вошел в русский язык путём фонетического заимствования и в своем техническом смысле связан с понятием «имидж», используемым в области маркетинга и менеджмента. Это произошло благодаря развитию в этих странах и во всем постсоветском мире маркетинга, рекламы и бизнеса, что привело к семантическому расхождению «имидж-как-имидж» от «имидж-как-образ», хотя оба они иногда по-прежнему используются как

синонимы. По словам Е. А. Петровой [10, 36], «Имидж – категория, универсально применимая к любому объекту, становящемуся предметом социального познания: к реальному человеку или вымышленному персонажу (персональный имидж), социальной позиции (имидж политического деятеля), профессии (имидж юриста), малой или большой группе людей (гендерные имиджи, этнические имиджи), образованию (имидж выпускника МГУ), к торговой марке (‘Мерседес’), структуре – корпоративный имидж (организации, региона, страны), к предметам (имидж золота, брильянтов), к отдельным потребительским характеристикам материальных объектов (имидж качества)».

Как видно из цитаты определения, использование слова «образ» в имиджелогии является более широким, нежели в поэтике. Но мы должны отказаться от обсуждения понятия «образ» в этом смысле, оставляя это специалистам определённых областей науки.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арнольд И.В. Потенциальные и скрытые семы и их актуализация в английском художественном тексте // Иностр. языки в школе. – 1979. – № 5. – С. 10–14
2. Бушев А.Б. Языковые особенности текстов, используемых в психотерапевтической коммуникации: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Тверь, 1999. – 20 с.
3. Вольф Е.М. Эмоциональные состояния и их представление в языке // Логический анализ языка. Проблемы интенциональных и прагматических контекстов / Отв. ред. Н.Д. Арутюнова. – М.: Наука, 1989. – С. 55–74.
4. Гак В.Г. Пространство мысли (опыт систематизации слов ментального поля) / Логический анализ языка. Ментальные действия. – М.: Наука, 1993. – 176 с. – С. 22–30.
5. Гловинская М.Я. Русские речевые акты со значением ментального воздействия // Логический анализ языка. Ментальные действия. – М.: Наука, 1993. – 176 с.
6. Гловинская М.Я. Глаголы со значением передачи информации // Язык о языке: сб. статей / Подобщ. рук. и ред. Н.Д. Арутюновой. – М.: Языки русской культуры, 2000. – 642 с.
7. Ковалёв С.В. Основы нейролингвистического программирования. – Москва – Воронеж: Московский Психолого-социальный институт Российской Академии образования, 2001. – 159 с.
8. Лосев А.Ф. Знак. Символ. Миф: Труды по языкознанию. – М.: Изд-во МГУ, 1982. – 479 с.

9. Михайлов А.В. Поэтика барокко: завершение риторической эпохи // Историческая поэтика: Литературные эпохи и типы художественного сознания / Под ред. С.С. Аверинцева. – М.: Языки культуры, 1994. – 540 с.
10. Петрова Е.А. Имиджелогия: проблемное поле и направления исследования // PR в образовании. – №1. – 2004. – С. 36–38.
11. Шаховский В.И. Лингвистическая теория эмоций: моногр. – М.: Генезис, 2008. – 416 с.
12. Carroll, Lewis. Through the Looking-Glass and What Alice Found There. – Moscow: Progress Publishers, 1966. – 229 p.
13. Carroll, Lewis. Alice's Adventures in Wonderland. – Moscow: Progress Publishers, 1979. – 235 p.
14. Ingarden, Roman. The Literary Work of Art: an Investigation of the Border lines of Ontology, Logic and Theory of Literature. – Evanston: Northwestern University Press, 1973. – 436 p.
15. Mother Goose Rhymes. – Moscow: Raduga Publishers, 1988. – P. 449–450.
16. Murdoch, Iris. The Sandcastle. – Л.: Просвещение, 1975. – 216 с.
17. Ricœur, Paul. Interpretation Theory: Discourse and the Surplus of Meaning. – Fort Worth: Texas Christian Press, 1976. – 437 p.
18. Shakespeare W. Hamlet, Prince of Denmark // The Complete Works of William Shakespeare (with the Temple Notes). – Cleveland and New York: The World Publishing Company. – 1173 p.

АННОТАЦИЯ

Боговая О.Ф. Понимание и его образ в области коммуникации. Понятие образа

В статье сделана попытка проанализировать механизмы понимания и дать описание понятию образа, возникающего при декодировании фактуальной или концептуальной информации текста на выходе из коммуникативной системы «автор – дискурс – читатель» в свете философии так называемой «антропоцентрической парадигмы», которая выдвигает на первый план человеческий фактор, высвечивая язык и речь не в их внешних, а как неотъемлемую часть духовного мира человека – субъекта рече-языковой деятельности.

Ключевые слова: понимание, образ, имидж.

SUMMARY

Bogovaya O. Understanding and Its Image In Communication. The Notion of the Image

This article attempts to analyse the mechanisms of understanding and to describe the concept of the image appearing in the decoding of factual or conceptual information of the text output of the

communication system, «the author - discourse - the reader» in the light of the philosophy of the so-called «anthropocentric paradigm», which highlights the human factor in the language as an integral part of the spiritual world of a man as the subject of the speech-language activity.

Key words: understanding, image.

*Н.Ю. Бондаренко
(г. Горловка)*

УДК 81'255.4

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ЛЕКСИЧЕСКИХ ИННОВАЦИЙ СФЕРЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ И НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИХ ПЕРЕВОДА

Английский язык, как и другие языки, не мог не отреагировать на изменения в общественной жизни носителей, вызванных новыми реалиями XXI века, событиями глобального масштаба. В девяностые годы XX столетия среди главных «поставщиков» инноваций отмечали политику, СМИ и Интернет [11, с. 146], но и в начале нового столетия инновационные языковые процессы на лексико-семантическом уровне наиболее активно происходили именно в этих сферах.

Исследованием проблем словообразования посвящено много работ выдающихся лингвистов, а именно: О.С. Кубряковой, М.Я. Плюща, Г.О. Винокура, Ю.А. Зацного и других. Как известно, словообразование рассматривается как средство номинации, как средство пополнения словарного состава языка новыми словами для обозначения «возникающих явлений культуры и цивилизации или его обновление за счет все новых средств выражения» [1, с. 3]. Под словообразованием понимают правила создания речевых единиц по определенным моделям и схемам, систему способов и средств образования новых слов [2, с. 6; 7, с. 167]. «Слово образовывается определенной совокупностью отношений его компонентов (корня, аффиксов) и отношением одного слова – члена словообразовательной системы – к другому слову той же системы» [6, с. 6]. Лексическая функция словообразования, подчеркивают лингвисты, принципиально эволюционная, она направлена на изменение языка [9, с. 13]. Словообразование играет важную роль с точки зрения когнитивной лингвистики, поскольку этот процесс целиком ориентирован на коммуникацию, на передачу знаний о мире, на структурирование тех элементов окружающего мира,

которые в процессе деятельности субъект выделил и какими овладел. Большинство неологизмов, как известно, это производные слова, дериваты. Как пишет О.С. Кубрякова, производные слова в отличие от простых не только называют отдельное действие, предмет, но и указывают на связь, на их отношение к другим действиям, предметам. Тем самым возникает возможность соединить новый опыт со старым, познать неизвестное через известное [8, с. 48-49].

Актуальность выбора проблемы определяется необходимостью комплексного анализа процессов и явлений, происходящих в словарном составе современного английского языка. Без внимания ученых большей частью остаются вопросы, связанные с внутриязыковой мобильностью и миграцией лексики, которые, по нашему мнению, являются важными, даже решающими факторами развития словарного состава современного английского языка.

Целью работы является выявление тенденций развития лексико-семантической системы английского языка в последние десятилетия, изменений в путях и способах обогащения словарного состава на основе анализа словообразовательных, семантических и фразообразовательных процессов.

Образование новых слов в языке всегда вызывает определенные трудности при их передаче в языке перевода. Собственно, в процессе перевода новообразований в сфере политической жизни переводчику-неспециалисту может оказать помощь его филологическая образованность, знание ассоциативных связей терминологических морфем, аффиксальных особенностей терминов. Итак, нашей задачей является выявление наиболее частотных способов создания лексических инноваций политической сферы в английском языке и адекватных средств их передачи средствами русского языка.

Анализируя лексические единицы-неологизмы сферы политической жизни, нами были выделены следующие модели словообразования, которые являются наиболее продуктивными:

1. Аффиксальный. Особенно интенсивно проходит образования суффиксальных неологизмов. Среди продуктивных суффиксов можно выделить такие, как *-er*, *-ism*, *-ness*, *-ship*: *birther* – «человек, который считает, что президент США Барак Обама родился не в Соединенных Штатах и, таким образом, по закону не может быть президентом страны», *declinism* – «мысль о том, что политическая и экономическая системы страны находятся в стадии необратимого процесса спада», *presidentialness* – «физические и нравственные качества человека, которые делают возможным его пребывания на посту президента США», *tripartisanship* – «сотрудничество

трех политических партий». Продуктивными приставками для образования неологизмов сферы политической жизни можно считать такие, как *over-*, *de-*, *micro-*, *under-*: *overvoting* – «выбор более чем одного кандидата в бюллетене для голосования», *de-elect* – «отстранить от должности избранное должностное лицо», *microdonor* – «лицо, предоставляющее небольшую сумму денег на политическую кампанию», *underdecided* – «быть неуверенным при выборе кандидата на выборах».

2. Телескопия. Материалы словарей новой лексики, периодической печати подтверждают вывод ученых об активизации телескопического словообразования [3, с. 102], то есть создание одного слова из двух других. Телескопический способ – достаточно молодой способ словообразования в английском языке, фактически он начал активно действовать в XX веке [10, с. 146]. Наиболее продуктивными моделями телескопии при образовании инноваций сферы политической жизни являются такие модели:

а) *ab* + *cd* > *ad* (сочетание начального фрагмента первого слова с конечным фрагментом второго слова):

Europe + *Armageddon* > *Eurogeddon*

Nobody wants to speak too soon, but the horrors of the past 12 months seem far away. Nothing has changed, of course. All the old nasties are still there, including looming Eurogeddon, but we're told that every possible hazard has been "priced in".

(Business LIVE, January 21, 2012)

information + *propaganda* > *infoganda*

When you watch the military flyovers here each July 3, that is really and sadly part of that infoganda campaign, which has gotten costly and almost sacrilegious if you oppose it.

(Telegraph Herald, March 14, 2010)

municipal + *suicide* > *municide*

Municide describes the death of cities through economic and political destruction.

(Examiner.com. November 18, 2010)

pollution + *politician* > *pollutician*

"Undoubtedly, since the injustice rendered our service personnel and families is under Republican leadership, I could be accused of being a dirty giveaway Democrat. But for any elephant entertaining this thought, it's my personal feeling that the next wonder of the world will be the discovery of a sincere 'pollutician,' elephant or donkey."

(Press Journal, March 19, 2001)

б) *ab* + *cd* > *ab / cd* (наложение конца первого слова на начало второго):

business + *Democrat* > *businesscrat*

In Washington, these “**businesscrats**” are also dubbed “**Kerrey candidates**,” because they are in many ways clones of the Nebraska Democrat – young, moderate, and successful in business.

(Christian Science Monitor, April 5, 1996)

в) $ab + cd > ab \setminus cd$ (наложение начала второго слова на конец первого):

democracy + crazy > democrazy

“We have a **democrazy** not a democracy. Democracy is a numbers game and if your electorate can be fooled because they are ignorant, then the game goes to the cheaters and the rabblersousers.”

(BusinessWorld, June 13, 2001)

Britain + exit > Brexit

But what would “**Brexit**” – a British exit from the 28-nation EU – look like? Eurosceptics argue that withdrawal would reverse immigration, save the taxpayer billions and free Britain from an economic burden. Europhiles counter that it would lead to deep economic uncertainty and cost thousands, possibly even millions, of jobs.

(The Guardian, May 14, 2015)

genetics + politics > genopolitics

The two didn’t realize it at the time, but they would soon reinvent themselves and help found the new field of **genopolitics**. To do that, they had to learn genetics and brain anatomy, forge ties with neuroscientists and molecular biologists, and do battle against skeptical colleagues.

(The Chronicle of Higher Education, October 3, 2008)

г) $ab + cd > ac$ (сочетание начального фрагмента первого слова с начальным фрагментом второго слова):

theologist + conservative > theocon

Libertarians distrust Bush’s tough law enforcement measures; neocons have split with the White House over foreign policy; cultural pessimists underestimated America’s spirit; **theocons** still embrace public religion, a concept instantly outdated by Sept. 11.

(Slate Magazine, December 3, 2003)

3. Аналогия. Значительную роль в создании новых лексических единиц играет аналогия, то есть новая единица создается не столько по определенной модели, сколько по образцу определенного слова (слов). В процессе аналогичного словообразования имеет место своеобразное моделирование, отражение модели образца, его морфологической структуры [4, с. 124]. Модель слова-образца только заполняется новым лексическим материалом путем замены одного из компонентов: **Baracknophobia** – «негативные чувства по поводу президентства Барака Обамы, основанные на расизме» (по аналогии с *arachnophobia*), **Generation O** – «поколение

людей в возрасте от 18 до 35, которые голосовали за Барака Обаму на президентских выборах в 2008 году» (по аналогии с *Generation Y*), *hyper-power* – «экономически, политически и военно развитая страна» (по аналогии с *super power*), *Market-Leninism* – «экономико-политическая система, сочетающая элементы капитализма и коммунизма» (по аналогии с *Marxist-Leninism*).

Как видно из приведенных примеров, современный английский язык за последние годы отреагировал на ход политических событий, образовав большое количество неологизмов, что представляет определенные трудности для переводчика в поиске адекватных вариантов перевода той или иной лексической единицы сферы политической жизни. Отметим наиболее применяемые способы перевода этих лексических единиц.

Тот факт, что неологизмы по своей природе обозначают языковую реалию определенной нации и требуют определенного времени для адаптации, а тем более для ассимиляции в языке-реципиенте, то наиболее продуктивным способом перевода подобных неологизмов, по данным нашего исследования, является описательный перевод – прием перевода новых лексических элементов исходного языка, когда слово, словосочетание, термин или фразеологизм заменяется в языке перевода словосочетанием, или большим по количеству компонентов словосочетанием, которое адекватно передает смысл этого слова или словосочетания [5, с. 36]: *dirty tricks Thursday* – «четверг накануне выборов, когда кандидаты обычно обвиняют своих оппонентов в скандальном поведении», *grasstops* – «лидеры партии или организации», *murder suicide* – «политическая кампания, которая вредит как оппоненту, так и собственно политику, который ее начал», *vote mob* – «собрание, организованное с помощью социальных сетей, для побуждения молодежи голосовать на выборах», *politainer* – «политик, который работал или работает в сфере развлечений», *pizza parliament* – «многопартийный парламент, где ни одна из партий не имеет большинства мест».

По нашему мнению, учитывая бурное развитие большого количества сфер человеческой жизни и его мгновенного отражения в словарном составе английского языка, продуктивным способом перевода неологизмов политической сферы в перспективе будет такой, как транскодирование с объяснением содержания лексической единицы языка оригинала: *Baracknophobia* – «Баракофобия» (негативные чувства по поводу президентства Барака Обамы, основанные на расизме).

Таким образом, рассмотренный материал свидетельствует,

что политическая жизнь выступает одним из важных макросоциальных факторов, оказывающих значительное влияние на инновационные процессы в словарном составе современного английского языка. В связи с этим возникают определенные трудности в процессе переводческой деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка / Ш. Балли. – М. : Издательство иностранной литературы, 1955. – 416 с.
2. Бортничук Е. Н. Словообразование в современном английском языке / Е. Н. Бортничук, И. В. Василенко, Л. П. Пастушенко. – К. : Вища шк., 1988. – 261 с.
3. Жлуктенко Ю. А. Неологизмы – телескопные слова / Ю. А. Жлуктенко // Английские неологизмы. – К. : Наук. думка, 1983. – С. 101-113.
4. Иванова Н. А. Словотвірний потенціал англomовних лексичних інновацій сфери екології та проблеми їх перекладу українською мовою / Н. А. Иванова // Філологічні трактати. Науковий журнал. – Т. 2, №1. – Суми : Вид-во СумДУ, 2010. – С. 121-128.
5. Карабан В. Переклад наукової і технічної літератури. Частина 2. Лексичні, термінологічні та жанрово-стилістичні труднощі / В. Карабан. – Вінниця: Нова книга, 2001. – 303 с.
6. Квеселевич Д. И. Интеграция словосочетания в современном английском языке / Д. И. Квеселевич. – К. : Вища шк., 1983. – 84 с.
7. Кубрякова Е. С. Словообразование // Лингвистический энциклопедический словарь / Е. С. Кубрякова. – М. : Сов. энциклопедия, 1990. – С. 331.
8. Кубрякова Е. С. Когнитивные аспекты в исследовании семантики слова / Е. С. Кубрякова // Семантика языковых единиц. Доклады VI международной конференции. Т. 1. – М. : СпортАкадемПресс, 1998. – С. 47-50.
9. Кулинич М. А. Телескопное словообразование как источник неологизмов / М. А. Кулинич // Системные связи в лексике и грамматике германских языков. – Самара, 1991. – С. 13-19.
10. Ревзина О. Г. Структура словообразовательных полей в славянских языках / О. Г. Ревзина. – М. : Изд-во МГУ, 1969. – 154 с.
11. Stein G. John Ayto. Twentieth Century Words / G Stein // International Journal of Lexicology. – Vol. 14, № 2. – June 2001. – P. 145-148.

АННОТАЦИЯ

Бондаренко Н.Ю. Словообразовательный потенциал англоязычных лексических инноваций сферы политической жизни и некоторые проблемы их перевода

В статье рассматриваются тенденции развития лексико-семантической системы английского языка под влиянием экстралингвистических факторов, описываются способы обогащения словарного состава английского языка на основе анализа словообразовательных процессов. Рассматриваются основные способы перевода новообразований сферы политической жизни на русский язык.

Ключевые слова: словообразование, неологизм, модель словообразования, аффиксация, телескопия, аналогия, продуктивные способы перевода, описательный перевод, транскодирование.

SUMMARY

Bondarenko N.Yu. Word-building peculiarities of English lexical innovations of political sphere and ways of their translation

The article deals with the tendencies of development of English lexical-semantic system under the influence of extralinguistic factors, describes the ways of enriching of English vocabulary while analyzing its word-building processes. The author describes the main ways of translation of the lexical innovations into Russian.

Key words: word building, neologism, word building model, affixation, blending, analogy, productive ways of translation, descriptive translation, transcoding.

*Ю.Л. Дмитриева
(г. Горловка)*

УДК 811.161.1

КРАТКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОГО ПОНЯТИЯ «КАРТИНА МИРА»

Одним из базовых понятий лингвокультурологии является картина мира, относящаяся к числу фундаментальных, выражающих специфику человека и его бытия, взаимоотношения личности с миром, важнейшие условия существования индивидуума в мире.

Как отмечает В. Постовалова, данный термин был введён в научный оборот в рамках физики в конце XIX – начале XX вв. Одним из первых его использовал Г. Герц применительно к

физической картине мира, «тракуемой им как совокупность внутренних образов внешних предметов, из которых логическим путём можно получать сведения относительно поведения этих предметов» [11, с. 12]. Однако использовавший этот термин М. Планк различил научную и физическую картину мира. Под последней учёный понимал образ мира, который формируется физикой как наукой и отражает реальные закономерности онтологического мира. Н. Алефиренко упоминает о дифференциации М. Планком научной и практической картины мира, под которой понимается «целостное представление человека об окружающей действительности, которое возникает в процессе переживания всего того, что вызывает у него жизненный интерес, волнует воображение, формирует ценностные смыслы для обыденной жизни» [3, с. 11].

Картина мира рассматривалась в культурологических и лингвосомиологических работах (А. Золотарёв, О. Фрейденберг и др.). Так, в XX ст. исследование данного феномена проводилось в рамках теории лингвистической относительности Э. Сепира и Б. Уорфа. В. Даниленко отмечает, что «критические стрелы, пущенные в адрес гипотезы относительности Сепира-Уорфа, не должны погубить главное детище её авторов – понятие языковой картины мира» [6]. Согласно подходу учёного, больше разработан упомянутый термин в работах Б. Уорфа, хотя в статье Э. Сепира «Грамматист и его язык» есть указание на картину мира; ср.: «Мир языковых форм, взятый в пределах данного языка, есть завершённая система обозначения... Переход от одного языка к другому психологически подобен переходу от одной геометрической системы отсчёта к другой»; «Каждый язык обладает законченной в своём роде и психологически удовлетворительной формальной ориентацией, но эта ориентация залегает глубоко в подсознании носителей языка...»; «Языки являются по существу культурными хранилищами обширных и самодостаточных сетей психических процессов...» [6]. В этих цитатах Э. Сепира есть указание на важную роль языка как «совершенную символическую систему, использующую абсолютно однородные средства для обозначения любых объектов и передачи любых значений, на которые способна данная культура, независимо от того, реализуются ли эти средства в форме реальных сообщений или же в форме такого идеального субститута сообщения, как мышление» [13, с. 226]. Однако заслуга Б. Уорфа в том, что он различал языковую и научную картины мира и определял их как «систему анализа окружающего мира». В работе «Отношения норм поведения и мышления к языку» [14, с. 26-40] исследователь говорит о «мыслительном

мире» человека, при помощи которого он может измерить и понять окружающую действительность. Такой «мыслительный мир» очень близок к понятию «картина мира», поскольку он принадлежит сознанию человека и содержит информацию, посредством которой индивидуум способен ориентироваться в мире. Кроме того, этот «микромир» (по терминологии Б. Уорфа) соотносится с «макромиром», позволяя успешно действовать в последнем.

Считается, что понятие «картина мира» впервые было использовано Л. Витгенштейном в философских трактатах. В лингвосомиотику его перенёс Л. Вайсгербер [2, с. 96]. В «Словаре культуры XX в.» данная информация несколько конкретизируется: анализируемое понятие введено впервые Л. Витгенштейном в «Логико-философском трактате», однако в антропологию и семиотику пришло из трудов Л. Вайсгербера [12, с. 128]. Действительно, в названной работе немецкий философ даёт представление картины мира как ментального конструкта, который имеет некоторую тождественность с реальной действительностью: «очевидно, что как бы не отличался воображаемый мир от реального, он должен иметь нечто – некоторую форму – общее с действительным миром» [Витгенштейн, с. 40]. Эта форма и состоит из объектов, которые, соединяясь, образуют атомарные факты. Последние есть действительность, которая во всей своей совокупности, согласно автору «Логико-философского трактата», является миром. Таким образом, Л. Витгенштейн говорит о существовании в сознании человека тождественного онтологическому миру. Сам термин мы встречаем в тезисе: «The totality of true thoughts is a picture of the world» [4, с. 51]. Считаем целесообразным отметить, что словоформа «picture» эквивалентна в русскоязычной версии лексеме «образ», вследствие чего в русскоязычном переводе используется термин «образ мира».

Согласно результатам аналитического обзора И. Зыковой, анализируемое понятие особенно активно разрабатывалось в научном дискурсе в 1960-70-х гг. в рамках таких направлений, как лингвофилософия, когнитивная лингвистика, этнолингвистика, лингвокультурология, лингвистика текста, (этно)психоллингвистика и др. Это обуславливает многочисленность экспликаций рассматриваемого феномена. В философском словаре картина мира определяется как целостный образ мира, имеющий исторически обусловленный характер, который формируется в обществе в рамках исходных мировоззренческих установок [15, с. 234]. В «Словаре культуры XX в.» исследуемый феномен эксплицируется как система

интуитивных представлений о реальности [12, с. 127]. В «Краткий словарь когнитивных терминов» Е. Кубряковой данный термин не вошёл. У Л. Витгенштейна картина мира – это совокупность истинных мыслей, модель действительности, которой присущи отношения отображения. Г. Колшанский считает наиболее целесообразным такое понимание картины мира, «которое соотносилось бы с обобщённым (научным) представлением человечества о сущности окружающего его мира на определённом этапе его развития» [9, с. 21]. В. Постовалова даёт несколько определений картине мира: во-первых, это «целостный глобальный образ мира, который является результатом всей духовной активности человека, а не какой-либо одной её стороны»; во-вторых, данный образ лежит в основе мировидения человека и репрезентирует сущностные свойства мира в понимании его носителей; в-третьих, это субъективный образ объективной реальности, входящий в класс идеального, которое объективируется в знаковых формах, не запечатлеваясь полностью ни в одной из них [11, с. 19, 21]. И. Стернин и В. Попова определяют картину мира как упорядоченную совокупность знаний о мире, сформировавшуюся как в общественном, так и в групповом или индивидуальном сознании. Картина мира – это, прежде всего, результат познания [10, с. 51]. По утверждению Н. Алефиренко, «результаты познания отражаются и закрепляются в сознании человека в виде знаний, умений и навыков, типов поведения и общения. Совокупность результатов познавательной деятельности человека образует определённая картина мира» [3, с. 11]. В понимании исследователя картина мира – это «структурированное сознанием отображение действительности со всеми её когнитивными элементами, находящимися в различных связях, отношениях и состояниях» [1, с. 8]. Именно в этом он усматривает когнитивную сущность рассматриваемого понятия, отмечая, что такое отображение не является зеркальным отображением онтологического мира, а результатом двуединого процесса – логического и чувственного познания, что «определяет его творческий, преобразующий, интерпретирующий характер, представленный в картине мира социума» [2, с. 96]. В. Карасик указывает на употребление данного термина для обозначения способа упорядочения знаний [8, с. 172]. Н. Гончарова под картиной мира понимает «отражение мира в сознании, представления человека о мире, информацию о среде и человеке» [5, с. 397]. И. Зыкова в наиболее обобщённом понимании трактует картину мира как «(ментальный) способ (или форму) и результат отражения (отображения, выражения) человеком мира» [7, с. 16].

Из приведённых дефиниций можно выделить ряд основных когнитивных признаков картины мира и сформулировать рабочее определение данного феномена: 1) исследуемое явление присуще сознанию человека или группы людей; 2) оно формируется при непосредственном взаимодействии индивидуума с онтологическим миром; 3) картина мира отображает представления человека или коллектива людей об окружающей среде и самом человеке; 4) она формируется через логическое и чувственное познание и содержит субъективную информацию об объективной реальности; 5) данный феномен имеет исторически обусловленный характер. Таким образом, картина мира является результатом познания индивидуумом реальной действительности, неким идеальным аккумулирующим, обобщающим и систематизирующим приобретённые знания, умения, навыки, стратегии поведения и коммуникации конструктом, который формируется в сознании и объективируется различными знаковыми системами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алефиренко Н. Ф. Картина мира и этнокультурная специфика слова / Н. Ф. Алефиренко // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2009. – №4. – Т. 14. – С. 5–9.
2. Алефиренко Н. Ф. Лингвокультурология. Ценностно-смысловое пространство языка: учеб. пособие / Н. Ф. Алефиренко. – М.: Флинта, Наука, 2010. – 224 с.
3. Алефиренко Н. Ф. Научное и обыденное в языковой картине мира / Н. Ф. Алефиренко // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. – 2011. – № 24 (239). – Вып. 57. – С. 11–14.
4. Витгенштейн Л. И. Логико-философский трактат / Л. И. Витгенштейн. – М.: «Канон +» РООИ «Реабилитация», 2008. – 288 с.
5. Гончарова Н. Н. Языковая картина мира как объект лингвистического описания / Н. Н. Гончарова // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. – 2012. – № 2. – С. 396–405.
6. Даниленко В. П. Языковая картина мира в гипотезе Сепира-Уорфа / В. П. Даниленко [Электронный ресурс] // Персональный сайт профессора В. П. Даниленко. – Режим доступа к ресурсу: <http://old.islu.ru/danilenko/articles/sepirkart.htm>
7. Зыкова И. В. «Концептосфера культуры» как базисная единица метаязыка лингвокультурологии / И. В. Зыкова // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2015. – № 2 (043). – С. 13–24.

9. Карасик В. И. Этноспецифичные концепты / В. И. Карасик // Введение в когнитивную лингвистику: учеб. пособие / отв. ред. М. В. Пименова. – Кемерово: КемГУ, 2009. – С. 59–102.
10. Колшанский Г. В. Объективная картина мира в познании и языке / Отв. ред. д. филол. наук А. М. Шахнарович. – М.: Академия наук СССР: Ин-т языкознания, 1990. – 107 с.
11. Попова З. Д. Когнитивная лингвистика / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – М.: АСТ: Восток–Запад, 2007. – 314 с. (Лингвистика и межкультурная коммуникация. Золотая серия).
12. Постовалова В. И. Картина мира в жизнедеятельности человека / В. И. Постовалова // Роль человеческого фактора в языке: язык и картина мира / Б. А. Серебренников, Е. С. Кубрякова, В. И. Постовалова и др. – М.: Наука, 1988. – С. 8–69.
13. Руднев В. П. Словарь культуры XX в. / В. П. Руднев. – М.: Аграф, 1999. – 384 с.
14. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии: Пер. с англ. / Общ. ред. и вступ. ст. А. Е. Кубрика. – М.: Издательская группа «Прогресс», «Универс», 1993. – 656 с. – (Филологи мира).
15. Уорф Б. Л. Отношение норм поведения и мышления к языку / Б. Л. Уорф // Язык и культура. Хрестоматия / Сост. З. А. Харитончик, Г. Н. Третьякова. – Мн.: МГЛУ, 2002. – С. 26–40.
16. Философский словарь / Под ред. И. Т. Фролова. – 7-е изд., перераб. и доп. – М.: Республика, 2001. – 719 с.

АННОТАЦИЯ

Дмитриева Ю.Л. Краткая историография лингвокультурного понятия «картина мира»

Картина мира является неким идеальным накапливающим, обобщающим и систематизирующим приобретённые знания, умения, навыки, стратегии поведения и коммуникации конструктом, который формируется в сознании и объективируется различными знаковыми системами. Исследуемое явление присуще сознанию человека или группы людей. Оно формируется при непосредственном взаимодействии индивидуума с онтологическим миром. Картина мира отображает представления человека или коллектива людей об окружающей среде и самом человеке. Она формируется через логическое и чувственное познание и содержит субъективную информацию об объективной реальности.

Ключевые слова: картина мира, сознание, языковые средства объективации, онтологический мир.

SUMMARY

Dmitrieva J. A brief historiography of the lingual-cultural notion of «picture of the world»

Picture of the world is a kind of ideal summarizing and systematizing of the acquired knowledge, abilities, skills, behavior strategies and communication construct, which is formed in the mind and objectified by various symbolic systems. This phenomenon is inherent in the consciousness of the person or group of people. It is formed by direct interaction of the person with the ontological world. Picture of the world displays the views of a person or group of people about the environment and the human. It is formed through logical and emotional cognition and contains subjective information about the objective reality.

Key words: picture of the world, consciousness, means of language, ontological reality.

*Л.А. Жиденко
(г. Горловка)*

УДК 81'1 + 81'373.46

**ВЛИЯНИЕ ПРОЦЕССОВ ГЛОБАЛИЗАЦИИ
НА ЭВОЛЮЦИЮ РУССКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ**

Современная жизнь, развитие науки невозможно без диалога культур, которое происходит на данном этапе на фоне глобализации. Известно, что при контакте различных культур, на любом уровне, происходит процесс обмена и взаимообогащения человеческого существования и в первую очередь на языковом уровне. Любой процесс в языке не может рассматриваться изолированно, а только в контексте всех факторов, которые являются определяющими для этого процесса. Лексический состав языка (русский в частности), переживает сегодня период активного развития, что связано с историческими, политическими и международными событиями. Наиболее четко этот процесс проявляется в специальном слое лексики – терминологии, которая эксплуатируется наукой, техникой, искусством и другими отраслями, связанными с человеческой деятельностью и активным познанием мира.

Так, целью этой работы является изучение последствий влияния глобализации на язык в целом, и на развитие современной русской терминологии в частности.

Что до самого понятия «термин», некоторые ученые считают, что это специальные слова или словосочетания, которые

отличаются от других номинативных единиц однозначностью и точностью. Другой существующей точкой зрения на термин является такая, что это может быть любое слово, т.к. термин – это не особенные слова, а особенная функция их употребления. Мы склоняемся к определению термина, предложенному Л. И. Ивиной: «Термин – это основная единица науки, специальных областей знаний и сфер деятельности человека, которая должна доминировать над объектами и процессами и одновременно служить способом познания окружающего мира» [4, с. 14].

«Окружающий мир» и процессы глобализации тесно между собой связаны. Тема глобализации исследуется многими учеными, т.к. с каждым днем она набирает все большие обороты, открывая новые взаимосвязи. По мнению Н. Е. Тарасовой, «Суть глобализации заключается в расширении и усилении взаимосвязи и взаимозависимости между субъектами, в роли которых могут выступать страны, или конкретные люди. Таким образом, определяющими понятиями глобализации являются взаимосвязь и взаимозависимость участников этого процесса» [5, с. 399]. Любая взаимосвязь подразумевает сближение, тесную связь, образование общей сферы деятельности и интересов. Правда, процесс глобализации иногда наводит человека на мысль, что при таких условиях он способен раствориться в огромном мировом процессе.

Каждое общество заинтересовано в сохранении своей языковой культуры, но глобальное информационное пространство, компьютерная революция превращают это в довольно сложную задачу. Эволюция современной русской терминологии по большей части обусловлена быстротой развития науки, как отечественной, так и мировой. Возникает потребность обработки новых публикаций, перекодировка научной информации с мировых языков на родной. Одновременно с получением новой информации, новых знаний, происходит и процесс заимствования языковых форм. Язык современной науки имеет тенденцию к созданию универсальных форм выражения. В лексическом составе многих научных работ, написанных на разных языках мира, существует множество общих лексем.

Довольно долгое время терминология русского языка образовывалась и пополнялась терминами на латинском языке, особенно в областях медицины и риторики. Некоторые из терминов переводились поморфемно, т.е. калькировались. И если их морфемный состав не противоречил образованию русского слова, широко затем использовались наравне со свойственными русскому языку.

За последнее время произошел терминологический «взрыв» во всех областях знаний – технических, экономических, гуманитарных и правовых. Возникла необходимость в систематизации спонтанно возникших терминов. Формирование национальной терминологии требует систематических исследований, разработки своей концепции, которая должна базироваться на национальной почве, но в то же время учитывать международный опыт и достижения. Проблема национальной терминологии обусловлена влиянием глобализации современной науки и связанным с ней большим притоком иностранной лексики. Среди прочих, крупномасштабные глобализационные процессы выдвинули на первое место в мировой коммуникации английский язык. При условии продуманного использования, последний обогащает словарный запас ученого, оказывает благотворное влияние на развитие современной терминологии.

К наиболее дискуссионным вопросам относятся упорядочение и стандартизация национальных терминологических систем, а также сохранение и развитие необходимой терминологической лексики в условиях глобализации. Известно, что влияние происходит как через содержание информации, так и ее форму (язык, способ представления, стиль). Весь этот комплекс влияний создает то, что можно назвать общим семантическим пространством общества. Глобализация культуры формирует общие для всех культур в мире формы и структуры, которые обеспечивают общение между отдельными лицами и группами. Также – это формирование такой знаковой системы (в частности терминологии), которая была бы пригодна для описания различных реалий всех обществ, участвующих в глобализационных процессах. Таким образом, системное изучение влияния различных культур и языков на терминосистему необходимо для прояснения роли и места таких слов в языковом пространстве. Однако и само понятие «терминология» остается спорным. Как показывает практика, терминосистемы считаются закрытыми или открытыми с учетом способа их организации и пополнения лексического запаса. Некоторые лингвисты считают, что терминосистемы любого языка создаются искусственно, что каждая лексическая единица (термин) должна иметь ограничения в употреблении. Другие утверждают, что терминосистема возникает путем организации стихийно возникшей терминологии. При образовании и формировании терминосистем важную роль играют как

экстралингвистические факторы, которые обуславливают необходимость господства понятий в области знаний и в сфере деятельности, необходимости расширять или детализировать понятие основных отраслей науки, так и лингвистические, связанные с разнообразием понятийных отношений, которые передаются терминами и возможностью объединить разные в понятийном отношении компоненты в многосложных терминах. Пополнение лексического запаса терминосистемы происходит не только за счет появления новых терминов (в социально-политических науках это происходит в меньшей степени, чем в естественных или инженерных, связанных непосредственно с исследованием, экспериментом, производством). В процессе межотраслевых коммуникаций происходит взаимное заимствование терминов соответствующими, свойственными области применения, терминосистемами. Этот процесс можно назвать процессом интеграции терминосистем под влиянием глобализации.

Глобализация в научной сфере больше всего влияет на эволюцию терминологии в области гуманитарных наук. За счет легкости трансграничных влияний, развитию телекоммуникаций – существенно пополнился состав научно-технических и спортивных терминов. Как уже упоминалось, существенную роль в пополнении терминологии играет английский язык.

Для массового пользователя компьютерной техники английские термины *опция, макрос, принтер, сайт, сервер, файл* давно проникли в сознание. Лингвисты широко используют слово *концепт* вместо существующего слова *понятие*. Экономисты, обозначая участников рыночных отношений, используют такие термины, как *брокер, менеджер, дистрибьютор*. В политологии распространенными стали *электорат, электор*. В спорте давно используются слова *рефери, вратарь, хавбек*. В журналистике распространенным термином является *масс-медиа*. В терминологию гуманитарных наук давно вошел термин *дискурс*. Но мы считаем, что англицизмы, т.е. слова и словосочетания, заимствованные из английского языка, либо образованные по его образу и подобию, уместны только в том случае, если обозначают понятия, которые по разным причинам еще не были названы возможными средствами родного языка, или не имеют равноценного соответствия.

Часто в научных текстах употребляются англоязычные заместители общеупотребимых слов: *креативный* вместо *творческий*, *латентный* вместо *скрытый*, *вариабельный* вместо *изменчивый*.

Можно привести целый ряд примеров, когда заимствования поддаются переводу на русский язык, но, тем не менее, в большинстве случаев, используется их английский вариант. Среди них: *андеграунд* – *подпольный*; *апликант*, *апликация* – *заявитель, заявление*; *бигборд* – *стенд*; *бизнес-ланч* – *деловой обед*; *бренд* – *торговый знак*; *джек пот* – *наивысшая сумма выигрыша*; *интенция* – *намерение*; *кастинг* – *конкурсный отбор*; *котон* – *хлопок*; *памперс* – *подгузник*; *плеер* – *проигрыватель*; *прайс-лист* – *ценник*; *провайдер* – *поставщик*; *прессинг* – *давление*; *промоушн* – *помощь, поддержка, содействие*; *рецепция* – *восприятие*; *суицид* – *самоубийство*; *тост* – *гренка*; *фан* – *болельщик* и т.д. Многие ученые считают, что использование таких терминов является своего рода данью моде, привычке слышать их в средствах массовой информации, или неумению перевести их на родной язык. Хотя следует отметить, что в пользу употребления англицизмов, вместо русского перевода, говорит их компактность, возможность использования одного слова для определения целого понятия или действия.

Известно, что любой язык находится в состоянии непрерывного развития и процессы глобализации не должны создавать опасности утраты различными культурами своей индивидуальности, своей специфики. Исчезновение последних чревато потерей носителями данной культуры своей собственной самоидентичности, что, в конце концов, может привести к размыванию культур, и как следствие, к отсутствию разнообразия между ними.

Таким образом, мы можем прийти к выводу, что пополнение состава терминов родного языка иностранными должно быть обусловлено прагматическими потребностями, невозможностью использования уже существующих. Вопрос о том, как заимствовать названия наиновейших технических средств, юридических и экономических явлений, до сих пор остается открытым. Так, например, конкретизация определенных понятий требует определенных заимствований. В сфере экономики на равных правах с русскими терминами действуют такие заимствования и новообразования, как: *маржа* – *разница между ценами*; *фьючерсы* – *вид ценных бумаг на бирже*; *брендинг* – *продвижение конкретной марки на рынок*; *ваучер* – *ценный документ, расписка, которые уже давно естественны в своем заимствованном виде, естественно воспринимаются без перевода, особенно если употребляются в сфере международных экономических отношений*. Пополнение терминологии русского языка происходит и за счет заимствованных терминов, употребление которых стало необходимым по причине

возникновения новых профессий и специальностей, таких как: *менеджер, дистрибьютор, мерчандайзер*.

Пополнение лексики международного права происходит за счет интеграционных и миграционных процессов в терминологических системах современного русского языка и лексических заимствований из других языков, особенно английского. Тенденции развития юридического лексикона русского языка ярко отображают процессы терминотворчества в других высокоразвитых языках мира, где обновление национального языкового ресурса согласуется с межнациональным терминологическим прототипом.

Каждое заимствованное слово или термин включает в себя набор формальных вариантов, поэтому, переходя из одного языка в другой, заимствованные слова подчиняются вариативности языка реципиента. От заимствованных существительных образуются сходные по значению прилагательные: *мерчандайзинг – мерчандайзинговый, маркетинг – маркетинговый*. Прочно закрепились в словаре русского языка смешанные заимствования, когда один или несколько компонентов являются словами, пришедшими из английского языка, а остальные русскими, например: *конференц-зал, звезды шоу-бизнеса*. В этой группе заимствований русский язык использует лексические явления и термины другого языка без ущерба для своей структуры.

Таким образом, мы можем прийти к выводу, что глобальная взаимозависимость является объективной реальностью, и мы живем и работаем во взаимозависимом мире, в котором существуют взаимопротивоположные языковые тенденции: движение к единству и в то же время поиск собственной уникальности. Обмен информацией происходит во многих направлениях – социокультурном, технологическом, государственном. Невозможно игнорировать существование других культур и их достижения. В связи с развитием новых технологий, общедоступностью спутниковых коммуникаций, сети Интернет взаимодействие различных культур мира, а соответственно заимствование из других языков являются неизбежными. Таким образом, происходит эволюция национальных терминологических систем, при условии, что лексические новообразования обогащают словарь родного языка и подчиняются его законам, правилам грамматики, фонетики и словообразования. Однако использование иностранной терминологии должно быть обдуманным и не уменьшать значение родного языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Авербух К. Я. Общая теория термина / К. Я. Авербух. – Иваново : Ивановский гос. ун-т, 2004. – 251 с.
2. Алексеева Л. М. Проблемы термина и терминообразования / Л. М. Алексеева. – Пермь, 1998. – 120 с.
3. Володина М. Н. Когнитивно-информационная природа термина / М. Н. Володина. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 2000. – 128 с.
4. Ивина Л. И. Лингво-когнитивные основы анализа отраслевых терминосистем / Л. И. Ивина. – М. : Изд-во Академический проект, 2003. – 304 с.
4. Основные аспекты исследования лингвистической терминологии как подсистемы литературного языка // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. Спецвыпуск «Вопросы филологии». – Ростов н/Д., 2006. – С. 43-54.
5. Тарасова Н. Е. Сущность и особенности глобализации на современном этапе развития экономики / Н. Е. Тарасова // Молодой ученый. – 2013. – № 10. – С. 398-400.

АННОТАЦИЯ

Жиденко Л.А. Влияние процессов глобализации на эволюцию русской терминологии

Статья рассматривает объективные причины воздействия глобализации на развитие русской терминологии, в частности рассматриваются конкретные примеры влияния английского языка на словообразование в русском. Акцентируется вопрос взаимозависимости языков в современном мире. Обозначены положительные и отрицательные моменты этого процесса. Привлекается внимание к возможной опасности утраты национальной культурой своей специфики под воздействием активных процессов глобализации.

Ключевые слова: глобализация, термин, терминосистема, языковая культура, взаимовлияние, интеграция, заимствование.

SUMMARY

Zhidenko L.A. The impact of globalization processes on the evolution of Russian terminology

The article considers the objective causes for the impact of globalization on the development of Russian terminology, in particular the specific examples of the influence of English on word formation in Russian. Special regard is paid to the interdependence of languages in the modern world. Positive and negative aspects of this process are outlined. Attention is drawn to the possible risk of loss of national

culture, its specificity under the influence of active processes of globalization.

Key words: globalization, term, terminological system, language, culture, interaction, integration, borrowing.

*Ю.Ю. Жуков
(г. Горловка)*

УДК 811.161.1

СОДЕРЖАНИЕ КОНЦЕПТА 'ЗАКОН' И ЕГО ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ В ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Термин «концепт», являющийся на сегодняшний день ключевой единицей лингвокультурологии, пришёл в лингвистику, культурологию, а затем и лингвокультурологию из логики и математики. В силу направленности научных поисков, в исследовании описывается концепт именно с точки зрения лингвокультурологии.

Язык и культура влияют друг на друга в одинаковой степени, взаимно дополняют друг друга. Современные исследования, изучающие взаимообусловленность языка и культуры, исходят из того, что в отношении друг к другу язык и культура прежде всего представляются факторами взаимного развития и существования. Культура в данном случае понимается как «широкое социальное естество общества, отражающее в своём зеркале все поверхностные и глубинные процессы, происходящие в данном обществе» [8, с. 6]. Культура может выступать одним из мотивирующих факторов как развития, так и существования языка. С другой стороны, и сам язык выступает в качестве мотивирующего фактора существования, развития культуры в широком понимании этого слова [8, с. 4].

Накопление, подбор, передача жизненных знаний, умений и опыта выступают естественными и неотъемлемыми факторами развития этнических и культурных групп людей. Согласно исследованиям В. И. Карасика, жизненный опыт в коллективном и индивидуальном сознании категоризируется в соответствии с определенными ориентирами, которые обусловлены личной и коллективной деятельностью, направленной на освоение внешнего и внутреннего мира. Язык при этом исполняет роль концентрата информации. Так как от поколения к поколению возникают новые знания реалий окружающего мира, они

находят свое отражение также и в языке. Содержательные единицы языка образуют лингвокультурный код – систему взаимосвязанных значений, отражающих специфическое, присущее определенному языковому сообществу исторически обусловленное миропонимание. Единицами лингвокультурного кода являются концепты [4, с. 149–150].

Концепт в лингвистике активно разрабатывается в современной науке о языке. В этой парадигме получает развитие теория семантики и лексико-семантических полей. В рамках этой парадигмы реализуются два важнейших направления – лингвокогнитивное и лингвокультурологическое. С точки зрения лингвокогнитивного подхода выявляются способы языкового представления переживаемого опыта, при этом во внимание принимаются общие для нескольких языковых групп факторы, делается попытка обобщить знания об определенных явлениях жизни; в рамках второго направления в поле зрения исследователей оказывается этнокультурная или социально-групповая специфика осмысления такого опыта. В этом случае большее внимание уделяется особенностям, различиям в восприятии, одних и тех же, а также уникальных понятий, представителями лингвокультурных сообществ.

Изучение лингвокультурных концептов направлено на выявление характеристик языкового освоения действительности. Концепт представляет собой квант переживаемого знания, соединяющий в себе индивидуально-личностные и культурно-групповые смыслы [6] и включающий понятийное, образное и ценностное измерения [3].

Для исследования конкретной культуры целесообразно выделить важнейшие ее концепты, которые составляют ядро и отражают определенный способ восприятия и отношения к явлениям окружающей действительности [6]. Конечной целью таких исследований должно стать систематическое представление о порядке мироздания глазами представителей лингвокультуры, составление полной когнитивной картины мира. В нашем исследовании описывается концепт ‘Закон’ в русской лингвокультуре с его особенностями в смысловом наполнении и передача этих смыслов средствами языка.

Концепт ‘Закон’ является культурной константой, постоянно присутствующим, относительно устойчивым ментальным образованием. В качестве близких понятий концепту ‘Закон’ в русской лингвокультуре выступают: 1) согласие, 2) кодифицированная норма поведения, санкционированная государственной властью, 3) неписаная, но строго соблюдаемая норма поведения, продолжающая вековые традиции, 4) запрет,

5) обязанность, 6) дозволение, 7) источник права, 8) ограничение свободы действий. Именно понимание закона как ограничителя, предела свободы отличает смысловое наполнение от смысла концепта 'Закон' в западноевропейском (английском, немецком) языковом сознании, где он понимается как гарант свободы, установленная норма.

Как один из ключевых концептов 'Закон' регулирует социальное поведение носителей русской лингвокультуры. В сознании людей он ассоциируется с идеей нарушения закона и оценкой его соблюдения (*недостаточное, чрезмерное соблюдения закона; ср.: следовать букве закона, закон не писан*). Также важным моментом является функционирование закона, как бы самостоятельно, «отдельно» от людей, которые заботятся о его вступлении в силу и дальнейшем исполнении. Эта особенность закреплена в языке и реализуется, например, в сочетаниях *закон требует, закон обязывал, закон якобы ограничит свободу слова, закон четко определяет клевету, в России действует антитабачный закон, на практике закон часто не работает* и т.д.

Анализ семантики и этимологии имени концепта может также дать представление о его смысловом наполнении. В словаре В. И. Даля слово *закон* понимается как «предел, постановленный свободе воли или действий; неминуемое начало, основание; правило, постановление высшей власти» [2]. В соответствии с данными этимологического анализа в русской лингвокультуре слово *закон* восходит к *конъ* – «начало» и «конец», сначала, вероятно, кол, столб (который служит, например, для разграничения земельных участков). От того же корня *kon– // *ken– происходит «возникать, начинаться; начинать, положить начало чему-либо» и глагол *сеті* «начать», который путем префиксальной трансформации отразился в русском глаголе *на-чать* [7, с. 75]. Как видим, этимология и внутренняя форма отсылают к идее о законе как об ограничении свободы.

Следует отметить, что концепт 'Закон' существует в трех различных сферах, в силу чего семантика его имени имеет три основных компонента: закон юридический (об уголовном, административном правонарушении); закон моральный либо духовный; закон науки, природы. В силу своей социокультурной значимости нас интересуют способы вербализации первого компонента данного концепта и его взаимосвязь со вторым компонентом [6, с. 427].

Государственные законы в значительной степени опираются на нормы морали, то есть на некодифицированную форму регулирования социокультурных отношений. Нормы морали находят отражение в поступках людей и реакции на них. При

этом типичные реакции закрепились в виде пословиц, афоризмов, фразеологизмов и других устойчивых выражений, а также в сжатой форме отобразились в значениях слов [5, с. 81]. Анализ лексикографических и справочных источников по русскому языку показал, что фразеологизмы, в форме которых зафиксировано имя исследуемого концепта, в большей степени получают негативную эмоциональную окраску: *закон не писан; закон, что дышло; драконовские законы* [1, с. 233–235]. Такое отношение может быть связано с традиционно низким уровнем исполнения законов, их несовершенством и несоответствием современным условиям жизни. Однако, с другой стороны, в русской лингвокультуре закрепились также образцы почтительного и уважительного отношения к законам: *неписанный закон, по закону, закон есть закон* [6, с. 165]. Наибольшей почитаемостью обладают правовые нормы, которые основываются на нормах морали, закрепленные в памяти, сознании народа, апеллирующие к вечным народным ценностям.

В качестве примера репрезентации имени концепта 'Закон' выступает сфера регулирования супружеских отношений. Вступление в брак обозначается выражением *принимать / принять закон*, развод – сочетанием *разбить закон*, прожить жизнь в одном браке – *жить в одном законе* [5, с. 242–243]. То есть, законом регулируются почти все межличностные и гражданские отношения. Вариативность отношений к такому социальному явлению, как закон, свидетельствует о постоянном развитии общества, об изменениях в национально-культурном и общественном сознании носителей русского языка.

Анализ текстов публицистического стиля позволяет сделать выводы о функционировании исследуемого концепта в современной русской речи, в современной лингвокультурной ситуации (ЛКС). Следуя за В. М. Шаклеиным, под ЛКС мы будем понимать совокупность экстра- и интралингвистических факторов развития лингвокультуры на определенном этапе [8]. Полученные данные позволяют сказать, что в современной речи имя концепта 'Закон' не часто используется в составе фразеологизмов и поговорок. Этому может способствовать то, что чаще всего речь идет о государственных законах. Употребление имени концепта связано с его возникновением и функционированием: *принятые законы, поправки в закон, подписать закон, придерживаться закона*. Отдельно следует отметить большое количество примеров, в которых лексема *закон* функционирует в составе активных залоговых конструкций: *закон не позволяет, новый закон убьет незаконный игорный бизнес, вступает в силу закон, закон*

... затрагивает лишь малую часть этой проблемы, закон не запрещает. Эти примеры использования активных конструкций демонстрируют осмысление закона, как ограничителя, как предела определённого действия, т.е. так, как это закреплено во фразеологии и паремиологии, только в пределах других коллокаций.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бирих А. К. Русская фразеология. Историко-этимологический словарь : ок. 6000 фразеологизмов / СПбГУ; Межкаф. словарный каб. им. Б. А. Ларина; А. К. Бирих, В. М. Мокиенко, Л. И. Степанова; под ред. В. М. Мокиенко. – 3-е изд., испр. и доп. – М. : Астрель: АСТ: Хранитель, 2007. – 926 с.
2. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка [Электронный ресурс] / В. И. Даль – Режим доступа : <http://slovar-dalja.ru/slovar-dalya/zakon/8845/>; <http://slovar-dalja.ru/slovar-dalya/volya/3599/>
3. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. – Волгоград : Перемена, 2002. – 477 с.
4. Карасик В. И. Языковая кристаллизация смысла / В. И. Карасик. – Волгоград : Парадигма, 2010. – 428 с.
5. Мокиенко В. М. Большой словарь русских поговорок / В. М. Мокиенко. – М. : ОЛМА Медиа Групп, 2007. – 784 с.
6. Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры / Ю. С. Степанов. – М. : Школа «Языки русской культуры», 1997. – 824 с.
7. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : В 4 т. – Т. 2 (Е – Муж) / Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. – 2-е изд., стер. – М., 1986.
8. Шаклеин В. М. Лингвокультурная ситуация в современной России: монография / В. М. Шаклеин. – М. : Флинта: Наука, 2010. – 156 с.

АННОТАЦИЯ

Жуков Ю.Ю. Содержание концепта ‘закон’ и его функционирование в публицистическом дискурсе

Статья посвящена исследованию содержания концепта ‘Закон’ и его представлению в публицистическом дискурсе русской лингвокультуры. Проводится этимологический анализ имени исследуемого концепта, анализируются примеры модификаций вербальных средств для выражения данного концепта. Цель работы состоит в определении значимых признаков рассматриваемого концепта для носителей русской лингвокультуры и способах их представления. Для достижения

цели проводится анализ фразеологических единиц, которые являются языковыми репрезентантами данного концепта и текстов современного публицистического дискурса.

Ключевые слова: лингвокультура, концепт, закон, языковая репрезентация, фразеологизм, публицистика.

SUMMARY

Zhukov Yu.Yu. The content of the concept 'Law' and its functioning in the journalistic discourse

The article is devoted to the research of the content of the concept 'Law' and its representation in the journalistic discourse. The etymology of the name of the studied concept is analyzed; we consider the examples of the forms' and meanings' modifications of this concept's representations. The purpose of the work consists in the definition of meaningful signs and ways of verbalization of the concept in the Russian linguistic culture. For achievement of the purpose we carry out the analysis of the structure, the content, the emotional background of fixed phrases and proverbs, which are language representatives of this concept. Also texts of the journalistic discourse are researched.

Key words: linguistic culture, concept, law, linguistic representation, phraseological unit, journalism.

*Л.И. Колесникова
(г. Горловка)*

УДК 81'373.49 (=112.2)

СПОСОБЫ ОБРАЗОВАНИЯ ЭВФЕМИЗМОВ В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

Образование эвфемизмов в последние десятилетия происходит особенно интенсивно. Это связано с тем, что эвфемизмы могут быть огромным средством формирования общественного мнения. Они могут отражать изменения в трактовке определенного общественного события, содержать новую оценку явления, могут свидетельствовать об изменении приоритетов в различных сферах человеческой деятельности. Установлено, что особенно интенсивно эвфемизмы образуются в различных сферах социальной жизни человека и общества. Коммуникативные задачи, которые необходимо решить в отношениях между различными национальностями, религиозными общинами, социальными группами, в сфере деятельности армии, в области дипломатии, военной разведки, невозможно решить использованием

простых номинаций. Чтобы скрыть негативное впечатление от называемого прямым обозначением, используются эвфемизмы. Д. Н. Шмелев определяет эвфемизмы как «слова и выражения, служащие в определенных условиях для замены тех обозначений, которые представляются говорящему нежелательными, не вполне вежливыми, слишком резкими» [7, с. 113]. Изучением тематических, семантических и структурных особенностей эвфемизмов, способов их образования занимались отечественные и зарубежные лингвисты Н. М. Бердова, А. М. Кацев, Л. П. Крысин, В. П. Москвин, Б. А. Ларин, А. Н. Прудывус, Д. Н. Шмелев, С. Лухтенберг, В. Шмидт, Н. Шредер, Н. Целльнер. Но вопросы общепринятого определения эвфемизмов носят дискуссионный характер. Многие исследователи этой проблемы пытаются дать более широкие определения термину, учитывая все возможные характеристики данного языкового явления.

Мотивационным фактором появления эвфемизмов является табу. Эвфемизмы используются для замены прямых названий «пугающих» предметов и явлений, грубых слов, нетактичных выражений или при нежелании называть что-либо неприятное своим прямым именем.

Эвфемизмы характеризуются исторической изменчивостью и большим динамизмом. Практически каждый день в связи с изменениями в социальной сфере и личной жизни человека появляются новые эвфемизмы. За последние десятилетия появилось много сфер деятельности, которые раньше не нуждались в эвфемизации. Л. П. Крысин считает, что эвфемизмы особенно чутки к изменениям в области культуры человеческих отношений [3]. Г. Шредер подчеркивает связь существования эвфемизмов с временным промежутком. Эвфемизмы должны рассматриваться в связи с государственной и общественно-политической системой, интерпретировать их нужно в связи с существующими социальными группами [10]. Эвфемизм может со временем потерять свое иносказательное значение и принимать значения выражения, которое он должен был заменить. Как замечает В. Шмидт, эвфемизм как бы постепенно «изнашивается», теряет свою «облагораживающую силу» [9].

В первой половине XX века особенно активно проблемами эвфемизации начинают заниматься лингвисты Западной Европы и Америки. Их исследования отличаются прикладным характером, такие лингвисты, как Дж. Нимен, К. Сильвер, Р. Спирс, Х. Роусон, являются известными лексикографами. Словари эвфемизмов, составленные британскими и американскими учеными, построены по тематическому принципу. При классификации эвфемизмов Дж. Нимен и К. Сильвер учитывают способы их образования.

Они выделяют 5 семантических процессов, которые лежат в основе образования эвфемизмов: заимствование, генерализация значения, семантический сленг, метафорический перенос, фонетическое искажение (включающее сокращение и смещение слов). Ч. Кейни относит к способам образования эвфемизмов опущение грубого слова, изменение его внешней формы, замену на более общее понятие или перевод на иностранный язык [4]. Как замечает И. Н. Никитина, классификация эвфемизмов по способам образования имеет свою традицию в зарубежной лингвистике. Почти все лингвисты наряду с метафорой и метонимией относят к способам образования эвфемизмов и заимствования, значения которых не столь очевидны, как значения слов в родном языке. Большой вклад в разработку классификации способов образования эвфемизмов был сделан Б. Воррен. В этой классификации процесс образования эвфемизмов связан с формой или значением слова. Изменение формы слова или выражения происходит, согласно Б. Воррен, за счет словосложения, фонетических изменений и заимствований. Ко второму способу, к группе семантических изменений, относятся генерализация и специализация значения, метафора, метонимия, литота, гипербола, антифразис [4].

В отечественной лингвистике предпринимались попытки дать определение эвфемизму, учитывая способ создания эвфемистического эффекта. Однако многие зарубежные и российские лингвисты придерживаются мнения, что невозможно установить четкие критерии, по которым языковую единицу можно было бы отнести к эвфемизмам.

Так, например, в основу классификации способов образования эвфемизмов Ю. С. Басковой положен принцип учета языкового уровня реализации эвфемистической зашифровки (графический, фонетический, морфологический). Обычно эвфемизмы рассматриваются как номинативные единицы, т.е. анализируются на преимущественно лексическом уровне. Однако коммуникатор может использовать для снижения эмоциональной напряженности определенные графические знаки, фонетические замены, словообразовательные аффиксы, может синтаксически построить фразу более мягко. Таким образом, эвфемия в определенных случаях представляет собой не явление лексического уровня, а определенный стилистический прием, который реализуется на разных языковых уровнях [1].

Классификация способов образования эвфемизмов, разработанная А. Н. Прудывус, предусматривает характер связи между прямым наименованием и эвфемизмом. А. Н. Прудывус рассматривает эвфемистическую номинацию как сложный динамический процесс, который обусловлен не только общими

нормами, но и воззрениями отдельной языковой личности. Она предлагает деление способов образования эвфемизмов на лексико-семантические, морфологические и комплексные. Такая классификация отражает механизм связи между прямыми наименованиями и эвфемизмами. При лексико-семантических способах речь идет об общих компонентах содержания, при морфологических – об изменении формы прямого наименования или эвфемизма. К лексико-семантическим способам А. Н. Прудывус относит метонимический и метафорический перенос, использование перифраза, гиперонима, антонима, замену словом широкой семантики, заимствование. Среди морфологических способов образования эвфемизмов она выделяет эллипсис, сокращение, фонетическую аллюзию, аффиксацию. А. Н. Прудывус рассматривает в своей классификации также комплексные способы образования эвфемизмов [5].

Метафора – один из самых продуктивных приемов эвфемизации. Метафора создает всегда новый, яркий образ, окрашивая неприятные или грубые стороны исходного слова, значения. Новое значение возникает благодаря перекомпоновке исходного семантического материала, акцентированию одних значений, добавлению других. Метафоры, с помощью которых образованы эвфемизмы, являются, по мнению А. Н. Прудывус, языковыми метафорами, в которых ассоциативные связи субъективны [5]. Языковые метафоры, использованные в качестве эвфемизма, встречаются в самых разных тематических группах. Например: *einen kleinen Dachschaten haben, anderer Bahnsteig sein, der Dollar wurde schwach, Eiserner Vorhang, Nahverkehrsmittel, dritte Zähne*.

Метонимизация значений как способ образования эвфемизмов основана на «ассоциативных связях денотата в сфере табу и безобидного денотата» [1]. Метонимизация как способ образования эвфемизмов не является распространенной в немецком языке, так как она не может так завуалировать неприятные аспекты явления или предмета, как это удастся при использовании метафоры, напр.: *der Schwarze, der Böse*.

Для образования эвфемизма может употребляться разновидность метонимии – металепсис. Металепсис – вид метонимии, в котором перенос происходит с одной ситуации на другую, которые связаны причинно-следственными отношениями, напр.: *letzter Blick (für Abschied)* или *Er wirds nicht lange machen, (das heißt, er ist todkrank)*. Ю. С. Баскова замечает, что способность метонимических переносов манипулировать реципиентом объясняется сложностью восстановления

ассоциативных связей между табуированным денотатом и эвфемизмом [1].

Образование эвфемизмов в немецком языке происходит также посредством перифразы. Замена одних слов другими, мягкими, часто происходит в жизни, чтобы загладить неловкую ситуацию. Можно сказать, что в основе эвфемистического перифразы лежит принцип вежливости. Чем шире в современном обществе используется ненормативная лексика, тем больше возможностей для возникновения новых эвфемизмов, описательных оборотов. Например,: *Personen mit Psychiatrieerfahrung (Schwachsinnige), ausgetrockneter Kürbis (Schwachsinn), auf die schiefe Bahn geraten (kriminell werden), einem vom Pferd erzählen (lügen), bemoostes Haus (alter Mann)*. Такие выражения маскируют истинное, нежелательное положение вещей, облагораживают или смягчают впечатление от грубого или неприятного, подчеркивают ироническое отношение говорящего к предмету или явлению, создают иногда комический эффект.

Среди способов образования эвфемизмов рассматривается также замена табуированного слова словом широкой семантики. Прямое наименование заменяется именами существительными типа *Angelegenheit, Sache, Ding, Zeug*, глаголами типа *machen, tun*, неопределенными местоимениями типа *etwas*. А. Н. Прудывус отмечает, что эта лексика обладает широкой сферой референции, которая во многом определяется контекстом. Большое число ассоциативных связей в структуре значения делает эти наименования семантически расплывчатыми, что способствует их применению в функции эвфемизма [5].

В последнее время эвфемизмы особенно часто образуются путем использования иностранных слов. Заимствования из английского особенно распространены в немецком языке. Иноязычные слова не совсем понятны носителям языка-реципиента. Они воспринимаются как более престижные, что дает возможность употреблять их в качестве эвфемизмов. Заимствования из чужого языка смягчают грубость понятия или страх перед явлением, называемым этим словом: *die Hostess (die Prostituierte), Fat Man (Atombombe, die Nagasaki zerstörte), Dealer (Rauschgift Händler), Callgirl (per Telefon geordnete Prostituierte), naiv (dumm), Event (Veranstaltung)*. Часто иностранные слова употребляются для поднятия престижа профессии: *der Hairstylist, der Coiffeur (der Friseur), der Fleurist (der Blumenhändler), Pediköse (Fußpflegerin), Night Manager: Night Auditor (Nachtportier)*.

Для образования эвфемизмов в немецком языке используется также гипероним. Гипероним позволяет завуалировать

нежелательное слово, так что за эвфемизмом может скрываться любое нежелательное событие, происшествие, явление, например: *Krankheit (Krebs)*, *Bau (Gefängnis)*, *Tage (Menstruation)*.

К словообразовательным средствам образования эвфемизмов относятся словосложение, аббревиация, эллипсис и звукоподражание. При образовании эллипсиса многочленные выражения могут сокращаться до одного слова, значение которого совпадает в таком случае со значением всего выражения. За этим процессом прослеживается стремление к краткости и, конечно, к приукрашиванию или завуалированности высказывания, как, например, в случае *trinken (Alkohol trinken)*. Эллипсис может образовываться путем опущения слов, напр.: *Endlösung (Endlösung der Juden durch Tötung)* или сокращения табуированного слова, напр.: *am A. .. (Arsch) sein. Du kannst mich ... (Du kannst mich mal am Arsch lecken)*.

Сокращение как способ образования эвфемизмов является довольно распространенным. Для аббревиатур инициального типа это объясняется тем, что лексическое значение и связанные с ним коннотации заключены в корне, в аббревиатуре остаются только первые буквы или звуки, что может сделать ее непонятной. Это могут быть буквенные, слоговые или смешанные сокращения: *bi sein (bisexuell sein)*, *das HwG – Mädchen (Person mit häufig wechselndem Geschlechtsverkehr)*, *Demokratur (als Demokratie getarnte Diktatur)*.

Эвфемизмы в немецком языке могут образовываться при помощи приставок, суффиксов и путем словосложения: *Flugkörper (Bombe)*, *funktionsgehemmt (gehindert)*, *Beinkleider (Hosen)*, *Gesundheitsfabrik (Krankenhaus)*, *Gewürzprüfer (Nase)*, *unvorteilhaft (schlecht)*, *unvernünftig (dumm)*, *gehörlos (taub)*, *Fischerin (heiratslustige Frau)*. Очень широко представлены эвфемизмы различных тематических групп, образованных комплексным путем, т. е. словосложением и добавлением суффиксов или приставок: *Urlaubsbewacher (Arrestwache)*, *Gehörnter (betrogener Ehemann)*, *Gummiüberzieher (Präservativ)*.

Эвфемизмы могут образовываться путем замены словом, близким по звучанию (*bescheiden – beschissen*), или путем фонетического искажения (*verflixt – verflucht*). Способы образования эвфемизмов могут сочетаться внутри лексико-семантических и морфологических способов.

Таким образом, изучение эвфемизмов является актуальной лингвистической проблемой, так как образование эвфемизмов в последнее время происходит особенно интенсивно. Эвфемизмы употребляются с целью избежать коммуникативного дискомфорта. Среди способов образования эвфемизмов в

немецком языке наиболее распространенными являются лексико-семантические способы. Представлены различные сочетания способов образования эвфемизмов внутри лексико-семантических, морфологических способов. Комплексные способы образования эвфемизмов дают возможность создания неисчерпаемого количества эвфемизмов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баскова Ю. С. Эвфемизмы как средство манипулирования в языках СМИ (на материале русского и английского языков): автореферат дис. ... канд. филол. наук: спец. 10.02.19 «Теория языка» [Электронный ресурс] / Юлия Сергеевна Баскова. – Краснодар, 2006. – 25 с. Режим доступа: <http://www.dissertac.com/content/evfemizmy-kak-sredstvo-manipulirovaniya-v-yazyke-smi-na-materiale-russkogo-i-angliiskogo-yaz>. – 10.04.2016.
2. Бердова Н. М. Эвфемизмы в современном немецком языке: автореф. дисс. ... канд. филол. наук: спец. 10.02.04. «Германские языки» / Нина Михайловна Бердова. – Киев, 1981. – 19 с.
3. Крысин Л. П. Эвфемизмы в современной русской речи [Электронный ресурс] / Л. П. Крысин. – Режим доступа: <http://www.lingvotech.com/krysin-94>. – 10.04.2016.
4. Никитина И. Н. Эвфемия в отечественной и зарубежной лингвистике: история вопроса и перспективы исследования [Электронный ресурс] / И. Н. Никитина // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. – 2009. – №1. – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/evfemiya-v-zarubezhnoy-i-otechestvennoy-lingvistike-istoriya-voprosa-i-perspektiva-issledovaniya>. – 10.04.2016.
5. Прудывус А. Н. Эвфемизмы в современном немецком языке: автореф. дисс. ... канд. филол. наук: спец. 10.02.04 «Германские языки» [Электронный ресурс] / А. Н. Прудывус. – СПб., 2006. – 17 с. Режим доступа: <http://www.dslib.net/germanskie-jazyki/jevfemizmy-v-sovremennom-nemeckom-jazyke.html>. – 10.04.2016
6. Пуковская Н. Ф. Эвфемизмы немецкого языка – история и сферы применения / Н. Ф. Пуковская // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. – 2010. – №3. – С. 182–187.
7. Шмелев Д. Н. Эвфемизм / Д. Н. Шмелев // Русский язык: Энциклопедия. – М., 1979. – С. 402.
8. Alphabetische Liste – h – Euphemismen.de / [Elektronische Ressource]. – Zugangsregime: <http://euphemismen.de/alle/h.html>. – 08.04.2016

9. Schmidt W. Deutsche Sprachkunde / W. Schmidt. – Berlin: Volk und Wissen: Volkseigener Verlag, 1964. – 356 S.
10. Schröder H. Sprachtabu und Euphemismen / H. Schröder. [Elektronische Ressource]. URL: http://tabu.sw2.euv-frankfurt-o.de/tabu_pdf/sprachtabu/pdf. – 10.04.2016

АННОТАЦИЯ

Колесникова Л.И. Способы образования эвфемизмов в немецком языке

Метафоризация рассматривается в статье как один из продуктивных способов образования эвфемизмов в немецком языке. Анализируются способы образования эвфемизмов при помощи метонимии, заимствования, гиперонима, эллипсиса, словосложения, аббревиации. Отмечается, что наиболее распространенными являются лексико-семантические способы образования эвфемизмов.

Ключевые слова: способ образования, эвфемизм, метафора, заимствование, сокращение, словосложение.

SUMMARY

Kolesnikova L.I. The ways of forming euphemisms in the German language

Metaphorization is considered as one of the productive ways of forming euphemisms in German. The forming of new euphemisms with the help of metonymy, loan words, hyperonyms, compounding, abbreviation, and ellipsis is analysed. It is admitted that the lexical-semantic ways of forming euphemisms are the most common ones.

Keywords: ways of forming, euphemism, metaphor, loan words, abbreviation, compounding.

*И.Г. Коловерова
(г. Горловка)*

УДК 81'276.5 (=134.2)

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА МОЛОДЕЖНОГО ЯЗЫКА 80-х И СОВРЕМЕННОГО МОЛОДЕЖНОГО ЯЗЫКА ИСПАНИИ

Испанский язык, третий по популярности язык в мире, живет и находится в непрерывном движении, о чем свидетельствует постоянное обновление специализированных жаргонов и языков, таких как язык молодежи.

Молодежный язык. Что это? Его нельзя найти в словаре, но, без сомнения, мы все его знаем. Это те слова и выражения, которые мы употребляем в повседневной жизни, общаясь с нашими друзьями. Молодые люди стремятся дифференцироваться от взрослых и утвердиться перед ними через свои собственные лингвистические средства, которые составляют специальный список. Под молодежным языком мы понимаем совокупность лингвистических феноменов (большая часть которых относится к лексике), которые характеризуют манеру общения разных секторов молодежи, направленные на проявление групповой и возрастной солидарности. Существует множество мнений по вопросу: молодежный язык – это обеднение или обогащение испанского языка. Однако обеднение или нет, но очевидно, что молодежный язык составляет определенную часть испанского языка и влияет на его развитие.

Молодежный язык изменяется постепенно: сегодня молодежь использует словарь и стиль общения, отличный от того, который использовали молодые люди в восьмидесятые годы. В данной статье мы попробуем ответить на главный вопрос: каковы самые большие различия между молодежным языком в восьмидесятые годы и современным, и какие важные факторы вызвали эти различия.

Социальные, экономические и технологические изменения играют важную роль в развитии молодежного языка. Не все важные аспекты в обществе прямо влияют на молодежный язык, но мы видим, что, прежде всего, современные технологии способствуют изменению тенденции в общении молодежи. Подумайте, например, о манере общения сегодняшней молодежи при помощи SMS короткими фразами и аббревиатурами. В 80-е годы не существовало технологий, которые есть сейчас и отмечаются в развитии современного молодежного языка.

Для того, чтобы сформировалось полное представление о молодежном языке 80-х, нужно отметить все аспекты, которые были в эти годы. Этому языку была присуща замена слов одним словом *tipo*, как если бы оно было многофункциональным. Также стоял вопрос о семантической деградации, что означало упрощение и обобщение слов. В то время существовала тенденция использовать названия предметов или животных для обозначения частей человеческого тела. Например, вместо испанского слова *cabeza* (голова) употребляли *calabaza* (кабачок) и *tarro* (горшок). Для молодежного языка 80-х было характерно наличие суффикса *-ata*. И, как пример, слово *camarero* (официант) превратилось в *camarata*, *fumador*

(курильщик) в *fumata*. Как и многие аспекты молодежного языка 80-х, этот суффикс принадлежал к преступному миру и к сленгу (языку улицы). Еще один феномен, который был присущ молодежному языку того времени, это трисилабизм, который означает, что сокращались достаточно длинные слова и понятия, и образовывались слова, состоящие из трех слогов. Например, *ecologista* (эколог) превратилось в *ecolo*, а *manifestación* в *manifa*.

Как уже отмечалось, то, что в основном влияет на развитие молодежного языка, и что всегда влияло, это преступный мир, наркотики, проституция и тюрьма. И, хотя многие молодые люди не имеют никакого отношения к этим криминальным типам в своей повседневной жизни, они легко адаптируют некоторые аспекты языка маргинальной группы к своему языку.

В области культуры в 1980-е годы в Испании возникает и развивается молодежное движение *La Movida*, которое позволило молодежи создать свои субкультуры, например готическую (Готы). Эти группы хотели создать свой собственный мир, включая свой язык, с другими ценностями и стилями, чтобы отличаться от остальных. Вместе с ним зарождаются и новые молодежные субкультуры, как *Punkis* и *Posmodernos*. Слова *Punkis* и *walkman* в вокабуляр молодежи 80-х пришли из английского языка. Мы можем утверждать, что существует влияние английского языка на молодежный язык испанской молодежи. Это может иметь отношение к популярности в Испании известных американских исполнителей, и, таким образом, английский язык был введен в испанское общество и постепенно в испанский молодежный язык. В области развития технологий это был очень продвинутый период. Именно в это время компьютер превратился в необходимый аспект в обществе. Также были изобретены видеокассеты, проигрыватели для воспроизведения компакт-дисков и видеокамеры. Все эти факторы наложили свой отпечаток на развитие молодежного языка 80-х.

Теперь посмотрим, каковы же самые важные аспекты современного молодежного сленга? В самом начале нужно сказать, что, обычно, довольно сложно указать на большинство аспектов современного молодежного сленга, ввиду того, что в молодежной среде существует большое количество молодежных субкультур со своим собственным вокабуляром, стилем и лингвистическими традициями в каждой из них. Поэтому, в данном исследовании мы рассмотрим общие (общеупотребительные) аспекты, которые использует большинство современной молодежи, и, кроме того, некоторые более специфические примеры.

Согласно Гомесу Капусу, некоторыми общими аспектами, которые используются, прежде всего, молодежью, которая принадлежит к низшему социальному классу, являются следующие:

- употребление кратких фраз и приказов вместо более сложных и длинных фраз, таких как «*a pararse*» или «*que te bajes*». Они едва ли используют полные и правильные фразы типа «*quiero que te vayas*»;
- ограниченное разнообразие наречий и прилагательных, что также приводит к адвербиализации существительных;
- использование в речи часто повторяющихся слов и фраз, которые формулируются как вопросы типа ¿*sabes*, ¿*qué pasa*?

Маримон Лорка и Сантамария Перес демонстрируют нам другие аспекты и примеры, которые очень характерны для современного молодежного сленга. В их исследовании особое внимание было уделено молодежному языку высшего социального класса, который, по их мнению, имеет следующие характеристики:

- использование префикса *des-* для образования отрицательной формы прилагательного (вместо того, чтобы использовать другое слово); *desfasado*, *descontento* o *descontrolado*. Например, вместо слова *descontento* можно использовать *irritado*, *enojado* o *rencilloso*, хотя, естественно, это зависит от контекста (4, с. 35);
- подобным же образом используются и префиксы *a-* и *in-*, например, *inevitable*, *anormal* y *atípica*.

В общем, о молодежном сленге говорят, что для расширения языкового словаря молодые люди используют заимствования, что значит введение слов из другого языка в испанский язык, в этом случае, чаще всего речь идет об английском языке. Существует внесение и введение слов, которые принадлежат к течениям внутри молодежного мира, таких как *pop* и *feeling*, или которые используются в телевизионных программах, например, *reality* и *show*.

Помимо предоставления английских слов существуют также гибриды, что значит, в этом случае, адаптировать слово из иностранного языка к испанскому языку, например, *raper* вместо *rapper*, или *hamburguesa* вместо *hamburger*. Гибриды облегчают использование английских слов для многих испанцев. Несмотря на то, что гибриды используются многими взрослыми, молодые люди являются главными пользователями, они больше находятся в контакте с английским языком.

Как для молодежного языка 1980-х, так и для современного молодежного языка характерно использование различных

префиксов и суффиксов. Одним из самых используемых префиксов на данный момент является *super*, типичное для современной молодежи слово, которое пришло к нам из английского языка, и используется как префикс. Монтеро Круэль, например, указывает, что молодые люди часто комбинируют с префиксом *super* другое английское слово и создают такие комбинации, которые в английском языке не существуют: *superfashion*, *superfriend*.

Кроме того, ясно просматривается в молодежном языке и большое влияние телевидения: адаптируются аспекты, которые создаются и используются в телепрограммах или фильмах, как, например, язык персонажа из программы Андреа Буэнафуэнте, который превратился в настоящий медийный феномен. По наблюдениям средств массовой информации, все молодые люди были заражены его языком, как будто он был в моде.

Другой общей характеристикой современного молодежного языка является частое использование аббревиатур; сократить слово, сделав из него другое, состоящее из двух слогов. Примеры аббревиатур, которые принадлежат именно молодежи, следующие: *depre* вместо *depresivo*, *tranquil* вместо *tranquilo*. Можно связать этот феномен с безразличием молодых людей к использованию языка.

Нужно также упомянуть и еще об одной важной характеристике современного молодежного языка: молодые люди имитируют другие культуры и социальное окружение, в употребляемом ими языке часто наблюдается наличие вокабуляра, заимствованное из преступного мира и мира наркотиков. Например, слова *nieve/caballo/polvo* означают «кокаин». Также в молодежной среде существует много способов сказать, что человек пьян, или что много пьет: *ir puesto*, *echar un trago*, *coger un ciego*, *dormir la mona* и др.

С развитием современных технологий в молодежном языке отмечается влияние социальных медиа, мобильных телефонов и появляются язык и манера общения, связанные с ними. Например, в испанском молодежном жаргоне появился глагол *whatsappear*, производный от *Whatsapp*, функция андроидов или смартфонов, с помощью которой можно отправить сообщение по Интернету с помощью мобильного телефона.

Подводя итог всему вышесказанному, можно сделать несколько выводов. В молодежном языке существовали некоторые характеристики, которые не, или почти не изменились со временем. Кроме того, вокабуляр, используемый в преступном мире, всегда был одним из главных источников пополнения молодежного языка, как

сегодня, так и тридцать лет назад. В молодежном языке есть элементы, которые были в моде в определенный период времени и которые принадлежали определенной группе молодежи, и, как следствие, были популярны временно. Также по причине развития современных технологий очень быстро меняются многие аспекты молодежного языка. Общение проходит на уровне SMS, одновременно многие слова сокращаются для более быстрого и эффективного общения. С интернационализацией не только постепенно изменяется манера общения, но и наблюдается, что влияние английского языка на испанский молодежный язык с каждым разом все увеличивается. И в заключение хотелось бы сказать, что развитие молодежного языка всегда напрямую связано с тем, что происходит в обществе. А самыми важными факторами, которые влияют на формирование молодежного языка, являются разработки в области технологии, политики и экономики. Молодежный язык продолжает развиваться и является одной из главных составляющих испанского языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Копыленко М. М. О семантической природе молодежного жаргона / М. М. Копыленко // Социолингвистические исследования. – М.: Наука, 1976. – С. 79-86.
2. Орлова, Н. О. Сленг vs жаргон: проблема дефиниции / Н. О. Орлова // Ярослав. пед. вестн. – 2004. – № 3. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://vestnik.yspu.org/releases/novye_issledovaniy/24_6/
3. Gómez Capuz Juan. El lenguaje del Neng de Castefa como estereotipo lingüístico de la subcultura dance y el argot juvenil actual. / Juan Capuz Gómez // Revista electrónica de estudios filológicos. № 14. – 2007. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dialnet.unirioja.es/ejemplar/179383>
4. Marimón Llorca Carmen y Santamaría Pérez Isabel. Procedimientos de creación léxica en el lenguaje juvenil universitario. / Carmen Llorca Marimón // Estudios de lingüística. № 29. – Alicante: ELUA, 2001. – С. 1-64.

АННОТАЦИЯ

Коловерова И.Г. Сравнительная характеристика молодежного языка 80-х и современного молодежного языка Испании

В статье раскрывается понятие «молодежный язык». Рассматриваются вопросы формирования молодежного языка в 80-е годы и сегодня. Даются ответы на следующие вопросы:

каковы основные различия между молодежным языком 80-х и современным молодежным языком и каковы основные факторы, которые вызвали эти различия.

Ключевые слова: молодежный язык, молодежный сленг, префиксы, суффиксы.

SUMMARY

Koloverova I.G. The comparative analysis of the 80s and modern youth language in Spain

The given article defines the term *youth language*. It delves into the peculiarities of the youth language formation in the 80s and today. The paper provides the answers to the questions related to the main distinctive features between the 80s and modern youth language and defines the main factors that have triggered the appearance of these differences.

Key words: the youth language, the youth slang, prefixes, suffixes.

*З.М. Колода
(г. Горловка)*

УДК 81.0

ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ УЧИТЕЛЯ-СЛОВЕСНИКА – ОСНОВА ВНЕДРЕНИЯ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ ИННОВАЦИЙ

Новое время диктует обществу новый подход к образованию. Главное стратегическое направление развития мировой и отечественной системы образования лежит в плоскости решения проблем развития личности ученика и учителя, технологизации этого процесса. Проблема сегодня заключается в том, чтобы предоставить учителю методологию выбора и механизм реализации отобранного учеными содержания образования в реальном учебном процессе как с учетом способностей учащихся, так и его личной творческой индивидуальности. Отдельные формы и методы обучения должны уступить целостным педагогическим технологиям в целом и технологии обучения – в частности. О педагогических технологиях теперь говорят повсюду – в прессе, на педагогических совещаниях, на научно-практических конференциях. Что такое «технологический подход в обучении»? Каким образом учителю выбрать технологию, которая позволит максимально использовать собственный творческий потенциал?

Образовательная технология – это модель совместной работы учителя и учащихся по планированию, организации и проведению реального процесса обучения при условии обеспечения комфортности для всех субъектов образовательной деятельности. Использование новых инновационных технологий позволит расширить нам рамки образовательного пространства. Выбор образовательной технологии – это всегда выбор стратегии, приоритетов, системы взаимодействия, тактик обучения и стиля работы учителя с учеником. Предметом образовательной технологии обязательно должно быть формирование нужного профессионального обеспечения, новое содержание технологического потенциала учителя, его модернизированный объем, новые качественные параметры (прогнозирование содержания, форм и способов организации и проведения педагогического процесса, характер деятельности учителя, особенности познавательного общения, личностные характеристики). Ведущим субъектом технологизации процесса обучения является учитель с присущими ему педагогическими требованиями и действиями, особенностями профессиональной самореализации. Вспомогательным фактором, корректирующим фактором этого процесса должна быть деятельность учащихся – их личностные интересы, потребности, возможности, достижения, способы и формы познавательного самовыражения. Безусловно, именно обучающийся является главным действующим лицом в обучении, но только на уровне реализации своей цели, а не в выборе технологии обучения. Для ребенка не существует традиционной или инновационной технологии. Есть привычные или новые способы деятельности на уроке, предложенные учителем. Ниже приведены созданные за последние годы образовательные технологии, конечной целью которых является гармоничное развитие личности ребенка и взрослого:

- лично-ориентированное образование и технологии;
- технология саморазвития;
- технология организации групповой учебной деятельности учащихся;
- технологии формирования творческой личности;
- технология обучения как исследования;
- проектная технология;
- новые информационные технологии обучения;
- педагогическая технология «Создание ситуации успеха».

Несмотря на их многообразие, центральным звеном реализации образовательной технологии, высокой степенью ее развития и воплощения, системным проявлением эффективности и результативности, должен быть урок как

основная форма организации школьного обучения. Только на уроке приобретают целенаправленное проявление все способы и формы взаимодействия учителя и учащихся, прогнозируются процессуальной частью технологии. Технологическим потенциалом учителя является комплекс его личных профессиональных достижений, включая:

- интеллектуальный компонент: осведомленность в технологиях осуществления определенного вида образовательной деятельности, понимание с концептуальных и процессуальных особенностей;

- действенно-практический компонент: владение набором дидактических методов, приемов и организационных форм, которые составляют основу профессионального мастерства; достояние собственной педагогической техники, те средства и приемы, которые выработались в индивидуальной профессиональной деятельности и стали содержательными характеристиками личного опыта; учебно-методическое сопровождение преподавания предмета, подготовленное самостоятельно, или авторские способы использования традиционного оснащения;

- эмоционально-личностный компонент: способы приспособления своих профессиональных возможностей для контингента учащихся, учета их индивидуальных запросов, личный опыт общения с ними, характерные черты характера, которые усиливают действенное проявление профессиональных умений;

- функциональное назначение технологического потенциала двойное: применять принятые опытом учителя структурные компоненты в новых педагогических ситуациях, путем их целесообразных модификаций, актуальных в настоящее время; освоить новые дидактические составляющие, необходимые для реализации идей реформы, и ввести их в личный опыт учителя.

Педагогический опыт – совокупность знаний, умений и навыков, приобретенных в процессе непосредственной педагогической деятельности; форма усвоения педагогом рациональных достижений своих коллег. Педагогический опыт, прежде всего, находит свое воплощение в технологии учебно-воспитательного процесса. Цель моей работы – поиск и внедрение новых методик, инновационных технологий обучения, которые ориентируются на конкретного ученика, который будет постоянно учиться, готов к сотрудничеству с другими, к общению, умело и творчески решать сложные проблемы.

Инновация образования – целенаправленный процесс частичных изменений, ведущих к модификациям цели,

содержания, методов, форм обучения и воспитания, адаптации процесса обучения к новым требованиям. Стержнем инновационных процессов в образовании является внедрение достижений психолого-педагогической науки в практику, изучение, обобщение и распространение передового педагогического опыта. Уроки с использованием инноваций должны захватывать учеников, пробуждать в них интерес и мотивацию, обучать самостоятельному мышлению.

Эффективность таких уроков зависит от умений и стиля работы учителя. Как правило, структура занятий состоит из следующих элементов:

- Мотивация
- Объявление темы и ожидаемых результатов
- Предоставление необходимой информации
- Интерактивные упражнения
- Подведение итогов, оценка результатов урока.

Итак, чтобы подготовить инновационно-эффективный урок, учителю необходимо выйти на новый уровень педагогического мышления. Современный урок должен быть технологически совершенным: оптимальный темп, четкая организация каждого этапа урока, эффективная самообразовательная деятельность учащихся, целесообразный отбор дидактического материала. Чтобы уроки были современными, приносили удовольствие не только ученикам, но и самому учителю, необходимо еще помнить и о своем имидже. Для повышения уровня креативности я стараюсь использовать технологии проектные, игровые, тренинговые. Провожу нестандартные уроки, организовываю исследовательскую работу учащихся. Творческая деятельность вызывает интерес к учебе. На своих уроках я создаю творческие учебные проекты по темам. Такая методика работы помогает обобщать знания по теме, проявлять способности учащихся, максимально раскрыть свой творческий потенциал. Моя цель – под новым углом зрения определить задачи:

- Помочь ученику стать человеком, который является носителем языка и заботится о красоте и культуре собственного вешания, развивая свою духовность;
- Использовать в работе различные формы и методы, которые помогут ученику полноценно жить в обществе, принимать решения, делать выбор, ориентироваться в сложных ситуациях;
- Изменить подходы к изложению предмета.

Главной движущей силой инновационной деятельности является учитель. Педагог-новатор является носителем конкретных нововведений, их создателем, модификатором. Он имеет широкие возможности и неограниченное поле

деятельности, поскольку на практике убеждается в эффективности имеющихся методик обучения и может корректировать их, проводить подробную структуризацию исследований учебно-воспитательного процесса, создавать новые методики. Основное условие такой деятельности – инновационный потенциал педагога. Инновационный потенциал педагога – совокупность социокультурных и творческих характеристик личности педагога, проявляет готовность совершенствовать педагогическую деятельность, наличие внутренних средств и методов, способных обеспечить эту готовность. Практические результаты самовыражения технологического потенциала учителя имеют значительную образовательную ценность, усиливают роль методической работы. Поэтому нужно ставить вопрос о персонализации методической работы в образовательной сфере, то есть создать условия для осуществления конкретным учителем собственной профессионально-методической линии развития, приспособленной к возможностям личного технологического потенциала. Можно утверждать, что технология проведения личностно-ориентированных уроков – одна из основных технологий личностно-ориентированного обучения, претворяется в жизнь гуманистическое направление педагогической науки и практики. В основе технологии проведения личностно-ориентированных уроков лежит идея создания инновационной среды, в которой успешно происходит личностное становление учащихся. Настоящее требует от педагога-практика высокого профессионализма, владения современными методами и технологиями обучения и воспитания, желание и умение постоянно учиться и самосовершенствоваться. Для современного образования характерен поиск новых педагогических технологий, связанных с отказом от традиционного обучения и воспитания, с идеей целостности педагогического процесса как системы, опирающейся на теории общечеловеческих ценностей, гуманизации, личностно-ориентированного подхода, приоритета субъект-субъектных отношений. В педагогической деятельности главными действующими лицами являются учитель и ученик. Учитель, как субъект деятельности, руководит учебно-воспитательным процессом, обеспечивает его образовательный, воспитательный и развивающий характер. Совершенствование педагогической деятельности влияет на развитие личности учителя и ученика. В современной дидактике представлены самые разнообразные технологии. Но главным критерием оценки педагогической технологии является ее эффективность. Педагогическая технология – это алгоритм, совокупность целей, содержания и средств для достижения запланированных результатов обучения.

Отечественная теория и практика осуществления технологических подходов к обучению отражена в научных трудах П.Я. Гальперина, Н.Ф. Талызина, Ю.К. Бабанского, П.М. Ердиева, М.В. Кларина и других. Среди перспективных образовательных технологий можно выделить следующие: интерактивные, проектные, текстоцентричные, информационные, организации групповой учебной деятельности и тому подобное. Известные ученые-исследователи М.И. Пентилюк, С.А. Омельчук, А. Куцевол изучали этот вопрос, проводили апробацию составленных учебников, учебных пособий. Эффективными считают уроки словесности с использованием интерактивных технологий обучения, активизируют процесс личностно-ориентированного обучения и делают невозможным доминирование одного участника учебного процесса над другим участником. При использовании интерактивных технологий ученик и учитель являются равноправными, равнозначными субъектами учебно-воспитательного процесса. Они совместно определяют цели и средства деятельности, прогнозируют результаты обучения. Учитель выступает лишь в роли организатора процесса обучения, координатора работы групп и тому подобное. Использование новых технологий на уроках словесности позволяет не только повысить интерес учащихся и усвоение материала, но и расширяет возможности, как ученика, так и учителя.

- Именно интерактивные технологии создают атмосферу сотрудничества, способствуют всестороннему развитию каждого в отдельности. Технологий интерактивного обучения существует огромное количество.

- Интерактивные технологии кооперативного обучения:

- Парная и групповая работа реализуется как в системе аудиторных занятий (лекции, практические и семинарские занятия), так и в условиях самостоятельной подготовки обучающихся. Это может происходить сразу же после изложения нового материала, в начале последующего, вместо опроса, на практическом занятии, или может быть частью обобщающего итогового занятия.

Работа в малых группах дает возможность обучающимся приобрести навыки общения и сотрудничества.

После того как педагог распределил учащихся на малые группы и они получили задание, группа за короткое время (3-5 минут) должна выполнить эти задания и подать результаты работы своей группы.

Например, вариант «Аквариума». Такой вид деятельности на уроке поможет усовершенствовать навыки работы в малых группах.

После того как учитель распределил учеников на две – четыре группы и предложил задание для выполнения и необходимую информацию, учащиеся одной из групп садятся в центре аудитории (или в начале среднего ряда) и образуют свой маленький круг – «аквариум». Они начинают обсуждать предложенную преподавателем проблему.

Все остальные ученики должны только слушать, не вмешиваясь в ход обсуждения, наблюдая, происходит ли дискуссия по определенным правилам дискуссии. Через 3-5 мин. члены группы занимают свои места, а остальные обучающиеся проводят обсуждение по плану:

1. Соглашаетесь ли вы с мнением группы?
 2. Была ли эта мысль достаточно аргументирована, доведенная?
 3. Который из аргументов вы считаете самым убедительным?
- После этого место в «аквариуме» занимает другая группа, которая обсуждает следующую ситуацию. Все группы должны побывать в «аквариуме», а деятельность каждой из них должна быть обсуждена аудиторией.

Технологии коллективно-группового обучения.

К этой группе принадлежат технологии, предусматривающие одновременную совместную (фронтальную) работу всей аудитории обучающихся.

Коллективно-групповое обучение – «Мозговой штурм». Это – эффективный метод коллективного обсуждения, который дает возможность свободно выражать мнения всем участникам и помогает находить несколько решений ситуации в конкретной теме. Преподаватель называет проблему и приглашает учеников обсудить ее путем коллективного рассуждения – «мозгового штурма».

Как вариант технологии решения проблем можно использовать «дерево решений», которое помогает обучающимся проанализировать и лучше понять механизмы принятия сложных решений.

Метод «Пресс» используется в случае, когда возникают противоречивые вопросы и нужно занять и четко аргументировать определенную позицию из проблемы, что обсуждается, убедить других в вашей правоте. Метод дает возможность научиться формулировать и выражать свое мнение по дискуссионному вопросу аргументировано, в четкой и сжатой форме, влиять на мнение собеседников.

Метод «Займи позицию». Этот метод полезен в начале работы с дискуссионными вопросами и проблемами. Его можно использовать в начале занятий в виде демонстрации ряда взглядов

на проблему, которая будет изучаться или обосновываться обучающимися. Следует использовать различные взгляды, которые не имеют общего ответа.

«Карусель». Образуется два кольца: внутреннее и внешнее. Внутреннее кольцо – это сидящие неподвижно ученики, а внешнее – ученики через каждые 30 секунд меняются. Таким образом, они успевают проговорить за несколько минут несколько тем и постараться убедить в своей правоте собеседника.

«Броуновское движение» предполагает движение учеников по всему классу с целью сбора информации по предложенной теме.

«Дерево решений» – класс делится на 3 или 4 группы с одинаковым количеством учеников. Каждая группа обсуждает вопрос и делает записи на своем «дереве» (лист ватмана), потом группы меняются местами и дописывают на деревьях соседей свои идеи.

«Займи позицию». Зачитывается какое-нибудь утверждение, и ученики должны подойти к плакату со словом «ДА» или «НЕТ». Желательно, чтобы они объяснили свою позицию.

Технология «Мозгового штурма» – один из наиболее популярных методов стимулирования творческой активности. Позволяет найти решение сложных проблем путем применения специальных правил обсуждения. Широко используется во многих организациях для поиска нетрадиционных решений самых разнообразных задач.

Это только некоторые интерактивные технологии, которые можно использовать на уроках и практических занятиях, поэтому уроки словесности – это напряженная, научно организованная и результативная работа всех обучающихся в сотворчестве с учителем. Использование предлагаемых технологий будет способствовать развитию творческого мышления, культуры общения, читательских интересов, самоутверждения личности. Использование новых технологий на уроках словесности позволяет не только повысить интерес учащихся и усвоение материала, но и расширяет возможности, как ученика, так и учителя.

Таким образом, интерактивные приемы и методы создают условия для развития познавательных и творческих способностей обучающихся, развивают позитивную мотивацию к процессу учебной деятельности как основы воспитания активной жизненной позиции, воспитывают способность к обучению на протяжении всей жизни.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бухлова Н.В., Коновалова Л.М. Словарь современных психолого-педагогических терминов. – Донецк: Каштан, 2008.
2. Гришина Т. Образовательная технология как профессиональный приоритет учителя. – Харьков: Изд. группа «Основа», 2003.
3. Десятченко Н. Модели современных уроков // Завуч. – 2002. – №35.
4. Радхе С. Интеграция интерактивных технологий на уроках украинской словесности. – Тернополь: Учебники и пособия, 2007.
5. Семчук Д. Творческо-исследовательские и интерактивные технологии обучения на уроках украинской словесности. – Тернополь: Учебники и пособия, 2007.
6. Сиротенко Г.А. Современный урок: интерактивные технологии обучения. – Харьков: Изд. группа «Основа», 2003.

АННОТАЦИЯ

Колода З.М. Технологический потенциал учителя-словесника – основа внедрения педагогических инноваций

Подан материал для преподавателей-словесников, где отмечается, что предметом инновационных образовательных технологий обязательным должно быть формирование нужного профессионального обеспечения, новые смыслы технологического потенциала учителя, его модернизированный объем, новые качественные параметры (прогнозирование содержания, форм, методов и способов организации и проведения педагогического процесса).

Ключевые слова: инновационные технологии, инновационный потенциал педагога, педагогическая технология, интерактивные технологии кооперативного обучения, методология и методика преподавания филологических дисциплин.

SUMMARY

Koloda Z.M. The technological potential of the language and literature teacher as a basis for the introduction of pedagogical innovations

The paper presents the material for language and literature teachers, where it is noted that the subject of innovative educational technologies must be the formation of the necessary professional support, new meanings of technological capabilities of the teacher, the upgraded amount of new qualitative parameters (forecasting content, forms, methods and ways of organizing and conducting educational process).

Key words: innovative technologies, innovative potential of the teacher, educational technology, interactive technology of cooperative learning, methodology and methods of teaching philological disciplines.

*С.Н. Лежнев
(г. Горловка)*

УДК 811.111'373

АНГЛОЯЗЫЧНЫЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ СФЕРЫ ОБРАЗОВАНИЯ

Язык является порождением общественных отношений и определяется развитием общества, что приводит к его постоянному совершенствованию. Возникновение новых реалий в материальной и духовной жизни способствует образованию новых языковых единиц, неологизмов, присущих определенному социуму и представляющих собой объект исследования многих отечественных и зарубежных лингвистов [1-3; с. 6]. Состав лексики, относящейся к сфере образования, так же как и состав языка в целом, постоянно меняется в соответствии с изменениями в самой этой сфере, к которым можно отнести появление новых методов образования, учебных заведений, а также процесс внедрения компьютерных технологий в систему образования.

Целью данной статьи является изучение структурно-семантических особенностей неологизмов-фразеологизмов сферы образования в английском языке. *В задачи исследования входит:* 1) выделение тематических групп устойчивых словосочетаний; 2) установление их структурно-семантических типов; 3) анализ экстралингвистических факторов, способствующих возникновению новой фразеологической лексики. *Объектом исследования* являются англоязычные фразеологизмы-неологизмы сферы образования [4, с. 5], *предметом изучения* – их структурные и семантические особенности.

Под фразеологическими единицами понимают сочетание слов с низким показателем комбинаторности, что обусловлено структурно-системными свойствами компонентов, или особым характером отношения словосочетания к действительности. Фразеологизмы заполняют пробелы в лексической системе языка, которая не может полностью обеспечить наименование освоенных человеком новых сторон действительности. Они функционируют в языке подобно отдельным словам, поскольку в их номинативном состоянии заложено одно семантическое значение. Основным признаком, по

которому фразеологизм отличается от свободного сочетания слов, является его способность к воспроизводству как готовой целостной единицы в процессе общения. Для всех типов фразеологизмов характерна устойчивость (воспроизведение в готовом виде, семантическое осложнение, постоянство лексического состава, морфологическая и синтаксическая фиксированность).

Примерами устойчивых словосочетаний, относящихся к сфере образования, являются *«hot-house children»* «*дети, которых обучают с применением интенсивных методов обучения и развития их интеллектуальных способностей в раннем возрасте*», *«hot-house school»* «*учебное заведение для талантливых детей (с интенсивными методами развития их способностей)*», *«credit hour»* «*зачетный час (50 минут аудиторных занятий в неделю)*», *«credit student»* «*студент, сдающий экзамены или зачеты*», *«edutainment software»* «*компьютерная программа для развлекательно-познавательных игр (программ) для детей*», *«campusless college»* «*учебное заведение, обучение в котором проводится посредством компьютеров (Интернета)*», *«open classroom»* «*обучение детей в начальной школе путем свободного общения, обсуждения материала, который познается детьми*», *«to halt the summer slide»* «*предотвращать академическую неуспеваемость после продолжительных летних каникул*» («*It's a major change for us*», said Mike Curran, NOVA director. «*One of the main reasons is to take kids from economically disadvantaged families and stimulate them during the summer, to halt the summer slide*» Leland Joachim, «*Council offers kids job training*», San Jose Mercury News, 2004), «*a generation of Wikipedia kids*» «*поколение с низкими навыками исследовательской работы и отсутствием способности мыслить критически*» («*Pressure from Queen's Park to increase high school graduation rates has led to «a generation of Wikipedia kids» who are not prepared for university, a survey of professors and librarians has concluded*» Nathan Greenfield «*View from here. Shopping and schools don't mix*<http://www.tes.co.uk/article.aspx?storycode=6014006>», The Times Educational Supplement, May 22, 2009).

Англоязычные фразеологизмы сферы образования включают языковые единицы, представляющие собой «устойчивые сочетания лексем с полностью или частично переосмысленным значением», а также фразеоматические обороты – устойчивые сочетания слов, которые не содержат переосмысленных компонентов. Включение фразеоматических оборотов в объект исследования основывается на широком понимании фразеологии, которая изучает не только фразеологические

идиомы и фразеологические сочетания, но и устойчивые фразы различных структурных типов.

Процесс становления фразеологизмов представляет собой постепенное приобретение теми или иными сочетаниями слов всех элементов фразеологической устойчивости. Учитывая длительность процесса становления фразеологических единиц, специфику материала, который лежит в их основе, принимая во внимание лингвистические и экстралингвистические факторы, ученые выделяют первичную и вторичную фразеологизацию. Первичная фразеологизация включает процесс образования фразеологизмов на основе переменных словосочетаний, устойчивых сочетаний нефразеологического характера, сочетаний слов, которые не имеют прототипов в виде переменных словосочетаний или авторских оборотов. Вторичная фразеологизация включает процесс образования фразеологизмов на основе таких фразеологизмов, которые уже существовали в языке. Англоязычные фразеологические инновации сферы образования характеризуются различными способами образования, структурой и семантическими особенностями. Они требуют детального исследования, поскольку система образования является отраслью многогранной и неоднородной, которая отображается в языке наличием обширного слоя лексики, относящейся к ней.

Наиболее продуктивным способом образования фразеологизмов сферы образования является полное или частичное переосмысление значений переменных словосочетаний, которые имеют большой семантический потенциал. Под переосмыслением понимают любые смысловые сдвиги, что приводит к потере собственного значения компонентов лексической единицы и к появлению нового значения, реализованного только в данной единице.

Формирование отдельных фразеологических единиц может происходить путем переосмысления устойчивых словосочетаний нефразеологического характера, отражающих различные стороны человеческой деятельности, компоненты которых не теряют своих буквальных значений. Вследствие образно-метафорического употребления такие лексические сочетания могут переходить с закрепленной за ними сферы функционирования к образовательной сфере, приобретая эмоционально-экспрессивную окраску.

Создание образных фразеологических единиц связано с нарушением законов логики, когда сочетаются логично несовместимые понятия, а в понятии есть признак, который противоречит ему. В основе таких фразеологизмов лежит

неповторимый образ, который создается нереальной ситуацией и обусловлен творческим характером переосмысления, которое может быть метафорическим (то есть основанным на сходстве между двумя объектами действительности) или метонимическим (основанным на переносе значения по смежности), что приводит к созданию метафорических фразеологизмов (*«Utah, which has low poverty rates and fewer minorities than most states, is the only state without a dropout factory. Florida and South Carolina have the highest percentages. About half of high schools in those states classify as dropout factories»*). *«More than 1 in 10 high schools in America are «dropout factories» (a school or educational system with a high dropout rate) Associated Press, October 29, 2007*) и метонимических фразеологизмов (*«Not quite our family, as it happens, and not that it's anything to be ashamed of; indeed, the school-poor families are probably the ones who are sacrificing the most for their children's educations»* (having little ready cash due to the cost of sending one's children to expensive schools) Eugene Volokh, *«School-poor»*, The Washington Post, September 2, 2014). Образность – одна из важнейших свойств фразеологических единиц, составляющих основную массу идиоматического фонда.

Фразеологизмы сферы образования распределяются по следующим тематическим группам:

- 1) субъекты образовательного процесса;
- 2) методы и приемы образования и воспитания;
- 3) структуры в системе образования;
- 4) компьютерные технологии в сфере образования.

Характерным признаком фразеологизмов является их способность образовываться по определенным моделям. Их анализ по количеству составляющих показал, что подавляющее большинство устойчивых словосочетаний состоит из трех (*do car-schooling, Freshman 15 problems*) компонентов: *«Grant and others who educate their children at home offer the following tips on turning the summer break into an educational opportunity: ... In the car: As Grant has found, an extended education often involves travel»*. *«We basically do car-schooling», she said»* Jill Smith, *«Keep kids learning on summer break»*, The Oregonian, June 15, 2000. *«Georgetown offers nutrition counseling to any student, freshman or not», Carol said. She noted that Freshman 15 problems aren't the exclusive province of women* (the number of pounds that many students gain in their first year of college; the often observed phenomenon of weight gain among first year college students). *«Weight gain is a problem for both men and women»*. *«Dealing with the Dreaded «Freshman 15»*, The Washington Post, October 23, 2002. Менее частотными

являются бинарные фразеологизмы («*The college is currently admitting students from its wait list and final numbers won't be known until fall*», Staab said. «*There is also likely to be summer melt, as students wait-listed at other colleges or universities get in elsewhere*» (college-bound students who renege on their commitment to a particular school, especially during the time between high school graduation and the start of classes) Yvonne Zipp, «*Kalamazoo College admits most diverse class in history, but falls short of enrollment goals*», Michigan Live, May 14, 2014). По своей структуре фразеологизмы делятся на субстантивные, глагольные, адъективные и адвербиальные. По нашим данным, подавляющее количество новых фразеологизмов являются субстантивными оборотами; меньшую группу составляют глагольные обороты; незначительными по количеству являются адъективные и адвербиальные.

Структурный анализ фразеологических инноваций обнаружил наиболее продуктивные модели, на основе которых они образуются, N + Prep + N; V + Adj + N, V + N: «*Paul Brainerd, the founder of Aldus Corp., believes retraining and continuous education is one answer for today's worker. Speaking Thursday at an Economic Development Council program that honors education and retraining programs, he said that instead of earning a living, today's worker may have to be involved in «learning a living»* (working in a job that requires the constant learning of new knowledge and skills) Stephen H. Dunphy, «Economic Memo», The Seattle Times, April 9, 1995; «*Last year, more than 700 county students took «walking school bus» routes to school, accompanied by friends, parents and faculty members*» «*Leave the car (and bus) behind and walk to school*» (a group of children who walk to school together under the supervision of one or more adults) NJ.com, September 15, 2015.

Проведенное нами структурно-семантическое исследование англоязычных фразеологических инноваций сферы образования позволяет сделать следующие выводы: фразеология сферы образования не является однородной по своему составу и включает фразеоматические обороты с буквальными или фразеоматически связанными значениями и образные фразеологические единицы, относящиеся к субстандартной лексике; наиболее характерными способами образования фразеологизмов является переосмысление свободных словосочетаний, устойчивых сочетаний нефразеологического характера, а также сочетаний слов, не имеющих прототипа в виде свободных словосочетаний; основными категориальными типами фразеологизмов сферы образования являются субстантивные и глагольные фразеологизмы; одним из самых продуктивных способов

формирования фразеологизмов является их образование по определенной структурной модели, демонстрирующей один из важнейших показателей степени регулярности фразеологической системы.

Дальнейшее исследование фразеологизмов сферы образования предполагает изучение закономерностей их функционирования в англоязычном дискурсе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кунин А. В. Фразеология современного английского языка / А. В. Кунин. – М. : Международные отношения, 1972. – 278 с.
2. Шкуратова С. Ю. Неологизм как объект лексикографического исследования // Вестник МГУ. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2004. – № 2. – С. 115-125.
3. Шокина И. М. Словообразовательная номинация на базе антропонимов в современном английском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Моск. гос. лингв. ун-т. – М., 2006. – 25 с.
4. Knowles E., Elliott J. The Oxford Dictionary of New Words / E. Knowles, J. Elliott. – Oxford, New York, Oxford University Press, 1997. – 357 p.
5. Hargraves O. New Words / O. Hargraves. – Oxford University Press, 2004. – 320 p.
6. Motives for Language Change, ed. by R. Hickey. – Cambridge University Press, 2003. – 290 p.

АННОТАЦИЯ

Лежнев С.Н. Англоязычные фразеологизмы сферы образования

Статья посвящена структурно-семантическому изучению фразеологизмов-неологизмов сферы образования современного английского языка. Выделены тематические и структурно-семантические группы устойчивых словосочетаний. Проанализированы экстралингвистические факторы, влияющие на причины возникновения новых фразеологизмов.

Ключевые слова: фразеологизм, структурные типы, семантическая структура, экстралингвистические факторы.

SUMMARY

Lezhnyov S.N. English education idioms

The article is devoted to the structural-semantic study of English idioms in the sphere of education. Thematic and structural-semantic groups of idiomatic expressions have been distinguished. The ways of their formation have been established. Some extralinguistic factors that determine their occurrence have been identified.

Key words: idiom, structural types, semantic structure, extralinguistic factors.

*Н.П. Матулевская
(г. Донецк)*

УДК 811.161.1001.76

К ПРОБЛЕМЕ ВНЕДРЕНИЯ ИННОВАЦИОННОЙ ПРОЕКТНОЙ ТЕХНОЛОГИИ В ПРЕПОДАВАНИЯ ДИСЦИПЛИН «РУССКИЙ ЯЗЫК И КУЛЬТУРА РЕЧИ» И «РУССКИЙ ЯЗЫК КАК ИНОСТРАННЫЙ»

Метод проектов был известен еще в 20-е годы XX века в США. Сначала его называли «методом проблем» и развивался он в рамках гуманистического направления в философии и образовании, в педагогических взглядах и экспериментальной работе Джона Дьюи. На основе концепции прагматизма американского педагога Дж. Дьюи (1859-1952) его последователь Уильям Килпатрик разработал «проектную систему обучения», или метод проектов. Ученики включались непосредственно в практическую деятельность, в результате выполнения которой они овладевали теоретическими знаниями, необходимыми для решения конкретной задачи.

В последнее время, в связи со становлением парадигмы личностно ориентированного образования, метод проектов переживает второе рождение как эффективное дополнение к другим педагогическим технологиям, способствующим становлению личности – субъекта деятельности и социальных отношений.

Метод проектов создает условия, при которых студент может самостоятельно получить знания или применить приобретенные ранее, причем вместо выполнения заданий по образцу в основном выступают поисковые и исследовательские действия. Основной акцент делается на творческое развитие личности.

В. Килпатриком выделено несколько типов учебных проектов, среди которых наиболее приемлемыми для высшей школы мы считаем:

- Проект решения проблемы (научно-исследовательский проект) – решение физико-математических, технических, исторических, языковых проблем, что, как правило, сочетается с дискуссионными формами работы.
- Проект-упражнение (проект обучения и тренировки) для овладения определенными навыками.

· Игровой проект – круглый стол, дискуссия, конференция, праздник.

Исходя из задачи высшей школы по формированию высокопрофессионального специалиста, наиболее перспективными видами проектной деятельности, учитывая ее потенциальные психолого-педагогические возможности, являются коллективные межпредметные научно-поисковые проекты, поскольку они не только систематизируют знания, но и обеспечивают максимальное их приближение к реальным потребностям жизни, творческой самореализации и конструктивной социализации личности студентов.

Применение проектной технологии предполагает следующие этапы работы над проектом (А. Русских, Ю.В. Момот, И.И. Зайцева):

1. Мотивация проектной деятельности студентов.
2. Введение учащихся в тематическое поле проекта, формирование групп, планирование работы.
3. Сбор информации по проблематике проекта, поиск путей решения проблемы.
4. Структурирование информации, анализ эффективности выбранного способа решения проблемы проекта.
5. Выполнение запланированных шагов по реализации проекта, практических действий.
6. Оформление результатов проекта, подготовка к презентации.
7. Анализ достигнутых результатов, экспертиза продукта проекта.
8. Корректировка результатов работы над проектом.
9. Презентация, оценка и анализ проекта.

Роль преподавателя в организации проектной деятельности заключается в оказании помощи по постановке задач, в выдвижении предложений и идей, в корректировке плана действий и полученных результатов.

Межпредметные научно-поисковые учебные проекты стимулируют студентов к использованию таких методов решения проблемы, как мозговой штурм, ролевая игра, эвристический и проблемный поиск, дискуссия, командная работа, поддерживают интеллектуальную деятельность студентов в когнитивной, аффективной и психомоторной сферах на всех уровнях – знание, понимание, применение, анализ, синтез. Позволяют учиться на собственном опыте и опыте других в конкретном деле.

Новая программа по русскому языку и культуре речи предусматривает овладение дисциплиной в течение трех семестров. Это дает возможность каждому из студентов принять

участие в создании и презентации научно-поискового проекта по языковым проблемам. Этот проект может быть различных типов: проект решения проблемы, проект-упражнение, игровой проект; может носить кооперативный или соревновательный (конкурсный) характер; быть по составу участников проектной деятельности индивидуальным или коллективным.

Мы предлагаем пример учебного проекта «Стили речи современного русского языка».

Ключевой вопрос: Что является причиной существования и функционирования различных стилей языка?

Тематические вопросы:

1. Сколько стилей языка существует и где они используются?
2. В чем заключаются языковые особенности научного и официально-делового стилей?
3. Создаются ли сейчас новые стили?

Основным содержанием проекта является практическое применение знаний о стилевом и жанровом многообразии русского языка. Проект предусматривает закрепление понятий: стиль, стилевая норма, стиливые характеристики, языковые клише и т. п. Выполняя этот проект, студенты исследуют характерные черты каждого стиля на примерах текстов различной стиливой направленности, в разных коммуникативных речевых ситуациях, объединенных общей темой. Например, тема: «Учебно-производственная практика студентов». Коммуникативные ситуации:

1. Лекция по теме практики.
2. Разговор с руководителем практики.
3. Обсуждение прохождения практики со студентами группы.
4. Оформление отчета по практике.
5. Написание статьи о прохождении практики в газету «Донецкий политехник».
6. Участие в телевизионной программе «ВУЗ-ТВ» (предусматриваются роли интервьюера и участников программы), посвященной проблемам практики и трудоустройства студентов.

Для реализации проекта студенты привлекают как знания по русскому языку, так и профессиональные знания. Результаты исследования студенты представляют с помощью докладов, выступлений, публикаций, ролевых игр, мультимедийных презентаций.

Ожидаемыми результатами проектной деятельности является надлежащий уровень сформированности знаний об особенностях стилей русского языка, навыки правильного отбора необходимой информации, ее анализа, сравнения и классификации, а также умение планировать работу, подбирать иллюстративный

материал, убедительно презентовать осуществленный проект, делать выводы.

Как видим, проектная технология обучения несет в себе неисчерпаемый потенциал в обеспечении вариативной составляющей учебного плана.

По нашему мнению, ценность проектной технологии заключается в том, что она, благодаря деятельностному подходу, помогает личности в становлении ее как активного социокультурного деятеля, выступает интегрирующим фактором (сочетая личный опыт деятельности, «университетские знания», опыт общения и т.п.) на пути вхождения студента к общую социокультурную среду. Это дает возможность построить собственную образовательную траекторию, которая отражает современные вкусы и возможности молодых людей и направлена на перспективу: к будущей профессии, к формированию ключевых компетенций, к саморазвитию личности, к непрерывности образования.

Проектность – одно из измерений уровня культуры народа, «умение проектировать в большом и малом, выбирать наиболее оптимальные, в то же время конкурентоспособные варианты развития». На первый план выступает опережающее развитие самого человека, формирование личности, которая проектирует и организует свою жизнь.

Проектное обучение – полезная альтернатива лекционной системе, но оно отнюдь не должно вытеснять ее и становиться панацеей, поскольку при чрезмерной увлеченности прагматичной направленностью обучения может быть снижен общий теоретический уровень образования. Специалисты из стран, которые имеют большой опыт в этом деле, считают, что проектное обучение стоит использовать как дополнение к другим видам прямого или косвенного обучения, как средство ускорения роста и в личностном измерении, и в академическом.

Метод проектов может быть применен и в иностранной аудитории. В качестве примера мы предлагаем игровой проект мини-спектакля по рассказу А. П. Чехова «Злой мальчик».

Подготовке проекта предшествует изучение художественного текста в аудитории, в том числе и работа, направленная на снятие грамматических и смысловых трудностей, обусловленных историко-культурным фоном художественного произведения.

Затем студенты под руководством преподавателя разрабатывают сценарий, в который, кроме чеховских героев (Иван Иванович, Анна Семеновна, родители Анны Семеновны)

вводится еще и рассказчик. Преподаватель помогает распределить роли между участниками проекта.

Ключевым вопросом проекта является: действительно ли Коля был злым ребенком?

Тематические вопросы:

1. Какая черта характера определяет поведение Ивана Ивановича?

2. Каков характер Анны Семеновны?

3. Почему мальчик шантажировал взрослых и почему они позволяли это делать?

Основной целью проекта является практическое применение лексико-грамматических конструкций в устной речи в ситуациях, моделирующих общение и реализующих коммуникативные потребности студентов. Проект предусматривает формирование и совершенствование таких компетенций у иностранных студентов: сотрудничество, адаптация, самообучение, коммуникация, поиск, получение новых знаний.

Ожидаемым результатом проектной деятельности является повышение уровня владения русским языком, формирование навыков правильного выбора лексико-грамматических конструкций, введение их в устную речь, совершенствование употребления интонационных конструкций, навыков участия в диалоге и полилоге, а также умение планировать работу, анализировать учебный материал, делать выводы.

В качестве учебного проекта иностранным студентам было предложено разработать план лингвострановедческого тематического занятия «Обычаи, праздники и традиции стран, из которых приехали студенты».

Работая над проектом, студенты вместе с преподавателем определяют ключевой и тематические вопросы.

Ключевой вопрос: Как обычаи и традиции отражают менталитет людей разных национальностей?

Тематические вопросы:

1. Какие праздники являются любимыми в нашей стране и на родине студентов?

2. В чем сходство и различие отдельных обрядов (например, свадьба)?

3. Как отличаются жесты и мимика разных народов?

4. Почему традиции и обычаи разных народов различаются?

5. Нужно ли сохранять древние национальные традиции в современном мире?

Осуществляя этот проект, студенты анализируют, исследуют, сравнивают характерные черты народов, знакомятся с культурой и традициями представителей разных национальностей. Для

реализации проекта студенты привлекают как страноведческие, так и языковые знания.

Результаты исследований презентуются ими в виде докладов, выступлений, публикаций в университетскую газету, мультимедийных презентаций, оформления стендов и тому подобное.

Ожидаемыми результатами данного проекта является необходимый уровень лингвострановедческих знаний, совершенствование устной и письменной речи, расширение и активизация лексического запаса, умение отобрать и представить необходимую информацию в соответствующих языковых конструкциях.

Как видим, проектная технология заключает в себе значительный потенциал в обеспечении вариативности учебного плана по изучению русского языка и культуры речи, русского языка как иностранного. Она дает студентам возможность построить собственную образовательную траекторию, помогает сформировать ключевые компетенции. Будучи направленной на саморазвитие личности и непрерывное обучение, проектная технология является полезным дополнением к системе аудиторных занятий по русскому языку как иностранному и по русскому языку и культуре речи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Биятенко-Колоскова С.Е., Дядиченко А.В. Русская версия международной программы e-mail тандем. Изучение иностранных языков через Интернет/ Материалы Всероссийской конференции «Интернет. Общество. Личность». – СПб., 2000. – <http://iol.spb.osi.ru>
2. Побоква А.А., Демченко А.А. Новые технологии в обучении языку: проектная работа. Новые возможности общения: достижения лингвистики, технологии и методики преподавания языков. – Иркутск, 2003.
3. Полат Е.С., Бухаркина М.Ю., Моисеева М.В., Петров А.Е. Новые педагогические и информационные технологии в системе образования: учеб. пособие. – М.: Издательский центр «Академия», 1999.
4. Рускова Д. Использование проектного метода при обучении русскому языку с целью соединения учебы с практикой и повышения мотивации учащихся // Русское слово в мировой культуре. Материалы X конгресса МАПРЯЛ. Направление IV. Методика преподавания русского языка: традиции и перспективы. – СПб., 2003.

АННОТАЦИЯ

Матулевская Н.П. К проблеме внедрения инновационной проектной технологии в преподавании «Русский язык и культура речи» и «Русский язык как иностранный»

В статье рассматривается внедрение проектной технологии в учебный процесс высшей школы на примере преподавания дисциплин «Русский язык и культура речи» и «Русский язык как иностранный». Применение проектной технологии, также называемой методом проектов, позволяет реализовать в процессе обучения такие общедидактические принципы, как научность, наглядность, системность, индивидуальность, свободный выбор, интеллектуальное развитие, управляемость, целостность, завершенность.

Ключевые слова: метод проектов, наглядность, системность, индивидуальность, свободный выбор, проект-упражнение.

SUMMARY

Matulevskaya N.P. The problem of the introduction of innovative project technology in teaching disciplines «The Russian language and culture of speech» and «Russian as a foreign language»

The article deals with the introduction of project technology in the educational process of high school by the example of teaching disciplines «The Russian language and culture of speech» and «Russian as a foreign language». The use of project technology, also called project method, provides educational process with implementation of the general teaching principles, such as scientific approach, clarity, consistency, individuality, free choice, intellectual development, manageability, integrity, completeness.

Key words: project method, clarity, consistency, individuality, free choice, project exercise.

*Е.В. Минина
(г. Горловка)*

УДК 81'373.2

**ОСОБЕННОСТИ АНТРОПОЭТОНИМИКОНА РОМАНА
КЕНА ФОЛЛЕТА «ПАДЕНИЕ ГИГАНТОВ»**

Исследователи литературной ономастики уже давно отметили, что имена составляют лексическую категорию текста и являются важным элементом литературного произведения, а их структура, семантическая и функциональная нагрузка вместе с другими

языковыми средствами способствуют раскрытию языковой личности писателя, отражают знания автора о мире природы, о человеке, о культуре и служат реализации творческого замысла писателя. Именно поэтому и представляется актуальным изучение особенностей антропонимов в литературном произведении.

Исследованием особенностей антропонимов в художественном тексте ранее занимались такие ученые, как А.В. Суперанская, О.И. Фонякова, Ю.А. Карпенко, В.М. Калинин, Е.Ю. Карпенко, Н.В. Васильева и многие другие. Хотя существует много работ по изучению имен в литературном произведении, английский художественный антропонимикон все еще остается недостаточно изученным явлением, в частности творчество Кена Фоллетта, которое занимает достаточно весомое место в развитии современной британской популярной литературы. Целью нашей работы является анализ лексико-семантических, структурно-словообразовательных и этимологических особенностей антропонимов исторического романа Кена Фоллетта «Падение Гигантов».

После ошеломляющего успеха дилогии «Столпы Земли» и «Мир без конца» Кен Фоллетт продолжил серию исторических романов выходом первой части новой трилогии под названием «Падение Гигантов». Действие романа относится к началу XX века и охватывает события, происходящие в канун I Мировой войны, а также военное и послевоенное время (1911–1924 гг.). На фоне исторических событий повествуется об историях пяти взаимосвязанных между собой семей. Главные герои – заводские рабочие и интеллектуалы, шахтеры, политики и аристократы России, Германии, Англии и США, чьи судьбы тесно переплелись в затейливый и непредсказуемый узор. На их глазах рушится старый мир, гибнут империи, а их жизни вмещают в себя и эпохальные события, и неисчислимые беды, и тихие радости.

В историческом романе Кена Фоллетта «Падение Гигантов» развернутый сюжет, ряд взаимосвязанных событий и их участников-персонажей, поэтому антропонимы занимают в них весомое место. Ранее в работах мы уже отмечали антропоцентризм творчества Кена Фоллетта, а первостепенная роль антропонимов в его ономастике только подтверждает теоретические положения, выдвинутые предшественниками. Так, например, с точки зрения В.М. Калинкина, «основным слоем собственных имен в художественном произведении являются, безусловно, антропонимы, что объясняется направленностью художественной литературы на человека, ее “антропоцентричностью”» [2, с. 334].

Долгое время для обозначения антропонимов в литературном тексте использовался термин «литературный антропоним». Автор «Словаря русской ономастической терминологии» Н.В. Подольская первой предложила термин «поэтическое имя (поэтоним)» и определила его как имя в художественной литературе, которое имеет в языке произведения кроме номинативной, характеризующую, стилистическую и идеологическую функции и, как правило, относится к категории вымышленных имен, но часто писатель использует реально существующие имена или комбинации тех и других [3, с. 108]. В конце 90-х гг. XX в. В.М. Калинин выдал свой фундаментальный труд «Поэтика онима», в котором он придерживается концепции введения базовым понятием литературной ономастики термина «поэтоним», под которым он понимает «имя в литературном произведении (в художественной речи, а не в языке), которое выполняет кроме номинативной, характеризующую, идеологическую и стилистическую функции, является вторичным по отношению к реальной онимии, имеет свойственную ему подвижную семантику» [2, с. 63]. Мы считаем, что из всех предложенных предшественниками терминов наиболее приемлемым является термин «поэтоним», который максимально полно отражает современное состояние теории ономастической науки, сочетает характеристики более ранних терминов, делает определение объекта исследования более ёмким и отражает специфическую природу имени собственного в художественном произведении. Вслед за В.М. Калининским именуем разряд антропонимов в художественном произведении антропоэтонимами.

Антропоэтонимы отражают исторический процесс становления и усложнения именника, соответствуют социально-экономическим условиям деятельности человека в определенный исторический период. Их сущность определяется не только национальными, этническими традициями, но и временем, то есть историческим этапом развития общества и условиями функционирования именной системы [1, с. 11]. Выбор антропоэтонимических формул зависит от контекста, а все структурные модели взаимосвязаны и соотносятся друг с другом, поскольку двух-, трех- и многокомпонентные антропоэтонимы часто образуются от однокомпонентных и наоборот.

Антропоэтонимическую систему романа Кена Фоллетта «Падение Гигантов» составляют имена, фамилии, прозвища вымышленных героев, а также имена реальных исторических личностей. Антропоэтонимикон подобран писателем таким образом, что сразу становится очевидным, к какому

историческому периоду будут относиться описываемые в произведении события, и на какой территории они будут разворачиваться. Так, например, антропонимы *Konstantin, Mishka, Trofim, Grigori Peshkov, Varya, Vladimir Ilyich Lenin* и др. указывают на то, что персонажи проживают на территории России, где и развиваются основные события, в свою очередь антропонимы *Otto von Ulrich, Gottfried von Kessel, Monika von der Helbard, Arthur Zimmermann* и др. указывают на немецкое происхождение их носителей, и соответственно местом действия является Германия. Поскольку действия романа разворачиваются параллельно в нескольких странах, а именно России, Германии, США и Англии, то автор использует системы антропонимов, характерные для той или иной страны.

В антропонимическом аппарате произведения особое место занимают антропонимы, именующие представителей Англии, Шотландии и Уэльса. В предыдущей исторической дилогии Кен Фоллетт широко использовал средневековый английский именник, так как события развивались в Средневековой Англии, в «Падении Гигантов» антропонимикон писателя также соответствует описываемой эпохе, а именно периоду I Мировой войны. Достаточно частотными в произведении являются двухкомпонентные модели приложение+имя (*Princess Elizaveta, Lady Hermia, Queen Mary*), где приложение указывает на ранг, титул или род деятельности, и приложение+фамилия (*Earl Fitzherbert, Lieutenant Murray, Mrs. Jevons, Mrs. Griffiths, Colonel Hervey*). Не менее употребляемой двухкомпонентной моделью антропонимов является имя+фамилия (*Mildred Perkins, Albert Solman, Billy Williams, Tommy Griffiths, Perceval Jones*). Стоит отметить, что в именнике английских имен данного исторического периода фамилии полностью вытеснили прозвища, что очень точно подмечено писателем, который в романе использует прозвища исключительно в стилистических целях.

В произведении Кена Фоллетта «Падение Гигантов» частотным оказался валлийский антропоним *David*, как минимум семь персонажей носят это имя. Писатель либо использует дериват данного антропонима, сократив его до формы *Dai*, которая произносится как английский глагол “die” (в переводе с английского “умирать”), либо его валлийский вариант *Dafydd*. Данный антропоним был выбран не случайно для именования такого большого количества персонажей, поскольку святым покровителем Уэльса является именно *David*. Сам Кен Фоллетт различал всех персонажей с данным именем не по фамилиям, а по прозвищам. Так, персонаж *David Crampton* получил свое прозвище *Dai Crybaby* за то, что он плакал, когда

первый раз спускался в шахту: «David Crampton had cried on his first day down the pit, and they still called him *Dai Crybaby*, even though he was twenty-five and the star of the town's rugby team» [4, с. 3]. Следующий персонаж *David Williams* был организатором профсоюза шахтеров и представлял их интересы в самом эффективном на то время профсоюзе в Великобритании *South Wales Miners' Federation*, и именно за свои профессиональные качества он и получил свое прозвище *Dai Union* (в переводе с англ. "профсоюз"). Жен зачастую называли по прозвищам их мужей, отсюда и прозвище жены Дэвида Вильямса *Mrs. Dai Union*. Их сын *William Williams*, для которого Кен Фоллетт в романе выбрал гипокористическое имя *Billy*, в связи с повторением основ его имени и фамилии, был прозван писателем *Billy Twice* (в переводе с англ. "дважды"). Еще один персонаж с именем *David* получил свое прозвище *Dai Muck* в связи со своей профессиональной деятельностью. Данный персонаж был санитарно-техническим работником уборной, а его прозвище *Muck* образовано от апеллатива "навоз, отходы": «The hole was shoveled out periodically by a man called *Dai Muck*» [4, с. 8]. Как видим, писатель различал всех персонажей с именем *David* по прозвищам, которые подбирали в первую очередь в соответствии с родом деятельности того или иного персонажа. Именно этот факт объясняет выбор антропонима *Dai Ponies*, где прозвище *Ponies* (в переводе с английского "скаковые лошади") указывает на работу персонажа в конюшне и деятельность, связанную с выпасом лошадей, а для его жены Кен Фоллетт соответственно подобрал имя *Mrs. Dai Ponies*. Сын мясника под именем *David* получил прозвище *Dai Chops*, ведь *Chops* соответствует апеллативу "отбивные". И только имя реального известного исторического персонажа, члена парламента от либеральной партии *David Lloyd George* остается неизменным и сопровождается средним именем и фамилией, что, по всей вероятности, объясняет желание писателя сохранить достоверность исторических событий, описанных в произведении.

Для стилистических целей, а именно с целью характеристики определенных черт персонажа либо его внешнего вида, писатель вместо употребления среднего имени использует прозвище, таким образом, создавая трехкомпонентную модель антропонима – имя+прозвище+фамилия. Так, например, одного из героев романа, клерка одной из угольных шахт, Кен Фоллетт именует *Arthur "Spotty" Llewellyn*, используя прозвище *"Spotty"* (в переводе с англ. "пятнистый") для указания на неряшливость его внешнего вида: «His white shirt had a dirty collar and cuffs» [4, с. 12]. Использование еще одного антропонима *Harry "Suet" Hewitt* с компонентой-

прозвищем “*Suet*” (в переводе с англ. “жир, сало”) также указывает на внешний вид персонажа, а именно его тучность: «It was *Harry “Suet” Hewitt*, a pudding-faced boy...» [4, с. 16].

Подытоживая все сказанное, хочется отметить, что антропонимы являются важной частью ономастикона Кена Фоллетта, имеют целый ряд своих собственных структурно-семантических и этимологических особенностей. В романе антропонимы тесно связаны не только между собой, но и с другими разрядами поэтонимов, поэтому перспективными направлениями исследования считаем выявление функциональных особенностей антропонимов, а также комплексный анализ всей поэтонимосферы произведения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Горбачева О. Г. Ономастическое пространство русских народных и авторских сказок : автореф. дис. на соискание уч. степени канд. филол. наук : спец. 10.02.01 / О. Г. Горбачева. – Орел, 2008. – 24 с.
2. Калінкін В. М. Поетика оніма / В. М. Калінкін. – Донецьк : Юго-Восток, 1999. – 408 с.
3. Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии / Н. В. Подольская. – М. : Наука, 1988. – 192 с.
4. Follett K. *Fall of Giants* / Ken Follett. – New York : New American Library, 2010. – 925 p.

АННОТАЦИЯ

Минина Е.В. Особенности антропонимикона романа Кена Фоллетта «Падение Гигантов»

В статье рассмотрен антропонимикон романа Кена Фоллетта “Падение Гигантов”, выявлены и описаны лексико-семантические, структурно-словообразовательные и этимологические особенности антропонимов в художественном тексте.

Ключевые слова: поэтоним, антропоним, антропонимическая модель, апеллятив.

SUMMARY

Minina E.V. The specific features of Ken Follett “Fall of Giants”’s antroponymicon

The article focuses on Ken Follett “Fall of Giants”’s antroponymicon, the basic features of antroponyms’ structure, semantics and etymology in a literary text are demonstrated.

Key words: poetonym, antroponym, antroponymic model, common name.

*А.Н. Парфёнова
(г. Макеевка)*

УДК 372.881.1

ВОСПИТАНИЕ ИНТЕРЕСА К РУССКОМУ ЯЗЫКУ В 8 КЛАССЕ КАК ОДНА ИЗ ЦЕЛЕЙ ИЗУЧЕНИЯ ПРЕДМЕТА В ШКОЛЬНОМ КУРСЕ

Как известно, интерес к любому учебному предмету делает усвоение программного материала более продуктивным, способствуя при этом развитию познавательной активности учащихся и развитию их общей культуры.

Проблема воспитания и развития интереса к занятиям русским языком в школьной практике рассматривалась многими лингвистами, как теоретиками, так и практиками: Л.С. Выготским, В.В. Давыдовым, С.Л. Рубинштейном, И.А. Зимней, Н.А. Пашковской и др. Говоря о значимости обучения школьников языку, вспомним философско-педагогические идеи Яна Амоса Коменского, который отмечал, что образование будет полным, если ум обрабатывается для мудрости, язык – для красноречия, руки – для искусного исполнения необходимых в жизни действий. Организации постижения языка, овладения языком посвящены методические идеи В.Я. Стоюнина, который считал, что «нужно сделать так, чтобы при изучении языка он действовал не только на нашу память или наш ум, но и на воображение, и на чувства, словом, на всю нашу душу» [5, с. 51]. Практика показывает, что без овладения языком невозможна никакая познавательная работа, так как язык неразрывно связан с мышлением.

Исходя из содержания нового государственного стандарта, Программа основного общего образования для общеобразовательных организаций с обучением на русском языке нацеливает учителя на то, что «обучение русскому (родному) языку в основной школе должно обеспечить общекультурный уровень человека». Характеризуя учебный предмет «Русский язык», нужно отметить его познавательно-практическую направленность. Определяя общую стратегию обучения, воспитания и развития учащихся средствами учебного предмета «Русский язык», учитель русского языка современной школы ставит перед собой три задачи: развитие ума, обучение деятельности и постижение языка. А решение этих задач невозможно без воспитания интереса к изучению языка на школьном этапе.

Проблема интереса к занятиям русским языком в школьной практике чаще всего связывается с личностью учителя.

Вспомним известные слова Л.Н. Толстого: «Хочешь наукой воспитать ученика, люби свою науку и знай ее, и ученики тебя полюбят и науку, и ты воспитаешь их; но если ты сам не любишь ее, то, сколько бы ты ни заставлял учить ее, наука не произведет воспитательного влияния». От личных качеств учителя, от его умения правильно организовать работу над изучением русского языка в урочное и внеурочное время зависит достижение общеобразовательной цели: привить любовь к великому русскому языку, повысить общую языковую культуру, развить интерес к языку как учебному предмету.

Урок, бесспорно, остается основной формой учебно-воспитательной работы, его содержание определяется учебной программой и строится на основе общедидактических принципов: научности, доступности, систематичности, индивидуального подхода и др.

Общий курс изучения русского языка в школе включает несколько разделов: «Фонетика и орфоэпия», «Графика», «Морфемика и словообразование», «Лексикология и фразеология», «Морфология», «Синтаксис». Практика показывает, что изучая, скажем, лексикологию, нельзя не упомянуть о морфологии, изучая фонетику, невольно обращаешься к графике, изучая морфологию, применяешь различные синтаксические конструкции и т. д. Одним словом, изолированно от других не изучается ни одна лингвистическая тема. В основе программы школьного курса лежит линейный принцип подачи материала, однако изучение всех разделов сопровождается формированием орфографических и пунктуационных навыков. В связи с этим, хочется отметить в методике преподавания русского языка ещё один из принципов – принцип преемственности и перспективности. Как считает В.И. Загвязинский, «современное научное знание должно предстать перед учащимися структурно целостным, нерасчлененным на факты, идеи, теории, методики исследования, следствия и способы применения» [3, с. 41], т. е. усваиваться должна система знаний, а не их фрагменты.

Программа по русскому языку дает педагогу большие возможности для решения воспитательных задач, создания эмоционального настроения, способствующего повышению интереса к предмету и успешному его изучению, мотивируя самообразовательную деятельность учащихся.

Согласно современной философии образования, ведущая роль в формировании коммуникативно-речевой, языковой, социокультурной и деятельностной компетенций учащихся отводится учебнику. Хотелось бы проиллюстрировать это на примере учебника для 8-го класса «Русский язык»

(авторы Л.А. Тростенцова, Т.А. Ладыженская, А.Д. Дейкина, О.М. Александрова. М.: Просвещение, 2016). Он направлен на решение ряда задач, среди которых: формирование устойчивой мотивации изучения языка, совершенствование умений и навыков всех видов речевой деятельности, саморазвитие и развитие благодаря активизации мыслительной деятельности и диалогическому взаимодействию с учебником. Отметим, что задача формирования устойчивых познавательных интересов решается в учебнике за счет индуктивного способа подачи знаний, выделения в языковом материале интересных фактов, наличия проблемных заданий, иллюстративного материала: рисунков, схем, иллюстраций, таблиц. Немаловажную роль в привлечении внимания к материалу играет цветовое оформление, специальные графические обозначения. Так, например, выделены определения и правила для заучивания наизусть, теоретические сведения, материал для самостоятельных наблюдений, задания повышенной трудности, задания игрового и занимательного характера, задания по речевому этикету, дополнительные задания для повторения изученного. Художественное оформление учебника помогает решать проблему воспитания интереса к русскому языку.

Материал учебника способствует развитию интереса к изучаемому предмету путём реализации принципа индивидуального подхода к обучению, дифференциации заданий для учащихся с учетом их познавательных возможностей. Например, при изучении темы «Знаки препинания: знаки завершения, разделения, выделения» в упражнении для «слабых» учащихся (а этим фактом оперирует только учитель) дано задание: закончите предложения, используя таблицы,...; в упражнении для «средних» учащихся предложено записать 2 предложения, в которых знаки препинания служат для разделения, 2 предложения, в которых знаки препинания служат для выделения, 3 предложения со знаками разделения и выделения; «сильным» учащимся можно предложить задание вспомнить наизусть слова современных песен, романсов, записать их по памяти, если в тексте есть разделительные знаки препинания, надписать над ними букву *P*.

Важно отметить, что для развития и поддержания интереса к изучению русского языка, в учебнике предложены упражнения разной практической направленности: предназначенные для выполнения сразу после объяснения теоретического материала и позволяющие практически применить полученные знания; комбинированные упражнения, в которых познавательные задачи по текущей теме дополняются заданиями для повторения

теоретических сведений и совершенствования умений и навыков; упражнения на ситуативную активизацию синтаксических конструкций и самостоятельное создание высказываний, мини-текстов, диалогов и т.д. Например, задание, направленное на закрепление полученных теоретических сведений и развитие навыков пунктуационного разбора при изучении темы

«Пунктуационный разбор предложения с однородными членами», звучит так:

Спишите, расставляя пропущенные разделительные запятые между однородными членами предложения. Выполните письменный пунктуационный разбор предложений.

Тем, кто интересуется живописью, знает поэзию и может соотнести ее с реальной жизнью, может выполнить следующее задание:

Осень. Осенние дожди. «Унылая пора» и вместе с тем «Очей очарованье». А. Пушкин на картине В. Попова любит тему прекрасным пейзажем, который открывается с крыльца его дома в Михайловском. Невольно вспоминаются стихотворные строки поэта об осени. Напишите отзыв в книгу посетителей выставки; включите в него те строки А. Пушкина об осени, которые вы вспомнили, рассматривая картину «Осенние дожди».

Комбинированные упражнения, как известно, рассчитаны на непрерывное совершенствование синтаксических умений и навыков. А если эти упражнения имеют в основе своей текст, то они готовят учащихся к выполнению творческих работ в рамках коммуникативно-творческого практического метода. Блинов Г.И. в «Методике изучения пунктуации в школе» говорит об условии написания творческих работ учащимися, когда они думают о теме высказывания, ее развитии, о стилистических средствах и т.д.

Следует отметить и содержательную сторону текстов для упражнений, которые, как правило, взяты из художественной литературы, что свидетельствует о тесной взаимосвязи учебных предметов «Русский язык» и «Литература», о неоспоримом воспитательном значении художественной литературы в развитии личности. Например, в одном из упражнений дано задание:

В своем произведении «Каникулярные работы институтки Наденьки N» А. Чехов приводит сочинение девочки. Попробуйте разобраться в том, что и как высмеивает в нем Чехов. По какому плану написано сочинение? Какая часть сочинения написана не на заданную тему? Что списала Наденька у Тургенева? Как удалось Чехову, используя предложения с однородными членами, высмеять автора сочинения? В каких случаях отсутствие

переходов от одной части к другой тоже создает комический эффект? Какие речевые недочеты вы заметили?

В учебнике имеются задания, позволяющие не только познакомиться с чьей-либо точкой зрения, но и дающие право высказать свое мнение на ту или иную проблему. Например, одно из заданий к упражнению предлагает ученикам познакомиться с мыслями о культуре из книги актера театра и кино, режиссера, сценариста М. Ульянова, обсудить содержание текста с родителями, друзьями, одноклассниками. Обратим внимание: в процесс обучения невольно «вмешивается» общественность, что играет определенную социальную роль.

И снова о мастерстве учителя, стремящегося пробудить интерес к русскому языку. Одним из средств пробуждения интереса к предмету является использование элементов занимательности на уроке. Само слово *занимательный* в словаре русского языка определяется как «способный занять внимание, воображение, интересный», то есть занимательность всегда связана с интересом. Элементы занимательности учитель может использовать на любом этапе урока в зависимости от цели этого этапа. И характер этих заданий тоже может быть разнообразный. Выполнение оригинальных заданий повышает интерес к предмету, помогает развитию творческой активности учащихся. Например, создавая проблемную ситуацию: какой знак препинания и для чего необходимо ставить в предложениях грамотного человека, – предлагаем выполнить задание:

В данных предложениях, за исключением одного, следует поставить тире или запятую. В каком предложении знак препинания не нужен?

- А) Здесь не житье им рай. (И.А. Крылов)*
- Б) Один с сошкой семеро с ложкой. (Пословица)*
- В) Было бы здоровье остальное будет. (Пословица)*
- Г) Добро творить себя веселить. (Пословица)*
- Д) На поляне той гора вся из чистого серебра. (П.П. Ершов)*
- Е) Я умираю мне нечего лгать. (А.К. Толстой)*

Возвращаясь к проблеме расстановки запятых грамотным человеком (А какой из учеников не хочет видеть себя «грамотеем?»), задумаемся с учениками и над вопросом: «Сколько возможно вариантов постановки запятых в предложении: *Внезапно проснувшись среди ночи в страхе подскочил он в постели?*

- А) три*
- Б) четыре*
- В) пять*
- Г) шесть*

Д) семь

Е) восемь».

Следует отметить и роль игр в развитии познавательного интереса. Одна из них – игра «Карты», позволяющая использовать работу в парах. Представим, что двум ученикам раздали по 18 «карт», пронумерованных по порядку от 1 до 36, учтем при этом, что пар в классе будет определенное количество. В «картах» предложения. Выбираем в предложении любой пример: однородные члены, краткое прилагательное и т.д. Задаем соответствующий вопрос: «Назовите предложения с однородными членами», «В каком предложении имеется краткая форма прилагательного?» Партнер должен найти среди своих «карт» ту, на которой есть такой же пример. Если пример найден правильно, обе карты вычеркиваются и ход переходит к партнеру. Если же соответствующего примера не оказалось, то карту вычеркивает «ходивший», и право следующего хода остается за ним.

Интерес к языку поддерживается и при получении ситуативных заданий на развитие навыков диалогической речи. Вот подобное задание:

Часто мы слышим споры о том, чья речь красивее, мелодичнее, выразительнее. Расскажите жителю туманной Англии о весне в Вашей местности, чтобы он ощутил и краски, и запахи, и настроение людей в эту пору года. Включите в рассказ эпитеты, метафоры, другие изобразительные средства.

В целях активизации изучения научно-популярной литературы полезно использовать те приемы, которые рекомендуются вообще при работе с книгой. Посоветуем при чтении оглавления научно-популярного источника задуматься над названием глав, параграфов книги, и не просто задуматься, а представить себе их возможное содержание. Возможно, возникнет предположительное направление ответа по одному – двум из 10-20 пунктов оглавления, но стремление проникнуть в суть этих названий приведет к особой заинтересованности в содержании книги. Научно-популярная литература нередко вдохновляет на подготовку лингвистических газет определенной тематики, что позволит расширить познавательные возможности и творческие способности учащихся. Также учитель может подготовить для подростков научно-популярный рассказ о наших ученых-лингвистах, подобное задание могут впоследствии подготовить сами ученики, при этом задание для них можно связать с изучаемой на уроке проблемой.

Практика показывает, что среди новых подходов, способствующих развитию интереса к изучению русского языка,

очень популярным является проектная деятельность, которая позволяет приобрести опыт перспективного планирования. Появляется возможность осуществления дифференциации в обучении. Процесс обучения строится на основе сотрудничества, позволяющего создать условия для активной совместной учебной деятельности. Например, суть проекта «Пунктуация – это просто...» заключается в том, что ученики-восьмиклассники, изучив основные правила расстановки знаков препинания, проанализировав ряд примеров, через определенный отрезок времени должны убедиться и убедить других, что знаки препинания важно и нужно расставлять. Результатом, скажем, проекта «Фотоохота на ошибки» может стать фотоальбом, в котором будут зафиксированы ошибки из окружающей среды: в объявлениях, на плакатах, в названиях магазинов, на стендах и т.д.

Важно отметить, успех решения познавательной проблемы, воспитания интереса к изучению русского языка напрямую зависит от желания самого учителя познавать новое, передавать свое желание другим. Только в этом случае можно говорить о результативности урочной деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Блинов Г.И. Методика изучения пунктуации в школе. – М., 1990.
2. Данилина Т.П., Миргородская Е.В. Проектная деятельность учащихся: как и к какой жизни готовим? // Методист. – 2008. – № 5.
3. Загвязинский В.И. Теория обучения: Современная интерпретация. – М., 2004. – С. 41.
4. Русский язык: 5-9 кл.: программа для общеобразовательных организаций с обучением на русском языке / Сост. Симонова И.В., Мельникова Л.В. – Донецк: Истоки, 2015. – 96 с.
5. Стоюнин В.Я. Беседы И.И. Срезневского о русском языке: Хрестоматия по методике русского языка. – М., 1982. – С. 51.

АННОТАЦИЯ

Парфёнова А.Н. Воспитание интереса к русскому языку в 8 классе как одна из целей изучения предмета в школьном курсе

В работе уделяется внимание проблеме воспитания интереса к русскому языку в школьной практике. Исходя из требований государственного стандарта образования, программы основного общего образования для общеобразовательных организаций,

отмечается познавательно-практическая направленность школьного курса «Русский язык». Делается акцент на роли личности учителя в воспитании интереса к изучению русского языка, рассматриваются различные методы подачи учебного материала на уроке, анализируются упражнения школьного учебника, способствующие решению познавательной проблемы. Статья адресована учителям русского языка и студентам-филологам.

Ключевые слова: стратегия обучения, государственный стандарт, программа основного общего образования, интерес к предмету, учебник, мастерство учителя.

SUMMARY

Parfyonova A.N. The development of the 8th grade pupils' interest in learning the Russian language as one of the objectives of learning the subject in the school course

The work pays attention to the problem of the development of pupils' interest in learning the Russian language in school practice. Based on the requirements of the state standard of education, the curriculum of basic education for educational organizations, cognitive and practical orientation of the school course «The Russian language» is specified in this work. The role of a teacher's personality in the process of the development of the 8th grade pupils' interest in learning the Russian language is emphasized by the author. The author also considers various methods of applying the training material in class and analyses school textbooks' exercises which contribute to the solution of a cognitive problem. This article is intended for teachers of the Russian language and students-would-be philologists.

Key words: training strategy, state standard, the program of the basic General education, interest in a subject, textbook, a teacher's skills.

*Л.Е. Солопова
(г. Горловка)*

УДК 81'25

К ВОПРОСУ О ЯЗЫКОВОМ ПЕРЕКЛЮЧЕНИИ ПРИ УСТНОМ ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОМ ПЕРЕВОДЕ

Преподавание перевода является мало разработанной сферой педагогической науки. Прежде всего, это касается проблематики обучения универсальных умений и навыков, необходимых во всех видах перевода: устным и письменном,

последовательном и синхронном. Поскольку именно с их развития следует начинать обучение этому виду речевой деятельности, на их базе должны строиться специфические умения и навыки, без которых невозможным является выполнение отдельных видов перевода.

Как правило, перевод применяется на разных этапах учебного процесса, помогая будущему переводчику постигнуть систему выразительных средств речи в двух языках. Кроме этого, перевод играет важную роль как продуктивный способ практического применения знаний, полученных на занятиях по иностранному языку. Мы согласны с Барановой С.В., которая утверждает, что «перевод наглядно демонстрирует студентам практическую ценность владения иностранным языком и тем самым усиливает мотивацию к его изучению. Постоянное сопоставление в этом процессе иностранного и родного языков способствует более глубокому познанию того или иного языка, повышению языковой и мыслительной культуры» [1, с. 13].

Устный последовательный перевод является сложным, специфическим видом речевой деятельности, как и аудирование, говорение, чтение, письмо. Последовательный перевод охватывает практически все эти виды речевой деятельности: продуктивные – говорение и письмо, и рецептивные – аудирование и чтение. Процесс устного последовательного перевода отличается от процесса письменного или синхронного перевода. Характерным признаком для этого перевода является попеременная работа отправителя и переводчика. Отправитель сообщения, переводчик и получатель сообщения (транслята) при этом виде перевода являются непосредственными участниками коммуникативного акта, они видят друг друга, сами создают элементы ситуации общения и имеют возможность часть информации передать с помощью прагматических компонентов смысла высказывания (мимики, жестов). Эти условия общения в значительной степени облегчают работу переводчика, поскольку способствуют более простому проникновению во все нюансы смысла и функции речевого произведения [8].

Учитывая вышеизложенное, можно утверждать, что для осуществления перевода профессиональная компетенция устного последовательного перевода (набор знаний, навыков и умений) должна включать следующие компоненты: языковую компетенцию (как в рецептивном, так и продуктивном плане); коммуникативную компетенцию; переводческую компетенцию (навыки билингвизма и перевода) [9]; техническую компетенцию (умение кодировать и декодировать информацию, презентабельность); личностные характеристики

(развитие памяти). При этом первые три компонента являются характерными для всех видов перевода, а последние два являются специфическими для устного последовательного перевода.

Устный последовательный перевод, как и синхронный, относится к числу самых сложных видов устного перевода. Это диктует свои требования в подходе к его преподаванию. Студенты должны иметь необходимую языковую подготовку, то есть обладать тем минимумом знаний, который необходим для адекватного понимания текста. К языковой компетенции относится также и знание родного языка. Проблема коммуникативной компетенции тесно связана с различиями культур и требует от переводчика знания как культуры языка оригинала и языка перевода, так и других экстралингвистических знаний.

Профессиональная подготовка будущих переводчиков для таких видов устного перевода, как устный последовательный односторонний перевод и устный последовательный двусторонний перевод, ставит в качестве конечной важной цели сформировать сбалансированный переводческий билингвизм, который находит выражение в таких обозначениях, как двуязычие, многоязычие, диглоссия. Двуязычие начинается тогда, когда степень знания второго языка приближается вплотную к степени знания первого.

Обычно два языка бывают сформированы у человека в разной степени, поскольку не бывает двух совершенно одинаковых социальных сфер действия языков и представленных ими культур. Поэтому в определении билингвизма отсутствует требование абсолютно свободного владения обоими языками. Если один язык не мешает второму, а этот второй развит в высокой степени, близкой к владению языком у носителя языка, то говорят о сбалансированном двуязычии. Тот язык, которым человек владеет лучше, называется доминантным, причем это не обязательно первый по времени усвоения язык. Не все билингвы могут быть переводчиками, многие из них, владеющие двумя языками на высоком уровне, совершенно не способны переводить. Но все переводчики являются билингвами, при этом их профессиональная компетенция отнюдь не сводится просто к владению двумя языками. Учитывая названные виды, билингвизм устного переводчика может быть определен как параллельное, активное и контактное сбалансированное двуязычие. Билингвизм профессионального переводчика [2, с. 80] – это не только знание двух языков, но прежде всего умение находить и соотносить коммуникативно-равноценные средства

данных языков для выражения мыслей с учетом особенностей конкретного акта общения. Переводческий билингвизм отличается от билингвизма субъекта – не переводчика прежде всего тем, как подчеркивает И.А. Зимняя [3], что он невозможен без высоко сформированных автоматизмов межязыковых замен, без сформированного механизма языкового переключения. И если билингвизм – обязательное условие деятельности переводчика, то выражается он в способности постоянно, контактно и параллельно использовать в общении два языка [5, с. 51], осуществлять параллельные речевые действия на двух языках [6]. Оба языка используются для выражения одних и тех же понятийных категорий времени, места, качества, модальности и других; для обозначения классов предметов, отдельных объектов и их признаков, процессов и состояний, которые связаны с единством человеческого мышления и окружающего мира.

Способ использования каждого языка в речи выдвигает необходимость накапливать и учитывать билингву-переводчику: – специфичность семантики языковых единиц; – несовпадение значений единиц, как например «нога» – «Fuss», «Bein»; – несовпадение «картин мира», разное членение действительности; – различия внеязыковой реальности, например выражение у русских «третьим будешь?». Все это связано с национальным характером культур, который находит отражение в языке и обусловлен особым видением мира.

Культурная информация «рассеяна» в языке и воспроизводится носителями языка [7, с. 14]; иначе говоря, языковые знаки имеют культурную семантику, так как мир смыслов отражает человеческую культуру. Механизм переключения в переводческой деятельности в условиях диалога языков и культур формируется в виде знаковых связей между словами как языковыми знаками с их культурной семантикой исходного языка и их эквивалентами в языке перевода. Понимать язык – значит употреблять только те сочетания и преобразования знаков, которые приняты в данной социальной группе; обозначать объекты и ситуации так, как это делают члены группы; выражать свои собственные состояния так, как это делают другие. При переводе такие «сочетания и преобразования знаков», «знаковые средства», «ожидания», «состояния» в языке оригинала и языке перевода должны совпадать.

Механизм переключения с одного языка на другой в процессе перевода предусматривает наложение семантического поля исходного языка на семантическое поле языка перевода, когда происходит нахождение эквивалентов, соответствий в языке перевода.

Сбалансированный билингвизм переводчика обусловлен степенью сформированности переводческих соответствий на лексическом, фразеологическом и грамматическом уровнях языка [2, с. 167]. Переводческим соответствием называют единицу языка перевода, которая регулярно используется для перевода данной единицы исходного языка. Переводческие соответствия, как правило, устанавливаются между единицами одного и того же уровня [2, с. 167]. При этом соответствия могут быть единичными и множественными. Единичные соответствия существуют у терминов, собственных имен, географических и других названий, когда та или иная единица исходного языка переводится одной и той же единицей языка перевода. Большая часть единиц исходного языка имеет множественные соответствия, когда для передачи их значений используется несколько единиц языка перевода, что может быть обусловлено речевым, лингвокультурным или ситуативным контекстами, дискурсом, особенно в ситуациях устного перевода. Если устный переводчик после регулярных двуязычных речевых действий накопил в рамках контекста переводческие соответствия, это обуславливает уровень развития его переводческого билингвизма. Тогда он способен переключаться с одного языка на другой уже в момент аудирования фрагмента звучащего текста дискурса, осмысления и понимания его информации, фиксации внутренней программы содержания средствами языка перевода, т.е. актуализируя переводческие соответствия единицам языка исходного текста. В этом случае особую важность представляет внутренний способ воссоздания устным переводчиком, говорящим на исходном языке, сформированной и сформулированной мысли [4, с. 35]. Важным становится вопрос актуализации и записи соответствий на языке перевода, т.е. вопрос действия механизма языкового переключения с самого начала процесса аудирования фрагмента дискурса на исходном языке.

В заключение следует особо подчеркнуть значимость характеристик упражнений для подготовки будущего устного переводчика, для формирования переводческого билингвизма и лежащего в его основе механизма языкового переключения. К таким характеристикам относятся: включение в каждое упражнение по практическому курсу иностранного языка и по практике устного последовательного перевода взаимосвязанного выполнения аудирования исходного текста и письма-фиксации тематического и смыслового развития содержания; выполнение говорения на языке перевода с опорой на зафиксированное письменно тематическое или смысловое развитие содержания

как программу порождения текста перевода; включение и в первом и во втором случае референтного чтения, т.е. чтения фрагментов печатных текстов презентаций по ключевым словам и словосочетаниям, сопровождающего аудирование или говорение, и, наконец, взаимосвязанное использование всех видов речевой деятельности, а именно аудирования, письма, чтения, говорения, сопровождающее актуализацию ситуации полного устного последовательного перевода.

Второй особенностью является необходимость постоянных переходов с внутреннего способа формирования воссоздаваемой мысли к внешнему устному способу ее формулирования с опорой на внешний письменный способ фиксированной программы.

Следующая особенность каждого упражнения заключается в том, что устная речевая практика осуществляется в рамках диалога двух языков при обязательном сочетании иноязычного аудирования и русскоязычного говорения и, наоборот, русскоязычного аудирования и иноязычного говорения, на основе постоянно предлагаемых соответствий средств языков как информационной основы устной речевой практики по всем видам устной речевой деятельности.

Наконец, можно говорить о пяти основных типах упражнений, которые могут иметь несколько видов:

- рецепция (аудирование) аутентичных фрагментов текстов на ИЯ и РЯ;
- рецепция (аудирование) и письменная фиксация программы содержания аутентичного фрагмента текстов;
- рецепция (аудирование), сопровождаемая письменной фиксацией программы и референтным чтением;
- рецепция (аудирование), сопровождаемая фиксацией программы, и репродуктивное говорение, сопровождаемое референтным чтением;
- рецепция (аудирование), сопровождаемая письмом-фиксацией программы, и продуктивное говорение с опорой на зафиксированную программу содержания, план, структуру, смысл комплексов.

Таким образом, основными методическими приемами при обучении устного последовательного перевода являются: развитие профессиональной компетенции, принцип от простого к сложному, а также навык сформированности переводческих соответствий на лексическом, фразеологическом и грамматическом уровнях языка, использование ситуаций общения, в которых может функционировать языковой материал, который изучается.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баранова С.В. Актуальные вопросы методики преподавания перевода / С.В. Баранова // Вестник Сумского государственного ун-та. Серия: Филологические науки. – 2002. – №4(37). – С. 12-15.
2. Комиссаров В.Н. Современное переводоведение: учеб. пособие / В.Н. Комиссаров. – М.: ЭТС, 2002. – 424 с.
3. Зимняя И.А. Психология перевода: Учеб. пособие / И.А. Зимняя, В.И. Ермолович. – М.: ПГПИИЯ им. М. Тореца, 1981. – 52 с.
4. Зимняя И.А. Психологические аспекты обучения говорению на иностранном языке / И.А. Зимняя. – М., 1978. – 159 с.
5. Миньяр-Белоручев Р.К. Как стать переводчиком? / Р.К. Миньяр-Белоручев. – М.: Стела, 1994. – 142 с.
6. Миньяр-Белоручев Р.К. О механизме переключения с одного языка на другой в процессе устного перевода / Р.К. Миньяр-Белоручев // Вопросы психологии. – 1974. – № 6. – С. 98-106.
7. Телия В.Н. Русская фразеология: семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В.Н. Телия. – М., 1996. – 288 с.
8. Стрелковский Г.М. Теория и практика военного перевода / Г.М. Стрелковский. – М.: Изд-во Минобороны СССР, 1979. – С. 142-145.
9. Цвяк Л.В. Билингвизм как феноменальное явление современного общества / Л.В. Цвяк // Записки из романо-германской филологии: Вып. 12. – Одесса: Латстар, 2002. – С. 202-211.

АННОТАЦИЯ

Солопова Л.Е. К вопросу о языковом переключении при устном последовательном переводе

В статье рассматривается переводческий билингвизм, раскрываются механизм языкового переключения в устном последовательном переводе и переводческие соответствия на лексическом, грамматическом и фразеологическом уровнях.

Ключевые слова: билингвизм, языковое переключение, устный последовательный перевод, переводческие соответствия, исходный язык, язык перевода; диалог языков и культур.

SUMMARY

Solopova L. To the question about the mechanism of language conversion in oral translation activity

Translation bilingualism is being studied in the article. The mechanism of language conversion in oral sequential translation

as well as translation equivalences on the lexical, grammatical and phraseological levels is being shown.

Key words: bilingualism, language conversion, oral sequential translation, translation equivalences, original language, target language, dialogue of languages and cultures.

*О.В. Сырова
(г. Горловка)*

УДК 8111.161.1'42

ПРИЧИНЫ КОМПРЕССИИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

С позиций широкого подхода сущность процесса компрессии трактуют как проявление синтетизма в словообразовании, т.е. как репрезентацию одним словом значения, реализуемого в аналитической конструкции сочетанием слов. Ср. *широкоплечий и широкий в плечах, барабанить и бить в барабан, столик и маленький стол, библиотекаря и женищина-библиотекарь* и т.п. Также в данном понимании компрессия определяется как образование слова на базе словосочетания, с которым оно имеет тождественное значение. При таком рассмотрении к разряду компрессивных процессов следует отнести универбацию, аббревиацию, субстантивацию, суффиксацию (в том числе и нулевую) и т.д.

В лингвистике выделяют пять основных причин компрессии.

1. Действие общезыковой тенденции экономии речевых средств (*economy of speech* – термин О. Есперсена), особенно сильно проявляющееся в разговорной речи.

2. Частная тенденция сближения книжной и разговорной стихий и проникновения разговорно-просторечных элементов в литературное употребление [4, с. 118].

3. Возникновение новых явлений, нуждающихся в именах.

4. Возникновение причин для изменения имени уже существующего явления. За такими изменениями имен могут стоять факторы из области политики, экономики, престижа, коммуникации и т.п.» [1, с. 105].

5. Экстралингвистические обстоятельства, заключающиеся в резком ускорении «темпа жизни в наше время, что в структурном плане получает свое выражение в процессах устранения названий с расчлененной формой и компрессии, т.е. сжатия в слово номинативных словосочетаний целостной семантики и частого употребления» [7, с. 158].

Язык может, не нарушая перцептивных законов, обуславливающих определенные возможности компрессии,

«двигаться в сторону передачи большего объема информации в единицу времени путем модификации речевых единиц, т.е. слов и их компонентов», – считает Т. М. Николаева [5, с. 17]. Также она уверена, что воплощение указанной тенденции развития в содержательной плоскости является симметричным, или даже параллельным, развитию фонетического аспекта. В этом случае также можно говорить о компрессии.

По наблюдениям лексикографов, для семантического развития словарного состава русского литературного языка последних десятилетий характерна внутриязыковая обусловленность (70 %) при сравнительно небольшом количестве семантических инноваций, призванных обозначить нечто новое.

Но, на наш взгляд, существуют еще причины, способствующие активному образованию и широкому распространению вербальных эквивалентов словосочетаний номинатом исследуемого типа.

Японские лингвисты еще в середине прошлого века обратили внимание на значимость воздействия, которое оказывает массовая коммуникация (т.е. средства массовой информации) на общество. Они пришли к выводу, что наряду с экономическим и социальным существованием человека можно говорить о его языковом существовании. В данном случае речь идет о «личных или общественно-групповых оценках разнообразных речевых явлений» [3, с. 9]. Иными словами, единицы, возникшие в результате компрессии, традиционно квалифицировались как стилистически отличные от поликомпонентных их эквивалентов, то есть как жаргонные, просторечные, реже – как стилистически равные им.

Например: *генеральша* (*Генеральша Татищева* выводила русского белого бульдога. – КП 17.09.2009) – *жена генерала* (*Жена генерала Лариса Гамова, которая пострадала чуть меньше, в настоящее время находится в специализированной клинике в пригороде Токио.* – КП 25.05.2002); *безнадега* (*Поначалу, казалось, что безнадега, которую мы наблюдали на первых стартах наших девушек, снова будет сгущаться над стадионом.* – КП 23.02.2010) – *безнадежная ситуация* (...с канадцами, когда наши парни после двух периодов проигрывали 0:3, но, казалось уже в *безнадежной ситуации* сумели найти в себе силы. – КП 08.01.2011); *дончанин* (*Дончанин* получил возможность всю жизнь бесплатно ходить в музей Шолохова. – КП 30.05.2008) – *житель Донецка* (*Жители Донецка* отравились водой из-под крана. – КП 17.04.2011); *строгач* (*Новосибирскому наркоторговцу, застрелившему хоккеиста, дали 10 лет «строгача».* – КП 09.06.2011) – *строгий режим*

(Прокурор потребовала для Блинникова шесть лет строгого режима. – КП 23.03.2011); днюха (У нашей Светки сегодня днюха, подваливайте! (Александр МИЛКУС. Студенческая общага: китайцы, кавказцы и гастарбайтеры... // Комсомольская правда, 2004.12.01; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru) – день рождения (4 апреля, в день рождения Андрея Тарковского, здесь было ещё холодно, накануне ночью выпал снег, отчего и Волга стала совсем белой (Иваново. Детство (2004) // «Экран и сцена», 2004.05.06; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru).

Кроме того, явление компрессии «свидетельствует не только об экономии речевых усилий, но и о стремлении языка к «словности», о тенденции к синтетизму или, по крайней мере, к уравниванию аналитизма и синтетизма» [2, с. 10]. Т. М. Николаева, например, выделяет два положения, характеризующие причины языкового развития вообще.

1. Тенденция к передаче все большего числа информации в единицу времени осуществляется в языках двумя способами: а) компрессией, б) суперсегментацией.

2. В языках, эволюционировавших в большей степени, сформулированная тенденция реализуется в большей степени [5, с. 16].

Итак, компрессивы являются не просто разговорными эквивалентами составных наименований, «сжатой характеристикой» или «словами-квалификаторами», отмечает Л. И. Осипова. Она считает, что их роль и значение выходят за рамки чисто лингвистического анализа: подобные дериваты появлялись и продолжают возникать в результате межстилевого противоречия, вызванного социальными факторами (выбор во множестве случаев элементов разговорной речи вместо разного рода официальных наименований и т.п.).

ЛИТЕРАТУРА

1. Блакар Р. М. Язык как инструмент социальной власти / Р. М. Блакар // Язык и моделирование социального взаимодействия. – М. : Прогресс, 1987. – С. 88–125.
3. Гафарова Р. И. Суффиксальные универбы русского языка : семантика, деривационные отношения : дисс. на соискание уч. степени канд. филол. наук : 10.02.02 / Гафарова Р. И. – Харьков, 2009. – 178 с.
4. Демьянков В. З. Интерпретация, понимание и лингвистические аспекты их моделирования на ЭВМ / В. З. Демьянков. – М. : Изд-во МГУ, 1989. – 172 с. – (Московский гос. ун-т. им. М. В. Ломоносова).

5. Зеленин А. В. Компрессивное словообразование в эмигрантской прессе (1919-1939 гг.) / А. В. Зеленин // Вопросы языкознания. – 2007. – № 4. – С. 98–128.
6. Николаева Т. М. Диахрония или эволюция (об одной тенденции развития языка) / Т. М. Николаева // Вопросы языкознания. – 1991. – № 2. – С. 12–25.
7. Осипова Л. И. Активные процессы в современном русском словообразовании : суффиксальная универбация, усечение : дисс. ... доктора филол. наук : 10.02.01 / Осипова Людмила Ивановна. – Москва, 1999. – 506 с.
8. Шанский Н. М. Развитие словообразовательной системы русского языка в советскую эпоху / Н. М. Шанский // Мысли о современном русском языке. – М., 1969. – С. 155–166.

АННОТАЦИЯ

Сырова О.В. Причины компрессии в русском языке

В статье подвергнут анализу процесс компрессии в русском языке. Выявлено два подхода к изучению данного процесса. Определен ряд причин возникновения речевых образований посредством компрессии, среди которых экономия речевых средств, тенденция к сближению книжной и разговорной стихий, возникновение новых явлений, нуждающихся в именах, и причин для переименования уже существующих явлений и т.д. Описаны тенденции развития исследуемого процесса. Компрессивы квалифицированы как разговорные эквиваленты составных наименований русского языка. Сделаны выводы относительно компрессии как процесса и компрессивов как результата этого процесса.

Ключевые слова: компрессия, компрессив, универбация, аббревиация, субстантивация, суффиксация, экономия речевых средств.

SUMMARY

Syrova O.V. The process of compression in the Russian language

The process of compression in the Russian language has been analysed in the article. Two principles of studying the process have been revealed. Particular causes for the formation of speech units by means of compression have been defined: saving of speech means, the tendency to convergence of bookish and colloquial spheres and others. A few concluding remarks have been made about compression as the process and the compressioners as the result of this process.

Key words: compression, compressioners, abbreviation, substantivization, suffixation, speech means saving.

А.В. Филатова
(г. Горловка)

УДК 81.0

ГЕНДЕРНОЕ РАЗДЕЛЕНИЕ НАИМЕНОВАНИЙ ПРОФЕССИЙ В РУССКОМ, АНГЛИЙСКОМ, ФРАНЦУЗСКОМ И НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКАХ

Общественные трансформации, которые были связаны с расшатыванием традиционного определения роли женщины в профессиональной и любой социально-значимой деятельности, привели к значительным изменениям в сфере женского труда и превратили проблему гендерного разделения наименований профессий в одну из наиболее актуальных тем. Данная проблема получила первый значительный толчок к развитию с появлением такого направления в языкознании, как феминистская критика языка, зародившаяся в 60-х, 70-х годах XX столетия в США, и позже получившая значительную поддержку в Германии. Зарождение направления было связано с выходом женщин из приватной в публичную сферу на фоне активации их социальной мобильности, а также со становлением женского движения, которое получило название «феминизм». В феминистской критике просматриваются несколько движений, одно из которых направлено на изучение и определение языкового сексизма, т.е. асимметрий в системе языка, навязывающих его носителям определенную картину мира, где ранее женщине отводится второстепенная роль. Анализируя языковой механизм «включенности» в грамматический мужской род, выявляется предпочтение мужских форм, когда речь идет о лицах обоих полов. На взгляд представителей этого направления, механизм «включенности» способствует игнорированию женщин в картине мира. Например, говоря об учителях и учительницах, чаще всего употребляется одно определение «*учителя*». Сепир-Уорф, который занимался исследованием гендерной асимметрии в языке, т.е. неравномерного представления в языке лиц разного пола, считал, что: «язык не только продукт общества, но и средство формирования его мышления и ментальности» [7, с. 35]. Д.Э. Розенталь также считал, что, например, наименование «*учитель*» должно иметь разграничение по родам, так как данная специальность в равной мере связывается как с женским, так и с мужским трудом. Исходя из этого, феминистская критика языка требует внесения изменений в языковые нормы и в языковую политику.

Рассмотрим один из ярких примеров наименований лиц женского пола по профессии, который не имеет четкого гендерного разделения. Термин «адвокат», следуя декрету Временного правительства, которое возглавлял А.Ф. Керенский, начал использоваться по отношению к женщинам этой профессии, т.к. они получили право заниматься адвокатской деятельностью. Тем не менее, данный термин «адвокатесса» законодательно не был закреплен. В любом словаре современного русского языка есть термин «адвокат», но практически везде отсутствует «адвокатесса». С.И. Ожегов в своем толковом словаре указал эти два термина, но данное явление, к сожалению, является исключением. В соответствии со словарем «Адвокат (муж.) – это юрист, которому поручается оказание юридической помощи гражданам и организациям, в том числе защита чьих-нибудь интересов в суде; защитник (жен.) – адвокатесса (разг.)» [8, с. 29].

Если говорить о других языках, то данный термин рассматривается по-разному. Так, английское слово «*attorney*» не имеет четкого гендерного разделения и о том, что представителем данной профессии является женщина, можно узнать только из контекста. Во французском языке «*l'avocat*» употребляется всегда в мужском роде, а вот в немецком языке существует два конкретных термина «*der Anwalt*» – о мужчине, «*die Anwältin*» – о женщине. Должен ли данный термин, как и в немецком языке, получить гендерное разграничение и в других языках? Мы считаем, что, безусловно, такое разделение должно быть, так как в современном мире эта профессия стала очень популярной среди лиц женского пола, а их строгое следование правилам этикета, скрупулезность, использование в работе разнообразных приемов, в том числе и психологических, подчеркивает важность появления в официально-деловом стиле данного наименования в женском роде. Такое гендерное разделение позволит обогатить и разнообразить современный русский, английский и французский языки, а также поможет избежать ошибок при обращении, например в русском языке, к человеку, который является обладателем несклоняемой фамилии.

Решить данную проблему в русском, английском, французском и немецком языках попытались путем проведения многочисленных опросов и исследований, результатом которых стало введение некоторых общих способов образования наименований лиц женского пола по профессии:

– путем составных образований, т.е. добавлением к номинации профессии слов, определяющих род. В русском языке: *девушка-секретарь, женщина-директор, женщина-конструктор*; в английском: *chairman (председатель) – chairwoman, spokesman*

(оратор) – *spokeswoman, fireman* (пожарный) – *firewoman, postman* (почтальон) – *postwoman*; во французском: *femme-médecin* (женщина-врач), *femme-juriste* (женщина-юрист); в немецком: *der Kaufmann* (торговец) – *die Kauffrau* (женщина-торговец), *der Barmixer* – *die Bardame* (женщина-бармен), *der Krankenpfleger* (санитар) – *die Krankenschwester* (медсестра) и т.д.

– суффиксальным путем, т.е. добавлением суффиксов -ш(а), -их(а), -к(а), -иц(а) в русском языке: *учительница, аспирантка, студентка, артистка, певица, поэтесса, спортсменка, чемпионка, пловчиха, лаборантка, трактористка, ткачиха, продавщица, директорша, докторша и т. д.* В английском языке таким образовательным суффиксом женского рода стал -ess : *stewardess* (стюардесса), *waitress* (женщина-официант), *poetess* (женщина-поэт). Несмотря на возможное употребление данных наименований профессий в женском роде, в официально-деловом стиле предпочтение отдается форме мужского рода: *М.И. Иванов работает продавцом в магазине детских игрушек. А.М. Семенова является талантливым конструктором (в просторечии – конструкторша Семенова).* Во французском языке широко используется и употребляется для гендерного разделения суффикс -e, добавленный к наименованию мужского рода: *un étudiant* (студент) – *une étudiante, un député* (депутат) – *une députée, un apprenti* (ученик, новичок) – *une apprentie* и т.д. В немецком языке образование имен женского рода от соответствующих наименований в форме мужского рода происходит при помощи суффикса -in: *Korrespondent* (корреспондент) – *Korrespondentin, der Sekretär* (секретарь) – *die Sekretärin, der Lehrer* (учитель) – *die Lehrerin* и т.д. Для немецкого и французского языков характерным является и флективный способ образования наименований профессий женского рода, т.е. изменение формы суффиксов *teur – teuse, teur – trice, eur – euse, ess, esse*: *un afficheur* (расклеивщик объявлений) – *une afficheuse, un chanteur* (певец) – *une chanteuse, un acteur* (актер) – *une actrice, der Friseur* (парикмахер) – *die Friseuse* и пр.

– синтаксически, в русском языке путем постановки глагола-сказуемого в форму женского рода, если в роли подлежащего выступает существительное мужского рода, подразумевая женский пол: *депутат принимала избирателей, мастер спорта установила новый рекорд, врач-педиатр провела прием.* В немецком языке указателем женского рода может послужить окончание существительного в единственном числе с определенным артиклем в форме винительного падежа: *Die*

Firma ehrt die Angestellte (внимательный падеж женского рода). Die Firma ehrt den Angestellten (внимательный падеж мужского рода);

– аналитически, что ярко демонстрируется на примере французского и немецкого языков, т.е. изменением рода существительного путем подстановки связанных с ним слов, в данном случае, артикля: *un (le) secrétaire (секретарь) – une (la) secrétaire, un(l') élève (ученик) – une (la) élève, der Angestellte (служащий) – die Angestellte.*

В.Виноградов отмечал, что популярность номинации лиц профессий в мужском роде осталась неизменна, так как при раскрытии данных терминов в русском языке не имелся конкретно какой-либо род, чего нельзя сказать о номинациях женского рода. Сегодня в русскоязычном мире наиболее распространенным считается употребление лексико-семантических средств для гендерной дифференциации наименования профессий. Англоязычные же лингвисты, такие как П. Эккерт, С. Макконнелл-Джинет, Д. Хакер и др., вообще взяли курс не на гендерное разделение наименований профессий, а на его нейтрализацию. Они предложили заменять слова «woman» и «man» на более общие термины «people» (люди), «person» (личность, человек) и др., а личные местоимения he (он) и she (она) на they (они): *secretary (секретарь) – personal assistant, fireman (пожарный) – firefighter, policeman (полицейский) – police officers, salesman (продавец) – salespeople и т.д.* В немецком и французском языке феминистская политика прослеживается более отчетливо, благодаря наличию в них продуктивных средств деривации, которые позволяют создать формы мужского и женского рода номинаций профессий и активно их употреблять как в речи, так и на письме.

По нашему мнению, наиболее верным будет использование одновременно номинаций лиц по профессии, как мужского, так и женского пола, что поможет подчеркнуть равноправие обеих сторон в некоторых профессиях, не уменьшая значимости ни одной из них.

ЛИТЕРАТУРА

1. Википедия: Свободная энциклопедия [Электронный ресурс].
2. Вильданова Г.А. Евфемия и принцип вежливости в современном английском языке: гендерный аспект: монография. – М. – Берлин: Директ-Медиа, 2015. – С. 80-93.
3. Гак В. Г. Сравнительная типология французского и русского языков: учеб. пособие для студентов фак. и ин-тов ин. яз. / В. Г. Гак. – Л.: Просвещение, 1976. – 300 с.

4. Кашпур Е. В. Сопоставительное исследование наименований лиц по профессии и социальному статусу во французском и русском языках: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – М., 2005. – 20 с.
5. Кирилина А. В. Гендер: лингвистические аспекты. – М.: Институт социологии РАН, 1999. 189 с.
6. Николаева И.Ю. Наименования лиц женского пола по профессии, должности в гендерном аспекте / Вестник МГОУ. Серия «Русская филология». – М.: Изд-во МГОУ, 2010. – № 3.
7. Нурсеитова Х.Х. Введение в гендерную лингвистику: учеб. пособие [Текст] / Х.Х. Нурсеитова. – Павлодар, 2008. – 70 с.
8. Ожегов С.И. Словарь русского языка / Под ред. Н.Ю. Шевцовой. – М.: Рус. яз., 1990. – 921 с.
9. Петрякова А.Г. Культура речи: практикум-справочник для 10-11-х классов. – 8-е изд. – М.: Флинта: Наука, 2011. – 256 с.
10. Справочник по правописанию и стилистике [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://pravopisanie_i_stilistika.academic.ru
11. Федотова М.Е. Наименование лиц женского пола по профессии в современном немецком языке: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – М. 1999. – 19 с.
12. Халилова М.А. Структурная характеристика наименований лиц по профессии в современном английском языке: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – М.: МГПИИЯ, 1975. – 36 с.

АННОТАЦИЯ

Филатова А.В. Гендерное разделение наименований профессий в русском, английском, французском и немецком языках

В данной статье рассмотрены основные признаки, по которым происходит образование наименований лиц женского пола по профессии и роду занятий в русском, французском, английском и немецком языках. В ней рассмотрены основные этапы исследований, а также указаны ученые, которые занимались поиском решения проблемы гендерного разделения наименования профессий.

Ключевые слова: гендер, феминистская критика языка, языковой сексизм, парные образования.

SUMMARY

Filatova A.V. Gender division of the nominations of the professions in the Russian, English, French and German languages

In this article we have considered the main features according to which a formation of the names of female persons by their profession

is occurred in the Russian, French, English and German languages. There are also mentioned the main stages of researches and the names of scientists who were occupied with a search of the solution of the problem of gender division in the nomination of the professions.

Key words: gender, feminist criticism of the language, language sexism, pair formations.

*Л.С. Шевандина
(г. Горловка)*

УДК 81'367 (=112. 2)

СИНТАКСИЧНІ ЗАСОБИ ВИРАЖЕННЯ ЕМОЦІЙ В НІМЕЦЬКОМУ РОЗМОВНОМУ МОВЛЕННІ

Однією з найбільш характерних рис сучасного мовознавства є зростання інтересу до концептуалізації внутрішнього світу людини. Внутрішній світ людини в мові представлено двома типами: ментальним та емоційним.

Емоції пронизують все життя людини, супроводжують всю її діяльність, вони – найважливіша сторона її існування.

Тому в останні десятиріччя спостерігається значне посилення уваги до емоційної сфери людини, мовна реалізація якої ще не повністю досліджена лінгвістичною наукою. Традиційно емоційний бік мови досліджувався в лінгвістиці в межах лексикології (М.М. Аверіна, С.Б. Берлізон, Р.С. Сакієва), стилістики (Е.С. Азнаурова, І.В. Арнольд, М.П. Брандес). Але найбільш яскраве вираження людських емоцій відбувається у мовленні, частіше побутовому повсякденному, що робить його гранично емотивним у порівнянні з нейтральним зразковим літературним мовленням. Повсякденне мовлення за своєю природою спонтанне тому, що не можна запланувати завідомо сказане. Також спонтанні й емоції, які супроводжують це мовлення. Категоріальними ознаками розмовного мовлення також є: усне, в умовах невимушеного, безпосереднього спілкування, суб'єктивно забарвлене, що проявляється у вигляді емоцій співрозмовників до предмета розмови.

Стосовно німецького мовлення вже є значні досягнення у його дослідженні: є розвідки в його синтаксичній будові та лексичному наповненні – це праці відомих германістів В.Д. Девкіна, Л.М. Михайлова, Р.С. Сакієвої та ін. Але досить бракує досліджень емоційного боку німецького розмовного мовлення. Тому вважається доцільним розглянути синтаксичні засоби вираження емоцій у німецькому розмовному мовленні, їх

аранжировку у розмовному дискурсі, що зумовило актуальність теми даної статті.

Серед усіх граматичних засобів вираження емоцій людини в мові найбільш вагомим, як зазначають дослідники лінгвістичної емоційності, відіграють синтаксичні засоби. Бо синтаксис – це змістовне, емоційно-логічне співвідношення та розташування слів у реченні, на які завжди розподіляється мовлення. Так, Р.С. Сакієва, досліджуючи німецьке емоційне розмовне мовлення, встановлює, яким чином словосполучення набувають емоційного змісту [5, с. 90]. Найбільш простий та частий спосіб створення емоційного словосполучення – це: 1) поєднання іменника з прикметником оцінного характеру, наприклад, *wunderbar: Eine wunderbare Leistung!* – дивовижний успіх (емоції дивування); 2) обидва компоненти словосполучення – і прикметник, і іменник – мають емоційне значення, наприклад: *Verdammer Mist!* – *Чорт візьми!* (емоції обурення).

У вираженні емоційного значення реченням дослідники розрізняють передачу емоційного простим реченням та складним [4; 5]. Добре відомо, що мова має типізовані структури, у яких емоційне значення переважає над іншими й виступає як компонент значення речення, реалізуючи певні емоції. Конструкції з емоційним значенням, які відібрані для розв'язання комунікативного завдання, мають свої структурні особливості.

Так, структурними показниками емоційного значення у простому реченні є: а) словоположення й б) бездієслівність. Емоційне значення, як зазначає В.Г. Адмоні, виражається особливо чітко, коли змінюється позиція якогось з фіксованих компонентів речення. «Выражение качественно различных чувств получает, как правило, чисто лексическое выражение, а грамматическими средствами выражаются именно различия в силе эмоциональности... Наиболее резкие отклонения от привычной нормы порядка слов как раз служат средством для четкого выражения значительного эмоционального содержания предложения» [1]. У німецькій мові фіксовані позиції мають предикатив, інфінітив та прямий додаток. Переміщення вказаних компонентів у препозицію – на початок речення – є засобом, який сприяє вираженню емоційного значення у реченні. Під впливом емоцій мовець висуває на перше місце те, що для нього найбільш важливо, що виражається в термінах «емоційно домінуючого елементу» [2]. Найбільш уживані емоційні конструкції німецького простого речення з препозицією емоційно домінуючого елементу є:

1. Препозиція особистої форми дієслова, знижувальна інтонація, оцінність значення предикатива: *Herrgott, bist du starrköpfig!* Супровідники цієї конструкції вигуки – *Gott, Mann, Junge, Mensch* та ін.

2. Препозиція предикатива – прикметника, іменника, партицип II та інфінітива – передає позитивні або негативні емоції: *Himmlisch ist das! Anzeigen werde ich dich!*

3. Бездієслівність: *Sie Dreckskerl!* Велику роль тут відіграє інтонація. Розрізняють дві структурні групи емоційних конструкцій такого типу:

а) конструкції, у яких емоційність виникає на основі несумісності значень носія та його ознаки. Співвідношення обох частин висловлювання відбувається за рахунок інтонації: *Ich ein Dieb!*

б) конструкції зі сполучником *und*: *Ich und Lügner?* Питальна інтонація передає не питальність, а емоційність: подив, обурення, вагання: *Ich und übergeblisch?*

4. З питальними займенниковими словами, функція яких – не вираження питальності, а підсилення емоційного значення. Постійні ознаки цих конструкцій – оклична знижувальна інтонація та наявність слів-підсилювачей (*wie, so, solch*). Такі конструкції поділяються на односкладові та двоскладові. Наприклад:

а) односкладові: *Wie interessant! So ein Mist!*

б) двоскладові: *So ein Kerl bist du!*

5. Фразеологізовані емоційні конструкції, які діляться на три групи:

а) з типізованими словами *und ob, wie*: *Und ob der sich kümmert! Und wie, ich will!*

б) конструкції типу: *Das ich nicht lache!*

в) з модальним словом *vielleicht*, що передає іронічно-негативне емоційне значення: *Du bist vielleicht naiv!*

Аналізуючи структурні типи простих речень німецького розмовного мовлення, В.Д. Девкін [3] підкреслює, що емоційність є невід’ємною якістю недвоскладових номінативних речень, бо констатація назви пов’язана з виявленням почуттів говорящого, його переживань: «*Onkel Pedro!*», «*Ah, der gnädige Herr...*».

Досліджуючи синтаксичний бік емоційних висловлювань німецького діалогічного мовлення, Л.М. Михайлов поділяє всі прості емоційно забарвлені речення на типізовані емоційні конструкції, які мають певну модель, та на емоційні реакції мовця, які не мають релевантних ознак типізованих конструкцій, й визначає ці дві групи відповідно як узуальні емоційні конструкції та оказіональні [4].

Узуальні емоційні конструкції будуються на основі певної моделі, мають типізовану структуру й конституються за допомогою засобів, які виражають емоційне значення як компонент семантичної структури висловлювання. Наприклад: *Ich und überheblich! Ist das eine Überraschung!* У конструкціях такого типу знаходять своє проявлення найрізноманітніші емоції співрозмовника: подив, радість, презирство, погроза, замилювання.

Оказіональні емоційні висловлювання представляють собою перш за все афективну реакцію мовця на зміст репліки співрозмовника. Наприклад: – *Bist du krank?* – *Ich ... krank?* Такі емоційні okazіональні утворення не піддаються структурному аналізу, а відображають реакцію на несподівану інформацію, яка не зразу може бути зрозуміла й осмислена співрозмовником. Вони будуються в основному на повторенні присудкових відношень. Наприклад: – *Wir dachten schon, du haust ab!* – *Ich und abhauen!*

Інші емоційні висловлювання виявляють змістовний і формальний зв'язок з першою реплікою, але не використовують словесного матеріалу зі складу вихідної репліки. Емоційна конструкція представляє собою оцінку всього висловлювання, його компонентів. Наприклад: – *Vera, kein Wort mehr, nimm dich zusammen!* – *Wie zimperlich du bist!*

Ще одну групу емоційних синтаксичних конструкцій складають так звані риторичні питання. У формі питального речення вони представляють собою емоційну реакцію співрозмовника на зміст передуючої репліки, наприклад: – *Gibt's irgendwas?* – *Was sollte es geben?* З огляду на частотність використання риторичні питання перетворюються у кліше типу: *Warum nicht? Woher denn?*

Емоційні конструкції розрізняються між собою в залежності від того, що є об'єктом емоційної номінації. Емоційній оцінці підлягають співрозмовник, предмет, ситуація, зміст попереднього висловлювання, окремі його компоненти.

Досліджуючи вираження емоцій складним реченням, дослідники встановили, що носієм емоційного значення є складнопідрядні речення з підрядними предикативними та суб'єктивні (підметові), підрядні означальні та додаткові.

У сучасній німецькій мові можна виділити структурні типи складнопідрядних речень (СПР), які мають узуальне емоційне значення, наприклад:

а) *Schön, dass du zeitig da bist!* Добре, що ти своєчасно прийшов!

б) *Schön ist, dass du zeitig da bist!* Добре те, що ти своєчасно прийшов!

в) *Du bist es, der zeitig gekommen bist!* Адже це ти, який своєчасно прийшов!

Емоційні також СПР з препозицією підрядного з *dass*. Еліптизація, порядок слів підвищують ступінь їх емоційності: *Dass du spät kommst, ist furchtbar!*

Емоційне значення звичайно передається структурно-семантично:

а) препозицією головної частини: *Gut, dass ich dich habe!*

б) наявністю предикативного слова оцінного значення типу: *Gut, nett, herrlich* тощо.

в) опущенням головної частини СПР: *Dass du gekommen bist!*

г) препозицією ознаки, що актуалізується: *Grossartig, wie das geklappt hatte!*

Емоційне значення СПР набуває у зв'язку зі структурними змінами, а саме при опущенні якогось елементу у його головній частині.

Найбільшу ступінь емоційності мають «псевдопідрядні речення», типу: «*Dass du gekommen bist!*». Широке розповсюдження отримали у німецькому розмовному мовленні емоційні речення з препозицією *dass* та наказовим значенням: *Dass du bald zu Hause bist!* У подібних реченнях яскраво виражена погроза. У лінгвістичній літературі емоційні конструкції з *dass* достатньо докладно описані. Вони виражають такі емоції, як подив, радість, докір, прикрість. Емоційними є також СПР з препозицією підрядного з *was* у підрядному: *Unsinn, was er hier plaudert!* У цих реченнях *was* не є питальним словом, а конкретизує те, про що йде мова у головному реченні: *Interessant, was er sagt!* Емоційні СПР із запереченням *nicht* у препозиції та *dass* у підрядній частині: *Nicht, dass du mir vor die Augen kommst!* У цих конструкціях речення отримує значення категоричної заборони того, про що говориться у підрядній частині. Емоційні СПР з *als ob* у препозиції використовуються у німецькому розмовному мовленні для вираження заперечення того, про що говориться у реченні з відтінками обурення, прикрості, вагання: *Als ob du das Buch gelesen hast!* Ці речення, незалежно від лексичного наповнення, отримують значення емоційного ствердження. Завжди емоційні також псевдопідрядні з *und ob*, наприклад: *Und ob er mich liebt!* У них виражається категоричне ствердження того, про що спитав співрозмовник.

Таким чином, синтаксичні структури німецького розмовного мовлення можна визначити як емоційні синтаксичні конструкції, котрі здатні виражати емоційне значення, що створює їх характерну особливість – передача не стільки основного змісту

повідомлення, скільки емоційно забарвленого відношення мовця до предмета думки.

Отже, у створенні емоційної забарвленості висловлювання на рівні речення у німецькому розмовному мовленні емоції відтворюються за допомогою синтаксичних засобів як у простому реченні, переважно односкладовому, так і в складному, перш за все складнопідрядному з усіченим головним реченням. Дослідження таких синтаксичних конструкцій, які використовуються для передачі емоційних станів людини, є необхідним для повноти емоційної картини німецької мови.

ЛИТЕРАТУРА

1. Адмони В.Г. Синтаксис современного немецкого языка / В.Г. Адмони. – Л.: Наука, 1973. – 238 с.
2. Городникова М.Д. Эмотивные доминанты в естественной коммуникации / М.Д. Городникова // Язык и эмоции: личностные смыслы и доминанты в речевой деятельности: сб. науч. тр. – Волгоград: ВГПУ, ЦОП «Центр», 2004. – С. 108-117.
3. Девкин В.Д. Немецкая разговорная речь: Синтаксис и лексика / В.Д. Девкин. – М.: Междунар. отношения, 1979. – 256 с.
4. Михайлов Л.М. Грамматика немецкой диалогической речи / Л.М. Михайлов // Учеб. пособие для студентов институтов и факультетов иностранных языков. – М.: Высш. шк., 1986. – 189 с.
5. Сакиева Р.С. Немецкий язык. Эмоциональная разговорная речь / Р.С. Сакиева. – М.: Просвещение, 1991. – 192 с.

АННОТАЦИЯ

Шевандина Л.С. Синтаксические средства выражения эмоций в немецкой разговорной речи

В статье рассматриваются синтаксические средства выражения эмоций в немецкой разговорной речи на уровне предложения – простого и сложного; выявлены категориальные признаки разговорной речи, обуславливающие функционирование данных средств; установлены структурные (эмоциональные) модели предложений немецкой разговорной речи.

Ключевые слова: синтаксис, эмоции, немецкая разговорная речь, предложение.

SUMMARY

Shevandina L.S. Syntactic means of emotions expression in German oral colloquial speech

The article describes the syntactic means of emotions expression in German oral colloquial speech at the sentence level; the categorial

signs of oral colloquial speech, which determine the functioning of these means, are established.

Key words: syntax, emotions, types of sentences, German oral colloquial speech.

*М.В. Яковенко
(г. Горловка)*

УДК 81'373.2

МЕЖВИДОВАЯ ТРАНСОНИМИЗАЦИЯ С УЧАСТИЕМ КОННОТАТИВНЫХ ОНИМОВ

Среди онимов, образованных от собственных имен, присутствует группа названий, которые появились не благодаря метонимии или совпадению акта номинации с каким-либо фактом общественной жизни, а вследствие семантических изменений, которым подвергся первичный оним, то есть развившихся в нем добавочных значений, или коннотаций.

На свойство собственных имен наряду с нарицательными иметь добавочные коннотации указывали в своих работах А.В. Суперанская, Е.С. Отин. В книге «Общая теория имени собственного» А.В. Суперанская писала: «Собственное имя, будучи индивидуальным обозначением отдельного предмета, не связано с понятием (не имеет основной коннотации), но может иметь побочные, дополнительные коннотации (если именуемый объект достаточно хорошо известен)» [4, с. 113]. Е.С. Отин отмечал, что «под влиянием различных экстралингвистических и собственно языковых факторов онимы приобретают добавочные значения (созначения), или референтные коннотации, имеющие смысловой ассоциативно-образный и эмоционально-оценочный компоненты» [1, с. 55]. В результате данного процесса в языке появляется «значительное количество семантически обогащенных собственных имен, в основе их созначений лежат фрагменты связанной с ними энциклопедической информации» [1, с. 55]. Для обозначения подобных имен собственных ученый использовал термин «коннотативные онимы».

Благодаря наличию развившихся в собственном имени понятийных коннотаций, оно приобретает возможность участвовать в номинации новых объектов. При этом в одних случаях наблюдается сохранение в названии нового объекта соответствующей коннотации, в других – ее утрата. Переход собственного имени с одного объекта на другой осуществляется благодаря наличию у данного собственного имени референтной

коннотации, которая кладется в основу при наименовании нового объекта. Происходит использование онима не в его «чистом виде», а переосмысленного собственного имени, которое подверглось неполной деонимизации. Таким образом, наблюдается абсолютная трансонимизация, в которой коннотоним выступает как промежуточное звено между исходным и вторичным собственными именами. Присвоение того или иного собственного имени новому объекту происходит вследствие «наличия какого-либо сходства между объектами (отдаленности, изолированности, внешнее сходство)» [3, с. 26], то есть с помощью метафорического переноса.

При исследовании абсолютной межвидовой трансонимизации с участием коннотативных онимов нами были использованы материалы «Словаря коннотативных собственных имен» Е.С. Отина.

Среди вторичных имен, образованных с помощью межвидовой трансонимизации с промежуточным коннотативным онимом, были выявлены следующие собственные имена: *«Алые паруса»*, *«Бригантина»*, *«Гренада»*, *«Аркадия»*, *Марс*, *Иван*, *Иван Иванович*, *Иваныч*, *Илья Муромец*, *Геркулес*, *«Гаврош»*, *«Золушка»*, *«Клондайк»*, *Варфоломеевская ночь*, *Мамай*, *Наполеон*. Рассмотрим, какие референтные коннотации, развившиеся в первичных онимах, привели к возникновению омонимов – вторичных собственных имен (оним 1 → коннотативный оним → оним 2), относящихся к другому виду или классу собственных имен.

Романтический пафос произведения А. Грина *«Алые паруса»* и песни П. Когана *«Бригантина»* послужил толчком для развития в данных собственных именах референтной коннотации «романтика». Ср.: *Нет, выйти замуж за капитана – это не алые паруса! Очень уж не престижна стала профессия моряка малого флота* («Правда», 1988 г., 24 февр.). Данное метафорическое значение послужило толчком к наименованию в 60-70-е годы XX в. молодежных обществ, союзов, кружков, клубов по интересам, кафе и т.д. Такой мотив номинации был и у молодежного студенческого центра Донецкого национального университета *«Бригантина»*. Эргонимы, появившиеся благодаря развившейся коннотации в собственных именах *«Алые паруса»* и *«Бригантина»* и дальнейшей трансонимизации данных библионимов, можно было встретить во многих городах России и Украины. *«Посмертная судьба Грина – это история о том, как доили русскую литературу. А если посчитать, сколько кафе и ресторанов в Советском Союзе назывались «Алые паруса»,*

то наследники Грина могли бы разбогатеть. Однако детей у него не было, его детьми стали миллионы читателей. Кто-то из них, возможно, и в самом деле разбогател и теперь беззастенчиво стрищет купоны с жилого комплекса «Алые паруса» в Москве, не платя ни копейки за бренд» («Литературная газета», 2005 г., 19-25 янв.). Название «Алые паруса» получил также универсам в торгово-развлекательном центре «Щука», открывшемся в 2007 г. на северо-западе Москвы, на Щукинской площади» [2, с. 62].

То же созначение “романтическая мечта” развилось в собственном имени *Гренада*. Стихотворение М. Светлова «Гренада» названо по одноименной провинции в Испании (переход топонима в идеоним). Но название стихотворения – это гораздо большее, чем иноязычный хороним – название испанской провинции: это мечта о красивом и высоком, тяга к необыкновенному, прекрасному, героическому. Благодаря данной коннотации, библионим «Гренада» в 70-80-е годы XX в. активно участвовал в межвидовой трансонимизации: библионим → эргоним при номинации молодежных клубов, отрядов, кружков. *Устьилимцы свой центральный клуб называли «Гренадой». Гренада... Есть, оказывается, «Гренада» в Сибири, на улице Светлова в Усть-Илимске, есть!* («Лит. газета», 1976 г., 4 авг.). Школьный клуб «Гренада» был в Красногвардейском районе Днепропетровска («Днепр вечерний», 1979 г., 18 мая); так назывался кружок туристов в городе Борисове в Белоруссии (жур. «Турист», 1988 г., № 6) [2, с. 160].

Благодаря своей коннотации “далекое место” в процессах трансонимизации участвовал и астроним *Марс*. Коннотативный “ореол” в астрониме *Марс* появляется в первые десятилетия XX столетия. Это было время увлечения научно-фантастическими романами о Марсе и марсианах. Далекий Марс был наиболее “популярной” планетой Солнечной системы, он привлекал своими загадочными каналами, возможностью жизни на нем разумных существ. Отсюда и появление в астрониме *Марс* референтной коннотации “что-то очень далекое, трудно доступное”, которая впоследствии была им почти утрачена. ... *О, если кто-нибудь из живущих сейчас молодых граждан отдаленно представил себе, что для предыдущих поколений... была заграница! Марс!* («Неделя», 1989 г., № 37). Данная коннотация порождает целый ряд вторичных онимов. Название *Марс* носят: поселок в Бярятинском районе Калужской обл., Россия («Комс. правда», 1984 г., 25 июля; сообщается, что “в ненастье до Марса добраться сложно по причине бездорожья”); деревня (из одной улицы) в Шаранском районе Нижегородской обл., Россия,

бывшие выселки. Происхождение ее названия местные жители связывают с романом А. Толстого «Аэлита»: в конце 20-х годов, когда строилась деревня, кто-то привез эту книгу, которая всем очень понравилась – “и новую деревню сообща решили назвать Марсом в честь планеты Марс и героев произведения А. Толстого” («Неделя», 1989 г., № 18); хутор Красносулинского района Ростовской обл., Россия; село в Новоайдарском районе Луганской обл., Украина; деревня в Лоевском районе Гомельской обл., Белоруссия («Известия», 1984 г., 17 июня) [2, с. 290].

Широкая распространенность в недавнем прошлом в России имени *Иван* привела к тому, что оно стало ассоциироваться вообще с русским человеком, русским народом. *Что нам моральные изъяны?! О чем, скажите, тут тужить?! Простые русские Иваны Хотят по-европейски жить* (Зиновьев А. Надежды). Эта коннотация и подсказала идею экс-чемпиону мира по шахматам американцу Б. Фишеру назвать свой компьютер *Иван*. Правда, Фишер в эти двадцать лет все-таки играл периодически в шахматы – со своим компьютером, имеющим персонифицирующее имя “Иван”. Видимо, Бобби отождествлял его с советскими гроссмейстерами, с которыми ему приходилось вести постоянную борьбу на шахматном олимпе («Комс. правда», 1992 г., 19 сент.) [2, с. 206]. В данном случае наблюдается переход: антропоним 1 → УКА1 → хрематоним 2.

Антропонимическая формула *Иван Иванович* в разные периоды своего бытования в речи развила целый пучок метафорических значений: 1) некто, условное обозначение всякого мужчины (как правило, русской национальности). “*Но теперь оперетка грозила плохим, и уже не шароварам, не московским, не Ивану Ивановичу какому-нибудь, а грозила она самому Сергею Ивановичу Тальбергу*” (Булгаков М. Белая гвардия), “*Задумаемся о такой странности: десятилетиями велись рассуждения о том, что виноваты некие Иваны Ивановичи, руководившие конкретными ведомствами*” («Известия», 1990, 17 февр.) [2, с. 211-212]; 2) уважаемый в определенной социальной среде человек, признанный «авторитет». “*Были мы прежде Иванами, стали Иваны Иванычи*” («Правда», 1982, 31 янв.) [2, с. 213]; 3) влиятельное, «значительное» лицо, важная персона. “*Раньше часто приходилось слышать: позвоню Ивану Ивановичу, обращусь в Президиум Верховного Совета и так далее*” («Огонек», 1987 г., № 32) [2, с. 213]. Вероятно, одна из вышеперечисленных референтных коннотаций послужила мотивом при вторичной номинации новых объектов. Имя *Иван Иванович* носил самовар в семье художника В.А. Серова. Так назывался макет, имитирующий космонавта, который был

изготовлен на Байконуре накануне полета в космос Ю. Гагарина для проверки системы катапультирования скафандра и парашюта. *“Но непосредственно до полета Гагарина в космос был запущен “Иван Иванович”, “товарищ манекен” для проверки того, катапультируются ли скафандр и парашют”* («Аргументы и факты», 1993 г., № 33). *“Иваном Ивановичем”* был поименован космонавтами и спутник-скафандр “Радиоскаф”, который был запущен 4 февраля 2006 г. в открытый космос экипажем международной космической станции. *Иванами Ивановичами* назывались мешки с песком, имитирующие парашютистов. *В отличие от нынешних времен специфика службы в Афганистане заключалась в том, что даже за небольшие потери с командира спрашивали очень сурово. Вот и старались выдумать что-нибудь нетрадиционное, чтобы сохранить людей: вместо парашютистов решили выбросить мешки с песком – мы назвали их Иван Иванычами. Надо было выяснить, где у душманов огневые точки, и они купились на эти мешки («Комс. правда», 1998 г., 14 февр.)* [2, с. 216-217]. В данном случае наблюдаем переход: антропоним → УКА 2 → хремотоним.

Не менее распространенное русское отчество *Иваныч* (разговорно-аллегривый вариант полной формы Иванович) становится условным заменителем всякого отчества, развивая коннотацию “всякий человек русской национальности, вызывающий к себе симпатию”. Ср.: *Каждый день предводитель устраивает у себя обеды на 40-50 персон и угощает влиятельных, но этого мало: он не смеет забыть и про так называемую мелюзгу. Он шутит с ними, называет их Иванычами...* (Салтыков-Щедрин М.Е. Помпадуры и помпадурши). Эта коннотация обусловила выбор названия эстрадного ансамбля *«Иваныч»*: *“Группу мы назвали «Иваныч». Иваныч – это мое отчество, так меня звали в «Ариэле». Это, правда, не значит, что коллектив в честь меня назван. «Иваныч» – обобщенный образ русского человека: он и грустный, и веселый, трагический и бесшабашный, как сама жизнь. Отсюда и стиль группы – современная поп-музыка с элементами народной песни, фольклора и русского песнопения* («Комс. правда», 1991 г., 1 мая) [2, с. 228]. Здесь наблюдается переход: антропоним → УКА 2 → эргоним.

Абсолютную трансонимизацию, благодаря развившейся в нем коннотации «богатырь», претерпело собственное имя *Илья Муромец* (имя одного из богатырей русских былин, обладавшего могучей физической силой). Название *«Илья Муромец»* носил русский военный четырехмоторный самолет (в период Первой мировой и гражданской войны), самый мощный в мире, созданный в 1913-1914 гг. конструктором И.И. Сикорским. *“Рассветало.*

желто-красном зареве над мутным туманом леса показалось темное пятно, окруженное мелкими точками. Постепенно увеличиваясь, оно плыло ближе и ближе. С шумом пролетел над нами Илья Муромец, окруженный свитой фарманов” (Толстая А. Дочь) [2, с. 232-233]. Здесь прослеживается переход: антропоним → УКМА 2 → хремотоним.

Имена литературных персонажей, как правило, ассоциируются с их чертами характера. Это дает возможность литературным антропонимам использоваться в качестве коннотативных имен собственных, которые, в свою очередь, могут участвовать в процессах трансонимизации.

Гаврош – имя персонажа в романе В. Гюго «Отверженные» (1862 г.) – стало использоваться как узальный коннотативный литературный антропоним в значении “подросток, участвующий в боях на баррикадах”. *Такие Гавроши, как ты, брат Демка, хороши бывают во время уличной войны – патроны на баррикады таскать* (Сергеев-Ценский С.Н. Преображение России); *Да это так, не революция. Попыточка. У меня на счету две таких попыточки. И у тех Гаврошей, кто шел за хлебом, а пришел к “Белому дому”* («Комс. правда», 1994 г., 4 окт.). Это имя также употребляется как окказиональный коннотативный литературный антропоним в значении “всякий политик – пылкий боец за демократию, “романтик баррикад”. *Печальная участь гаврошей перестройки: спихнув старую власть, прокричав на митингах все, что положено, они не ведали, что делать дальше* («Комс. правда», 1997 г., 18 марта). Вероятно, одно из этих значений и послужило поводом для названия молодежного клуба. “*Гаврош*” – “молодежный клуб Либерально-демократической партии России в Москве, на Чистых прудах («Труд», 1999 г., 27 марта)” [2, с. 146-148].

Золушка – имя персонажа одноименной сказки французского писателя Шарля Перро (1628-1703) – ассоциируется со скромным человеком, неброской внешности, но в то же время, умеющим создать уют и порядок в доме. Возможно, данные ассоциации и использовались в метафорическом переносе названия. “*Золушка*” называется мебельный магазин в Донецке.

Коннотативные собственные имена могут становиться названиями кораблей. Вероятно, подобные названия ассоциируются с пожеланием дальнейшей удачной судьбы того или иного корабля.

Аркадия (область в центральной части полуострова Пелопоннес, на юге Греции) еще в античной литературе, а затем в пасторальных XVI-XVII вв. считалась идиллической сказочной страной, жители которой, пастухи и охотники, отличались

простыми, патриархальными, неиспорченными нравами, всегда были счастливы. Эти экстралингвистические моменты отразили развитие в данном ониме референтных коннотаций «страна счастья, беззаботная счастливая жизнь». *“Ах, Варенька, Варенька, мы живем не в Аркадии!”* (Загоскин М.Н. Три жениха); *“Человек, сверх того, еще и гражданин, имеет какое-нибудь знание, занятие – писатель, что ли, помещик, солдат, чиновник, заводчик... А у тебя все это заслоняет любовь да дружба... что за Аркадия!”* (Гончаров И.А. Обыкновенная история). Возможно, учитывая данные коннотации, название «Аркадия» было дано пароходу. *“Плывем на “Arcadia”, идущем в Китай и Японию с грузом рельс... Пароход немецкий из Гамбурга...”* (из письма А. Белого к А. Блоку от 26 февр. – 11 марта 1911 г.) [2, с. 78].

Топоним *Клондайк* (река в Канаде, приток Юкона, где в начале XX в. был открыт золотоносный район, получивший такое же название) постепенно приобрел целый ряд сопутствующих коннотативных оттенков: 1) “любое более или менее значительное месторождение золота, перспективные для разработки залежи золота”. *Еще в начале века Лапландию – Северную Финляндию называли “финским Клондайком”. В местных речках добывали золото, но оно быстро истощилось* («Известия», 1979 г., 25 июля); 2) “место, где можно хорошо заработать, быстро разбогатеть”. *В моем тогдашнем представлении Север был каким-то “клондайком”* («Собеседник», 1987 г., № 19); 3) “выгодное дело; дело, приносящее большую и быструю прибыль”. *Будем вместе антенны ставить, десять рублей за штуку – это же Клондайк!* (Коневский А. Тэза с нашего двора); 4) “богатый источник доходов, прибыли; рог изобилия”. *Из каких старых арсеналов, как из Клондайка, еще можно вытащить столько “нового” и “впервые”, что заработать на этом способны не только явные и неявные авторы уважаемого издания “Джеймс”* («Известия», 1997 г., 9 авг.). Вероятно, одна из коннотаций и натолкнула на название судна. *“Клондайк” – “название судна (наутоним). До первой мировой войны Сема плывал рулевым на пароходе “Клондайк”* (Паустовский К. Колхида)” [2, с. 263].

Коннотация “богатырь, силач” мифоантропонима *Геркулес* (в античной мифологии – сын Зевса и смертной женщины Алкмены) была использована в названии судна. *– Друзья, – сказал он, восхищенно глядя вслед удаляющейся ихуне, – мы с вами стали свидетелями начала великой арктической экспедиции. Это судно называется “Геркулес”* (Шпанченко В. Тайна старых писем)” [2, с. 153].

Собственные имена с развившимися в них коннотативными созначениями могут выступать в качестве прозвищ. Так, хроним *Варфоломеевская ночь* (массовая резня гугенотов католиками в Париже в ночь накануне св. Варфоломея на 24 августа 1572 г.) стал использоваться в значении “жестокая расправа; массовая резня, бойня”. Данный хроним был использован как прозвище. “*Варфоломеевская ночь* – прозвище женщины (очевидно, из-за неприятной внешности и плохого характера), образованное вследствие трансконнотонимизации”: хроним → УКХр 1 → антропоним (прозвище). “*Это было не первое убийство рыжей бандюги* (кошки – Е.О.), уже двух или трех сцапала (одного, правда, успели отнять, буквально из пасти вырвали, но он, покалеченный, не летал больше), хозяйка же, горластая Банничева, по прозвищу *Варфоломеевская Ночь*, уперев руки в бока, отвечала взлохмаченному, взъерошенному, похожему на своих питомцев *Дмитрию Филипповичу*: “А я здесь при чем? Ваши голуби, вы и следите!” (Киреев Р. Пир в одиночку)” [2, с. 127].

Топоним *Эверест* (вершина в Гималаях, самая высокая на земном шаре) благодаря своим характеристикам стал прозвищем. *Эверест* – “имя или прозвище высокого человека. *Высокий и тонкий легочный больной, которого звали Эверестом Максимычем, возмущенным голосом говорил отцу*: – *Это бесчеловечно!* (Сергеев-Ценский С.Н. Взмах крыльев)” [2, с. 500].

Топоним *Москва* (столица России) развил ряд референтных коннотативных созначений: 1. “центральные ведомства, министерства союзного значения; столичные власти”; 2. “очень разговорчивый человек (запись 1909 г.)”. Такое созначение было связано с особенностями московского просторечия XIX в. Благодаря второму созначению появилось прозвище. “Прозвище *Москва* в наше время получила женщина, “которая всегда в курсе всех событий на улице, узнает обо всех и обо всем всегда первая”. Коллективное прозвище *Москва* имеют жители нескольких деревень Вологодской области: Заболотье – жили “на горе, весело им”; Титовщина – “Есть нечего, а они нарядные ходят” и Мондур – “Без чая на работу не выдут” (БСРП, 378)” [2, с. 315-316]. В то же время прозвище *Москва* могло возникнуть в результате межвидовой трансонимизации без участия коннотативного онима: *Москва* (топоним) → *Москва*, т.е. “москвич” (катойконим) → *Москва* (антропоним).

Топоним *Камчатка* благодаря референтным коннотациям “отдаленное захолустное место”, “задние парты, ряды (в школе, аудитории, зале и т.д.), где обычно сидят плохо успевающие

учащиеся”, “плохоуспевающие, нерадивые ученики” используется в качестве прозвищ. “*Камчатка* – прозвища: а) сельского жителя в Чаплыгинском районе Липецкой области России – у него “дом в сторонке”; б) персонажа романа В. Аксенова «Остров Крым»: “*Камчаткой*” *Володечку* (графа Новосильцева. – Е.О.) называли в гимназии вплоть до седьмого класса за его пристрастие к задним партам, там он вечно копошился...” [2, с. 249-250].

Имена и фамилии известных людей, которые со временем приобрели референтные коннотации благодаря тем или иным чертам внешности или характера данных людей, могут выступать как клички животных. Так, имя татарского темника и правителя Золотой Орды, предводителя татар во время Куликовской битвы в 1380 г. *Мамая* используется как кличка петуха. “*Золотисторыжий петух Мамай, взлетев на изгородь сада, укрепился, встряхнул крыльями, едва не упал и, обидевшись, сердито бормочет, вытянув шею* (Горький М. Детство). Возможно, трансонимизации *Мамай* (антропоним) → *Мамай* (зооним) способствовало существование в прошлом коннотативного онома *Мамай* “драчун, буян”, сыгравшего роль промежуточного смыслового звена” [2, с. 287-288]. Как кличка петуха выступает и фамилия императора Франции (1769-1821) *Наполеон*. “*Петух у него был, – вот, я вам скажу, – петух! Непобедимый! Наполеоном звали... сколько призов взял* (Телешов Н. Петух)” [2, с. 323]. Мифоантропоним *Нарцисс* (в древнегреческой мифологии – имя прекрасного юноши, влюбившегося в собственное отражение в воде источника и умершего от любви к себе) благодаря референтной коннотации используется в качестве зоонима. “*Нарцисс* – кличка красивой собаки. *Бабаев купил Нарцисса еще слепым щенком, и на его глазах он рос и сделался этой большой красивой собакой, черной, желтобровой, с подпалинами на лапах* (Сергеев-Ценский С.Г. Бабаев)” [2, с. 325].

Таким образом, имена собственные могут участвовать в абсолютной трансонимизации благодаря развившимся в них метафорическим значениям – добавочным референтным (понятийным) коннотациям, которые возникают вследствие воздействия внеязыковых факторов (таких, как связь с историческим событием, характеризующие признаки литературного персонажа и др.). Эти коннотации способствуют тому, что собственное имя может выступать как эквивалент общеупотребительных слов, при этом не утрачивая своих проприальных свойств. В семантике таких имен еще не порвана связь с денотатами, сохраняется “топонимический или антропонимический фон” восприятия имени. Коннотативный оним выступает как промежуточное звено в абсолютной

трансонимизации. Общая схема этого процесса: СИ 1 → КСИ → СИ 2, где СИ 1 – первичное собственное имя, КСИ – коннотативный оним, СИ 2 – лексема, испытавшая вторичную номинацию.

Абсолютная трансонимизация, в которой промежуточным звеном выступает коннотативный оним, может быть внутривидовой и межвидовой. В процессах межвидовой трансонимизации участвуют различные виды онимов с референтными коннотациями: антропонимы, библионимы, топонимы и др.

ЛИТЕРАТУРА

1. Отин Е.С. Коннотативные онимы и их производные в историко-этимологическом словаре русского языка / Е.С. Отин // Вопросы языкознания. – 2003. – № 2. – С. 55-72.
2. Отин Е.С. Словарь коннотативных собственных имен / Е.С. Отин. – 3-е изд., перераб. и доп. – Донецк: Юго-Восток, 2010. – 518 с.
3. Печерских Т.А. Вторичные топонимы типа Камчатка / Т.А. Печерских // Вопросы ономастики. Вып. 8-9. – Свердловск, 1974. – С. 25-27.
4. Суперанская А.В. Общая теория имени собственного / А.В. Суперанская. – М.: Наука, 1973. – 358 с.

АННОТАЦИЯ

Яковенко М.В. Межвидовая трансонимизация с участием коннотативных онимов

Статья посвящена образованию имен собственных с помощью трансонимизации, а именно той ее разновидности, когда коннотативный оним выступает промежуточным звеном в процессе межвидового перехода онимов.

Ключевые слова: трансонимизация, коннотативный оним (коннотоним).

SUMMARY

Yakovenko M.V. Intrespecific transonymisation with connotonyms

The article is devoted to the formation of the proper names by means of transonymisation, particularly the cases where the connotonyms are the intermediate in the process of interspecific onym transition.

Key words: transonymisation, connotative onym (connotonym).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- Авксентьева Анжелика Муллануровна** – преподаватель кафедры второго иностранного языка ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков»;
- Артамонова Елена Игоревна** – ассистент преподавателя кафедры теории и практики перевода ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков»;
- Арцебашева Ольга Викторовна** – преподаватель кафедры английской филологии ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков»;
- Баранова Ольга Ивановна** – старший преподаватель кафедры английской филологии ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков»;
- Блюмина Ольга Валентиновна** – кандидат филологических наук, кандидат филологических наук, доцент кафедры общего языкознания и славянских языков ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков»;
- Боговая Ольга Фёдоровна** – старший преподаватель кафедры английской филологии ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков»;
- Бондаренко Наталия Юрьевна** – преподаватель кафедры теории и практики перевода ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков»;
- Бражник Лена Мирзаяновна** – кандидат филологических наук, доцент кафедры общего языкознания и славянских языков ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков»;
- Буяновская Наталия Ивановна** – старший преподаватель кафедры русского и украинского языков ГОУ ВПО «Донецкий национальный технический университет»;
- Волкова Наталья Валериевна** – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой второго иностранного языка ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков»;
- Волосевич Сергей Петрович** – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой английской филологии ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков»;
- Воркачев Сергей Григорьевич** – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры научно-технического перевода Кубанского государственного технологического университета (г. Краснодар, Россия);

Воркачева Елена Александровна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры научно-технического перевода Кубанского государственного технологического университета (г. Краснодар, Россия);

Вострцова Виктория Александровна – Кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры теории и практики перевода ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков»;

Герасименко Ирина Анатольевна – доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой русской и украинской филологии с методикой преподавания Гуманитарно-педагогической академии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И.Вернадского» (г. Ялта, Россия);

Дмитриева Юлия Леонидовна – аспирант кафедры общего языкознания и славянских языков ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков»;

Дринко Анна Геннадьевна – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой грамматики и практики речи английского языка ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков»;

Дяговец Иван Иванович – доктор филологических наук, профессор кафедры журналистики ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»;

Жиденко Лариса Ароновна – старший преподаватель кафедры грамматики и практики английского языка ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков»;

Жихарева Наталия Анатольевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры второго иностранного языка, декан филологического факультета ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков»;

Жуков Юрий Юрьевич – аспирант кафедры общего языкознания и славянских языков ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков»;

Иванова Наталья Анатольевна – кандидат филологических наук, заведующий кафедрой теории и практики перевода ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков»;

Иванова Надежда Ивановна – Кандидат филологических наук, доцент, Доцент кафедры общего языкознания и славянских языков ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков»;

- Калинкин Валерий Михайлович** – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры украинского и русского языков ГОУ ВПО «Донецкий национальный медицинский университет»;
- Колесникова Лидия Ильична** – старший преподаватель, кафедра второго иностранного языка ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков»;
- Коловерова Ирина Геннадиевна** – старший преподаватель кафедры второго иностранного языка ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков»;
- Колода Зоя Михайловна** – учитель украинского языка и литературы, специалист «Высшей категории», старший учитель Горловской специализированной школы № 1 с углубленным изучением иностранных языков;
- Кочетова Ксения Андреевна** – бакалавр ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков»;
- Лежнев Сергей Николаевич** – старший преподаватель кафедры английской филологии Горловского института иностранных языков ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков»;
- Лешкова Наталья Викторовна** – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры общего языкознания и славянских языков ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков»;
- Матулевская Наталья Павловна** – старший преподаватель кафедры русского и украинского языков ГОУ ВПО «Донецкий национальный технический университет»;
- Минина Елена Владимировна** – старший преподаватель кафедры грамматики и практики речи английского языка ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков»;
- Михалёва Татьяна Юрьевна** – кандидат филологических наук, доцент кафедры славянских языков Харьковского национального педагогического университета им. Г.С. Сковороды (г. Харьков, Украина);
- Парфёнова Алла Николаевна** – учитель русского языка высшей категории Макеевской общеобразовательная школа I-III ступеней №72;
- Решетарова Ирина Владимировна** – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры грамматики и практики английского языка ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков»;

- Розова Ирина Викторовна** – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры английской филологии ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков»;
- Синельникова Лара Николаевна** – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русской и украинской филологии с методикой преподавания Гуманитарно-педагогической академии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского» (г. Ялта, Россия);
- Солопова Людмила Евгеньевна** – старший преподаватель кафедры теории и практики перевода ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков»;
- Сырова Ольга Васильевна** – старший преподаватель кафедры общего языкознания и славянских языков ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков»;
- Сысоева Евгения Сергеевна** – кандидат филологических наук, доцент Кафедры английской филологии ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»;
- Теркулов Вячеслав Исаевич** – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»;
- Усачев Вадим Анатольевич** – кандидат философских наук, доцент кафедры иностранных языков ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет экономики и торговли имени Михаила Туган-Барановского»;
- Фефелова Виктория Валентиновна** – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой романо-германской филологии ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков»;
- Филатова Виктория Алексеевна** – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры грамматики и практики английского языка ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков»;
- Филатова Анна Викторовна** – учитель французского и немецкого языков Горловской специализированной школы №1 с углубленным изучением иностранных языков;
- Шавлак Лариса Васильевна** – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского и украинского языков ГОУ ВПО «Донецкий национальный технический университет»;
- Шевандина Лариса Сергеевна** – преподаватель кафедры романо-германской филологии ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков»;

Шостак Карина Александровна – бакалавр ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»;

Штакина Людмила Александровна – кандидат филологических наук, доцент, профессор кафедры английской филологии ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков»;

Яковенко Марина Викторовна – преподаватель кафедры английской филологии ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков».

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

- Avksentieva Angelika Mullanurovna** – instructor of the Second Foreign Language Department of Educational Establishment of Higher Professional Education «Gorlovka Institute for Foreign Languages»;
- Artamonova Elena Igorevna** – assistant lecturer of Theory and Practice of Translation Department of Educational Establishment of Higher Professional Education «Gorlovka Institute for Foreign Languages»;
- Artsebasheva Olga Viktorovna** – instructor of English Philology Department of Educational establishment of higher professional education “Gorlovka institute of foreign languages”;
- Baranova Olga Ivanovna** – senior lecturer of English Philology Department of Educational Establishment of Higher Professional Education «Gorlovka Institute for Foreign Languages»;
- Blyumina Olga Valentinovna** – candidate of Philology, associate professor of the Department of General Linguistics and Slavic Languages of Educational Establishment of Higher Professional Education «Gorlovka Institute for Foreign Languages»;
- Bogovaya Olga Fedorovna** – senior lecturer of English Philology Department of Educational Establishment of Higher Professional Education «Gorlovka Institute for Foreign Languages»;
- Bondarenko Natalia Yurievna** – lecturer of Theory and Practice of Translation Department of Educational Establishment of Higher Professional Education «Gorlovka Institute for Foreign Languages»;
- Brazhnik Lena Mirzayanovna** – candidate of Philology, associate professor of the Department of General Linguistics and Slavic Languages of Educational Establishment of Higher Professional Education «Gorlovka Institute for Foreign Languages»;
- Buyanovskaya Nataliya Ivanovna** – lecturer of the Department of Russian and Ukrainian languages of State Educational Institution of Higher Education «Donetsk National Technical University»;
- Volkova Natalia Valerievna** – candidate of Philology, associate professor, Head of the Second Foreign Language Department of Educational Establishment of Higher Professional Education «Gorlovka Institute for Foreign Languages»;

- Volosevich Sergey Petrovich** – candidate of Philology, associate professor, Head of English Philology Department of Educational Establishment of Higher Professional Education «Gorlovka Institute for Foreign Languages»;
- Vorkachev Sergey Grigorievich** – doctor of Philology (advanced studies), professor, professor of the Science-Tech Translation Department, Kuban State Technological University(Krasnodar, Russia);
- Vorkacheva Elena Aleksandrovna** – candidate of Philology, associate professor, lecturer of the Science-Tech Translation Department, Kuban State Technological University (Krasnodar, Russia);
- Vostretsova Victoria Aleksandrovna** – candidate of Philology, associate professor, associate professor of Theory and Practice of Translation Department of Educational Establishment of Higher Professional Education «Gorlovka Institute for Foreign Languages»;
- Gerasimenko Irina Anatolievna** – doctor of Philology, associate professor, Head of Russian and Ukrainian Philology and Teaching Methods Department of Humanitarian-Pedagogical Academy of Federal State Autonomous Educational Establishment of Higher Education «V.I. Vernadsky Crimean Federal University» (Yalta, Russia);
- Dmutrieva Julia Leonidovna** – postgraduate student of the Department of General Linguistics and Slavic Languages of Educational Establishment of Higher Professional Education «Gorlovka Institute for Foreign Languages»;
- Drinko Hanna Gennadievna** – candidate of Philology, associate professor, Head of the Department of Grammar and Speech Practice of Educational Establishment of Higher Professional Education «Gorlovka Institute for Foreign Languages»;
- Diagovets Ivan Ivanovich** – doctor of Philology, professor of the Journalism Department of State Educational Establishment of Higher Professional Education «Donetsk National University»;
- Zhidenko Larisa Aronovna** – senior lecturer of the Department of Grammar and Speech Practice of Educational Establishment of Higher Professional Education «Gorlovka Institute for Foreign Languages»;
- Zhikhareva Natalia Anatolievna** – Candidate of Philology, associate professor of the Second Foreign Language Department, Dean of Philological Faculty of Educational

- Establishment of Higher Professional Education «Gorlovka Institute for Foreign Languages»;
- Zhukov Yurii Yurievich** – postgraduate student of the Department of General Linguistics and Slavic Languages of Educational Establishment of Higher Professional Education «Gorlovka Institute for Foreign Languages»;
- Ivanova Natalia Anatolievna** – candidate of Philology, associate professor, Head of Theory and Practice of Translation Department of Educational Establishment of Higher Professional Education «Gorlovka Institute for Foreign Languages»;
- Ivanova Nadezhda Ivanovna** – candidate of Philology, associate professor, associate professor of the Department of General Linguistics and Slavic Languages of Educational Establishment of Higher Professional Education «Gorlovka Institute for Foreign Languages»;
- Kalinkin Valerii Mikhailovich** – doctor of Philology (advanced studies), professor, professor of the Ukrainian and Russian Languages Department of State Educational Establishment of Higher Professional Education «Donetsk National Medical University»;
- Kolesnikova Lidiya Ilyinichna** – senior lecturer of the Second Foreign Language Department of Educational Establishment of Higher Professional Education «Gorlovka Institute for Foreign Languages»;
- Koloverova Irina Gennadievna** – senior lecturer of the Second Foreign Language Department of Educational Establishment of Higher Professional Education «Gorlovka Institute for Foreign Languages»;
- Koloda Zoya Mikhailovna** – teacher of the Ukrainian language and literature, specialist of «the highest category», Gorlovka specialized school № 1 with in-depth study of foreign languages;
- Kochetova Kseniya Andreyevna** – bachelor of Educational Establishment of Higher Professional Education «Gorlovka Institute for Foreign Languages»;
- Lezhnyov Sergey Nikolayevich** – senior lecturer of English Philology Department of Educational Establishment of Higher Professional Education «Gorlovka Institute for Foreign Languages»;
- Leshkova Natalia Viktorovna** – candidate of Philology, associate professor of the Department of General Linguistics and Slavic Languages of Educational Establishment of

- Higher Professional Education «Gorlovka Institute for Foreign Languages»;
- Matulevskaya Natalia Pavlovna** – lecturer of the Department of Russian and Ukrainian languages of State Educational Institution of Higher Education «Donetsk National Technical University»;
- Minina Elena Vladimirovna** – assistant professor of the Department of Grammar and Speech Practice of Educational Establishment of Higher Professional Education «Gorlovka Institute for Foreign Languages»;
- Mikhaleva Tatiana Yurievna** – candidate of Philology, associate professor of the Slavic Languages Department of H.S. Skovoroda Kharkov National Pedagogical University (Kharkov, Ukraine);
- Parfyonova Alla Nikolaevna** – the Russian language top–rank teacher of Makeyevka comprehensive secondary school № 72;
- Reshetarova Irina Vladimirovna** – candidate of Philology (PhD), associate professor of the Department of Grammar and Speech Practice of Educational Establishment of Higher Professional Education «Gorlovka Institute for Foreign Languages»;
- Rozova Irina Viktorovna** – candidate of Philology, associate professor of English Philology Department of Educational Establishment of Higher Professional Education «Gorlovka Institute for Foreign Languages»;
- Sinelnikova Lara Nikolaevna** – doctor of Philology, professor, professor of Russian and Ukrainian Philology and Teaching Methods Department of Humanitarian-Pedagogical Academy of Federal State Autonomous Educational Establishment of Higher Education «V.I. Vernadsky Crimean Federal University» (Yalta, Russia);
- Solopova Lyudmila** – senior lecturer of Theory and Practice of Translation Department of Educational Establishment of Higher Professional Education «Gorlovka Institute for Foreign Languages»;
- Syrova Olga Vasilevna** – senior lecturer of the Department of General Linguistics and Slavic Languages of Educational Establishment of Higher Professional Education «Gorlovka Institute for Foreign Languages»;
- Sysoeva Evgeniya Sergeevna** – Candidate of Philology, associate professor of English Philology Department of State Educational Institution of Higher Education «Donetsk National University»;

- Terkulov Viacheslav Isaevich** – doctor of Philology, professor, Head of the Russian Language Department of State Educational Institution of Higher Education «Donetsk National University»;
- Usachev Vadim Anatolievich** – candidate of Philosophy, associate professor of Department of Foreign Languages of Donetsk National university of economics and trade named after Mikhail Tugan-Baranovsky;
- Fefelova Victoria Valentinovna** – of Philology, associate professor, Head of the Department of Roman and Germanic Philology of Educational Establishment of Higher Professional Education «Gorlovka Institute for Foreign Languages»;
- Filatova Victoria Alekseevna** – candidate of Philology, senior lecturer of the Department of Grammar and Speech Practice of Educational Establishment of Higher Professional Education «Gorlovka Institute for Foreign Languages»;
- Filatova Ann Viktorovna** – teacher of the French and German languages of Gorlovka specialised school №1 with advanced study of foreign languages;
- Shavlak Larisa Vasilevna** – candidate of Philology, associate professor of Department of Russian and Ukrainian languages of State Educational Institution of Higher Education «Donetsk National Technical University»;
- Shevandina Larisa Sergeevna** – lecturer of the Department of Roman and Germanic Philology of Educational Establishment of Higher Professional Education «Gorlovka Institute for Foreign Languages»;
- Shostak Karina Aleksandrovna** – bachelor of State Educational Institution of Higher Education «Donetsk National University»;
- Shtakina Ludmila Alexandrovna** – candidate of Philology, associate professor, Professor of English Philology Department of Educational Establishment of Higher Professional Education «Gorlovka Institute for Foreign Languages»;
- Yakovenko Marina Victorovna** – instructor of English Philology Department of Educational Establishment of Higher Professional Education «Gorlovka Institute for Foreign Languages».

**ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЕЙ В СБОРНИК
НАУЧНЫХ ТРУДОВ
«ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ» – 2016**

Уважаемые коллеги,
приглашаем вас принять участие в создании очередных выпусков сборника научных трудов **«Восточнославянская филология»–«EastSlavic Philology»** (серии «Литературоведение» и «Языкознание»).

Проблематика сборника включает историко-литературные и теоретические аспекты развития восточнославянских и европейских литератур в контексте функционирования мирового литературного процесса, а также синхронические и диахронические параметры существования восточнославянских и европейских языков. Сборник посвящён исследованию актуальных проблем филологии и предназначен для научных работников, специалистов-филологов, аспирантов, студентов-филологов, преподавателей литературы и языков в школе.

Научные направления издания:

10 Филологические науки

10.01 Литературоведение

10.02 Языкознание

13.00.02 Теория и методика обучения и воспитания

Рабочие языки сборника – русский, украинский, белорусский, польский, английский, французский, немецкий, испанский.

Главный редактор сборника – д. филол. н., проф. Кочетова Светлана Александровна.

Учредитель: Образовательная организация высшего профессионального образования «Горловский институт иностранных языков» Министерства образования и науки Донецкой Народной Республики.

Издание основано в 2002 году.

Периодичность издания – 4 раза в год: два раза в год выпуск каждой серии (выпуски формируются до 1 мая и до 1 октября).

Международный стандартный номер сериального издания: ISSN 1992-9196.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ДНР № 316 от 11.08.15.

Включён в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ): лицензионный договор № 231-04/2016 от 19.04.2016 г.

Адрес страницы в сети Интернет, где размещена бесплатная полнотекстовая версия научного издания: <http://gifl1949.ru/otdel-nauchnoj-raboty/nauchnye-izdaniya/sborniki>

Электронная почта редакции научного издания:

GIFL1949ESPh@yandex.ru

Юридический адрес ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков»: ДНР, г.Горловка, ул.Рудакова, д.25.

Редакция будет благодарна тем, кто придерживается следующих правил оформления статей:

§ объём – 6-12 страниц через 1,5 интервал (формат А4);

§ Шрифт Times New Roman, кегль 14;

§ абзац – 1,25 см.; все поля – 2 см (страницы не нумеруются);

§ сноски оформляются: [4, с. 124], где первая цифра – номер источника из списка используемой литературы, составленного по алфавиту, а вторая – номер страницы; автоматические сноски не допускаются; после текста статьи подаются аннотации на русском и английском языках (до 500 знаков) с названием статьи и ключевыми словами;

§ примеры подаются курсивом;

§ текст печатается без переносов.

Материалы, оформленные без учёта требований, не принимаются.

В редколлегию подаются: 1) по электронной почте высылается текст статьи с аннотациями, данными об авторе на русском и английском языках (ФИО, место работы, должность, учёные степень, звание, контактная информация: e-mail), сохранёнными в RTF; 2) для тех, кто не имеет учёной степени, необходима отсканированная рецензия научного руководителя или консультанта.

Редакционная коллегия сборника осуществляет рецензирование научных работ. На основании выводов рецензентов редакция вправе принять к опубликованию, направить на доработку или отклонить присланные авторами материалы.

ОБРАЗЕЦ ОФОРМЛЕНИЯ ТЕКСТА:

*А.Р. Сидорова
(Донецк)*

УДК 811. 161. 1.

**РЕЧЕВОЙ ЖАНР КАК ОБЪЕКТ
ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ**

Текст статьи [1, с. 418].

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет / М.М. Бахтин. – М.: Худож. лит., 1975. – 504 с.
2. Шмелева Т.В. Модель речевого жанра / Т.В. Шмелёва // Жанры речи. – Саратов: Колледж, 1997. - С. 91-92.

АННОТАЦИЯ

Автор. Название статьи (на русском языке)

Текст аннотации на русском языке (до 500 печатных знаков)

Ключевые слова:

SUMMARY

Автор. Название статьи (на английском языке)

Текст аннотации на английском языке (до 500 печатных знаков)

Key words:

СОДЕРЖАНИЕ

<i>С.Г. Воркачев</i> ЯЗЫК И МЕНТАЛЬНОСТЬ: ИВАН-ДУРАК КАК ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ ГЕРОЙ	3
<i>И.А. Герасименко</i> КОГНИТИВНАЯ ПАРАМЕТРИЗАЦИЯ ДИСКУРСИВНЫХ ПРАКТИК (НА МАТЕРИАЛЕ СЕГМЕНТОВ ЭПИСТОЛЯРИЯ А. ЧЕХОВА)	13
<i>И.И. Дяговец</i> О ЯЗЫКЕ ПРОТОСЛАВЯНСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ ДОИСТОРИЧЕСКОЙ ЭПОХИ (ПАЛЕОГРАФИЧЕСКИЙ ОПЫТ)	20
<i>В.М. Калинин</i> НЕИСПРАВИМОЕ ЗВУКОЛЮБИЕ «КАМЕНОТЁСА», ИЛИ ЗВУКИ И СМЫСЛЫ ПОЭТИКИ ОНИМОВ У О. МАНДЕЛЬШТАМА	24
<i>Л.Н. Синельникова</i> АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОСТИ	37
<i>В.И. Теркулов</i> АББРЕВИАЦИОННЫЕ «МЕЛОЧИ» 2	46
<i>О.В. Блюмина</i> СТРУКТУРА ОНОМАСИОЛОГИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ УНИВЕРБАЛИЗАЦИОННЫХ КОМПОЗИТОВ–ОБОЗНАЧЕНИЙ ДЕЙСТВИЙ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ	51
<i>Л.М. Бражник</i> ЧАСТЕРЕЧНАЯ ТРАНСПОЗИЦИЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ	59
<i>Н.В. Волкова</i> ОСНОВНЫЕ ФАКТОРЫ, СПОСОБСТВУЮЩИЕ РЕАЛИЗАЦИИ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ СУБСТАНТИВОВ В АМЕРИКАНСКОМ ВАРИАНТЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА	65
<i>С.П. Волосевич</i> ПРЕОБРАЗОВАННЫЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ КАК СРЕДСТВО СОЗДАНИЯ СВЯЗНОСТИ ТЕКСТА	71
<i>Е.А. Воркачева</i> СЕМАНТИКА ЖЕЛАНИЯ И РЕЧЕВОЕ УПОТРЕБЛЕНИЕ ГЛАГОЛА <i>TO WISH</i>	80
<i>В.А. Вострецова</i> ОБУЧЕНИЕ СТУДЕНТОВ-ПЕРЕВОДЧИКОВ ПЕРЕДАЧЕ КАЛАМБУРОВ ПРИ ПЕРЕВОДЕ ФИЛЬМОВ	90
<i>А.Г. Дринко</i> СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПОБУДИТЕЛЬНЫХ КОНСТРУКЦИЙ В РЕЧЕВОМ АКТЕ «СОВЕТ» В АНГЛИЙСКОМ И УКРАИНСКОМ ЯЗЫКАХ	96

<i>Н.А. Жихарева</i> К ВОПРОСУ О СОЦИАЛЬНОЙ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ ПО ВОЗРАСТНОМУ КРИТЕРИЮ (НА МАТЕРИАЛЕ АМЕРИКАНСКОГО ВАРИАНТА АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)	106
<i>Н.А. Жихарева, К.А. Кочетова</i> ФУНКЦИОНАЛЬНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ СОВРЕМЕННОЙ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ПОЭЗИИ	112
<i>Н.А. Иванова</i> СТРАТЕГИЯ И ТАКТИКА ПЕРЕДАЧИ СТИЛИСТИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ ОРИГИНАЛА В ПЕРЕВОДЕ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛОЯЗЫЧНОГО КАЛАМБУРА)	121
<i>Н.И. Иванова</i> К ВОПРОСУ О СМЫСЛОВОМ ОБЪЕМЕ ОДНОРОДНЫХ ЧЛЕНОВ	129
<i>Н.В. Лешикова</i> ТИПОЛОГІЙНІ ВІЯВИ СТРУКТУРИ КОМПЛЕКСНОЇ ТЕМИ	139
<i>Т.Ю. Михалёва</i> НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЭМОТИВОВ	147
<i>И.В. Решетарова</i> СТИЛЕВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ	152
<i>И.В. Розова</i> МОРФЕМНЫЕ СРЕДСТВА СОЗДАНИЯ САТИРИЧЕСКОЙ МОДАЛЬНОСТИ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XX СТОЛЕТИЯ)	160
<i>Е.С. Сысоева, К.А. Шостак</i> ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ АНГЛИЙСКИХ АНТРОПОНИМОВ ГЕРМАНСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ	166
<i>В.А. Усачев</i> СОКРАЩЕНИЯ И АББРЕВИАЦИЯ В АНГЛИЙСКИХ ТЕКСТАХ КАК ОДНА ИЗ ОСОБЕННОСТЕЙ РАЗВИТИЯ ЯЗЫКА	173
<i>В.В. Фефелова</i> ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОГО КОНЦЕПТА «ВРЕМЯ» ВО ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ И ЕГО ЭКВИВАЛЕНТЫ В РУССКОМ И УКРАИНСКОМ ЯЗЫКАХ	179
<i>В.А. Филатова</i> ПЕРЕВОДЧЕСКИЙ МЕТАТЕКСТ ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ТИПА В ПЕРЕВОДЕ МЭРИ Ф. ЗИРИН ЗАПИСОК НАДЕЖДЫ ДУРОВОЙ	189
	361

<i>Л.В. Шавлак, Н.И. Буяновская</i> МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РУССКОГО ЯЗЫКА ПРИ ОФОРМЛЕНИИ ВЫСКАЗЫВАНИЯ	195
<i>Л.А. Штакина</i> СОЦИО-КОММУНИКАТИВНЫЕ ПАРАМЕТРЫ И СУПРАСЕГМЕНТНЫЕ МАРКЕРЫ СИНЕРГЕТИКИ «ИНТЕРВЬЮ»	201
<i>А.М. Авксентьева</i> ОСОБЕННОСТИ СИНТАКСИСА СОВРЕМЕННОЙ АНГЛИЙСКОЙ ДЕЛОВОЙ КОРРЕСПОНДЕНЦИИ	210
<i>Е.И. Артамонова</i> ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ФРАНЦУЗСКОЙ ПЕСНИ ПРИ ФОРМИРОВАНИИ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ	215
<i>О.В. Арцебашева</i> ИССЛЕДОВАНИЯ ФОРМ И КАТЕГОРИЙ УКРАИНСКОГО ГЛАГОЛА В ЯЗЫКОЗНАНИИ НАЧАЛА XX в.	220
<i>О.И. Баранова</i> ОСОБЛИВОСТІ ВИКОРИСТАННЯ ТРАНСКРИПЦІЇ У СУЧАСНИХ ВИМОВНИХ СЛОВНИКАХ	226
<i>О.Ф. Богоява</i> ПОНИМАНИЕ И ЕГО ОБРАЗ В ОБЛАСТИ КОММУНИКАЦИИ. ПОНЯТИЕ ОБРАЗА	232
<i>Н.Ю. Бондаренко</i> СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ЛЕКСИЧЕСКИХ ИННОВАЦИЙ СФЕРЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ И НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИХ ПЕРЕВОДА	242
<i>Ю.Л. Дмитриева</i> КРАТКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОГО ПОНЯТИЯ «КАРТИНА МИРА»	248
<i>Л.А. Жиденко</i> ВЛИЯНИЕ ПРОЦЕССОВ ГЛОБАЛИЗАЦИИ НА ЭВОЛЮЦИЮ РУССКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ	254
<i>Ю.Ю. Жуков</i> СОДЕРЖАНИЕ КОНЦЕПТА 'ЗАКОН' И ЕГО ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ В ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ	261
<i>Л.И. Колесникова</i> СПОСОБЫ ОБРАЗОВАНИЯ ЭВФЕМИЗМОВ В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ	266
<i>И.Г. Коловерова</i> СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА МОЛОДЕЖНОГО ЯЗЫКА 80-х И СОВРЕМЕННОГО МОЛОДЕЖНОГО ЯЗЫКА ИСПАНИИ	273

<i>З.М. Колода</i> ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ УЧИТЕЛЯ-СЛОВЕСНИКА – ОСНОВА ВНЕДРЕНИЯ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ ИННОВАЦИЙ	279
<i>С.Н. Лежнев</i> АНГЛОЯЗЫЧНЫЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ СФЕРЫ ОБРАЗОВАНИЯ	288
<i>Н.П. Матулевская</i> К ПРОБЛЕМЕ ВНЕДРЕНИЯ ИННОВАЦИОННОЙ ПРОЕКТНОЙ ТЕХНОЛОГИИ В ПРЕПОДАВАНИЯ ДИСЦИПЛИН «РУССКИЙ ЯЗЫК И КУЛЬТУРА РЕЧИ» И «РУССКИЙ ЯЗЫК КАК ИНОСТРАННЫЙ»	294
<i>Е.В. Минина</i> ОСОБЕННОСТИ АНТРОПОЭТОНИМИКОНА РОМАНА КЕНА ФОЛЛЕТА «ПАДЕНИЕ ГИГАНТОВ»	300
<i>А.Н. Парфёнова</i> ВОСПИТАНИЕ ИНТЕРЕСА К РУССКОМУ ЯЗЫКУ В 8 КЛАССЕ КАК ОДНА ИЗ ЦЕЛЕЙ ИЗУЧЕНИЯ ПРЕДМЕТА В ШКОЛЬНОМ КУРСЕ	306
<i>Л.Е. Солопова</i> К ВОПРОСУ О ЯЗЫКОВОМ ПЕРЕКЛЮЧЕНИИ ПРИ УСТНОМ ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОМ ПЕРЕВОДЕ	313
<i>О.В. Сырова</i> ПРИЧИНЫ КОМПРЕССИИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ	320
<i>А.В. Филатова</i> ГЕНДЕРНОЕ РАЗДЕЛЕНИЕ НАИМЕНОВАНИЙ ПРОФЕССИЙ В РУССКОМ, АНГЛИЙСКОМ, ФРАНЦУЗСКОМ И НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКАХ	324
<i>Л.С. Шевандина</i> СИНТАКСИЧНІ ЗАСОБИ ВИРАЖЕННЯ ЕМОЦІЙ В НІМЕЦЬКОМУ РОЗМОВНОМУ МОВЛЕННІ	329
<i>М.В. Яковенко</i> МЕЖВИДОВАЯ ТРАНСОНИМИЗАЦИЯ С УЧАСТИЕМ КОННОТАТИВНЫХ ОНИМОВ	335
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	345
INFORMATION ABOUT THE AUTHORS	350
ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЕЙ В СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ	355
ОБРАЗЕЦ ОФОРМЛЕНИЯ ТЕКСТА	357

Научное издание

**ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКАЯ
ФИЛОЛОГИЯ**

Сборник научных трудов

Выпуск второй (двадцать восьмой)
Языкознание

Ответственный редактор С.А. Кочетова
Технический редактор А.М. Калашников
Компьютерная верстка и макетирование
Е.С. Шалыгиной
Корректоры: Н.А. Жихарева,
О.Т. Захарова

За содержание и достоверность фактов, цитат, имен собственных
и других сведений ответственность несут авторы

Подписано к печати 30.06.2016.
Формат 60х84/16. Бумага 80 г/м².
Усл. печ. л. – 19,94. Уч.-изд. л. – 22,75.
Усл.-изд. л. – 21,15.
Тираж 300 экз. Зак. № 10.

Издательство ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков»
Свидетельство о государственной регистрации субъекта
издательского дела
ДК № 1342 от 29.04.2003 г.
84626, г. Горловка, ул. Рудакова, 25